АРСЕНІЙ МАЦѢЕВИЧЪ,

МИТРОПОЛИТЪ

РОСТОВСКІЙ и ЯРОСЛАВСКІЙ.

Священника

М. Т. Попова.

СЪ ЧЕТЫРЬМЯ РИСУНКАМИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Сунодальная Типографія.
1905.

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. С.-Петербургъ, 27 сентября 1905 г.

Цензоръ, Соборный іеромонахъ *Александръ*.

ВВЕДЕНІЕ.

Въ основу жизнеописанія митрополита ростовскаго Арсенія Мацѣевича, безъ сомнѣнія, должно быть положено громкое «дѣло» его. Свѣдѣнія объ этомъ «дѣлѣ», разсѣянныя по архивамъ разныхъ вѣдомствъ, были тщательно скрываемы тамъ въ продолженіе долгаго времени.

Въ архивѣ св. синода находится первое слѣдственное дѣло объ Арсеніи 1763 года (за № 119), по поводу протеста его противъ отобранія церковныхъ имѣній; тамъ же находятся дѣла учрежденной въ 1762 г. коммиссіи о духовныхъ имѣніяхъ, въ которой рѣшалась судьба церковныхъ имуществъ, никѣмъ послѣ Арсенія не защищаемыхъ.

Въ архивѣ архангелогородской губернской канцеляріи есть «дѣло о монахѣ Батоговѣ и прочихъ», которымъ начинается второе слѣдственное дѣло объ Арсеніи Мацѣевичѣ.

Въ Государственномъ архивѣ при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ «дѣло о разстригѣ Арсеніи, іеродіаконѣ Іоасафѣ и прочихъ» (1767—1772 г.) является продолженіемъ предыдущаго «дѣла». Значительная часть его издана *И. Морошкинымъ* въ «Русской Старинѣ» за 1885 г. Въ Государственномъ же архивѣ находятся нѣсколько дѣлъ, касающихся дѣятельно-

сти Арсенія Мацѣевича, названія которыхъ указаны И. Морошкинымъ въ «Обзорѣ литературы объ Арсеніи Мацѣевичѣ» («Библіографъ», 1886 г. Спб., стр. 25).

Въ архивѣ Александроневской лавры—нѣкоторыя дѣла, указанныя въ этой книгѣ, знакомятъ съ состояніемъ церковнаго вотчиннаго хозяйства въ тревожные для духовенства годы дѣятельности коммиссіи о духовныхъ имѣніяхъ.

При настоящемъ изложеніи архивныхъ данныхъ объ Арсеніи Мацѣевичѣ приняты мною въ обязательное руководство ученые труды, касающіеся личности его и защищаемыхъ имъ церковныхъ имѣній.—Наибольшее трудолюбивое вниманіе къ памяти Арсенія Мацѣевича проявилъ *Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ* († въ началѣ XIX вѣка), который настойчиво собиралъ свѣдѣнія о немъ и предусмотрительно указывалъ источникъ ихъ.

Такою же безукоризненною добросовѣстностію отличается и «Краткое извѣстіе о жизни преосвященнаго Арсенія», приписываемое митрополиту *Евгенію Болховитинову* («Зритель» 1862 г., 733—738 стр.).—Затѣмъ, очеркъ *И. А. Чистовича*, подъ заглавіемъ «Арсеній Мацѣевичъ» («День» 1862 г.), заслуживаетъ, въ сравненіи съ другими изслѣдованіями, предпочтительнаго, но осторожнаго вниманія, потому что въ немъ дано столь своеобразное освѣщеніе дѣлу Арсенія, что вызвало дружный отпоръ въ духовной и свѣтской литературѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ возбудило общій интересъ къ личности Мацѣевича, выразившійся въ изданіи документовъ, касающихся дѣятельности его (разборъ ихъ въ указанной статьѣ Морошкина, «Библіографъ» за 1886 г.), и въ составленіи біографій его.

Въ числѣ издававшихся въ 60-хъ годахъ документовъ стала тогда извѣстною «Рѣчь императрицы Екатерины II, говоренная ею синоду по случаю отчужденія церковныхъ имуществъ въ Россіи». Она напечатана въ «Чтеніяхъ Общества Ист. и Др. Россійскихъ» за 1862 г., безъ указаній ея происхожденія. Быть можетъ, это умолчаніе было причиною возникшихъ сомнѣній въ ея подлинности, такъ какъ внутренніе признаки «Рѣчи» не даютъ права на такія сомнѣнія. Между тѣмъ, она появилась въ печати не въ первый разъ: въ 1806 году она помѣщена въ числѣ «Подлинныхъ анекдотовъ Екатерины II, Премудрой, Матери Отечества» (Москва). Заглавіе послѣдней книги, подборъ матеріала и тонъ ея напоминаютъ тѣ книги объ императрицѣ Екатеринѣ II, которыя появлялись въ XVIII столѣтіи за границею и состояли въ восхваленіи ея. Особенно замѣтна связь ея съ «Eloge historique de Catherine, imperatrice de Russie par Languines, Londres (1776 г.), гдѣ въ числѣ другихъ дѣлъ Екатерины II восхваляется и секуляризація земельныхъ церковныхъ имѣній; здѣсь приведена и «Рѣчь Екатерины II» на французскомъ языкѣ въ болѣе полномъ видѣ и живомъ изложеніи. Но появленіе «Рѣчи» въ иностранной печати было гораздо ранѣе. Еще въ 1773 году въ Венеціи издана такая же книга «Elogio di Catharina Secunda»... scripta do celebre Auctore Francesse, какъ говоритъ ея авторъ (*В. А. Бильбасовъ,* — «Исторія императрицы Екатерины II», XII т., 175 стр.). Такимъ образомъ, происхожденіе «Рѣчи» восходитъ почти къ тому самому времени, когда она могла быть произнесена.

Изъ появившихся въ печати научныхъ трудовъ объ Арсеніи Мацѣевичѣ одни лишаютъ его мѣста въ исторіи, объясняя дѣло его, какъ продуктъ его личныхъ убѣ-

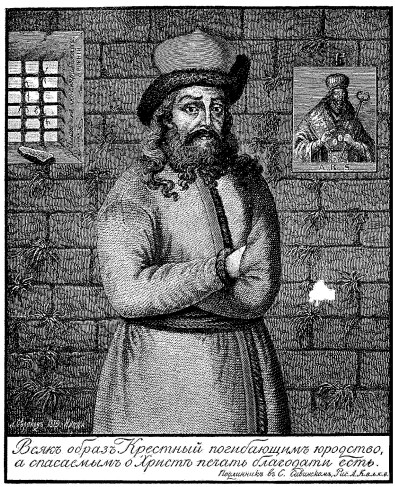
жденій (*С. М. Соловьевъ*, «Исторія Россіи», V кн.); другіе, напротивъ, находятъ мысль о секуляризаціи случайно возникшею въ XVIII в., а Мацѣевича—защитникомъ вѣковыхъ народныхъ воззрѣній (*Н. И. Барсовъ*,—«Арсеній Мацѣевичъ»,—въ «Русской Старинѣ» 1876 г. XV т., 727 стр.). Изслѣдованіе проф. *В. Иконникова* «Арсеній Мацѣевичъ» («Русская Старина» XXV т.) въ общемъ неблагопріятно для памяти Арсенія Мацѣевича, котораго авторъ выставляетъ защитникомъ крѣпостничества, тогда какъ *В. А. Бильбасовъ* посвящаетъ Мацѣевичу слѣдующія строки: «легко убѣдиться, что среди лицъ, толпившихся у трона Екатерины, были холопы, способные поддакивать каждому слову, но не было людей, знающихъ дѣло, не было дѣятелей, обладающихъ государственнымъ умомъ... Екатерина увидѣла изъ дѣла Мацѣевича, что съ духовенствомъ можно и не церемониться... Къ чести русскаго духовенства былъ достойный пастырь (Арсеній Мацѣевичъ). Онъ былъ фанатикъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Въ доношеніи своемъ Арсеній съ прямотою, дѣлающею ему честь, и съ достоинствомъ архипастыря высказываетъ свой взглядъ на секуляризацію» («Исторія Екатерины II». Штура, II т., 255, 227, 231 стр.).

Личность Арсенія Мацѣевича освѣщается, кромѣ того, учеными изслѣдованіями о церковныхъ недвижимыхъ имуществахъ въ Россіи. Проф. прот. *М. И. Горчаковъ* («Монастырскій Приказъ» и «О земельныхъ владѣніяхъ всероссійскихъ митрополитовъ, патріарховъ и св. синода») отмѣчаетъ, что «св. синодъ старался удержать» за собой церковныя вотчины, и находитъ, что ему (св. синоду) «лучше было сложить съ себя заботы и непріятности» по владѣнію и управленію ими («О зем. влад.» 556 стр.). Такую мысль о выгодѣ для синода

сложить съ себя заботу объ управленіи церковными имѣніями съ неосторожною послѣдовательностію провелъ *А. А. Завьяловъ* въ своемъ «Вопросѣ о церковныхъ имѣніяхъ въ царствованіе императрицы Екатерины II» (Спб. 1900 г. «Рецензія» проф. М. И. Горчакова на сочиненіе А. А. Завьялова. Спб. 1904 г.). Освѣщенію дѣла Арсенія Мацѣевича помогаютъ цѣнные труды *Милютина* («О недвижимыхъ имуществахъ духовенства въ Россіи» въ «Чтеніяхъ О. И. и Др. Р.», 1859—1861 г.г.), проф. *Павлова* («Историческій очеркъ секуляризаціи церковныхъ земель въ Россіи»), *В. И. Семевскаго* («Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II», т. II), *Ростиславова* («Опытъ изслѣдованія объ имуществахъ и доходахъ нашихъ монастырей») и другіе, указанные въ книгѣ. Изъ характера біографическихъ трудовъ объ Арсеніи Мацѣевичѣ видно, что главнымъ вигателемъ научнаго интереса къ личности и дѣлу Арсенія Мацѣевича служитъ интересъ чисто жизненный, нѣдрящійся въ благоговѣйной памяти къ нему среди русскаго народа.

Выборомъ предмета своихъ занятій я всецѣло обязанъ профессору С.-Петербургской Духовной Академіи, Платону Николаевичу Жуковичу, указавшему мнѣ на личность Арсенія Мацѣевича, какъ на такую, которую нельзя игнорировать при уясненіи понятій XVIII вѣка о церковныхъ имѣніяхъ и оцѣнкѣ секуляризаціи ихъ. Много помогли мнѣ въ моихъ занятіяхъ господа завѣдывающіе вышеозначенными архивами, предоставлявшіе мнѣ матеріалъ и удобства для занятій.

Поповъ.



Арсеній Мацѣевичъ въ ссылкѣ, 1763—1772 г.

Часть I.

Духовенство временъ императрицы Елизаветы Петровны.

Глава I.

Происхожденіе и быстрое возвышеніе по службѣ Арсенія Мацѣевича.

Арсеній Мацѣевичъ въ продолженіе своей жизни и дѣятельности носилъ три имени: при рожденіи его назвали Александромъ; извѣстнымъ онъ сталъ и въ духовномъ, и въ свѣтскомъ ѣ, какъ въ Россіи, такъ и внѣ ея, подъ монашескимъ именемъ Арсенія; умеръ же онъ подъ именемъ растриги Андрея Враля.

Отзывы потомства о немъ, при всемъ ихъ разнообразіи, можно свести также къ тремъ категоріямъ.

Одни не придаютъ никакого значенія дѣлу Арсенія Мацѣевича.

У другихъ онъ представляется, какъ противникъ духовнаго регламента, защищающій выгоды привилегированнаго сословія [1]) и самообольщенный своею властью [2]),—поборникомъ церковнаго самосуда [3]), политическимъ преступникомъ и святошею [4]), запоздалымъ защитникомъ церков-

---

[1]) *П. П. Пекарскій,* — Энциклопедическій Словарь, Спб. 1862 г., V т.

[2]) Проф. *В. Иконниковъ,*—«Русская Старина», 1879 г., «А. Мацѣевичъ».

[3]) *Г. Мстиславскій,*—«А. Мацѣевичъ» въ «Современной Лѣтописи» 1862 г., № 32, 26 и 27 стр.

[4]) Протоіер. *Алексѣевъ,*—«Русскій Архивъ», 1863 г., 101 стр.

ныхъ правъ [1]), фанатикомъ и изувѣромъ [2]),—вообще,—человѣкомъ, не понимавшимъ вѣяній времени.

Наконецъ, есть мнѣнія—совершенно противоположныя упомянутымъ: Арсенія Мацѣевича называютъ энергичнымъ архіереемъ, оставившимъ по себѣ такую же почти память, какъ патріархъ Никонъ [3]), вождемъ старорусской партіи, стоявшей за сохраненіе прежняго государственнаго строя и шедшей противъ модныхъ идей XVIII вѣка [4]), замѣчательнымъ по уму и ревности [5]); самые жестокіе поступки Арсенія съ подчиненными оправдываютъ нравами вѣка [6]); готовы признать у этого святителя даръ прозрѣнія [7]) или, по крайней мѣрѣ, стойкость и доблесть, достойную подражанія [8]).

Арсеній Мацѣевичъ происходилъ изъ польской шляхты [9]) и былъ сынъ православнаго священника во

---

[1]) † *С. М. Соловьевъ*,—«Исторія Россіи», V кн., 1444 стр.

[2]) † Проф. *И. А. Чистовичъ*, — «Арсеній Мацѣевичъ» («День», 1862 г., № 15. Литература, касающаяся личности А. Мацѣевича, указана † *И. Я. Морошкинымъ* въ «Библіографѣ». Спб. 1886 г.

[3]) Проф. *В. Знаменскій*, — «Чтенія изъ исторіи русской церкви за время царствованія Екатерины II», въ «Православн. Собесѣдн.», 1875 г.

[4]) † Проф. *Н. И. Барсовъ*, — «Арсеній Мацѣевичъ», въ «Русской Старинѣ» 1876 г., XV т.

[5]) *Г. Н. К.*, — въ «Ярославскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ», 1864 г.; и *И. Снегиревъ*,—«А. Мацѣевичъ», въ «Русскихъ Достопамятностяхъ», вып. IV, Москва 1862 г.

[6]) Графъ *М. Толстой*,—«А. Мацѣевичъ» въ «Чтеніяхъ И. Общества Ист. и Древностей Россійскихъ», 1862 г., II кн., 1—44 стр. Смѣсь.

[7]) «О преставленіи пр. Арсенія», рукопись И. Публ. Библ. Q. I, № 279.

[8]) † *Ив. Влад. Лопухинъ* («Чт. въ И. Общ. Ист. и Древн. Россійск.», 1860 г., 53—54 стр.).

[9]) Біографическія свѣдѣнія объ А. Мацѣевичѣ находятся въ «Краткомъ извѣстіи о жизни А. Мацѣевича», которое приписывается митрополиту *Евгенію Болховитинову* («Зритель» 1862 г. 733—738 стр.). Въ близкомъ отношеніи къ этому «Извѣстію» стоятъ два «Списка»: 1) «Списокъ о бывшемъ ростовскомъ митрополитѣ Арсеніи съ найденнаго нечаянно листа» («Чтенія О. Ист. и Древн. Россійск., 1862 г. II кн., 10—14 стр.), представляющій копію съ «Краткаго извѣстія», но съ небрежными ошибками и пропусками (напримѣръ, вмѣсто «заимствовано изъ архивскихъ записокъ», написано: «заимствовано изъ архангельскихъ записокъ св. синода» и т. д.). 2) «Списокъ о бывшемъ митроп. ростовскомъ Арсеніи» (тамъ же, т. III кн., 132—143 стр.)—болѣе полная, хотя и несовершенная, копія съ того же «Краткаго извѣстія». Самъ Арсеній указываетъ на дѣда своего «поляка Василія». («Арсеній Мацѣевичъ въ ссылкѣ» въ «Русск. Старинѣ», за 1885 г., XLV т., 625 стр.). Фамилія его произносилась

Владимірѣ Волынскомъ. Образованіе свое онъ получилъ въ академіяхъ: владимірской, варенжской, львовской и кіевской. Пробывши въ кіевской академіи не болѣе одного года, онъ въ 1716 г., будучи еще 19 лѣтъ [1]), принимаетъ монашество и получаетъ должность проповѣдника и учителя латинскаго языка въ новгородъ-сѣверскомъ Спасскомъ монастырѣ.

Два или три года, проведенные здѣсь Арсеніемъ, были самымъ лучшимъ временемъ его жизни. Онъ всегда мечталъ о спокойной жизни здѣсь [2]); въ это время онъ сблизился съ архіепископомъ Антоніемъ Стаховскимъ, другомъ митрополита Стефана Яворскаго.

Но въ 1718 году онъ вновь поступилъ въ кіевскую академію «для слушанія философіи и богословія» и здѣсь, въ 1723 году, принялъ санъ іеромонаха. Онъ окончилъ слушаніе академическихъ наукъ въ 1726 году и жилъ при архіепископѣ Варлаамѣ Вонатовичѣ, въ качествѣ проповѣдника, а затѣмъ — въ Кіево-Печерской лаврѣ. Въ октябрѣ 1729 года, онъ чрезъ г. Черниговъ ѣдетъ въ Сибирь, по вызову сибирскаго митрополита Антонія Стаховскаго для проповѣдыванія слова Божія. Когда онъ проѣзжалъ Москву, то въ то время, по случаю пребыванія тамъ двора (1730 г.), былъ и весь составъ св. синода, и Арсеній былъ представленъ членамъ св. синода. Въ Тобольскѣ Арсеній прожилъ два года. Знакомство съ жизнію Сибири и порядками ея впослѣдствіи пригодилось ему. Обратно въ Черниговъ онъ ѣдетъ старымъ сибирскимъ путемъ чрезъ Великій Устюгъ. Съ весенней навигаціей, когда массы богомольцевъ направлялись въ Соловецкій монастырь, ѣдетъ туда и Арсе-

---

иногда «Маскѣевичъ» и «Маціевичъ» («Русскія Достопамятности», вып. IV, и «Матер. ист. академіи наукъ» IV т., 217 стр.).

[1]) Въ 1738 году въ своей автобіографіи Арсеній сообщалъ: «а отъ роду ему 42-й годъ» («XVIII вѣкъ», *Бартенева* II т., 261—265 стр. и «Ярославск. Еп. Вѣд.» 1869 г. № 17).

[2]) Арсеній дважды въ 1745 и 1763 году, просился у св. синода на покой, именно, въ этотъ монастырь. Во время пребыванія здѣсь Арсенія, архіепископъ Антоній Стаховскій принималъ мѣры къ отпечатанію въ своей типографіи «Камня Вѣры»; Арсеній былъ особеннымъ почитателемъ и защитникомъ этой книги. Въ 1721 году Антоній сталъ митрополитомъ тобольскимъ. (Опис. докум. и дѣлъ св. синода, I т., стр. 123).

ній. Въ Соловецкомъ монастырѣ находился тогда игуменъ Мошенскаго монастыря Іоасафъ, сосланный туда за то, что не только самъ перешелъ изъ православія въ расколъ, но увлекъ за собою въ расколъ и весь Мошенскій монастырь. Арсеній принялъ на себя попытку снова обратить раскольника въ православіе. Приносилъ Іоасафу книги для вразумленія, напримѣръ, «Просвѣтитель» Іосифа Волоцкаго, самъ лично состязался съ нимъ въ словопреніи и написалъ даже «Увѣщаніе» [1]) ему.

Въ «Увѣщаніи» обличается главное заблужденіе раскольниковъ,—что Церкви Христовой нѣтъ теперь на землѣ. Арсеній доказываетъ, что Церковь основана и должна существовать на землѣ до скончанія вѣка, такъ что не на небо отсылаетъ Христосъ повѣдать о своей обидѣ отъ брата, когда говоритъ: «повѣжь Церкви», а говоритъ, очевидно, о Церкви земной.—Къ себѣ раскольники, дѣйствительно, не могутъ относить слова апостола: «вы есте Церковь Бога жива», потому что не пріемлютъ таинствъ, которыя соединяютъ человѣка со Христомъ. Таинства же они отвергаютъ безъ всякаго основанія, подъ тѣмъ лишь предлогомъ, что при совершеніи ихъ молятся за еретиковъ и совершаются они недостойными. По мнѣнію Арсенія, если такъ разсуждать послѣдовательно, то надо будетъ отвергнуть и Тайную Вечерю и все дѣло Христова искупленія, такъ какъ онѣ совершены только для грѣшныхъ. Въ разъясненіе того, что неизмѣняемая благодать въ таинствахъ стоитъ выше человѣческой грѣховной немощи, Арсеній представляетъ примѣры, какъ благодатная сила проявлялась и чрезъ недостойныхъ: и Валаамъ былъ пророкомъ, и Іуда считался апостоломъ и т. п. Если же есть таинства, то есть среди вѣрующихъ и Церковь, которая совершается таинствами.

Увѣщаніе раскольника, однако, оставалось напраснымъ. Арсенію не удалось обратить Іоасафа къ православію.

---

[1]) «Увѣщаніе бывшему Мошенскаго монастыря игумену Іоасафу, за расколъ въ Соловецкомъ въ заключеніи содержащемуся», находится въ библіотекѣ Соловецкаго монастыря («Чтенія въ И. Общ. Ист. Древн. Россійск.», 1862 г., II кн., 3 стр.). Разборъ «Увѣщанія»—въ статьѣ «Объ А. Мацѣевичѣ, какъ обличителѣ раскола» («Православный Собесѣдникъ», 1861 г., III т., 349—393 стр.); издано тамъ же (стр. 182 и далѣе).

Въ 1734 году была снаряжена морская экспедиція по рѣкѣ Оби для открытія морского пути въ Камчатку. Въ составъ экспедиціи требовался способный іеромонахъ. Архангельскій архіепископъ, Германъ Купцевичъ, указалъ на Арсенія. Арсеній согласился и совершилъ четыре сѣверныя экспедиціи. Его путешествія были прерываемы по случаю одного слѣдственнаго дѣла, въ которое были замѣшаны участвовавшіе въ экспедиціи: лейтенантъ Муравьевъ, Павловъ и команда. Ихъ всѣхъ привезли изъ Пустозерскаго острога въ адмиралтейскую коллегію [1]). За Арсеніемъ никакой вины не нашли и позволили снова вернуться въ Пустозерскій острогъ.

Послѣ четвертой экспедиціи Арсеній сталъ проситься въ Петербургъ, такъ какъ у него появилась цинготная болѣзнь. Флотская служба оставлена Арсеніемъ въ 1737 году (25 января) и ему указано жить при вологодскомъ епископѣ Амвросіи Юшкевичѣ, членѣ святѣйшаго синода, въ качествѣ экзаменатора ставленниковъ [2]).

Въ 1738 году открылась вакансія законоучителя въ сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ. Тамъ учились дѣти знатныхъ фамилій, поэтому и выборъ наставниковъ былъ осторожный. Предположено было назначить туда Арсенія, но раньше назначенія сдѣлана была справка о его службѣ.

---

[1]) Дѣло Муравьева и Павлова окончилось только со смертію императрицы Анны Іоанновны

[2]) *Протоіерей Дiевъ* сообщаетъ о письмѣ «новѣйшаго изслѣдователя отечественныхъ древностей» отъ 1857 г.; тамъ, будто бы, написано: «недавно я узналъ акты, относящіеся къ жизни Арсенія Мацѣевича,—дѣло о ярославскомъ игуменѣ Трифонѣ, котораго Арсеній, бывшій въ Москвѣ инквизиторомъ, запыталъ до смерти, а игуменъ былъ 85 лѣтъ» («Чт.» 1862 г., II кн., 3 стр.). Инквизиторская должность была отвѣтственная и требовала особенной бдительности. Инквизиторъ наблюдалъ за исполненіемъ законовъ и правительственныхъ распоряженій, а также слѣдилъ за интересами казны. Ему давалось знать о всякомъ новомъ законѣ. Онъ принималъ доносы, вчиналъ дѣла о нарушеніи законности и производилъ дознанія. Должность инквизитора ввѣрялась знатоку законовъ, дѣловому человѣку, заслуживающему довѣріе († проф. *Т. В. Барсовъ*,—«Синодальныя Учрежденія стараго времени». Спб., 1897 г.). Первые административные шаги Арсенія, дѣйствительно, обнаруживаютъ въ немъ знатока новѣйшихъ законовъ, такъ что есть основаніе предполагать, что онъ былъ инквизиторомъ на малое время. Обычными выраженіями его донесеній и промеморій были: «и то учинено въ противность духовному регламенту», или «съ указомъ Петра В. не сходно» и т. п.

О немъ было сообщаемо тогда такъ: «въ подозрѣніи никакомъ никогда не бывалъ и нынѣ за собой подозрѣнія не имѣетъ». Однако, отмѣтили жестокій характеръ у него, именно,—будучи экзаменаторомъ ставленниковъ при петербургскомъ духовномъ правленіи, онъ запыталъ до смерти игумена Трифона. Говорятъ, что за это, по жалобѣ ярославскаго (ростовскаго) архіерея на Арсенія, сдѣланъ былъ ему одинъ лишь выговоръ: «впредь пытать бережно».

Будучи законоучителемъ, Арсеній получалъ важныя порученія отъ святѣйшаго синода.

Въ это время (1738 г.) возникло громкое дѣло дворянина Возницына.

Возницына обвинили въ томъ, что, уѣхавши за границу, въ Слуцкѣ онъ принялъ обрѣзаніе и сдѣлался жидомъ. Жена его доносила самой государынѣ, Аннѣ Іоанновнѣ, что мужъ ея соблюдалъ еврейскіе праздники, а надъ св. таинствами христіанскими надругался. На слѣдствіи Возницынъ не сознался въ своемъ переходѣ въ іудейство. На очной ставкѣ съ жидомъ и на медицинскомъ освидѣтельствованіи его, однако, уличили въ запирательствѣ. Поэтому, его посадили въ покаянную и Арсенію Мацѣевичу поручили увѣщавать его, чтобы онъ повинился и раскаялся. Но Возницынъ и слышать не хотѣлъ увѣщаній, утверждалъ, что никогда жидомъ и не былъ и не обрѣзывался. «Я и нынѣ христіанинъ: хочу исповѣдываться и пріобщиться», повторялъ онъ. Его осудили на смерть. Арсеній увѣщавалъ до послѣдняго часа его жизни, но не имѣлъ никакого успѣха. Возницынъ такъ и умеръ, не раскаявшись [1]).

Въ 1739 году Арсенія назначили законоучителемъ гимназіи при академіи наукъ. Въ указѣ святѣйшаго синода въ академію (2 окт.) его рекомендовали, какъ «доброжительнаго», способнаго къ «обученію благочестія и наставленія добрыхъ дѣлъ». Такъ какъ при этомъ указано и время занятій «по полудни по 2 часа», то можно предположить, что у

---

[1]) О дѣлѣ Возницына сообщаетъ самъ Арсеній въ своемъ рапортѣ въ св. синодъ по поводу увольненія ректора ярославской семинаріи, архим. Владиміра Каллиграфа. («Христіанское Чтеніе» 1874 г., 3 книга, 279 стр.; *С. М. Соловьевъ*,—«Ист. Россіи», IV кн., 1519 стр. П. С. З. № 7612).

него были и другія занятія, поручаемыя отъ членовъ синода внѣ этихъ часовъ [1]). Вмѣстѣ съ гимназистами онъ обучалъ и учениковъ адмиралтейскаго вѣдомства.

При академіи наукъ Арсеній находился менѣе года. 20 сентября 1740 года здѣсь читали такой докладъ: «Господинъ экзаменаторъ Арсеній Маціевичъ 20 сентября рапортовалъ о себѣ, что ему для отлученія его отсюда въ Новгородъ чрезъ цѣлые два мѣсяца учениковъ въ гимназіи учить будетъ невозможно, а на оное время, вмѣсто себя представилъ онъ, по позволенію преосвященнаго архіепископа новгородскаго, петропавловскаго собора діакона Степана Савитскаго».

Очевидно, онъ уѣзжалъ въ Новгородъ по распоряженію президента святѣйшаго синода, новгородскаго архіепископа Амвросія Юшкевича и, при томъ, на опредѣленное время. Но въ академію наукъ болѣе уже не возвращался [2]).

Такъ закалялся на служебномъ поприщѣ упорный характеръ Арсенія въ быстрой смѣнѣ должностей, мѣстъ и окружающихъ лицъ.

Глава II.

Митрополитъ Арсеній въ Тобольскѣ.

Въ 1740 году стала свободною каѳедра архіерейская въ Тобольскѣ. Амвросій Юшкевичъ, который въ это время уже былъ президентомъ въ святѣйшемъ синодѣ и носилъ званіе архіепископа новгородскаго, желалъ, чтобы она замѣщена была кѣмъ-либо изъ малороссовъ. Правительницѣ Аннѣ Леопольдовнѣ были имъ представлены для этого двое: чер-

---

[1]) Въ указѣ предписывается выдавать Мацѣевичу жалованье своевременно и въ полномъ количествѣ (150 руб. въ годъ). Для занятій съ учениками въ академіи отвели ему мѣсто, по его желанію («Матеріалы для исторіи имп. академіи наукъ», томъ IV, стр. 217, 235, 310, 481). «Краткое извѣстіе о жизни А. Мацѣевича», а вслѣдъ за нимъ и оба «списка» о жизни его, находящіеся въ «Чт.» 1862 г., кн. II и III, ссылаются на записки *Миллера* объ академіи наукъ, гдѣ онъ значился законоучителемъ.

[2]) Жалованье свое онъ получалъ въ послѣдній разъ за сентябрьскую треть, 50 рублей (тамъ же, 481 стр.).

ниговскій архимандритъ, Тимоѳей Максимовичъ, и іеромонахъ Арсеній Мацѣевичъ. Избранникомъ правительницы оказался Арсеній, вѣроятно, вслѣдствіе особаго ходатайства архіепископа Амвросія. Притомъ, Арсеній заслуживалъ особую благосклонность однимъ своимъ смѣлымъ поступкомъ: онъ незадолго предъ этимъ не принялъ присяги вновь назначенному регенту малолѣтняго императора Іоанна Антоновича, герцогу Бирону, не смотря на высочайшій указъ. Биронъ же теперь находился у правительницы въ опалѣ. Затѣмъ въ Тобольскъ лучше всего было назначить человѣка, знающаго порядки Сибири, а Арсеній жилъ тамъ при митрополитѣ Антоніи Стаховскомъ около двухъ лѣтъ.

Назначеніе Арсенія состоялось 10 марта 1741 года [1]). При самомъ поставленіи въ архіерейскій санъ онъ проявилъ нѣчто необычное: въ своей присягѣ на архіерейство «нѣкоторую приписку учинилъ» [2]). Когда Арсеній рѣшался измѣнять слова присяги, установленной въ духовномъ регламентѣ,—очевидно не чувствовалъ себя одинокимъ. Увѣренный въ своихъ силахъ, онъ, подъ покровительствомъ президента святѣйшаго синода, показалъ себя смѣлымъ борцомъ за значеніе архіерейской власти.

Дороги въ Сибирь тогда были неудобныя,—особенно въ лѣтнее время трудно было ѣхать отъ Соли Камской до Верхотурья черезъ «Камень». Совершая этотъ переѣздъ, Арсеній принужденъ былъ для отдыха остановиться на двѣ недѣли въ Верхотурьѣ. Затѣмъ, въ Верхнеудинскѣ онъ жилъ еще три мѣсяца, такъ какъ здоровье не позволяло ѣхать далѣе. Изъ Тобольска выслали ему лекаря. Лекарства и отдыхъ дали ему силы доѣхать до Тобольска, но съ крайне разстроеннымъ здоровьемъ [3]), такъ какъ на тѣлѣ открывались цинготныя язвы, на головѣ стали выходить волосы. Лекарю

---

[1]) Проф. *И. А. Чистовичъ*,—«Арсеній Мацѣевичъ» («День» 1862 г. № 15, 4 стр.). Лѣтопись ростовскихъ архіереевъ,—примѣчанія *Титова*, 47 стр.; «Исторія Россійск. іерарховъ», т. III.

[2]) Чрезъ 22 года эту приписку поставили Арсенію въ вину (Синодальный Архивъ,—секретное дѣло объ Арсеніи № 119, листъ 152).

[3]) Трудности своего пути въ Сибирь Арсеній описываетъ въ письмѣ своемъ къ имп. Елизаветѣ Петровнѣ (Государств. Архивъ, разрядъ XVIII, № 92).

удалось, однако, справиться съ этою болѣзнію [1]). Съ днемъ пріѣзда митрополита въ Тобольскъ совпало празднество рожденія Елизаветы Петровны,—въ тотъ же день прибылъ въ городъ и курьеръ съ извѣстіемъ о воцареніи ея. Поэтому Арсеній спѣшитъ написать новой государынѣ поздравленіе со вступленіемъ ея на царскій престолъ, сообщаетъ ей о радостномъ совпаденіи событій въ Тобольскѣ, а равно и о вступленіи своемъ «въ престолоправленіе богоспасаемаго града Тобольска» [2]).

Съ перемѣною царствованій не мѣнялись, однако, порядки въ Сибири. Они были таковы, что вынуждали Арсенія сразу вступить въ борьбу съ ними, не смотря ни на свое болѣзненное состояніе, ни на общую радость воцаренія дочери Петра Великаго.

Духовенство въ Сибири почти ничѣмъ не отличалось отъ мірянъ,—ни по образованію своему, ни по жизни. «Русскіе священнослужители, говоритъ de Belcour, въ 60-хъ годахъ XVIII вѣка бывшій въ Тобольскѣ, почти совершенно необразованны, всѣ вообще предаются пьянству и почти не имѣютъ чувства чести» [3]).

---

[1]) Свое болѣзненное состояніе описываетъ онъ Пимену, епископу вологодскому, такъ: «сколько могу извѣстіе имѣть о вашего преосвященства болѣзни, то разсуждаю, что чуть она не сходна будетъ по части съ моею болѣзнію: понеже какъ и я, посвященъ архіереемъ, ѣхалъ въ Сибирь, то язвы на ногахъ совсѣмъ меня было одолѣли, и, казалось, будто бы отъ нихъ и волосы выходили; однако, лекарь въ Сибири призналъ ту болѣзнь быти скорбуточною или цинготною, и излечилъ мнѣ тѣ язвы въ скорости щелокомъ отъ извести, въ которой ставилъ мнѣ ноги нѣсколько разъ, а послѣ щолоку, расправя водою левкасъ на желтой бумагѣ, прикладывалъ къ язвамъ, а послѣ тотъ жѣ левкасъ на такой же бумагѣ съ воскомъ растиралъ и прикладывалъ, и послѣ того уже язвы мнѣ на ногахъ не обновлялись.—Внутреннія точію болѣзни, которую такожъ лекари цинготною быти признаютъ, да морскую, очень вкоренившуюся, не могу пособить, и единою діэтою во мнѣ укрощается. Итакъ, вижу, съ ней мнѣ и быть не токмо по признанію лекарей, но и по моему мнѣнію. Имѣю такожъ пользу отъ ванны муравейной, а нынѣ сталъ употреблять ванны отъ трухи сѣнной, въ которую горсть соли кладется». («Краткое извѣстіе о жизни А. Мацѣевича»,—«Зритель» 1862 г. 734 стр., примѣч. 2; «Списокъ объ А. Мацѣевичѣ»,—«Чт.» 1862 г. III кн., 135 стр., примѣч.).

[2]) Письмо м. Арсенія къ имп. Елизаветѣ Петровнѣ (Госуд. Архивъ, разрядъ VII, № 92).

[3]) Порядки въ Сибири, описываемые въ XVIII вѣкѣ иностранными заѣзжими людьми, такъ дики и маловѣроятны, что могли бы показаться баснями; но разные писатели такъ единодушны въ свидѣтельствѣ объ

У чиновниковъ сибирскихъ вошло въ обыкновеніе брать виновныхъ духовнаго званія подъ арестъ, судить и даже наказывать ихъ.

Повидимому, митрополитъ думалъ сплотить духовенство и возстановить свои архіерейскія судебныя права надъ нимъ. Тобольская духовная канцелярія была переименована имъ въ консисторію [1]). По поводу ареста одного священника губернскою канцеляріею митрополитъ властно предписываетъ свѣтскому начальству: «почтенно требуемъ, дабы соблаговолено было священника Михаила Степанова изъ подъ караулу освободить и прислать нашему архіерейству, а что по слѣдствію объ немъ покажется и буде онъ въ чемъ явится виновенъ, въ томъ... поступлено съ нимъ будетъ и въ нашемъ духовномъ правленіи, какъ святыя правила и указы повелѣваютъ, не отмѣнно». При этомъ случаѣ указано и на непорядки, происходящіе отъ корыстолюбивыхъ сибирскихъ чиновниковъ, какъ они «бѣдное священство гонятъ, турбуютъ и пзневажатъ, куютъ и бьютъ». Неумѣстное вмѣшательство свѣтскихъ властей, по мнѣнію митрополита Арсенія, неблагопріятно отзывалось и на дѣлѣ обращенія инородцевъ: «волостныя церкви пустуютъ, а новокрещеные наставленія лишаются не отъ нашего архіерейскаго какого нерадѣнія, но отъ гоненія неразсудныхъ свѣтскихъ командировъ» [2]).

Такимъ образомъ, митрополитъ Арсеній отстаиваетъ не-

этомъ, что вымышленными ихъ признать нельзя.—Отзывъ объ этихъ писателяхъ даетъ *Бильбасовъ* въ своей «Исторіи императрицы Екатерины II» въ XII томѣ (стр. 217 и др.).

[1]) Консисторіи—духовныя учрежденія, возникшія во времена синодальнаго управленія. Въ П. С. П. и Р. упоминается 1722 года уже консисторія—въ Москвѣ; она управляла синодальною областію (II т., стр. 154, № 508). Повсемѣстно консисторіи возникли только въ 1744 году (*Филаретъ*,—«Ист. Р. Церкви», 1862 г., пер. V, 9 стр.). Такимъ образомъ въ Тобольскѣ консисторія возникаетъ ранѣе, чѣмъ въ другихъ епархіяхъ, благодаря распоряженію митрополита Арсенія.

[2]) «Ярославскія Епарх. Вѣд.» 1868 год., № 4, 3—36 стр. («Къ жизнеописанію А. Мацѣевича,—промеморіи»); «Чт. О. И. Др. Р.» 1864 г. IV кн., 35 стр.—Не въ одной сибирской епархіи были подобныя явленія: св. синодъ еще въ 1721 году, ограждая поповъ и діаконовъ, которыхъ брали часто въ приказъ и держали тамъ подъ карауломъ, поставляетъ сенату на видъ, чтобы впредь этого не было. (Прот. *М. И. Горчаковъ*—«Монаст. приказъ». «СПБ. 1868 г., прилож. 88 стр.).

зависимость суда духовныхъ лицъ, ссылаясь,—какъ онъ говоритъ,—на «гражданскія и духовныя правы».

Не одна только эта промеморія, но и каждая написанная имъ, проникнута кипучимъ негодованіемъ на нарушеніе, въ отношеніи къ духовенству, какъ правъ гражданскихъ,—напримѣръ, указовъ Петра Великаго,—такъ и каноновъ церковныхъ [1]). Однажды сибирская губернская канцелярія притянула къ себѣ на судъ крестьянина архіерейской вотчины и приказчика, обвиняемаго въ грабежѣ. Арсеній властно потребовалъ у нея подсудимыхъ препроводить къ нему, ссылаясь при этомъ на указы 1739 и 1741 года, въ которыхъ запрещалось свѣтскимъ властямъ брать крестьянъ церковныхъ вотчинъ и приказчиковъ [2]).

Защищая людей своего вѣдомства,—крѣпостныхъ, духовныхъ и новокрещеныхъ,—отъ произвола свѣтскихъ начальниковъ и волокиты, митрополитъ обвиняетъ при этомъ воеводъ. Воеводъ, за явную ихъ наклонность къ судебной волокитѣ, онъ называетъ «безсовѣстными», дѣйствія ихъ «злоковарными, неправедными, лихоимственными». Онъ требуетъ отъ святѣйшаго синода, чтобы тотъ поддерживалъ его въ подобныхъ дѣлахъ [3]).

Мало того,—онъ самъ въ этихъ случаяхъ непосредственно обращается къ самой государынѣ. Чрезъ 3—4 недѣли по прибытіи въ Тобольскъ онъ сообщаетъ ей и о первыхъ своихъ дѣйствіяхъ и о нуждахъ сибирской епархіи.

Ко дню пріѣзда митрополита Арсенія въ Тобольскъ прибылъ къ нему изъ сибирской ссылки архимандритъ Платонъ Малиновскій. Арсеній далъ ему клобукъ, одѣяніе и велѣлъ служить, вмѣстѣ со всѣмъ духовенствомъ, въ соборѣ молебенъ о восшествіи императрицы Елизаветы Петровны на

---

[1]) Протоіерей *Сулоцкій*, видѣвшій нѣсколько промеморій Арсенія Мацѣевича въ тобольской консисторіи, по поводу ихъ говоритъ, что ни у одного изъ тобольскихъ архіереевъ первой половины XVIII вѣка ни въ одной промеморіи нѣтъ такихъ выраженій, отзывовъ и замѣчаній на счетъ лицъ, касавшихся правъ духовенства, какъ у Мацѣевича. Въ промеморіяхъ своихъ онъ «жарко и ревностно защищаетъ права духовенства». («Ярославск. Епарх. Вѣд.» 1868 г., № 6, 53 стр.).

[2]) «Къ жизнеопис. А. Мацѣевича»—«Яросл. Епарх. Вѣд.» 1868 г., № 6, 50—53.

[3]) Тамъ же; «Чт. О. И. Д. Р.» 1864 г., Смѣсь, 29—36 стр.

престолъ. Увѣдомляя государыню объ этомъ, Арсеній поясняетъ, что о. Платонъ страдалъ «по единой злости плута Остермана»[1]).—Сообщая, затѣмъ, о бѣдности своихъ монастырей, онъ доноситъ на несправедливость коллегіи экономіи, что она «жалуетъ насъ своими опредѣленіями»: присылаетъ въ обители офицеровъ и велитъ на содержаніе ихъ брать средства отъ монаховъ изъ опредѣленныхъ имъ денегъ. Бѣдные монастыри освобождены отъ дани и на архіерейскій домъ, а коллегіей экономіи предписывается имъ, чтобы платить присланнымъ офицерамъ по 26 рублей каждому, тогда какъ и на школы съ нихъ, по крайней бѣдности, берется менѣе $^1/_{20}$ такой суммы.—Жалуясь на неправильную, невнимательную разверстку денегъ, митрополитъ находитъ, однако, возможнымъ для бѣдныхъ монастырей содержать рядовыхъ солдатъ небольшое число для послушаній и содержать ихъ на монашескихъ порціяхъ.—«При томъ,—доноситъ владыка,—коллегія экономіи, ругаясь мнѣ, пишетъ указами, яко бы своему подчиненному, чего никогда и во «опредѣленіи» не бывало, чтобы архіереямъ быть въ командѣ у коллегіи экономіи» [2]).

Дѣятельность митрополита Арсенія въ тобольской епархіи была, однако, непродолжительна. Не прошло и двухъ мѣсяцевъ со времени вступленія его «въ престолоправленіе», какъ онъ оставляетъ Тобольскъ и ѣдетъ въ Москву (10 февраля 1742 года).

Здѣсь вскорѣ ему указали быть митрополитомъ ростовскимъ и членомъ святѣйшаго синода [3]).

Докладъ о новомъ, столь почетномъ, назначеніи императрицѣ сдѣланъ былъ новгородскимъ архіепископомъ,

---

[1]) Архимандритъ Платонъ Малиновскій невинно пострадалъ въ извѣстномъ «Рѣшиловскомъ дѣлѣ»; въ 1738 г. его осудили за то, что къ нему пріѣзжалъ изъ-подъ караулу, не смотря на запрещеніе, находящійся подъ слѣдствіемъ архим. Маркеллъ Родышевскій. Послѣ растриженія его сослали въ Камчатку. Онъ умеръ въ 1754 году архіепископомъ московскимъ (Проф. *И. А. Чистовичъ*,—«Рѣшиловское дѣло», 64 стр.).

[2]) Письма митрополита Арсенія Мацѣевича къ имп. Елизаветѣ, въ Государственномъ Архивѣ, разрядъ XVIII, дѣло № 92.

[3]) «Краткое извѣстіе о жизни преосвященнаго Арсенія Мацѣевича»,—«Зритель» 1862 г. № 23, стр. 734; «День» 1862 г., № 15; «Чт. въ Общ. И. Др. Р.» 1864 г., 40 стр., 1862 г., III кн., стр. 135.

Амвросіемъ Юшкевичемъ, простымъ письмомъ отъ 18 мая 1742 года. По словамъ архіепископа Амвросія, митрополитъ Арсеній, по указу ея императорскаго величества, призванъ изъ Тобольска въ Москву на коронацію. Теперь Арсенію ѣхать въ Тобольскъ, по отсутствію сносныхъ путей сообщенія, нельзя; зимній же путь онъ не можетъ перенести за болѣзнію, въ Москвѣ ему проживать невозможно: содержаніе его было бы тягостно для тобольскаго архіерейскаго дома. Поэтому Амвросій проситъ императрицу пожаловать митрополита Арсенія на ростовскую епархію, или крутицкую, а вмѣстѣ съ тѣмъ быть и членомъ св. синода;—и, во всякомъ случаѣ, опредѣлить до зимняго времени его, Арсенія, въ засѣданіе синода на жалованье [1]).

Императрица согласилась на докладъ президента св. синода, но Арсеній въ столицѣ оставался не долго.

Принятый, по пріѣздѣ своемъ, самою императрицею и видя расположеніе ея, онъ началъ тотчасъ дѣйствовать слишкомъ смѣло и самостоятельно. Въ высокомъ своемъ сановномъ положеніи, онъ сознавалъ себя непосредственнымъ слугою императрицы и считалъ себя въ правѣ къ ней прямо и обращаться.

Засѣдалъ тогда въ святѣйшемъ синодѣ псковскій епископъ Стефанъ. Онъ былъ человѣкъ уже пожилой и ему показалось невмѣстно сидѣть ниже молодого митрополита ростовскаго въ присутственномъ мѣстѣ. Неизвѣстно теперь, да и тогда было, кажется, смутно сознаніе того,—зависѣла ли близость къ президентскому креслу отъ значенія епархіи по древности или отъ важности сана, но несомнѣнно то, что со времени упраздненія патріаршества у архіереевъ мѣстничество было сильно: ближе сидѣвшій къ президенту по мѣсту могъ и самъ разсчитывать скорѣе другихъ занять его.

Такъ какъ тогдашній президентъ святѣйшаго синода покровительствовалъ Арсенію, то, вѣроятно, не безъ вѣдома

---

[1]) Амвросій проситъ при этомъ прощенія у государыни, что не явился къ ней просить объ этомъ лично по своей болѣзни. Письмо архіеп. Амвросія объ этомъ въ Государственномъ Архивѣ, разрядъ XVIII, дѣло № 92. Проф. *И. А. Чистовичъ* ошибочно утверждаетъ, что Амвросій просилъ за митр. Арсенія «словесно» («День» 1862 г., № 15).

его, возникло на этотъ разъ даже дѣло о засѣданіи въ синодѣ «по епаршескимъ степенямъ» [1]).

Государыня не скоро разрѣшила это дѣло. Между тѣмъ возникли другія неожиданныя осложненія: и у государыни, и въ синодѣ стало извѣстно о необычайномъ поступкѣ молодого синодальнаго члена: Арсеній не принималъ присяги на свою должность.

Въ текстѣ присяги, предложенной ему, онъ усмотрѣлъ прибавку, которая не требовалась духовнымъ регламентомъ. Всякій членъ синода присягалъ повиноваться государынѣ «какъ высшему судіи» своему; по мнѣнію же Мацѣевича, высшимъ Судіею въ дѣлахъ вѣры надо признавать только Христа и, потому, прибавку къ присягѣ считалъ неправильною. И таково было тогда значеніе митрополита Арсенія, что для него присягу исправили такъ, какъ онъ пожелалъ. Но онъ теперь и въ исправленномъ видѣ не принялъ ея. 6 іюля 1742 года онъ такъ просилъ императрицу: «помиловать меня раба твоего и богомольца—отпустить въ ростовскую епархію мою» [2]).

Вслѣдъ за тѣмъ онъ уѣзжаетъ въ Ростовъ, хорошо зная о враждебномъ настроеніи противъ себя. Опасаясь клеветы, онъ лично самой императрицѣ объясняетъ причину своего отъѣзда. Кромѣ того,—оставляетъ ей «доношеніе» объ обстоятельствахъ, заставившихъ его отказаться отъ присутствія въ синодѣ [3]).

Едва онъ прибылъ въ Ростовъ, какъ ему прислали изъ святѣйшаго синода запросъ: почему онъ не принялъ присяги и отчего не является [4]) на засѣданія въ синодъ?

---

[1]) Дѣло это излагаетъ самъ митр. Арсеній въ своемъ «доношеніи имп. Елизаветѣ Петровнѣ» («Чт. Общ. Ист. Др. Росс.» 1862 г., III кн., 144 стр.).

[2]) Государ. Архивъ, «Доклады и другія бумаги коллегіи экономіи», разр. XVIII, № 85, I часть, 24 л.

[3]) Тамъ же, 145 стр.

[4]) Профессоръ *Иконниковъ* («Арсеній Мацѣевичъ»,—«Русск. Стар.» 1879 г., XXV т., стр. 10—14) полагаетъ, что вызвалъ въ Москву митр. Арсенія изъ Тобольска президентъ синода, архіепископъ Амвросій Юшкевичъ, для церковно-административной реформы, которая проектирована

Митрополитъ Арсеній отвѣчалъ святѣйшему синоду, что въ вѣрности его императрицѣ сомнѣваться никто не можетъ, такъ какъ онъ еще въ Тобольскѣ присягалъ на вѣрноподданство ей, а о причинахъ своего отъѣзда у него было лично объясненіе съ государыней и письменное оправданіе своихъ поступковъ предъ нею.

Смѣлость ростовскаго владыки предъ святѣйшимъ синодомъ не прошла для него безнаказанно. Тамъ никогда не погасало затаенное недовольство противъ него.

Чрезъ годъ (1743 года) было у него въ синодѣ дѣло о присягѣ. Когда по требованію правительства, желавшаго уничтожить самую память о бывшемъ регентѣ Биронѣ, отбирали повсюду присяжные листы, гдѣ упоминалось имя герцога курляндскаго, то нашли, что въ Тобольскѣ митрополитъ Арсеній принялъ присягу неправильно: тамъ находились прибавленія словъ, синоду неизвѣстныхъ. Только полгода тому назадъ онъ рапортовалъ къ святѣйшему синоду, что «безъ особливаго вѣдома и высочайшаго повелѣнія въ присягахъ собою убавливать что, или прибавливать» нельзя [1]), теперь же долженъ былъ объяснить свое дополненіе къ присягѣ [2]) и его «благословную вину».

Въ синодѣ въ это время не было архіепископа Амвросія Юшкевича, не было и снисхожденія къ Арсенію; напротивъ—тамъ всѣ были требовательными по отношенію къ нему.

Членъ святѣйшаго синода обязывался присягою признавать «Крайнимъ Судіею духовныя сея Коллегіи (т. е. святѣйшаго синода) быти самую всероссійскую монархиню—

была, имъ. Догадку эту, тожественную съ замѣткою протоіер. Сулоцкаго «Причина скораго отъѣзда Арсенія Мацѣевича изъ Тобольска», онъ подкрѣпляетъ своими соображеніями и сопоставленіями воззрѣній обоихъ святителей. Ни проф. Иконникову, ни прот. Сулоцкому, какъ видно, неизвѣстно письмо архіепископа Амвросія имп. Елизаветѣ Петровнѣ, изъ котораго видно, что Арсеній вызванъ, какъ сановное духовное лицо, на коронацію.

[1]) Государ. Архивъ, разр. XVIII, № 85, I кн., 24 л.

[2]) Проф. *И. А. Чистовичъ* «Еще объ А. Мацѣевичѣ», — «День», 1862 г., № 25, стр. 5; «Чт. Общ. Ист. Др.» 1862 г., III кн., стр. 147—152. Присягою, предписываемою въ духовномъ регламентѣ духовныя власти давно были недовольны. Въ 1724 г. о Ѳеодосіи Яновскомъ стало извѣстно, что онъ приказалъ секретно, «чтобы ему, плуту Ѳеодосу, чинили присягу — покорнымъ быть» («Архангельск. Губернскія Вѣдомости», 1875 г., № 21, «Ссыльные XVIII в. въ Архангельскомъ краѣ»).

государыню»; у Арсенія, вмѣсто такихъ словъ, оказалось въ присяжномъ листѣ: «исповѣдую съ клятвою Крайняго Судію и законоположителя духовнаго своего церковнаго правительства быти Самого Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, полномощную Главу Церкве и Великаго Архіерея и Царя, всѣми владычествующаго и всѣмъ имущаго судити живымъ и мертвымъ».

Присяга на вѣрность императрицѣ, какъ крайнему судіи своему, по объясненію митрополита Арсенія, не согласна съ вѣрованіемъ во Главу Церкви Іисуса Христа и болѣе прилична въ присягѣ римскому папѣ. «А монаршей власти довольно въ той силѣ на вѣрность присягать, въ какой показано отъ Крайняго Судіи монаршей власти повиноваться» [1]).

Своими словами, что «власть синода происходитъ отъ Христа и апостоловъ чрезъ хиротонію», онъ не думалъ оскорбить кого-либо, но имѣлъ въ виду раскольниковъ, утверждающихъ, что въ Церкви Христовой прекратилось священство [2]); «вашему же святѣйшеству какая показалась въ томъ противность, прошу наставленія»,—пишетъ онъ къ святѣйшему синоду.

Весь трехмѣсячный процессъ митрополита Арсенія, разбиравшійся совмѣстно съ другими «продерзостными» доношеніями его, кончился тѣмъ, что разбираемую присягу велѣно было сжечь [3]).

Глава III.

Митрополитъ Арсеній въ Ростовѣ.

Новый митрополитъ ростовскій началъ свое служеніе въ Ростовѣ съ изумительнымъ рвеніемъ и въ продолженіе

---

[1]) «Чтенія въ Общ. Ист. и Др. Рос.» 1862 г., III кн., 147—152 стр., «Замѣчанія митр. Арсенія на присягу».

[2]) «Доношеніе митр. Арсенія св. синоду на запросъ» («Чтенія» 1862 г. III кн., 152 стр.).

[3]) Проф. *В. Иконниковъ*,—«Арсеній Мацѣевичъ», (въ «Русск. Старинѣ» за 1879 г., XXV т., 16 стр.).

20 лѣтъ проводилъ съ неослабѣвающею настойчивостію свои убѣжденія.

Знакомствомъ съ ростовскою паствою онъ такъ спѣшитъ, что въ первый же годъ осматриваетъ не только всѣ церкви въ своемъ городѣ, но посѣщаетъ и ярославскія.

Среди многочисленной ростовской паствы было множество раскольниковъ; за отсутствіемъ школъ, народъ находился въ невѣжествѣ а духовенство не стояло на высотѣ своего призванія.

Арсеній сразу сталъ настаивать, чтобы Церковь была воспитательницею народа.

Въ первый же годъ онъ издалъ строгія инструкціи церковнымъ заказчикамъ. На нихъ возлагалось наблюденіе, чтобы во время богослуженія «въ храмѣ пѣніе было не мятежное и чтеніе внятное по новоисправленнымъ книгамъ, а люди стояли бы съ безмолвіемъ и благоговѣніемъ». Священникамъ велѣно довольствоваться только доброхотнымъ награжденіемъ за требоисправленія. Заказчики могли схватывать тѣхъ раскольниковъ, которые совращали въ расколъ православныхъ, и подъ карауломъ отправлять въ духовное правленіе. Они слѣдили, чтобы не развивались въ народѣ суевѣрія и не было разглашеній о ложныхъ чудесахъ, какъ это предписывается въ духовномъ регламентѣ, а также—за поведеніемъ священнослужителей: «не шумятъ ли пьяны въ церквахъ, не ссорятся ли по-мужичьи, на обѣдахъ не выпрашиваютъ ли себѣ подчиванья, не храбрствуютъ ли въ бояхъ кулачныхъ и не пили бы по кабакамъ, и не ложились бы спать по улицамъ»... Отъ заказчиковъ требовался правдивый и внимательный отзывъ о лицахъ, избранныхъ приходскими людьми на церковныя должности. Они слѣдили также, чтобы «дѣвицы и вдовы, родившія отъ незаконнаго прижитія младенцевъ», были допрашиваемы при 6 свидѣтеляхъ о томъ, отъ кого они прижили младенцевъ, съ виновныхъ брали 25 копѣекъ штрафа на канцелярскія принадлежности для духовной консисторіи. О своей дѣятельности заказчики представляли полугодовые отчеты [1]).

[1]) «Инструкція заказнымъ поповскимъ старостамъ»,—въ «Ярославскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» за 1868 г., № 30—31. Такія же обя-

Помимо заказчиковъ приходскимъ священникамъ разсылались приказанія владыки обучать своихъ прихожанъ необходимымъ христіанскимъ молитвамъ: «Отче нашъ», «Богородице Дѣво, радуйся», а также разъяснять Символъ вѣры въ катихизическихъ бесѣдахъ, хотя по-немногу, и слѣдить за соблюденіемъ у нихъ христіанскихъ праздниковъ и постовъ. Самъ онъ часто проповѣдывалъ въ церкви и тѣмъ давалъ примѣръ священникамъ. Отъ него осталось 12 томовъ проповѣдей, хранящихся въ ярославской семинаріи [1]).

Порядокъ въ храмахъ въ особенности озабочивалъ митрополита; непосредственное наблюденіе за этимъ возлагалось на мѣстныхъ священниковъ и церковниковъ; вмѣшательства же свѣтской команды въ порядки храма онъ не терпѣлъ.

Въ первый годъ «престолоправленія» Арсенія (1742) изъ сената полученъ былъ указъ, чтобы при каждой церкви былъ одинъ оберъ или унтеръ-офицеръ: въ случаѣ безчинія въ храмѣ во время литургіи онъ могъ, по этому указу, водворять порядокъ и штрафовать виновныхъ въ пользу церкви. Блюстительство это возлагалось на тѣхъ отставныхъ военныхъ, которыхъ коллегія экономіи размѣщала по монастырямъ. Они должны были выѣхать изъ монастырей къ назначеннымъ каждому изъ нихъ церквамъ, но порціи монастырскія, на которыя они содержались, оставались въ ихъ пользу, такъ что, и по отъѣздѣ ихъ, запрещалось на мѣсто уѣхавшихъ отставныхъ военныхъ назначать въ монастыри новыхъ монаховъ.

Такое распоряженіе поставило ростовскаго митрополита въ недоумѣніе: порцій монастырскихъ у него въ епархіи было 562, а приходскихъ церквей считалось 836. Такимъ образомъ, и отставныхъ солдатъ, жившихъ у него по монастырямъ, не было бы достаточно для распредѣленія по церквамъ, и самые монастыри опустошались бы, такъ какъ всѣ отпускаемыя коллегіей экономіи порціи поглощались бы на содержаніе отсутствующихъ блюстителей церковнаго порядка.

занности излагаются въ указѣ митрополита Арсенія къ заказчику попу Ѳеодору («Яросл. Еп. Вѣд.», 1872 г., № 7; «Р. Архивъ», 1863 г., 376—380 стр.).

[1]) Отзывъ † *Н. И. Барсова* о характерѣ проповѣдничества митрополита Арсенія въ «Христіанскомъ Чтеніи» 1874 г. I т. 266 стр. 1 примѣч.

Тогда митрополитъ Арсеній представляетъ, въ августѣ 1742 г., на благоусмотрѣніе святѣйшаго синода свое мнѣніе, что указъ о распредѣленіи отставныхъ военныхъ по церквамъ не выполнимъ. Подобное распоряженіе дано было еще въ 1718 году императоромъ Петромъ Великимъ, и примѣнять его нынѣ по всѣмъ епархіямъ, по мнѣнію Арсенія, нельзя. Въ 1718 г. оно издано было для одной Москвы, такъ какъ, именно, въ Москвѣ была тогда нужда въ строгомъ охраненіи церковнаго порядка чрезъ военныхъ. Нынѣшнее же распоряженіе сената съ указомъ императора Петра Великаго «не сходно и оставить оное не трудно». Оно ведетъ только къ уничтоженію монашества, какъ будто оно «намъ и не надобно»; уже и теперь въ ростовской епархіи, вслѣдствіе запрещенія замѣщать убылыя порціи въ обителяхъ не монахами, а солдатами, стало не столько монаховъ, сколько—солдатъ. Арсеній полагаетъ, во-первыхъ, что въ сельскихъ убогихъ церквахъ благочиніе можетъ быть вполнѣ исправлено простыми церковнослужителями; во-вторыхъ, солдаты, склонные къ проискамъ, въ наложеніи штрафовъ не всегда будутъ справедливы. Вообще,—штрафованіе не умѣстно въ церкви и ведетъ къ безпорядкамъ; напримѣръ, штрафныя за небытіе у исповѣди деньги взыскиваютъ «съ великою бѣдою для священниковъ», а доходятъ ли онѣ до государственной казны,—о томъ ничего не извѣстно. Приказаніе записывать штрафныя деньги въ особыя книги, выдаваемыя коллегіей экономіи, неправильно, такъ какъ оно—«въ противность духовному регламенту и христіанскому закону и благочестивому установленію»; въ дѣлахъ церковныхъ духовные могутъ командовать свѣтскими, напримѣръ, усчитывать церковнаго старосту, а не наоборотъ, потому что все, отданное въ церковь, есть уже освященное Богу и состоитъ въ полной власти архіерейской. Вообще, по мнѣнію митрополита Арсенія, коллегія экономіи существуетъ только для порабощенія св. Церкви и служителей ея, такъ что святѣйшему синоду не только не слѣдуетъ допускать ее вновь отягощать духовенство, но стараться къ освобожденію его и отъ прежнихъ притязаній ея [1]).

[1]) «Къ характеристикѣ А. Мацѣевича» («Ярославскія Епарх. Вѣдомости» 1868 г. № 25).

Мнѣніе митрополита Арсенія восторжествовало: отставные военные не были разосланы по церквамъ. Охраненіе церковнаго порядка съ этого времени возложено было на отвѣтственность духовныхъ лицъ. Отъ митрополита Арсенія осталось нѣсколько распоряженій священникамъ—внушать народу о томъ, въ какое время на литургіи дѣлать поклоны; «къ тому жъ дабы вездѣ въ церквахъ святыхъ было всегда благочиніе и чистота, о томъ закащикамъ подтверждается» [1]).

Зная любовь простого народа къ духовнымъ процессіямъ, онъ учреждалъ новыя и участвовалъ въ нихъ и самъ. При немъ, въ 1743 году, возникъ крестный ходъ съ чудотворною иконою Владимірской Божіей Матери изъ Ростова въ Ярославль. Въ тотъ же годъ въ торжественной процессіи обносились вокругъ Рубленнаго города мощи св. князей Василія и Константина.

Поэтому Арсеній оставилъ по себѣ въ Ростовѣ глубокую память, какъ святитель распорядительный, строгій, но вмѣстѣ съ тѣмъ и снисходительный. Съ нарушителями церковнаго благочинія этотъ «великій господинъ», какъ его называли въ оффиціальныхъ бумагахъ, обходился сурово и безъ всякаго послабленія. Виновные подвергались у него тѣлесному наказанію и тѣмъ строгимъ взысканіямъ, какія примѣнялись всѣми архіереями [2]).

---

[1]) Подобное распоряженіе, разосланное по епархіи въ 1746 г., повторяется 1750, 1751 и 1753 году.

[2]) Суровая расправа съ провинившимися была обычною у лучшихъ и просвѣщенныхъ архіереевъ XVIII в. *Снегиревъ*, знавшій современниковъ архіепископа московскаго Амвросія Зертисъ-Каменскаго, увѣряетъ, что его не любили за строгость и притязательность (*Титовъ А. А.*, «Горецкій монастырь»—въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за 1877 г. янв., 134 стр.), что у него плети и розги служили обыкновенными средствами исправленія подчиненныхъ («Записки» *Снегирева*—въ «Русскомъ Архивѣ» 1866 г., 1905 г. 5 кн. 20—21 стр.).—Въ Богородскомъ селѣ, принадлежащемъ устюгскому архіерейскому дому, вырыты на громадномъ протяженіи озера, изображающія вензель *В*, тѣми духовными лицами, которые провинились предъ епископомъ Варлаамомъ.—О суровости митрополита тобольскаго, Павла Конюскевича, мощи котораго почиваютъ въ Кіево-Печерской лаврѣ, сообщается въ «Сборникѣ Р. И. О. X т., 275—276 стр., а также въ Гос. Архивѣ, разрядъ X, № 36. Въ большомъ ходу была и личная расправа, напр., у митрополита Димитрія Сѣченова, епископа Пахомія, епископа Кирилла Фіоринскаго, даже въ храмѣ. («Р. Старина», 1871 г., III т. 587 стр.).

О суровомъ отношеніи его къ провинившимся свидѣтельствуютъ оставшіяся отъ того времени орудія наказаній,— такъ называемыя «цѣпки» или «кошки», изъ одного названія которыхъ видно, какъ они истязали тѣло [1]).

Народная память, однако, такова, что Арсеній былъ не столько суровъ, сколько справедливъ. — «Взыскателенъ и строгъ онъ былъ для тѣхъ, которые пренебрегали своими обязанностями», говорится въ мѣстныхъ сказаніяхъ о немъ («Лѣтопись ростовскихъ архіереевъ»).

Надо полагать, что и случаи нерадѣнія къ церковному благочинію были не рѣдки. У Арсенія наиболѣе строгому взысканію подвергались тѣ изъ духовныхъ, на которыхъ лежала отвѣтственность за порядокъ. Напримѣръ, въ 1753 году, «кошками» былъ наказанъ заказчикъ за то, что въ селѣ его участка, Согилѣ, «было усмотрѣно на престолѣ много пыли» за то же самое священника той церкви сослали въ монастырь для безысходнаго житія тамъ.—Такому же строгому наказанію подвергся ключарь ярославскаго собора за нерадивое наблюденіе за церковными зданіями, такъ какъ оно имѣло ужасныя послѣдствія: пожаръ собора и утрату св. мощей. — 20 февраля 1744 года церковные служители въ соборѣ, погасивши свѣчи послѣ обѣди, сложили ихъ наскоро въ деревянный ящикъ, стоявшій у самой раки, гдѣ почивали нетлѣнныя мощи св. князей Василія и Константина. Отъ незатушеннаго нагара свѣчи воспламенились; загорѣлся ящикъ, огонь перешелъ на деревянную сѣнь

---

[1]) Объ «цѣпкахъ» у Арсенія говоритъ даже такой почитатель его, какъ Ив. Владимір. *Лопухинъ*. «Цѣпки» дѣлались изъ пеньки, опускаемой въ горячую смолу («Яросл. Епарх. Вѣдомости», 1872 г. № 7). Иные же говорятъ, что на концѣ такія плети снабжались гирьками или желѣзными крючками. Протоіер. *Діевъ М.* («Арсеній Мацѣевичъ»,—въ «Чтеніи И. Общ. Ист. Др. Р». 1862 г., II т. 2 стр.). говоря «о жестокомъ и упорномъ характерѣ Арсенія Мацѣевича», сообщаетъ письмо «новѣйшаго изслѣдователя отечественныхъ древностей», отъ 1857 года, такого содержанія: «недавно я узналъ акты, относящіеся къ жизни Арсенія Мацѣевича: дѣло объ ярославскомъ игуменѣ Трифонѣ, котораго Арсеній... запыталъ... Другое: это распоряженіе пастырское Арсенія о томъ, чтобы священниковъ провинившихся наказывать веревками, обмоченными въ горячую смолу и на концѣ ихъ навязывать проволоку, на подобіе кошечьихъ когтей. Я слышалъ отъ современниковъ сему пастырю, что онъ высѣченъ былъ кнутомъ въ Казани. Такими испытаніями промыслъ очистилъ сего необыкновеннаго человѣка».

надъ св. мощами и на раку. Такъ уничтожена была святыня. Потеря св. мощей, хранившихся въ храмѣ 243 года, была тяжела, и требовалось примѣрное наказаніе виновниковъ. Поэтому, настоятеля, вмѣстѣ съ прочими священниками отрѣшили отъ собора и перевели въ приходскія церкви, а ключаря, послѣ лишенія сана, отослали, какъ преступника, въ распоряженіе ярославской провинціальной канцеляріи [1]).

Такое строгое отношеніе у митрополита Арсенія было къ людямъ неисправнымъ по службѣ.

Къ даровитымъ же и ревностнымъ онъ всегда оказывалъ вниманіе, «съ радостію и удовольствіемъ смотрѣлъ» на нихъ. Утверждаютъ, что онъ «былъ ко всѣмъ милостивъ»; часто служа въ соборѣ и прочихъ церквахъ, послѣ богослуженія «нищихъ надѣлялъ деньгами по вся воскресные и праздничные дни» [2]), такъ что послѣ двадцатилѣтняго управленія имъ богатѣйшею епархіею, у него не оказалось ни роскошной одежды, ни хорошей посуды, ни денегъ, ни богатыхъ запасовъ, исключая десяти пудовъ сахара, который дарили ему купцы [3]).

Будучи, съ одной стороны, милостивымъ и крѣпко стоя, съ другой стороны, за свои архіерейскія права, владыка не давалъ въ обиду другимъ своихъ подчиненныхъ: и духовенство, и вотчинныхъ церковныхъ крестьянъ.

---

[1]) «Іерархи ростовско-ярославской епархіи», въ «Ярославскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» 1862 г. № 35, 263 стр.

[2]) «Лѣтопись рост. архіер.», примѣч. 48.—Нищіе до XVIII вѣка считались людьми церковными, по завѣтамъ сѣдой старины. У каждаго церковнаго учрежденія были свои записные нищіе, которые во время богослуженія стояли у церковныхъ вратъ. Они составляли артели въ 10—12 человѣкъ и назывались по храму, около котораго жили и питались,—«богородскими», «успенскими» «предтеченскими» и т. п. Имъ выдавали по 1 деньгѣ и болѣе отъ храма, помимо поручнаго подаянія отъ богомольцевъ. Вблизи храмовъ обыкновенно стояло много убогихъ помѣщеній для нихъ («Историческій Вѣстникъ», 1885 г. Окт. 115 стр.—«Черты изъ патріаршаго и церковнаго быта»).—Петръ Великій распорядился строить, вмѣсто нищенскихъ избушекъ, богадѣльни, а средства на это брать съ «*запредѣленныхъ*» монастырскихъ вотчинъ, оставивъ «*опредѣленныя*» вотчины на содержаніе самыхъ монастырей.—Въ Ростовѣ при м. Арсеніи богадѣленъ еще не было; тамъ думали, какъ и въ старину, что все «церковное богатство—нищихъ богатство».

[3]) Синод. Архивъ, дѣло А. Мацѣевича № 119.

Разсказываютъ, что одинъ помѣщикъ, желая унизить своего священника, заставилъ его въ праздникъ славить Христа въ хлѣвѣ. Митрополитъ, узнавъ про это, зазвалъ къ себѣ помѣщика и приказалъ его высѣчь [1]) плетьми.

У него дворяне, имѣвшіе въ помѣстномъ пользованіи земли архіерейскаго дома, всѣ находились подъ строгимъ надзоромъ, чтобы отъ нихъ не было притѣсненій крестьянамъ [2]). Въ ростовскихъ вотчинахъ за все время его управленія не слышно было среди крѣпостныхъ недовольства, которое въ другихъ епархіяхъ разражалось страшными бунтами: очевидно, монастырскіе служки боялись у строгаго владыки и не позволяли себѣ несправедливостей, которыя были обычными въ другихъ мѣстностяхъ.

Цѣлостность натуры Арсенія сказывалась какъ въ снисходительности къ обездоленнымъ, такъ и въ раздражительной неуступчивости тамъ, гдѣ онъ замѣчалъ несправедливость. И то и другое иногда сообщаетъ облику его черты замѣчательнаго великодушія. Онъ, напримѣръ, не только не преклонялся предъ страшнымъ временщикомъ герцогомъ Бирономъ, вмѣстѣ со всѣми, но, когда Бирона назначили регентомъ малолѣтняго императора Іоанна Антоновича, уклонился отъ присяги ему съ понятнымъ рискомъ подвергнуться опалѣ. Теперь же, во время пребыванія сверженнаго временщика въ Ярославлѣ, въ унизительной ссылкѣ, онъ же относится къ нему въ высшей степени участливо. Неудачи Бирона трогали Арсенія. «Удивительная вещь, говорилъ онъ, по поводу неудачъ Бирона, въ Митавѣ счастье Бироновъ, какъ сырая головня горитъ» [3]). Впослѣдствіи Биронъ при всякомъ случаѣ выражалъ Арсенію за это свою благодарность.

Противъ открытыхъ противниковъ законовъ и вѣры у него всегда вспыхивала необычайная энергія и гордое сознаніе властнаго защитника правды [4]). Болѣзненная не-

---

[1]) «День»,—1864 г., № 11.
[2]) Архивъ св. синода. Дѣло Терпигорева, 1755 г. № 416.
[3]) Архивъ св. синода. Дѣло А. Мацѣевича № 119, 1 л.
[4]) *Н. И. Барсовъ* указываетъ на то, что Арсеній «ни разу не поступился своими убѣжденіями ни предъ какими страхами и соблазнами» («Арсеній Мацѣевичъ»,—«Русская Старина» XV т., 724 стр.).

уступчивая раздражительность часто изливалась рѣзкими обличеніями. Въ нихъ онъ не щадилъ не только враговъ вѣры, но и высокихъ сановниковъ и даже высшихъ государственныхъ учрежденій. Впрочемъ, независимо отъ такихъ рѣзкихъ пріемовъ, Арсеній былъ гласнымъ выразителемъ недовольства всего духовенства, принижаемаго и лишаемаго своихъ правъ. Его такъ и знали въ синодѣ, какъ способнаго защитника церковныхъ правъ и нерѣдко давали ему соотвѣтствующія порученія.

При дочери императора Петра Великаго, Елизаветѣ Петровнѣ, духовенство рѣшилось заявить о своихъ правахъ. Первоприсутствовавшій въ святѣйшемъ синодѣ, новгородскій архіепископъ Амвросій Юшкевичъ, подалъ въ 1745 г. государынѣ свой докладъ о необходимости лучшаго устройства Церкви. Главное участіе въ составленіи доклада принималъ митрополитъ Арсеній. Здѣсь излагалось о неправильности подчиненія духовенства модамъ свѣтскимъ. Прежде всего,— въ святѣйшемъ синодѣ президентомъ долженъ быть архіерей—не по вызову свѣтской власти, а непремѣнно митрополитъ московскій и при немъ—два вицепрезидента: одинъ— новгородскій архіерей, а другой—близъ Москвы обрѣтающійся архіерей. «А оберъ-прокурору... здѣсь нечего дѣлать, такъ какъ въ синодѣ производятся дѣла только духовныя, касающіяся совѣсти». «Что смотрѣть и разбирать оберъ-прокурору или другимъ свѣтскимъ, не имѣющимъ ни посвященія, ни власти вязать и рѣшить?» [1]).

Такимъ образомъ, митрополитъ Арсеній неуклонно стоялъ за независимость церковнаго управленія и іерархическія права, какъ въ предѣлахъ своей епархіи, такъ и внѣ ея. У себя, въ Ростовѣ, онъ не встрѣчалъ противодѣйствія, но столкновенія его съ разными учрежденіями обнаруживали въ немъ такую непреклонность и независимость убѣжденій, которая граничила съ упорствомъ.

---

[1]) Архивъ кн. Воронцова, I ч. 67 стр.

АРСЕНІЙ МАЦѢЕВИЧЪ,
митрополитъ ростовскій и ярославскій.
(Съ фотограф. портр., находящагося въ Ревельской Николаевской церкви).

Глава IV.

Борьба митрополита Арсенія съ раскольниками [1]).

Вскорѣ послѣ пріѣзда митрополита Арсенія изъ Тобольска ему поручено было отъ святѣйшаго синода разсмотрѣть книгу епископа Ѳеофилакта Лопатинскаго «Обличеніе неправды раскольнической» и представить свое мнѣніе о ней. Порученіе дано было 11 мая 1742 года, а въ январѣ слѣдующаго года синодъ снова побуждаетъ его—поспѣшить разсмотрѣніемъ книги Ѳеофилакта, которая 20 лѣтъ лежала неизданною по случаю жестокихъ преслѣдованій, постигшихъ ея автора [2]).

Въ виду особенной необходимости возраженій на «Поморскіе Отвѣты» въ епархіи архіепископа Амвросія Юшкевича, въ томъ же 1743 году посылали къ Арсенію изъ святѣйшаго синода еще два побудительныхъ указа поскорѣе приготовить книгу къ отпечатанію ея.

Для митрополита Арсенія весь годъ прошелъ въ непріятныхъ столкновеніяхъ по управленію съ сенатомъ, святѣйшимъ синодомъ и коллегіей экономіи, такъ что у него не могло быть ни времени, ни настроенія исполнить порученіе святѣйшаго синода. Онъ пишетъ святѣйшему си-

---

[1]) Въ настоящей главѣ излагается содержаніе двухъ не изданныхъ дѣлъ: 1) дѣла Архива св. синода 1742 г. № 407, гдѣ находится переписка по исправленію книги архіеп. Ѳеофилакта «Обличеніе неправды раскольнической» и 2) дѣла въ Госуд. Архивѣ отъ 1751 г. «города Романова о посадскомъ человѣкѣ Петрѣ Волчкѣ». Листы въ послѣднемъ дѣлѣ очень ветхи и чтеніе его затруднительно.

[2]) † Проф. *И. Чистовичъ*,—«Рѣшиловское дѣло», Спб., 62 стр. «Обличеніе неправды раскольнической» написано въ возраженіе на «Поморскіе отвѣты» раскольниковъ, которые появились по слѣдующему поводу. Въ 1723 г. къ выгорѣцкимъ пустосвятамъ былъ посланъ іеромонахъ Неофитъ для собесѣдованій съ ними объ обрядовыхъ разностяхъ. Но раскольники, видимо, уклонялись отъ личныхъ собесѣдованій, хотя Неофитъ настаивалъ на нихъ. Опасаясь толковъ въ народѣ и глумленій со стороны приверженцевъ раскола, не добившись отъ раскольниковъ согласія на собесѣдованія, онъ предложилъ имъ письменные «Вопросы» о причинахъ раскола. Раскольники написали на эти «Вопросы» свои «Поморскіе отвѣты», гдѣ они обвиняли Православную Церковь въ новшествахъ. Святѣйшій синодъ поручилъ еп. Ѳеофилакту Лопатинскому обличить раскольниковъ въ несправедливости ихъ обвиненій. Такъ появилась долго не издававшаяся книга «Обличеніе неправды раскольнической».

ноду, что до іюля мѣсяца его мучила болѣзнь и не могъ, поэтому, писать, «и ежели бы къ тому препятія и помѣшательствы (о которыхъ и вашему святѣйшеству не безызвѣстно) не имѣлъ, то бъ по сіе время чаялъ быть въ томъ дѣлѣ къ близкому окончанію». Онъ находитъ нужнымъ писать еще дополненіе къ книгѣ Ѳеофилакта, «если болѣзнь не воспрепятствуетъ мнѣ». 12 января 1744 года онъ извѣщаетъ святѣйшій синодъ, что книга Ѳеофилакта, исправлена и что онъ пишетъ свое «Дополненіе» къ ней и даже представляетъ начало его на 18 листахъ [1]). «По моему мнѣнію,—пишетъ онъ,—надо всеконечно раскольническое ихъ предисловіе писать все по пунктамъ и на каждый пунктъ—возраженіе такъ, какъ я зачалъ, понеже по усмотрѣнію моему, въ томъ предисловіи вся ихъ канальская сила состоитъ».

Уже изъ этихъ словъ видно, что Арсеній въ своемъ обличеніи раскола пошелъ новою дорогою: тогда какъ Ѳеофилактъ Лопатинскій, вслѣдъ за другими обличителями раскола, обращалъ все вниманіе на обрядовыя разности [2]), которыя подавали поводъ и раскольникамъ, и православнымъ взаимно упрекать другъ друга, въ «Дополненіи» Арсеній мелочныя разности ставитъ на второмъ планѣ, а говоритъ о существенныхъ причинахъ уклоненія раскольниковъ и ложности ихъ положенія. Главное заблужденіе раскольниковъ то, что они считаютъ Церковь Христову не существующею на землѣ; значитъ, по ихъ собственному признанію, они находятся внѣ Церкви и, слѣдовательно, внѣ спасенія. Одна вѣра, безъ священства, безъ таинствъ,—не можетъ сдѣлать ихъ православными.

Въ сравненіи съ раскольническими «Отвѣтами» сочиненіе Арсенія отличается силою и основательностію доводовъ. Тогда какъ раскольники святоотеческія свидѣтельства приводили отрывочно, у него же, въ качествѣ доказательства,

---

[1]) Начало «Дополненія» Арсенія отпечатано въ «Описаніи документовъ св. синода» (I т. 485 стр.). Переписка по исправленію «Обличенія» въ архивѣ синода, дѣло 1742 г., № 407.

[2]) «Обличеніе неправды раскольнической» распространяется только на 50-й «Отвѣтъ» пустосвятовъ объ обрядахъ.

берется не «лоскутъ», а цѣльная мысль изъ даннаго святоотеческаго творенія и поставляется въ связь съ ученіемъ Церкви; они не рѣдко на частный случай указываютъ, какъ на общее правило; Арсеній же объясняетъ, что случай бываетъ и исключеніемъ изъ общаго правила; самыя свидѣтельства у раскольниковъ—сомнительнаго происхожденія и значенія; Арсеній обосновываетъ свои свидѣтельства и указываетъ ихъ происхожденіе. Рѣчь Арсенія оживляется обильными сравненіями и примѣрами, хотя и имѣетъ недостатки своего вѣка и характера автора,—характера рѣзкаго и порывистаго. Сравненія у него жестки и обидны для противника. По его мнѣнію, напримѣръ, «раскольники отвергающіе священство,—то же, что и жиды, не имѣющіе ни жертвъ, ни священства, и Мессію не признающіе». По поводу того, что раскольники называли свое житье сиротскимъ, а себя — пустынниками, Арсеній соглашается назвать ихъ сиротами только потому, что, не имѣя таинства брака и раждаясь отъ свальнаго грѣха, они оказываются безродными выкидышами. «Можете называть себя и пустынниками,—говоритъ онъ,—какъ назвали бы себя и разбойники живущіе въ лѣсахъ и пустыняхъ». Такія обидныя для раскольниковъ сравненія и недоброжелательный тонъ обличенія вызывались ихъ отношеніемъ къ Православной Церкви. Они сами произносили страшныя хулы на нее и употребляли всевозможныя средства для униженія православія. «Кто лучше Церковь и тайны Божественныя паче васъ хулитъ и поругаетъ? Кто такъ бѣгаетъ отъ природной власти монаршей, такъ и церковной священной (власти) архіерейской бѣгаетъ?» Такъ уличаетъ Арсеній пустосвятовъ.

Оканчивая порученный трудъ, митрополитъ Арсеній извѣщаетъ святѣйшій синодъ, что для обличенія раскольниковъ необходимо ему знать о перстосложеніи у преподобнаго Марка Гробокопателя, котораго нетлѣнныя мощи почиваютъ въ Кіево-Печерской лаврѣ. Синодомъ послано тотчасъ же понужденіе кіево-печерскимъ властямъ—выслать рисунокъ требуемаго перстосложенія. Арсеній чрезъ мѣсяцъ доноситъ святѣйшему синоду объ утратѣ этой руки. Святыя мощи преп. Марка, по его увѣренію, были цѣлы еще въ

1729 году. Нынѣ же онъ узналъ, что всей правой руки у преподобнаго нѣтъ. Такъ какъ исчезновеніе части св. мощей могло случиться не иначе, какъ отъ слабости наблюденія за ними, то Арсеній, сообщая объ этомъ святѣйшему синоду, проситъ изслѣдовать причины утраты и озаботиться надежнымъ охраненіемъ другихъ св. мощей въ Кіево-Печерской лаврѣ.—На запросъ святѣйшаго синода архимандритъ Кіево-Печерской лавры донесъ, что объ утратѣ до него правой руки у мощей преподобнаго Марка ему не извѣстно. Онъ присылаетъ рисунокъ съ лѣвой руки этого преподобнаго и спрашиваетъ: «не сію ли лѣвую руку его преосвященство показаннаго времени и видѣлъ?»

Наконецъ, въ 1745 году «Обличеніе неправды раскольнической» Арсеніемъ было разсмотрѣно и при содѣйствіи его было издано. «Дополненіе» къ книгѣ Ѳеофилакта было предствлено въ святѣйшій синодъ подъ такимъ заглавіемъ: *Дополненное обличеніе неправыхъ и лжесловныхъ отвѣтовъ раскольническихъ, пустосвятами выгоцкими, пустынножителями именуемыми, честному іеромонаху Неофиту отъ святѣйшаго правительствующаго синода ради увѣщанія къ нимъ посланному, въ 1723 году предложенныхъ,—составленное благословеніемъ того жъ святѣйшаго правительствующаго синода въ нынѣшнемъ 1743 году*» [1]).

Но въ святѣйшемъ синодѣ нашли необходимымъ сдѣлать въ книгѣ «переправки»[2]) и возвратили для этого автору. «Дополненіе» Арсенія, однако, отпечатано не было.

Судя по тѣмъ мѣстамъ его рукописи, которыя велѣно было поправить, можно думать, что обличенія митрополита ростовскаго показались рѣзкими, а мѣры къ прекращенію раскола крутыми и несвоевременными, напримѣръ, указаніе

---

[1]) Рукописное «Дополнительное обличеніе»—на 208 л. въ архивѣ св. синода. Въ печати есть только начало книги (Опис. докум. св. синода, I т., 485 стр.). Разборъ всего сочиненія—въ статьѣ «Объ Арсеніи Мацѣевичѣ, какъ обличителѣ раскола» («Православный Собесѣдникъ» за 1861 г., III т., 349—393 стр.).

[2]) Напримѣръ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ говорится, что щадить раскольниковъ нельзя, какъ неслыханныхъ отступниковъ, чтобы не дать снисхожденіемъ своимъ повода и другимъ отторгнуться отъ Церкви. Поправка требовалась и тамъ, гдѣ онъ уличаетъ автора «Поморскихъ отвѣтовъ» въ безграмотности (129, 133 и др. листы).

его на безпощадное истребленіе израильтянами, по повелѣнію Іеговы, хананейскихъ язычниковъ, какъ на примѣръ, что и къ врагамъ православія—раскольникамъ—надо относиться безъ пощады.

Самъ митрополитъ Арсеній въ своей епархіи, по отношенію къ старообрядцамъ, строго руководился духовнымъ регламентомъ и существующими гражданскими узаконеніями. Какъ примѣръ строгаго отношенія митрополита къ расколу, служитъ дѣло о посадскомъ человѣкѣ г. Романова Маркѣ Волчковѣ.

Волчковъ подалъ въ 1751 году челобитную на имя государыни слѣдующаго содержанія.

Въ 1749 году онъ просилъ митрополита ростовскаго, чтобы позволили ему перенесть икону Казанскую Божіей Матери изъ преображенской церкви въ городѣ Романовѣ въ пригородную часовню. Икону эту Волчковъ считалъ своею, такъ какъ получилъ ее въ благословеніе отъ своего отца, а помѣстить ее въ каменную часовню желалъ для того, чтобы выставить ее для сбора подаяній отъ прохожихъ людей на свѣчи, ладанъ и прочую церковную утварь. Часовню охотно посѣщали, такъ какъ, по народному убѣжденію, въ ней находились подъ спудомъ мощи св. Онуфрія. Митрополитъ, вмѣсто разрѣшенія, приказалъ взять Волчкова и держать подъ карауломъ, а икону представить въ духовную консисторію. Волчковъ жаловался, что митрополитъ приказалъ повытчику Петру Иванову сыну Пчелину «вѣнецъ и окладъ ободрать и ликъ ей и вапы все соскоблить». Пчелинъ «вѣнцы и окладъ серебряный позолоченый, ожерелье и серьги жемчужныя—все съ нея снялъ и сталъ было скалывать вапы, только оная Богоматерь своими явными чудесами Пчелина до такого поруганія не допустила, понеже оный Пчелинъ оторопѣлъ, и былъ на него великій страхъ». Когда же онъ, Волчковъ, замѣтилъ ему: «чего ты, Петръ Ивановичъ, надъ ликомъ Богоматери ругаешься», то Пчелинъ его «ударилъ рукой по лицу и избранилъ м...», говоря, что надо слушать преосвященнаго волю: «преосвященному и государыня не можетъ ни въ чемъ указать и запрещать; а ты, плутъ, хочешь указать».

Когда Волчковъ сталъ просить секретаря консисторіи,

Горяинова, отпустить его домой, то и Горяиновъ ударилъ его по щекѣ, сказавши, что самъ преосвященный велѣлъ задержать его. Волчковъ сталъ говорить, что бить его нѣтъ никакихъ законныхъ причинъ, на что ему было сказано: «что ты, р..... м..., разговорился», и приказано бить его плетьми. Когда Волчкова снова привели въ консисторію, то онъ началъ кричать, «что губятъ смертельно и, между тѣмъ, сказалъ за собою слово и дѣло... и кричалъ караулъ». На крикъ вышелъ архимандритъ и, видя, что надъ Волчковымъ Пчелинъ поднялъ стулъ, чтобы ударить имъ, вырвалъ его изъ рукъ Пчелина и тѣмъ прекратилъ ссору. Волчкова заковали и отправили подъ карауломъ. Самый образъ отослали въ Борисоглѣбскій монастырь. Такъ какъ и подъ карауломъ Волчковъ кричалъ «слово и дѣло», то его отправили въ ростовскую воеводскую канцелярію, а оттуда въ Москву въ преображенскій розыскной приказъ.—По словамъ Волчкова, Пчелинъ и Горяиновъ во всемъ повинились, но оправдывались тѣмъ, что все дѣлали по приказанію своего митрополита. Однако, Волчкова наказали палками и отпустили.

Сообщивши въ своей челобитной о своемъ дѣлѣ, Волчковъ обвиняетъ митрополита Арсенія, что онъ, Арсеній, «невѣдомо ради какой причины во всемъ городѣ Романовѣ, какъ деревянныя, такъ и каменныя часовни» (построенныя у большихъ дорогъ) разорилъ. «Нынѣ же мы («тутошніе жители») за собой никакихъ расколовъ не имѣемъ, и какъ въ будни, такъ и въ воскресные и прочіе праздничные дни по закону христіанскому для молитвы всегда ходимъ къ божіимъ приходскимъ церквамъ, къ отцамъ духовнымъ, кому гдѣ по близости способно». Въ 1750 году часовни «разломаны и разорены всѣ до подошвы, а изъ-подъ каменныхъ часовень и фундаменты всѣ вырыты», «а какъ преподобнаго Ануфрія мощи и прочіе св. образа изо всѣхъ часовень куды онъ, преосвященный, приказалъ собрать,—никто объ ономъ неизвѣстенъ».

Объ Онуфріи Волчковъ сообщаетъ: «я слыхалъ и отъ стариковъ, которые въ давнее время умерли, что онъ, Онуфрій, когда былъ еще во плоти, хаживалъ изъ Ярославля до поминаемаго Романова въ лѣтнее время водянымъ пу-

темъ пѣшкомъ, аки по суху; по преставленіи его объявляютъ, что будетъ назадъ тому лѣтъ съ восемьдесятъ и отъ св. его мощей до разоренія реченной часовни было всякихъ скорбящихъ, ежели кто съ вѣрою молится, получаютъ исцѣленія; и повсягодно надъ его мощами... совершаютъ панихиды».

Волчковъ, изложивши дѣло, проситъ государыню допросить митрополита, Пчелина и Горяинова въ Петербургѣ, «для чего они часовни разорили и почему свое руганіе чинили?».

Въ канцеляріи розыскныхъ дѣлъ нашли, что Волчковъ своего извѣта на митрополита ростовскаго доказать не могъ; напротивъ,—онъ заподозрѣнъ въ принадлежности къ расколу и въ томъ, что все въ своей челобитной «высочинилъ». Волчкова били за то плетьми въ тайной канцеляріи, при чемъ онъ «азартно кричалъ, что наказанъ напрасно и что не повѣрили напрасно, и весьма неучтиво говорилъ», грозя, что донесетъ обо всемъ самой императрицѣ.

Когда Волчкова привели въ канцелярію розыскныхъ дѣлъ, и предложили высказать свое дѣло предъ гр. А. И. Шуваловымъ, то онъ сказалъ, что имѣетъ донести «о нѣкоторомъ злодѣѣ». Высказавши свою жалобу о поруганіи своей иконы митрополитомъ Арсеніемъ, онъ сообщилъ свое «слово и дѣло» такъ: Преосвященный велѣлъ «его, Волчкова содержать въ вотчинѣ своей въ ростовскомъ уѣздѣ въ селѣ Шестаковѣ подъ присмотромъ и потомъ... преосвященный Арсеній... въ Шестаковѣ... служилъ литоргію и по отслуженіи той литоргіи шелъ отъ церкви и когда онъ, Волчковъ, вышедъ изъ караульной избы, въ которой онъ содержанъ былъ, и подошедъ къ тому преосвященному говорилъ, чего де ради онъ, преосвященный, по поданной ему отъ него, Волчкова, челобитной вышеобъявленнаго образа Казанскія Пресв. Богородицы въ часовню поставить не велѣлъ, а имѣющіеся на томъ образѣ окладные вѣнцы снять и ликъ ее вапы соскоблить, а его, Волчкова, подъ карауломъ держать велѣлъ, и о томъ онъ, Волчковъ, будетъ на него, преосвященнаго, просить всемилостивѣйшей государыни; и оной преосвященный на то говорилъ ему, Волчкову, такія слова: а я де кто? я де, надъ ликомъ Божіимъ (властенъ), и государыня

мнѣ ни въ чемъ не запретитъ, я де, что хочу, то и дѣлаю,—и оный Волчковъ на то тому преосвященному сказалъ, что онъ, Волчковъ, объ оныхъ его преосвященства словахъ донесетъ всемилостивѣйшей государынѣ, и чтобы онъ въ оныхъ словахъ не заперся. И въ то де время оный преосвященный идущему за нимъ келейнику Якову Попову велѣлъ его, Волчкова, и идущихъ за ними разныхъ чиновъ людей... отъ себя отогнать; ...и тогда Волчковъ... идущимъ людямъ говорилъ: извольте де слышать, что преосвященный про всемилостивѣйшую государыню говоритъ, и оные де люди на то ничего Волчкову не сказали».

Когда Волчкова спросили, почему онъ не говорилъ, будучи въ Москвѣ въ тайной канцеляріи, Волчковъ на то сказалъ, что молчалъ до сего времени потому, что хотѣлъ о нихъ лично донести самой государынѣ. Однако, Волчкову не повѣрили; такъ какъ онъ, по указу 1730 г. 11 апрѣля, долженъ былъ о своемъ извѣтѣ донести немедленно, то постановлено было смотрѣть на этотъ доносъ на митрополита, какъ на ложный. Чтобы впредь онъ не дерзалъ затруднять ея императорское величество доносами, ему учинили наказаніе плетьми.

На допросѣ канцеляристъ Пчелинъ показалъ, что на иконѣ Божіей Матери «Превѣчнаго Младенца благословящая рука, да у благовѣрнаго князя Василія Ярославскаго (изображеннаго на той же иконѣ) правая рука въ моленіи написаны по раскольнически двоеперстосложеніемъ и, по резолюціи преосв. митрополита Арсенія, велѣно показанныя неисправно руки исправить иконописцу по надлежащему, чего-де ради для онаго исправленія окладъ съ того образа онъ, Пчелинъ, и снялъ».

Митрополитъ Арсеній послалъ по этому дѣлу свое донощеніе въ синодъ (13 марта 1751 г.), гдѣ извѣщалъ, что двѣ деревянныя часовни въ г. Романовѣ и одна каменная, по его приказанію, дѣйствительно разобраны. И это было сдѣлано въ силу правилъ св. отецъ, духовнаго регламента и высочайшихъ указовъ, такъ какъ въ нихъ находилось мольбище «по раскольническому суемудрію».

Волчкова сослали колодникомъ въ Оренбургъ.

Глава V.

Полемика съ лютеранами.

Такую же энергію митрополитъ Арсеній проявилъ и тѣ же пріемы употреблялъ въ борьбѣ съ лютеранами. Борьба съ ними въ предшествующее царствованіе императрицы Анны Іоанновны сосредоточивалась на защитѣ книги Стефана Яворскаго «Камень вѣры». Благодаря происканъ лютеранъ и поддержкѣ ихъ со стороны архіепископа новгородскаго, Θеофана Прокоповича, самое изданіе книги Яворскаго было преслѣдуемо, вышедшіе же изъ печати экземпляры вмѣстѣ съ письменными оригиналами были забраны даже въ крѣпость. Независимо отъ такого преслѣдованія и книги, и издателей ея, въ 30-хъ годахъ какой-то защитникъ лютеранства издалъ книгу «Разсужденіе о книгѣ Камень Вѣры», или «Молотокъ на Камень Вѣры» [1]). Здѣсь митрополитъ Стефанъ Яворскій обвиняется, какъ приверженецъ папы, и отвергается православное ученіе объ іерархіи, монашествѣ, призываніи святыхъ, иконопочитаніи и необходимости добрыхъ дѣлъ для спасенія.

Гоненія на книгу «Камень Вѣры» прекратились только съ восшествіемъ на престолъ императрицы Елизаветы Петровны; тогда же явилась возможность защищать православіе отъ лютеранскихъ пасквилей безъ опасенія преслѣдованій за то.

Митрополитъ Арсеній взялъ на себя дѣло защиты «Камня Вѣры» и написалъ свое «*Возраженіе на пасквиль лютеранскій, нареченный молотокъ на книгу «Камень Вѣры», который молотокъ показался быть восковой, яко воскъ отъ лица огня, сирѣчь отъ слова Божія и самыя истины исчезнувшій*» [2]).

Защищая книгу «Камень Вѣры», митрополитъ Арсеній говоритъ, что «правостію своею она, какъ солнце, свѣтла и непорочна» [3]). Какъ отъ крестнаго знаменія Юліанова исчезаютъ

---

[1]) † Проф. *И. Чистовичъ*,—«Рѣшиловское Дѣло», Спб., 1861 г., стр. 2—3.

[2]) «Возраженіе» не издано. Рукописи его въ Спб. Императорской Публичной Библіотекѣ F XVII, № 11 и F I отд., № 191.

[3]) Тамъ же, 50 листъ № 191.

мрачныя силы демоновъ, такъ отъ «Камня вѣры» разсѣеваются лютеранскія заблужденія [1]).—Арсеній не споритъ съ авторомъ «Молотка», что «нынѣшній римскій папа примѣромъ сатаны превознесся», но если «законъ папскій развращенъ (по мнѣнію какъ православныхъ, такъ и лютеранъ), то какъ же могло изъ него родиться истинное христіанство чрезъ противленіе ему и осужденіе?» [2]) Какъ папство, такъ и лютеранство можно назвать однимъ христоборнымъ сонмищемъ [3]), потому что Лютера и по образованію, и по происхожденію, и по присягѣ слѣдуетъ считать папистомъ.

Защищая митрополита Стефана отъ обвиненій пасквиля въ властолюбіи, происках и недѣятельности, Арсеній говоритъ о значеніи іерархіи въ Церкви Христовой. Въ пасквилѣ сообщается, что митрополитъ Стефанъ домогался возстановленія патріаршества; Арсеній на это говоритъ, что Петръ Великій патріаршества совсѣмъ не отвергалъ и не уничтожалъ... «Есть слѣдъ и видъ достовѣрный, яко воспріялъ было намѣреніе, чтобы, вмѣсто синоду, паки устроить патріарха» именно: когда архіепископъ Ѳеодосій Яновскій хотѣлъ вынести патріаршее мѣсто изъ соборной церкви, то царь ему запретилъ это «и за то жестокій напускъ Ѳеодосу далъ, что ажъ принужденъ тотъ изъ собору бѣжать».—Власть епископа уважаема и права его поддерживаются въ духовномъ регламентѣ: епископовъ, напримѣръ, регламентъ обязываетъ, «дабы по благословному случаю персонально обличали явно грѣшниковъ и иногда бы, по необходимой нуждѣ, доложа синоду, анаѳемѣ предавали».—Когда же авторъ пасквиля назвалъ себя братомъ, говоря, что Стефанъ, не признавая постовъ у лютеранъ, лжетъ «на брата своего»; Арсеній съ необычайною рѣзкостію на это отвѣчалъ: «и ты, лютеранскій пасторишко, ч..., а не Христовъ согласникъ; долженъ ты брататься съ ч..., или съ татариномъ, обызомъ, у котораго столько

---

[1]) Тамъ же, 55 л. «Оттого и говоришь ты, лютеранинъ нечестивый, что «Камень вѣры» не стоитъ возраженій», говоритъ митр. Арсеній въ своемъ «Возраженіи».

[2]) Тамъ же, 57 л.

[3]) Тамъ же, 30 л.

посвященія, какъ и у васъ. Съ архіереемъ нашимъ да еще первоначальнымъ, тебѣ, пасторишку бездѣльному и плуту извѣстному, брататься и верстаться отнюдь не надлежитъ» [1]).

Въ пасквилѣ митрополитъ Стефанъ обвиняется въ нерадѣніи къ народному просвѣщенію. Арсеній же указываетъ на повелѣніе императора Петра Великаго, чтобы въ домахъ архіерейскихъ съ 20 % сбора съ церковныхъ вотчинъ устраивать русскія школы; академія же и при ней семинарія философскихъ и богословскихъ ученій была бы тамъ, «гдѣ синода присутствіе на монаршемъ коштѣ государственномъ». Поэтому при архіерейскихъ домахъ ни академій, ни семинарій нѣтъ, а школы вездѣ есть.

На обвиненіе монаховъ въ роскошной жизни Арсеній отвѣчаетъ, что «на одного вашего пастора идетъ (содержанія) больше, чѣмъ на цѣлый нашъ монастырь». Изъ свидѣтельствъ Филона Арсеній доказываетъ, что аскеты были со временъ апостольскихъ. Хотя монашество появилось послѣ 240 года по Рождествѣ Христовомъ, но слѣды аскетизма были еще и ранѣе. Іосифъ Вингамъ свидѣтельствуетъ, что отъ временъ апостоловъ избирали епископовъ изъ аскетовъ иногда же—и изъ женатыхъ съ такимъ обязательствомъ, «дабы на архіерейскомъ степени дѣтей не плодили». «Хотя убо нынѣшнее монашество, какъ и христіанство, не въ мѣру слабѣйшее противу Церкве первенствующія, однако тунеядствомъ назваться не можетъ, понеже, какъ христіанство, такъ и монашество—дѣло воплощенія Господня и Самъ Христосъ—первѣйшій монахъ». Богородицу можно также назвать образцомъ монашества. Монахи своею жизнію подражаютъ Іоанну Крестителю.

Точно такъ же доказываетъ Арсеній, что архіереи имѣютъ историческое церковное право на собственность; древніе епископы имѣли деньги, напримѣръ, священномученикъ Кипріанъ, ведомый на казнь, завѣщаваетъ окружающимъ дать палачу, имѣющему совершить казнь надъ нимъ, 25 златницъ изъ «его персональныхъ—архіерейскихъ денегъ».

---

[1]) Тамъ же, 53 л.

Если у епископа было право имѣть собственность, то тѣмъ болѣе неприкосновенна собственность церковная, находящаяся подъ смотрѣніемъ епископа. Были примѣры чудеснаго вразумленія тѣхъ, кто посягалъ на церковное достояніе. Императоръ греческій Левъ IV, по свидѣтельству историка Кедрина, какъ только возложилъ на голову вѣнецъ съ драгоцѣнными камнями, взявши его изъ церкви, то «абіе курбункулы на челѣ его прозябоша».

Защита православнаго вѣроученія у Арсенія изобилуетъ многочисленными ссылками на писателей, какъ протестантскихъ, такъ и католическихъ: Беллярмина, Фляція, Баронія, Фунгера, Алляція, Каспара, Стресона, Арндта, Клуверія, Ванозія, Смиделима и др., какъ древнихъ, напр., Агриппы («о суэтѣ наукъ»), такъ и новѣйшихъ: Θеофана Прокоповича, Адама Зерникава. Въ рѣчи о призываніи святыхъ и объ иконопочитаніи онъ смѣло ссылается на самую книгу «Камень Вѣры»: «онъ тебѣ силенъ зубы сокрушити», увѣряетъ Арсеній своего противника. Часто доводы Арсенія полны замѣчательной и неожиданной силы; напримѣръ, на утвержденіе пасквиля, что спасеніе пріобрѣтается единою вѣрою безъ добрыхъ дѣлъ, Арсеній говоритъ: ссылаешься на мучениковъ, ничего не сдѣлавшихъ по вѣрѣ во Христа и спасшихся, но развѣ муки за Христа не тѣ же добрыя дѣла? Они-то и есть лучшее свидѣтельство вѣры исповѣдника [1]). Иногда авторъ пасквиля удачно уличается въ невѣжествѣ [2]).

Сила убѣдительности теряется, однако отъ внѣшнихъ пріемовъ и отъ раздражительнаго тона, которымъ проникнуто все «Возраженіе». Высказавши неправильное мнѣніе па-

---

[1]) Въ примѣръ необходимости добрыхъ дѣлъ Арсеній приводитъ слѣдующій разсказъ Фляція: однажды кардиналы, разгнѣванные скупостію папы, намѣренно положили на дорогу, по которой долженъ былъ проѣхать онъ, хромого человѣка. Когда папа поравнялся съ хромымъ, кардиналы предложили ему произнесть слова ап. Петра: «сребра и злата нѣсть у меня»... Другіе же изъ кардиналовъ на ухо говорили ему: «нельзя тебѣ этого сказать, потому что много у тебя злата и сребра». («Возраженіе» 121 л.). По лютеранскому ученію, Христосъ предлагаетъ намъ заповѣди не для исполненія, и христіане, не имѣя дара исцѣлять страждующихъ, по такому ученію, имѣли бы право отказывать имъ во всякой помощи.

[2]) «Возраженіе», 171 л.

сквиля, Арсеній прежде чѣмъ представить противъ него доводы разумные, изливаетъ по поводу высказаннаго свое непосредственное чувство негодованія на клеветника, называя его то «зоиломъ», то «ежомъ» и т. п: «ты, какъ ежъ, все ежишься»; иногда же употребляетъ такія фразы по адресу автора пасквиля: «собака лаетъ, а вѣтеръ носитъ», «горохъ съ капустою мѣшаешь», «заврался ты очюнь тѣмъ словомъ», «будетъ вамъ (лютеранамъ) погибель *горше* бѣсовъ». Заключеніе же «Возраженія» дышетъ не сдержаннымъ гнѣвомъ». «Во всемъ пашквилѣ, говоритъ Арсеній, на одно предисловіе книги «Камень вѣры» чрезъ десятое едиными околесицами и пустыми враками отвѣтствуя, прямого же отвѣта на Слово Божіе и самую истину приводимую нигдѣ не преподая, наконецъ... увидѣлъ, что тебѣ ниже таковыхъ вракъ злоковарныхъ болѣе остается, принужденъ еси глаголати: что тебѣ языкъ устаетъ. Пусть же по твоей вѣрѣ такъ тебѣ и будетъ: онѣмѣй и совсѣмъ околѣй, ч. . . . съ тобою, тако бо псаломникъ глаголетъ: нѣмы да будутъ уста льстивыя» [1]).

Пріемы полемики одинаковы, такъ что для ознакомленія съ ними достаточно намъ и одной выдержки [2]).

— *Въ пасквилѣ лютеранскомъ* авторъ «Камня вѣры» обличается въ превратномъ пониманіи христіанской любви.

«О любви много вы упоминаете, говорится въ пашквилѣ, но не могу видѣть: знаешь ли какая то любовь, что Христосъ требуетъ? Не та ли любовь, думаешь, чтобы хотя и украсть, или ограбить, да родственниковъ и любимцевъ набогатить? Или то любовь, что друга и пріятеля чѣмъ подарить и угодить, каковы то думаете о вашихъ чернцахъ, еже великое Богу угожденіе творите, когда монастыри обогащаете или чѣмъ снабдѣваете? Но я думаю, какъ они сами, такъ и богатящіе ихъ, и благодѣянія Богу не творятъ. Ибо кто въ монастырь идетъ?—Тотъ, который по должности за цѣлость отечества и за вѣру противу непріятеля ополчаться, Божія закона слушать и убогаго защищать не хощетъ. Кто не хощетъ работать и податей по закону Господню платить.

---

[1]) «Возраженіе», 204 л.

[2]) Обильныя выдержки изъ «Возраженія» приведены въ книгѣ † проф. *И. А. Чистовича* «Ѳеофанъ Прокоповичъ».

Кто лѣнится и дѣтей пропитать. Кто во младости жилъ непристойно, ничему не учился и ни о чемъ не промышлялъ. Или кто, не имѣя чистаго разсужденія о другихъ, въ прельщеніяхъ введенъ. Всѣ таковые достойны ли, чтобы ихъ государство кормило? И который вчера самъ работалъ, подати платилъ и немогущимъ немоществовалъ, днесь на покоѣ: другіе ему служатъ и на него работаютъ, пищу и одежду приносятъ. То ли его нищета? То ли ихъ и вспомогающихъ имъ Богу благодѣяніе?. Поистину самъ скажешь, что не то, ибо Господь не ту любовь почитаетъ (Мѳ. XXV, 35), за которую царство небесное обѣщаетъ. Павелъ святый о плодахъ любви показуетъ: 1 Кор. XIII и Гал. V, 24 и проч. Гдѣ же видишь толико, яко въ Россіи дряхлыхъ, увѣчныхъ, не могущихъ имѣть пропитаніе? По улицамъ лежа, отъ хлада и глада исчезаютъ. Не лучше ль бы имъ пропитаніе дать, и въ наученіе младенцамъ употребить, нежели стада лѣнивыхъ чернцовъ тучить?»

Возраженіе митрополита Арсенія на пасквиль таково. «Посмотри прежде на себе, могутъ ли у васъ таковые плоды любве Божія хотя мало изыскаться, каковые ты отъ насъ требуешь? Егда по признанію вашихъ же учителей, а наипаче преждереченнаго Іакова, Андрея Смиделима явственно объ васъ свидѣтельствующаго, идѣже, рѣче, нищимъ человѣколюбіе сотворити надлежитъ, тамо грабятъ и до кожи обдираютъ; и посему не меньше и у васъ противу нашего пищихъ и бѣдныхъ безъ призрѣнія, такожъ и жестокосердныхъ и немилостивыхъ, не токмо неподателей, но и грабителей толикое жъ или большее число изыщется, которые не боятся и не ужасаются прещенія Христова во евангельской главѣ отъ тебя показанной на страшномъ судѣ немилостивымъ живота вѣчнаго предлежащаго; таковый же плодъ любве Божія отъ словесъ апостольскихъ, тобою приведенныхъ, сирѣчь духовная духовными разсуждающе и «иже Христовы суть, плоть распяша со страстьми и похотьми» гдѣ у васъ мѣсто обрящетъ, егда у васъ не токмо монашество, но и постъ, мати воздержанію и умерщвленію тѣлесному,—совсѣмъ отверженъ и, по признанію того жъ учителя, Смиделима, вмѣсто поста, во объядѣніяхъ и пьян-

ствахъ нощію и днемъ упражняетеся. И каково можетъ у васъ быти духовное разсужденіе, когда плотской похоти совсѣмъ поработитеся, ово блудилищныхъ домовъ придержащеся, ово, по признанію учителя вашего Каспара, въ любодѣйственныхъ плясаніяхъ, играхъ и въ блудныхъ и суевѣрныхъ праздникахъ частыми пированіями упражняющеся, и тако не токмо монашество, но и добродѣтель цѣломудрія, плоть духу порабощающаго, духъ же къ страху Божію и къ распеншемуся за насъ Христу приводящаго, совсѣмъ отвергаете? Монашество же, наипаче на таковое дѣло устроено, дабы, по апостолу, духовными разсуждати и плоть со страстьми и похотьми Христу сораспинати, какъ то и вамъ авторъ Іоаннъ Фунгеръ въ «Толкованіи латинскихъ имянъ» протолковалъ: монахъ, рече, потому, яко единъ печалится. Отъ греческаго бо, рече, языка «моносъ» единъ, «ахосъ» сѣтованіе или печаль значитъ, егоже себе истощеваетъ, мира отрекся и вся похоти и прихоти отвергъ; той же вамъ авторъ приводитъ преподобнаго Іеронима, глаголющаго: монахъ долгъ имать не учити, но плакати, иже себя или міръ оплакиваетъ и со страхомъ и трепетомъ Господне пришествія ожидаетъ. Надлежитъ же воспомянуть, что и безбожный жидовинъ, царь Дунаанъ, о монашествѣ разсуждалъ по писанному о немъ въ житіи святого мученика Арефы: возгнети (развелъ), рече, зѣло великій огнь, собра множество священниковъ и клириковъ, иноковъ и инокинь и дѣвъ освященныхъ Богови, и вверже я во огнь числомъ 427 лицъ; и тако сожже я глаголя: сіи суть виною инѣхъ, пагубы совѣтующе, да распятаго, яко Бога, почитаютъ. Понеже убо мы въ противность таковому богоненавистничеству вѣрою, надеждою и любовію придержимся распятаго Христа истиннаго Бога нашего и въ Немъ животъ нашъ и спасеніе и отъ погибели избавленіе быти признаемъ, того ради монашества не отвергаемъ, но всеусердно пріемлемъ, вы же лютерады, потомки ехиднино исчадіе, когда монашество ненавидите, блудилищныи же домы, вмѣсто міра, созидаете и учреждаете, то уже является быти съ превосходствомъ согласны показанному Дунаану, жидовину безбожному, буди убо вамъ часть съ нимъ, когда вамъ такъ полюбилася:

болѣе же на твои пустыя враки нечего отвѣтствовать, токмо симъ заключить: смотри себя, будетъ съ тебя, рѣчь бо безпрекословная какъ у насъ, такъ и у васъ, яко не надлежитъ, какъ грабити и воровати, такъ отъ воровства и грабительства ниже чужихъ, ниже своихъ снабдѣвати, отъ своего же сущаго имѣнія своихъ прежде Павелъ снабдѣвати повелѣваетъ глаголя: аще кто о своихъ, паче же о присныхъ не промышляетъ, вѣры отвергся есть и невѣрнаго горши есть. Златоустъ же: аще кто, рече, роду своему приличныхъ и соединенныхъ южичествомъ презритъ, како убо будетъ на иныхъ любовенъ? Не тщеславія ли вещь, вси рекутъ, егда чуждымъ благотворя, своихъ си пренебрежетъ и не пощадитъ? А якоже во христіанствѣ, тако и въ монашествѣ не то изыскуется, откуду бы кто пришелъ, но токмо былъ бы въ своемъ званіи исправенъ и оное по надлежащему бы содержалъ и исполнялъ, еже видѣть отъ образца Павла апостола, который Онисима не токмо въ вѣру крещеную принялъ, но и апостольству сопричтилъ; Онисимъ же рабъ былъ господина своего Филимона, бѣжавшій и окравшій; однако какихъ принимать и какихъ не принимать въ монашество, показано намъ довольно, какъ въ древнихъ правилахъ церковныхъ, такъ и въ регламентѣ духовномъ» [1]).

Такимъ образомъ митрополитъ Арсеній одновременно велъ борьбу съ разными врагами православія: и съ фанатизмомъ раскольниковъ и съ раціоналистическою пропагандою лютеранства. Хотя и тѣ и другіе полемическіе его трактаты однообразны въ основныхъ положеніяхъ и детальныхъ пріемахъ, техникѣ и доказательствахъ, но это не говоритъ еще объ односторонности его таланта. Характеръ всей полемики показываетъ, что среди самой борьбы у него выработалось и окрѣпло сознаніе іерарха, чуждающагося фанатическаго стоянія за старое, и, вмѣстѣ съ тѣмъ не увлекающагося новыми неправославными вѣяніями западныхъ идей.

---

[1]) «Возраженіе», въ Имп. Публ. Библ. F. I отд., № 191, 111 л.

Глава VI

Основаніе ярославской семинаріи.

Борьба съ расколомъ показываетъ, какъ необходимо просвѣщеніе какъ для народа, такъ и для духовенства. Въ первые годы своего управленія митрополитъ Арсеній убѣдился, что ростовцы были въ такомъ невѣжествѣ, что ихъ надо было едва не снова въ христіанскую вѣру приводить. Руководители же народные, духовныя лица почти ничѣмъ не отличались отъ своихъ пасомыхъ: по указамъ владыки, поповскіе старосты обязывались искоренять мѣрами крайней строгости у духовенства тѣ же недостатки образованія и сознанія чести, которые были и въ народѣ. Въ виду такого положенія, по мнѣнію Арсенія, достаточно было пока и того, чтобы священники умѣли читать по книгѣ [1]) для народа готовыя поученія, разумѣть, что читаютъ, и совершать чинно богослуженіе.

Для образованія духовенства, не задолго до прибытія въ Ростовъ Арсенія, тамъ была основана 1739 года славяно-латинская грамматическая школа. При митрополитѣ Аѳанасіи въ школѣ введено преподаваніе богословія, языковъ греческаго и еврейскаго. По распоряженію митрополита Арсенія въ 1747 году, она переведена изъ Ростова въ Ярославль и соединена съ существовавшею ранѣе ярославскою славяно-россійскою грамматическою школою. Такимъ образомъ возникло одно общее для епархіи учебное заведеніе, подъ названіемъ семинаріи. Главное вниманіе при преподаваніи обращено было на усвоеніе учениками «Православнаго исповѣданія вѣры» и на то, чтобы молодымъ людямъ внушить благоговѣніе предъ великимъ служеніемъ пастыря.

Арсеній принялся за новое дѣло со свойственною ему энергіей. Онъ самъ принялъ участіе въ преподаваніи наукъ; принималъ и административныя мѣры къ матеріальному

---

[1]) «Доношеніе Арсенія къ синоду 1763 г.» «Чтенія Общ. Ист. Др. Росс.», 1862 г., II кн., 32—33 стр.). При имп. Елизаветѣ Петровнѣ уровень образованія былъ не высокъ: отъ духовныхъ требовалось, чтобы они только «знали силу букваря».

обезпеченію семинаріи. Чтобы не было недовольства среди родителей учащихся, по духовному регламенту, ученики пользовались готовымъ содержаніемъ. На этотъ предметъ существовалъ сборъ съ хлѣбной доходности отъ монастырей—$^1/_{20}$ и съ церквей $^1/_{30}$. Арсеній сталъ строго слѣдить, чтобы и хозяйство въ монастыряхъ было исправно, и доходность ихъ обозначалась вѣрно. Отъ его имени часто издавались грозные указы, чтобы вѣдомости о доходахъ были правдивыя и вѣрныя; за ложное же показаніе въ нихъ виновнымъ грозили штрафомъ, лишеніемъ чиновъ и даже истязаніемъ. Наконецъ, при обнаруженіи ложныхъ показаній въ 1746 году велѣно было брать съ провинившихся втрое, чтобы и другимъ было не повадно такъ поступать. Въ 1756 года хлѣбный сборъ, для облегченія духовенства, былъ замѣненъ денежнымъ окладомъ.

Къ преподавателямъ семинаріи митрополитъ проявилъ такую же строгость и даже мелочную подозрительность.

Въ 1759 году въ семинарію посланъ былъ святѣйшимъ синодомъ архимандритъ Владиміръ Каллиграфъ, «яко учительный и ректорское послушаніе нести могущій».—Арсеній не могъ не знать о Каллиграфѣ и ранѣе, потому что тотъ былъ замѣчательно талантливымъ ораторомъ. Не задолго предъ тѣмъ временемъ въ Москвѣ онъ всѣхъ привелъ «въ крайнее сумнительство» своими смѣлыми обличеніями тѣхъ, «кто на однихъ святыхъ, на иконы ихъ или на Богоматерь всю надежду свою полагаетъ» [1]). Всѣмъ было также извѣ-

---

[1]) «Не прельщай себя никто, говорилъ въ проповѣди Каллиграфъ, будто такимъ образомъ помилованну быть можно. Принеси, кто хочетъ, и тысячу свѣчъ или сто пудовъ ладану св. Николаю, св. Георгію или другимъ угодникамъ Божіимъ, а любви къ Богу и ближнему не хоти: то имъ оное приношеніе твое такъ будетъ пріятно: какъ тебѣ самому отъ явнаго непріятеля твоего учиненное поздравленіе... Праведный Ной, Авраамъ, Исаакъ... были во время свое угодниками Божіими и теперича вѣчно на небеси царствуютъ. Да для чего они—святыми? Для того ли, что они все упованіе на святыхъ или на Богоматерь только полагали? Нельзя того сказать: прежде нихъ на свѣтѣ еще ни святыхъ, ни Богоматери на свѣтѣ не было». «Сами апостолы чѣмъ угодили Богу? Однимъ ли призываніемъ святыхъ, котораго тогда и въ обычаѣ не было?» «Прекаянніи узнаютъ, что упованіе ихъ было суэтно, когда никакой помощи ни отъ святыхъ, ни отъ Богоматери, а о иконахъ и говорить нечего, получить не возмогутъ, кромѣ оной пользы, которую получили ложніи оніи ваалови пророцы» и т. п.

стно, что Каллиграфъ долженъ былъ просить у святѣйшаго синода прощеніе за свою смѣлую проповѣдь и, по приказанію начальства, произнести другую—о необходимости почитанія св. угодниковъ и иконъ. Поэтому Арсеній изъ опасенія, чтобы отецъ ректоръ «не всѣялъ ереси ростовской паствѣ» не хотѣлъ допустить его въ семинарію и велѣлъ ему жить въ ярославскомъ Спасскомъ монастырѣ.—Вскорѣ онъ потребовалъ настойчиво отъ Каллиграфа, чтобы Каллиграфъ и здѣсь, какъ и въ Москвѣ, объявилъ свою проповѣдь еретическою, но получилъ отъ него отвѣтъ, что дѣло о московской проповѣди уже рѣшено самимъ святѣйшимъ синодомъ. Владыка пришелъ отъ такихъ словъ въ страшный гнѣвъ и объявилъ чрезъ своего архидіакона Игнатія, что онъ запрещаетъ ему съ собою служить и куда-либо ѣздить. Тогда Каллиграфъ обратился къ святѣйшему синоду съ просьбою уволить его изъ ростовской епархіи, или же защитить отъ здѣшняго архіерея.

Митрополитъ Арсеній въ то же время въ рапортѣ святѣйшему синоду объясняетъ все дѣло по своему: онъ усмотрѣлъ въ проповѣди Каллиграфа, «жидовство и кальвинство» и доказываетъ это, разбирая мысли самой проповѣди.

Рапортъ его въ синодъ таковъ. «Прошедшаго сентября 25 дня 1759 года явился ко мнѣ опредѣленный отъ вашего святѣйшества въ Спасо-ярославскій монастырь архимандритъ Владиміръ Каллиграфъ. Я спросилъ его о говоренной имъ въ Москвѣ проповѣди, которая у насъ по рукамъ ходитъ и у меня копія имѣется. Архимандритъ Владиміръ не восхотѣлъ признать въ ней никакой погрѣшности, выправляя себя тѣмъ, будто ваше святѣйшество ту проповѣдь апробовали. Я ему на то отвѣтствовалъ: ежели бы апробовали, то для чего тебѣ другое поученіе велѣно въ опроверженіе прежняго говорить? Онъ на сіе сказалъ: это-де для простыхъ. И я ему больше не прекословилъ, а по указу вашего святѣйшества отправилъ въ Спасо-ярославскій монастырь. Будучи въ монастырѣ, оный архимандритъ занемогъ и отпросился для излеченія въ Москву, въ которую его отлучность получилъ я съ указу, присланнаго о немъ въ синодальную контору, копію, изъ которой видно, что не токмо апробаціи вашего святѣйшества не имѣется, но еще и обя-

занъ онъ за ту соблазнительную проповѣдь крѣпкою подпискою, что ежели впредь, паче чаянія, хотя мало въ чемъ соблазнительное за нимъ усмотрѣно будетъ, то безъ всякаго снисхожденія, по правиламъ св. отецъ, жесточайше истязанъ будетъ. А сего мая 20, онъ, Каллиграфъ, изъ Москвы въ Ярославль возвратился и меня тутъ улучилъ; мнѣ же невозможно было и нестерпимо на совѣсти о той его проповѣди паки ему не воспомянуть; и когда я ему возобличеніе сказалъ, что апробаціи вашего святѣйшества о его прежней проповѣди отнюдь не имѣется и многое въ той его проповѣди писано и ученію Церкви противное, и самое жидовство заключается, то онъ и тутъ сталъ въ крайнемъ упрямствѣ и погрѣшность свою признавать крайне отказался. Того ради я его съ такою резолюціею отпустилъ: когда ты, говорю, своей погрѣшности не признаешь, то я тебя не признаю за христіанина. И далъ ему на волю: или въ моей епархіи жить, или вспять возвратиться. Однакожъ, онъ, архимандритъ, архидіакону моему объявилъ, что какъ онъ по указу сюда присланъ, такъ безъ указу не будетъ возвращаться; и я паки ему объявилъ, что по силѣ указа пусть онъ архимандритомъ настоящимъ въ монастырѣ до крайнаго рѣшенія вашего святѣйшества будетъ, токмо со мной пусть не служитъ и ко мнѣ впредь не является».

Затѣмъ, митрополитъ Арсеній указываетъ на мнѣніе Каллиграфа, высказанное въ его проповѣди, будто призываніе святыхъ «къ богоугожденію и спасенію не нужно...» «Не дерзая того явственно сказать, что и намъ не надобно также призывать святыхъ, заключилъ свою злоковарную проповѣдь таковымъ образомъ, что де какъ Богъ одинъ и тотъ же въ ветхомъ завѣтѣ, такъ и путь спасенія не иной ветхозавѣтнымъ, а другой новоблагодатнымъ опредѣлилъ»; тогда, заключаетъ Арсеній, надо отвергнуть призываніе святыхъ, самое крещеніе, какъ не нужное, а слѣдуетъ принимать обрѣзаніе, приносить жертвы и т. п.—Такимъ образомъ, въ проповѣди Каллиграфа онъ видитъ и кальвинство и жидовство. «Хотя онъ (Каллиграфъ) и сочинилъ другое въ опроверженіе прежняго (поученіе),—пишетъ Арсеній въ святѣйшій синодъ,—однако по большей части притворно сіе дѣлалъ;

слѣдовательно такова его совѣсть является, какова была у нѣкоего изъ дворянъ Возницына, котораго во время государыни Анны Іоанновны смертію казнили за то, что, поѣхавши за рубежъ, въ Слуцкѣ обрѣзался и жидомъ сталъ и жидомъ паки въ домъ возвратился и субботствовалъ и прочіи ихъ празднованія, и моленія отправлялъ, и тайнамъ святымъ наругался, о чемъ жена его самой государынѣ доносила, и когда на истязаніе былъ взятъ, и на очной ставкѣ съ жидомъ обличенъ, что подлинно обрѣзанъ, такожъ и лѣкари и перекрестъ нѣкакой объ обрѣзаніи его подлинно утверждали,—однакожъ отъ всего того отпирался и когда въ покаянную былъ посаженъ, и я, сколько могъ, увѣщавалъ его исповѣдать грѣхъ свой и повиниться, то онъ того ниже слышать хотѣлъ, но все утверждалъ, что не былъ жидомъ и не обрѣзывался,—я де и нынѣ христіанинъ, хочу исповѣдываться и пріобщаться. И ведомый на смерть не покаялся, и въ своемъ упрямствѣ чуждъ христіанства остался и погибъ... По моему усмотрѣнію, оный архимандритъ совѣстію своею и состояніемъ совсѣмъ почти сходенъ съ онымъ Возницынымъ... Прошу убо покорно вашесвятѣйшество отъ такового волка и врага Божія какъ меня, такъ и епархію мою свободить».

18 іюня того же года духовная консисторія получила такой указъ своего митрополита: «наша совѣсть архіерейская не терпитъ его (Каллиграфа) содержать настоятелемъ монастыря Спасоярославскаго. Того ради властію нашею архіерейскою, отъ Бога и отъ ея императорскаго величества намъ данною, отрѣшаемъ онаго архимандрита отъ власти и настоятельства въ ономъ монастырѣ и вручаемъ всю власть монастырскаго правленія тамошнему келарю и казначею, которымъ какъ вся братія, такъ и служители и крестьяне монастырскіе должны повиноваться, а оному архимандриту знать келію да церковь и ни въ какое дѣло монастырское не мѣшаться, но ожидать рѣшенія отъ святѣйшаго синода, и въ церкви на мѣстѣ не стоять, ниже служить, ниже на молебны и панихиды облачаться. Повелѣваемъ же келарю и казначею давать оному архимандриту надлежащее пропитаніе».

Въ то же время онъ извѣщаетъ и святѣйшій синодъ, что дожидать рѣшенія синода относительно Каллиграфа и

оставлять его при управленіи монастыремъ далѣе не стерпѣла совѣсть его архіерейская.

Со своей стороны и Каллиграфъ заявляетъ святѣйшему синоду, что ему въ ярославской епархіи «жить никакъ нельзя».

Святѣйшій синодъ, однако, не согласился ни съ представленіемъ Арсенія, ни съ просьбою Каллиграфа, а указалъ костромскому епископу Дамаскину разслѣдовать вины архимандрита, самому же Арсенію представить въ синодъ болѣе вѣскія доказательства еретичества Каллиграфа. Дѣло все прекратилось смертію Каллиграфа, послѣдовавшею въ августѣ 1760 года [1]).

Подозрительное отношеніе къ даровитому проповѣднику у митрополита Арсенія было естественно, такъ какъ направленіе семинаріи, постановка обученія, все было дорого для него, какъ основателя. Когда же ректоромъ ея назначили лицо, уже потерпѣвшее за свой неправославный образъ мыслей, когда самъ другъ его Амвросій переславскій призналъ, что Каллиграфу «преподавать богословское ученіе не слѣдуетъ дозволять», Арсеній не могъ стерпѣть такого «волка подъ овечьей кожей» [2]).

Глава VII.

Открытіе мощей св. Димитрія Ростовскаго [3]).

Борьба митрополита Арсенія съ раскольниками и лютеранами увѣнчалась торжествомъ открытія мощей святителя Димитрія, митрополита ростовскаго. Неожиданное это событіе заставило замолчать и раскольниковъ, съ которыми боролся новоявленный чудотворецъ, и лютеранъ, нападавшихъ

---

[1]) О Каллиграфѣ—гомилетическое изслѣдованіе проф. Н. И. Барсова находится въ «Христіанскомъ Чтеніи», 1874 г., ч. I, стр. 26 9—286 575—608 («Малоизвѣстные проповѣдники XVIII столѣтія»).

[2]) Слова Амвросія переславскаго, который въ это время лично былъ у митр. Арсенія въ Ростовѣ («Хр. Чт.», 1874 г., I ч., ст. 271).

[3]) «Дѣло объ открытіи мощей св. Димитрія Ростовскаго» находится въ Государственномъ Архивѣ, разрядъ XVIII, № 175. Помимо «Дѣла» матеріалъ для этой главы заимствованъ изъ «Ярославскихъ Епарх. Вѣдом.» за 1872 г., гдѣ помѣщенъ указъ митр. Арсенію объ открытіи мощей и свидѣтельства о чудесахъ (№ 3 и 42).

на ученіе православныхъ о почитаніи святыхъ, и всѣхъ вообще враговъ митрополита Арсенія, потому что сама императрица стала проявлять къ преемнику св. Димитрія отмѣнное вниманіе.

Домовая экономическая канцелярія, 18 сентября 1752 г., донесла митрополиту, что въ церкви Зачатія Пресв. Богородицы, въ Яковлевскомъ монастырѣ, поврежденъ отъ времени чугунный плитяной полъ. Освидѣтельствовать поврежденіе пола поручено было отъ владыки игумену Геннадію, которому дозволялось, если будетъ необходимо, сдвинуть съ мѣста и гробницу, стоящую надъ мѣстомъ погребенія митрополита Димитрія.—Когда стали разбирать сгнившіе подъ поломъ деревянные брусья, то подъ ними нашли въ каменной гробницѣ тѣло почившаго въ 1709 году митрополита Димитрія почти совершенно нетлѣннымъ. Митрополитъ Арсеній приказалъ оставить св. мощи въ той же гробницѣ, запереть на замокъ и запечатать; самъ же въ тотъ же день донесъ объ обрѣтеніи ихъ въ святѣйшій синодъ [1]).

Въ слѣдующемъ году пріѣзжалъ въ Ростовъ московскій архіепископъ Платонъ. Посѣтивши гробницу св. Димитрія, онъ сообщилъ Арсенію о слухахъ,—будто бы у мощей этихъ многіе получаютъ облегченіе отъ лихорадки. По поводу такого важнаго сообщенія было сдѣлано распоряженіе, чтобы экономъ архіерейскій записывалъ всякаго рода исцѣленія у гроба св. чудотворца [2]).

Слухи объ исцѣленіяхъ въ Ростовѣ дошли до императрицы Елизаветы Петровны. Духовникъ ея, протоіерей Дубянскій, передалъ въ 1755 г. митрополиту Арсенію желаніе императрицы имѣть подтвержденіе такихъ слуховъ [3]). Въ то же время и въ святѣйшемъ синодѣ полученъ запросъ отъ государыни о состояніи мощей Димитрія Ростовскаго. Святѣйшій синодъ отозвался тѣмъ, что отъ митрополита Ростовскаго не получалось никакихъ извѣстій ни о мощахъ, ни о чудесахъ, происходящихъ тамъ, кромѣ доношенія о случаѣ обрѣтенія ихъ въ 1752 году. Тогда императрица, 14 декабря 1756 г. чрезъ княжну Наталью Григорьевну Бѣлосельскую просила

---

[1]) Тамъ же, 503—508 листы. [2]) Тамъ же, 131 л. [3]) Тамъ же, 312 л.

митрополита Арсенія, чтобы онъ «вѣрно и совѣстно» донесъ ей объ обрѣтенныхъ св. мощахъ св. Димитрія. Митрополитъ Арсеній отвѣчаетъ ей, «какъ духовнику своему», что мощи, дѣйствительно, найдены нетлѣнными и что православнымъ людямъ слѣдуетъ нынѣ особенно радоваться, такъ какъ явленіе ихъ составляетъ полное торжество Церкви надъ раскольниками.

Въ то же время митрополитъ Арсеній рапортомъ доноситъ святѣйшему синоду, что извѣщенія отъ него относительно состоянія св. мощей не было потому, «что исперва о томъ разсмотрѣнія не имѣлъ»... И послѣ же не могъ своевременно донести о нѣкоторыхъ знатныхъ чудесахъ «ово за суэтами моими и болѣзнями, ово разсуждая, что таковое дѣло дальшаго еще требуетъ разсужденія»... Уже и то одно, по его мнѣнію, надо почитать за чудо, что мощи въ продолженіе болѣе сорока лѣтъ остаются нетлѣнными [1]).

Въ началѣ 1757 года, по распоряженію кабинета, нетлѣнность мощей была освидѣтельствована митрополитомъ Сильвестромъ суздальскимъ и архимандритомъ симоновскимъ Гавріиломъ «по присяжной должности» ихъ [2]). 19 марта того же года, святѣйшій синодъ докладываетъ государынѣ, въ виду чудесъ, происходящихъ отъ нетлѣннаго тѣла святителя Димитрія, достойно почитать оное за св. мощи и огласить это въ народѣ; по мнѣнію синода мощи необходимо переложить въ новую раку, установить празднество памяти святителя 21 сентября и разрѣшить служеніе предъ мощами всенощнаго бдѣнія и молебновъ, а для этого—сочинить службу новоявленному чудотворцу [3]). Составленіе житія и службы поручили митрополиту Арсенію. Указъ объ открытіи св. мощей состоялся 22 апрѣля 1757 года.

Благочестивая императрица приняла близкое участіе въ прославленіи св. угодника Божія. Особымъ письмомъ она просила митрополита Арсенія прислать къ ней портретъ св. Димитрія [4]), заказала для св. мощей богатую серебряную раку и просила графа Шувалова [5]) принять наблюденіе за приготовленіемъ ея. Модель раки изготовлена

---

[1]) Тамъ же, лл. 130—131; 312. [2]) Тамъ же, 501 л. [3]) Тамъ же, 133—135 л. [4]) Тамъ же, 523 л. [5]) Тамъ же, 540 л.

Шлякеромъ; на нее было ассигновано серебра 10 пудовъ 24 фунта 31 зол.—на сумму 12,877 рублей 57 копѣекъ [1]).

Въ 1759 году рака была уже готова, но такъ какъ въ храмѣ, гдѣ почивали мощи, требовался ремонтъ кровли и проч., то ее поставили на храненіе въ Невскомъ монастырѣ, въ Петербургѣ [2]).

Со времени открытія мощей св. Димитрія въ народѣ стали появляться записки о чудесахъ, происходящихъ у нетлѣнныхъ мощей его. По поводу быстраго распространенія ихъ въ народѣ, изъ святѣйшаго синода было послано Арсенію приказаніе разслѣдовать,—«съ чьего позволенія, кѣмъ и давно ли раздаются» богомольцамъ такія тетрадки; ему приказывали запретить раздачу всякихъ записей безъ апробаціи святѣйшаго синода. Арсеній отвѣчалъ, что у гробницы св. Димитрія ничего не раздается. При этомъ, онъ особо извѣщаетъ самого тогдашняго оберъ-прокурора, князя Козловскаго, что распространяемыя въ народѣ тетрадки о чудесахъ св. Димитрія, вѣроятно, написаны самими очевидцами чудесъ, но можетъ быть и то, что онѣ списаны съ тѣхъ доношеній, которыя отъ него поступили въ синодъ, и потому, по его мнѣнію, дознаніе надо было производить не въ Ростовѣ, а въ святѣйшемъ синодѣ. Впрочемъ, и запрещать раздачу такихъ тетрадокъ нѣтъ надобности, чтобы не подать раскольникамъ повода—измышлять хулы на чудотворца [3]).

Глава VIII.

Церковныя вотчины.

Ростовская епархія по справедливости считалась одною изъ самыхъ богатыхъ, какъ по количеству церковныхъ да-

---

[1]) Тамъ же, 175 л. [2]) Тамъ же, 583 л.

[3]) «Письмо А. Мацѣевича къ кн. Козловскому» («Русскій Архивъ», 1902 г., 3 кн., 497 стр.), сообщенное *Титовымъ*, который ошибочно относитъ его къ царствованію императрицы Екатерины II. Указаніе въ письмѣ на смерть Каллиграфа († 1760 г. августъ) побуждаетъ его отнести къ 1760 г.

ней съ обширной территоріи [1]), такъ и по громадному числу вотчинъ,—собственно архіерейскаго дома [2]) и вотчинъ монастырскихъ. Митрополитъ Арсеній сталъ наслѣдникомъ архіерейскихъ правъ на всѣ эти имѣнія,—правъ собственности и защиты,—въ самое тревожное время, когда со всѣхъ сторонъ усиливались притязанія на нихъ.

Имѣнія ростовской епархіи имѣли самую почтенную древность и происхожденіе. Первые подвижники въ предѣлахъ ростовскихъ, какъ и вездѣ, управляли землею въ качествѣ первыхъ работниковъ надъ дѣвственной почвой: они были и владѣльцами и распорядителями земельной заимки. Взять отъ нихъ землю, по которой впервые прошелъ ихъ плугъ, было бы такою же несправедливостію, какъ отнять отъ древняго египетскаго пустынника тѣ корзины своего издѣлія, которыя онъ несъ продавать для пріобрѣтенія себѣ средствъ къ пропитанію и благотворительности. Впослѣдствіи иноки стали распорядителями и надъ трудомъ крестьянина, поселившагося у нихъ. Особенности русскаго земскаго строя сдѣлали монастырскую землю неотчуждаемою: земля становилась собственностію цѣлой иноческой *общины*: имѣя общежительный уставъ, братія, въ глазахъ народа и правительства, имѣла тѣ же права земельной неотчуждаемости, какъ крестьянская «выть», или общество, на основаніи общаго гражданскаго положенія. Право неотчуждаемости еще болѣе упрочилось желаніемъ вкладчиковъ, которые давали въ монастыри и въ церкви свои земли не иначе, какъ съ обязательствомъ, со стороны настоятелей, жертвуемыя земли ни продавать, ни закладывать.

По мѣрѣ увеличенія земельныхъ владѣній обнаруживалось, что права управленія собственностью и защиты не

---

[1]) Въ разсматриваемое время даней съ церквей, вѣнечныхъ и оброчныхъ, собиралось 2,014 руб., которыя въ переводѣ на наши деньги составятъ сумму гораздо большую (Государственный Архивъ, «Доклады коллегіи экономіи», разрядъ XVIII, № 85, листъ 30—35).

[2]) Тамъ же. Въ 1742 году коллегія экономіи считала за архіерейскимъ домомъ 16,796 душъ крестьянъ, съ которыхъ сбора бывало 7.046 р. 51 к. По вѣдомости 1762 г. (Описаніе дѣлъ и документовъ син. V, прилож. XXII) значится 16,340 душъ, съ которыхъ взималось 8,943 р. $70^1/_2$ денегъ и 10,919 четвертей хлѣба; церквей было 839; монастырей и пустынь 34, за которыми значилось 38,871 душа.

согласовались съ иноческими обѣтами нестяжательности и отреченія отъ міра, такъ какъ нерѣдко вовлекали въ столкновеніе съ сосѣдними владѣльцами. Поэтому еще въ XIV в. стали раздаваться въ Россіи голоса, что лучше монахамъ отдавать вотчины въ управленіе «мірянину богобоязненному» [1]). Потомъ уже стали прямо говорить, что инокамъ, принявшимъ обѣтъ нестяжательности, не слѣдуетъ имѣть недвижимое имѣніе. Преподобный Нилъ Сорскій (XV в.) говорилъ, что попеченіе о стяжаніи имѣній происходитъ «отъ неразумія (неразумѣнія) Божественныхъ писаній». Говоря «о мнисѣхъ, кружающихъ (шатающихся) стяжаній ради», онъ горько упрекаетъ монаховъ въ выманиваніи у богатыхъ людей земельныхъ угодій [2]).

Такимъ образомъ, вопросъ объ управленіи иноковъ земельною своею собственностію (въ XIV вѣкѣ) на Руси возникаетъ ранѣе вопроса,—слѣдуетъ ли имъ имѣть собственность (въ XV вѣкѣ)? При томъ, ученіе преп. Нила, какъ въ своей сущности, такъ и въ деталяхъ, къ которымъ относится и совершенная нестяжательность, еще и по сіе время не находитъ себѣ послѣдователей, исключая немногихъ заволжскихъ старцевъ XV вѣка. Въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ одиноко стоитъ оно среди обычныхъ взглядовъ русскихъ на благочестіе и на церковность. По убѣжденію русскихъ людей стараго

---

[1]) Письмо *митр. Кипріана* къ Аѳанасію Высоцкому. Г. *Милютинъ*, («О недвижимыхъ имуществахъ духовенства въ Россіи» въ «Чтеніи Общ. Ист. Др. Росс.», 1859—1861 г.) возникновеніе и уничтоженіе земельныхъ владѣній духовенства объясняетъ положеніемъ колонизаціи въ древней Руси. Когда была нужда заселять земли, церковно-имущественное право возникло само собою, какъ потребность народа; когда же колонизація завершилась, право недвижимости церковной стало вреднымъ (398—399 стр. I тома). Авторъ не принимаетъ во вниманіе, что цѣль иноковъ было—уединеніе отъ міра, а не вводъ народа во владѣніе дѣвственными землями. Никакіе монахи не были исключительно дровосѣками; вліяніе же ихъ на народъ было чисто образовательно-нравственное, а не одно колонизаціонное.

[2]) Другія сочиненія преп. *Нила Сорскаго*, какъ напримѣръ: «Преданіе своимъ ученикамъ» или «Посланіе къ Гурію Тушину»,—проникнуты тѣмъ же духомъ нестяжательности; въ силу этого обѣта, онъ не совѣтуетъ своимъ ученикамъ принимать даже милостыни, чтобы питаться только своими трудами. (О преп. Нилѣ—соч. *А. С. Архангельскаго*. «Преп. Нилъ Сорскій», стр. 68—70). Владѣніе вотчинами преп. Нилъ считалъ для монаха ядомъ смертоноснымъ. Монашеская жизнь, до вотчиновладѣнія—вожделѣнная, стала жизнію мерзостною. Проф. *А. Павловъ*—«Истор. секуляризаціи церк. имѣній въ Россіи», стр. 64, примѣч.

времени преимущества православной вѣры состояли въ благолѣпномъ украшеніи храмовъ, въ раздачѣ милостыни, а не въ «умномъ дѣланіи», чрезъ которое, по завѣтамъ преп. Нила, христіанинъ долженъ совершенствоваться. «Законная добродѣтель» у русскаго человѣка заключалась во внѣшней набожности, поэтому, и имущество было надобно. Не таковы идеальныя требованія преп. Нила, учившаго о полной христіанской свободѣ отъ внѣшнихъ предписаній.—Скитскій суровый, бѣдный внѣшностію, строй аскетической жизни немногочисленныхъ послѣдователей его не плѣнялъ русскаго человѣка, который такому «житьишку» предпочиталъ богато украшенныя обители [1]). Созерцательное направленіе «нестяжателей» было явленіемъ исключительнымъ на Руси, извѣстно только въ сѣверныхъ (вологодскихъ) монастыряхъ и занесено было извнѣ [2]), а не вытекало, какъ особое направленіе, изъ церковной русской жизни.

Поэтому и ученіе о полной нестяжательности встрѣчено, можно сказать, не сочувственно, а вопросъ, въ правѣ ли монахъ имѣть собственность, не затрогивалъ русскаго сердца [3])

---

[1]) О средѣ, въ которой возникло и жило ученіе «нестяжателей», изложено въ сочиненіи *А. С. Архангельскаго*, «Нилъ Сорскій и Вассіанъ Патрикѣевъ, ихъ литературные труды и идеи въ древней Руси». Спб., 1882 г. О перевѣсѣ церковной обрядности надъ духомъ церковной жизни стр. 276—281; 210; 222—232. Объ отношеніи къ нестяжателямъ Іосифлянъ,—тамъ же и у проф. *Е. Голубинскаго*,—«Исторія Русск. Церкви», т. II, 628 стр. и далѣе. О силѣ обычая—дѣлать вклады въ церковь у *С. В. Рождественскаго*, «Служилое землевладѣніе въ Москов. государ.», I гл., III.

[2]) Въ Западной Европѣ противъ церковнаго землевладѣнія въ это же время раздавалась проповѣдь лучшихъ представителей самого духовенства, напримѣръ Гусса. Въ богатствѣ уже тогда видѣли главную причину порчи Церкви. Проф. *Е. Голубинскій*. «Ист. Р. Ц.» II т., 625, 836. стр.

[3]) На соборѣ 1503 года мнѣніе «нестяжателей» было поддержано великимъ княземъ изъ политическихъ видовъ. Хотя Паисій Ростиславовъ и преп. Нилъ Сорскій были «въ чести велицѣ» не у одного только великаго князя, но ихъ взгляды были такъ отрѣшены отъ быта обителей, что они имѣли мало поддержки и среди мірянъ. Монахи же обезпеченныхъ обителей относились къ нимъ враждебно: «принуди его (Паисія), говорится въ лѣтописи, великій князь у Троицы на Сергѣевѣ монастырѣ игуменомъ быти, и не може чернецовъ превратити на Божій путь—на молитву и на постъ, и на воздержаніе, и хотѣша его убити, бяху бо тако бояре и князи постригшеися, не хотѣху повинутися, и остави игуменство» (Софійск. Лѣтоп. XI т. 236; Проф. *Е. Голубинскій*,—«И. Р. Ц.», II т., 836 стр.). Будучи не въ состояніи бороться съ нестяжателями, они клеветали на нихъ и взводили обвиненіе въ ересяхъ (Проф. *Е. Голубинскій*.—«И. Р. Ц.», т. II, стр. 840).

и былъ тусклымъ въ особенности въ сопоставленіи съ жгучимъ вопросомъ,—въ правѣ ли иноки вовлекать себя въ несвойственныя имъ дѣла управленія недвижимостію? Признаніе земельной собственности за Церковію еще болѣе окрѣпло, потому что противъ нея были голоса еретиковъ,—стригольниковъ XIV вѣка и жидовствующихъ XV вѣка. Русскіе православные люди невольно относили отрицаніе церковнаго вотчиннаго права по этому поводу къ вѣроисповѣднымъ особенностямъ людей неправославныхъ [1]).

Между тѣмъ обычай давать вотчины въ Церковь постепенно окрѣпъ среди самыхъ споровъ и способствовалъ жизненному развитію вопроса объ имѣніяхъ: и въ литературѣ, и въ соборныхъ земскихъ постановленіяхъ за Церковію признано право собственности, и право распоряженія ею [2]). Право каноническое на недвижимость, принятое со времени св. Владиміра, стало безспорнымъ на Руси, не смотря на настойчивые протесты нестяжателей. Церковная собственность могла быть отчуждена только по праву завоеванія [3]). Мало того, право церковной собственности ограждалось такой внушительной нравственной силой, что предъ нимъ отступали всякія притязанія князей — собирателей. Самъ побѣдитель Новгорода, царь Иванъ III, не рѣшался вступать въ борьбу съ монастырями изъ-за имѣній [4]).

Настоятель монастырской общины производилъ надъ вотчинами всѣ операціи, свойственныя собственнику. Круп-

---

[1]) Проф. *Е. Голубинскій*,—«Ист. Р. Церкви», II т., I ч., 827 стр.

[2]) Максимъ Грекъ, ратуя за полную нестяжательность монаха,—не отрицаетъ правъ духовенства на имѣнія: онъ обличаетъ только антиканоническое употребленіе церковнаго имущества (*А. Павловъ*,—«Историч. очеркъ секуляризаціи церк. земель въ Россіи въ XVI в.», 82 и 104 стр.). Точно такъ же и Іосифъ Волоцкій выражаетъ свое недовольство по поводу недостойнаго употребленія монастырскихъ богатствъ. Такимъ образомъ, два представителя противоположныхъ направленій—въ разрѣшеніи вопроса о церковномъ имуществѣ—единодушно признаютъ за Церковію право собственности (тамъ же, 97 стр.).—Стоглавъ тоже свидѣтельствуетъ о недостойномъ употребленіи церковнаго имущества (гл. V), признавая его неприкосновеннымъ.

[3]) Проф. *Ключевскій* «Боярская Дума», 375 стр. Проф. *Е. Голубинскій*.—«Ист. Р. Церкви», II т., 631 стр.

[4]) *Ростиславовъ*,—«Опытъ изслѣдованія объ имуществахъ и доходахъ нашихъ монастырей». Книга представляетъ одни примѣры недостойной жизни монаховъ за 700 лѣтъ: тяжбы, занятія винокуреніемъ, бродяжничествомъ и т. п., т. е., выдающіеся случаи изъ размѣреннаго

ные же владѣльцы изъ нихъ имѣли поразительныя права государя: они брали обратно помѣстья у тѣхъ дворянъ своихъ, которые не являлись на службу по первому зову [1]), отдавали свою землю въ помѣстье даже игуменамъ [2]), а иногда въ старину и самимъ князьямъ [3]); у нихъ было право правежа.

Не странно было бы, если бы такія права принадлежали только «богомольцу» митрополиту; но подобными, въ нѣкоторомъ родѣ—удѣльными правами, пользовались владѣтели вотчинъ не только митрополичьихъ, но и архіерейскихъ, и монастырскихъ, и церковныхъ. Самая черезполосность вотчинъ свидѣтельствуетъ, что въ вотчинномъ отношеніи іерархическая власть бездѣйствовала [4]): монастырскія власти,

---

быта монашескаго. Заслуга автора заключается въ выводѣ, что съ увеличеніемъ богатствъ монастырей жизнь тамъ не улучшалась. О церковныхъ имѣніяхъ прежде такъ говорили: «божественна сутъ стяжанія: и не продаема, ни отдаема, ни емлема никимъ никогда же во вѣки вѣка». (Соборное постановленіе 1503 г. Проф. *А. Павловъ*,—«Секуляризація ц. имущ». 42—47 стр.).

[1]) Проф. *М. И. Горчаковъ*,—«О земельныхъ владѣніяхъ всероссійскихъ митрополитовъ, патріарховъ и св. синода», 411 стр. Здѣсь субъектомъ права считается каѳедра, какъ церковное учрежденіе (стр. 116).—Позволяемъ себѣ упомянуть о вкравшихся въ книгу неточностяхъ: духовная коммиссія, по мнѣнію автора, учреждена «для разбора неудовольствій» и закрыта она въ 1764 г. (вмѣсто 1796 г.); объ Арсеніи Мацѣевичѣ здѣсь сообщается, что онъ рѣзко отзывался объ императрицѣ, тогда какъ Арсеній всегда отзывался о ней съ великимъ уваженіемъ и трогательною довѣрчивостію.

[2]) Тамъ же, 315 стр.

[3]) «Граматы рязанскаго края», собранныя *Пискаревымъ*, 185, 10 стр.; № 9: «се язъ, князь Ѳедоръ Васильевичъ, взялъ есмь (въ оброчное пользованіе) у Пречистой деревню Сильгино... до своего живота, а давати мнѣ (за то)... по полтинѣ въ годъ».

[4]) Проф. *А. Павловъ*,—«Историческій очеркъ секуляризаціи церковныхъ земель въ Россіи», стр. 60.—Говоря о субъектѣ права на церковныя земли, авторъ обстоятельно доказываетъ, что іерархическая власть не вліяла на управленіе вотчинами отдѣльныхъ церковныхъ учрежденій, изъ которыхъ каждое было полнымъ хозяиномъ своихъ земель. Книга его, достойная глубокаго вниманія, наводитъ на невольную попытку сопоставить секуляризацію ц. имѣній XVI вѣка съ секуляризаціей ихъ XVIII вѣка. Авторъ предлагаетъ остроумную свою догадку, что духовенство отстояло свои права на земли въ XV—XVI вв. потому, что «потакало великому князю во всемъ (86—87 стр.). Изслѣдователю же секуляризаціи ц. земель въ XVIII вѣкѣ остроумною мыслію проф. Павлова пользоваться нельзя, такъ какъ ревнителя церковныхъ имѣній, м. Арсенія Мацѣевича, считали, наоборотъ, за противника власти, а м. Димитрія Сѣченова, содѣйствовавшаго секуляризаціи,—защитникомъ абсолютной власти. (Признать мнѣніе автора значитъ считать право на земли случайнымъ, а не каноническимъ, принятымъ въ кодексъ бытоваго народнаго права).

помимо епископа, управляли, продавали, мѣнялись вотчинами не только со свѣтскими, но и съ духовными владѣльцами и даже—съ великими князьями [1]). Подобныя сношенія не всегда оканчивались благополучно: за межи происходили между самыми монастырями свары, тяжбы и цѣлыя побоища [2]), а у игуменовъ съ своими епархіальными архіереями серьезныя несогласія [3]); они сами защищали свои границы съ крѣпостными актами въ рукахъ, сами вели тяжбы [4]).

Высшая же духовная власть никогда не имѣла возможности даже и привести въ извѣстность количество церковныхъ имуществъ въ Россіи: это возможно было только для правительства, которое вносило въ свои переписи, наравнѣ съ другими, и церковныя имѣнія [5]). При томъ переписями, которыя были въ 1499, 1503, 1533 и 1678 г.г. [6]), свѣтская власть хотѣла завязать исключительно финансовыя отношенія съ духовными владѣльцами [7]). Только земскій соборъ, гдѣ засѣдалъ и глава русской Церкви съ освященнымъ соборомъ, могъ предписывать владыкамъ, монастырямъ и церквамъ обязательныя повинности, напримѣръ, давать своимъ крестьянамъ заимообразно деньги и хлѣбъ безъ роста [8]).

---

[1]) Государственный Архивъ, разрядъ XVIII, дѣло № 85: доклады и др. бумаги коллегіи экономіи. Здѣсь приложена (т. I, л. 217) копія съ мѣновой грамоты царей Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича митрополиту ростовскому Іонѣ: м. ростовскому по этой грамотѣ отдавалось село Порѣчье съ крестьянами и пашнею и сѣнными покосами въ вотчину, вмѣсто взятой домовой его, митрополита, вотчины въ устюгскомъ уѣздѣ, села Благовѣщенскаго съ деревнями, съ крестьянами (123 двора) и угодьями.

[2]) † *Н. И. Костомаровъ*, «Р. Исторія», II т., 306 стр.

[3]) Напримѣръ, Іосифъ Волоцкій не повинуется каѳедральному своему епископу; между тѣмъ какъ онъ былъ не только знатокомъ церковнаго права, но и главою ревнителей церковныхъ имѣній. (Проф. *Е. Голубинскій*,—«Ист. Р. Церкви», II т., 637—644 стр.).

[4]) Характерное такое дѣло велось еще въ 1763 г. у коломенскаго епископа съ Сергіевымъ Троицкимъ монастыремъ, который «происками» отнялъ у него цѣлый монастырь съ вотчинами (Дѣло духовн. коммиссіи, 24 февраля 1763 г., № 99).

[5]) Проф. *М. И. Горчаковъ*, «О зем. влад.», 80 стр., прилож. 8—11.

[6]) Тамъ же, прибавленіе 1.

[7]) Однако, при этомъ, всѣ мѣстные налоги на митрополита и монастыри были слагаемы, напр., ямскіе, казацкіе (тамъ же, стр. 420), даже налоги государственные требовались только въ случаѣ необходимости.

[8]) Проф. *А. Павловъ*, Секуляризація церковныхъ имѣній, 118 стр.

Всѣ эти особенности вотчиннаго права находили свою опору въ томъ, что имѣнія Церкви были въ полномъ смыслѣ въ правовомъ отношеніи недвижимостію или, какъ изстари называли, «неподвижностію»: имѣнія у духовенства только накоплялись, уменьшить же ихъ размѣръ не могли сами владѣльцы; не могли земельныя владѣнія стать собственностію государства и въ качествѣ выморочныхъ. Они переходили по безродному наслѣдству отъ одного игумена къ другому; выбылой монахъ даже небогатаго монастыря оставлялъ послѣ себя такую завидную долю участника обезпеченной жизни, что его мѣсто спѣшили занять не одни простолюдины, но и дворяне; въ богатыя же обители шли князья, иногда принося даже съ собою кусочекъ земельной своей собственности въ монастырь «въ вѣчное владѣніе» безъ права продавать, закладывать или отдавать своимъ наслѣдникамъ.

Въ силу такого положенія церковная собственность, кажется, никогда не называлась помѣстьемъ, но часто «отчиною и дѣдиною изстари» [1]), не столько въ смыслѣ ея давности, сколько для обозначенія «неподвижности» или неотчуждаемости.—Соотвѣтственно такому внѣшнему положенію церковныхъ вотчинъ было и внутреннее управленіе ими.

Оно имѣло характеръ государственный, «подобный управленію областями и городами царскими» [2]). У властей духовныхъ были и люди служилые, и крестьяне. Дворянамъ они раздавали земли и, по усмотрѣнію, брали ее къ себѣ и обратно. Крестьяне составляли подвижной, но постоянный составъ владѣнія. И тѣ и другіе, по принятому обычаю,— «данью по водѣ и землѣ тянути»,—вѣдали судъ и расправу за особенными исключеніями у духовныхъ властей. «Дворянъ, которые вмѣсто жалованья держатъ за собою вотчины», у

---

[1]) Проф. *М. И. Горчаковъ*, «О земел. влад.», 315 стр.

[2]) *Милютинъ*,— «О недвижимыхъ имуществахъ духовенства въ Россіи» («Чтеніе въ Общ. Древ. Росс.», 1861 г., I, 333 стр. «Ист. Вѣстникъ», 1887 г., Февраль 620 стр.). *Рождественскій С. В.* («Служилое землевладѣніе въ Московскомъ государствѣ XVI в.», стр. 10) говоритъ: «не подлежитъ сомнѣнію тождество хозяйственнаго строя вотчинъ княжескихъ съ монастырскими и церковными» (16 стр.).

ростовскаго митрополита было 10; дѣтей боярскихъ тоже 10 человѣкъ [1]).

Такъ было до XVII вѣка; тѣми же правами пользовались духовныя власти даже и въ XVIII вѣкѣ, именно въ тѣ годы (1740—1761), когда, по благопріятнымъ для Церкви политическимъ обстоятельствамъ, возвращалось ей вѣковое право недвижимой собственности, «гдѣ чему быть издревле опредѣлено» [2]).

Арсеній Мацѣевичъ, принявъ въ свое полное управленіе обширныя архіерейскія вотчины, отбираетъ отъ помѣщиковъ, по своему усмотрѣнію, крѣпостные акты на занимаемыя ими земли ростовскаго архіерейскаго дома, возстановляетъ земельныя границы и беретъ на себя защиту своихъ крестьянъ отъ произвола помѣщиковъ. Обиліе луговъ, пахотныхъ земель, лѣсовъ и свободныхъ рукъ давало возможность заняться сельскимъ хозяйствомъ въ широкихъ размѣрахъ. Нѣкоторыми отраслями хозяйства онъ занимался не только со вниманіемъ, но и съ увлеченіемъ. Въ одной рукописи [3]) сохранились объ Арсеніи такіе разсказы современниковъ его.

«Жизни митрополитъ былъ воздержной, а характеромъ, видно, строгій; имѣлъ большую охоту къ лошадямъ, коихъ у него было до шестисотъ. И по охотѣ этой, въ нѣкоторыхъ селеніяхъ, принадлежащихъ архіерейскому дому, были, такъ называемые, «конные дворы», напримѣръ, въ Демьянахъ, Песочинѣ, Ставотинѣ и Никольскомъ, что въ горахъ. Это, по нынѣшнему, были, должно быть, заводы; ибо митрополитъ иногда-де самъ бывалъ при сводѣ, желая имѣть породы, улучшенныя искусствомъ, и не довѣряя завѣдующимъ конными дворами въ точности исполненія приказовъ его. Для пастбищъ его лошадей были отведены особые архіерейскіе

---

[1]) «Распоряженія митр. Арсенія» («Ярослав. Епарх. Вѣдом».», 1868 г. № 26, 217 стр.).

[2]) Докладъ св. синода императрицѣ о возвращеніи церковныхъ вотчинъ отъ 1744 г. 22 іюня (Государственный Архивъ, разрядъ XVIII, № 85, листъ 334).

[3]) «Историческій Вѣстникъ», 1887 г., январь. Здѣсь въ статьѣ «Разсказы современниковъ», приведено сообщеніе рукописи по Охранному Каталогу, № 1417.

луга; а въ городѣ лошади помѣщались въ каменномъ конюшенномъ дворѣ, который названіе это сохранилъ и по сіе время. Величина зданія этого даетъ вѣроятіе о большомъ числѣ лошадей, въ немъ могущемъ помѣститься, безъ значительнаго количества коихъ не было бы нужно таковое построеніе, которое, бывъ двухъэтажнымъ, имѣло фигуру четыреугольника, состоящаго изъ четырехъ корпусовъ. Полагать надо, что тутъ помѣщались экипажи, конюхи и другіе прислужники. Нерѣдко лошадей приводили къ митрополиту на дворъ, гдѣ ставился чанъ съ водою, и конюхи, по приказанію его, подводили лошадей къ чану, и буде лошадь станетъ пить изъ него воду, то конюхъ, какъ не напоившій ея, наказывался. Съ конюшни митрополита, будто бы, взято было къ высочайшему двору нѣсколько лошадей вороныхъ, имѣвшихъ хвосты, гривы и челки бѣлыя».

Заботы Арсенія о конскихъ дворахъ въ вотчинахъ своихъ видны изъ слѣдующей его инструкціи конюху.

«По полученіи сего ѣхать тебѣ въ ростовскую митрополицкую нашу вотчину, въ село Никольское, и отвести туды съ бережностію воронаго жеребца къ заводу и поставить въ отдѣлъ; и какъ оного, такъ и протчихъ жеребцовъ, содержать на добромъ корму и въ чистотѣ, а у каждаго отдѣла, или назвать чулана, у двери были-бъ желѣзныя цѣпи, а сверхъ того деревянныя засовки или надежнаго запору, чтобъ жеребецъ изъ чулана не вырвался и себя бы не повредилъ, и того смотрѣть накрѣпко. А кобылъ пригонныхъ кормить колосомъ, а къ тому поддавать посадного овса, чтобъ до весны ихъ справить. Марта мѣсяца съ пятаго на десять числа начатокъ сдѣлать жеребцовъ къ кобыламъ припускать отъ рукъ, а потомъ жеребцовъ повыдержать завременно, не давая имъ овса... А кобылъ караваномъ въ полѣ пасти на добрыхъ кормахъ и водопояхъ, и жеребцовъ по іюль мѣсяцъ, а потомъ жеребца принять въ чуланъ, а кобылъ пустить въ мірской табунъ. А которые конюхи будутъ пасти кобылъ и смотрѣть за ними накрѣпко, дабы жеребца къ постороннимъ кобыламъ, конечно, не припускали: а если окажется въ томъ ихъ плутовство, то сѣчь ихъ плетьми безъ милости, а съ ѣздоками къ намъ писать о томъ. А

буланому жеребцу ходить въ мірскомъ табунѣ, чтобъ у крестьянъ нашихъ отъ кобылъ завелись крупныя лошади для ихъ удовольствія; а крестьянамъ должно чувствовать оную нашу къ нимъ милость. А караванъ кобылъ нашихъ съ мірскимъ табуномъ близко, конечно, не сгонять, и того пастухамъ накрѣпко подтверждать, чтобъ жеребецъ съ жеребцомъ не сближались и между собой не грызлись. за что ты, Ѳедька конюхъ, съ управителемъ, старостою и съ выборнымъ немилосердно плетьми разсѣчены будете, со взятіемъ тяжкаго штрафа, и во ономъ ты съ ними будь согласенъ безъ опущенія».

Во всѣхъ вотчинахъ у Арсенія за полевымъ хозяйствомъ строго слѣдили. Тотъ же конюхъ, опытный въ хозяйствѣ, получаетъ приказаніе учить выборныхъ и новыхъ старостъ установленнымъ порядкамъ.

«А ты, Ѳедька,—говорится въ той же инструкціи,—довольно знаешь, какъ у насъ въ здѣшнихъ вотчинахъ разные порядки основаны, и ты никольскаго управителя, старосту и выборнаго равномѣрно въ томъ порядкѣ ко исполненію, конечно, приведи безъ потачки, дабы основаніе было во всѣхъ различностяхъ противу здѣшняго. Какъ придетъ сѣять яроваго хлѣба, то сѣять съ поспѣшеніемъ: яроваго хлѣба, половину въ ранній сѣвъ, а другую половину въ средній сѣвъ, а запахивали бы сохами поглубже, и цѣлизенъ бы не было, и забороновывать достойно, чтобъ комьевъ не было. А какъ станутъ хлѣбъ жать, то бъ жали поспѣшно и чисто, рожь класть въ копны по сту сноповъ, яровой хлѣбъ въ копну по двѣсти сноповъ счетомъ, а копны вывершивать покруче, чтобъ отъ дождя заливу не было. А какъ въ гумно станутъ возить, то бъ клали со всякимъ поспѣшеніемъ и клали въ адоньи и клади съ крутыми верхами, дабы западень не было, а клади и адоньи класть на кроватяхъ образцовыхъ. А гречу косить съ поспѣшеніемъ же, а копны вывершивать покруче, чтобъ дождемъ не заливало. Установишь ты порядокъ, чтобъ за скотиною и за птицами призрѣніе было достойное противу здѣшнихъ порядковъ съ довольствомъ умножить». Къ работамъ велѣно привлекать не однихъ взрослыхъ мужчинъ, но и дѣвицъ,—даже дѣтей.

«А что въ селѣ Никольскомъ частые бываютъ падежи на коровъ и то дѣлается отъ того, понеже въ поляхъ скотскихъ костей довольно, и какъ весна наступитъ, то до выпуску скотины въ поле—въ самой скорости, всѣхъ сельскихъ робятъ дѣвокъ выслать въ поле, а за ними стариковъ-смотрителей и всѣ кости скотскія собрать и зарыть въ землю и то чинить повсягодно; оттого впредь и падежи конечно, умалятся».

Равнымъ образомъ предписываются мѣры противъ пожаровъ и, вообще,—безпорядковъ.

«А какъ весна станетъ наступать, то ты, Ѳедька, согласясь съ управителемъ, со старостою и выборнымъ, взявъ съ собою стариковъ, въ избахъ всѣ печи освидѣтельствуй: ежели которая худа, то разломать и велѣть новую сдѣлать, а гарнушкамъ быть у столовъ такъ, какъ въ здѣшнихъ нашихъ вотчинахъ для опасности сдѣлано, и отъ пожару большую имѣть предосторожность. А для оного смотрѣнія бабъ выбрать десятскихъ, чтобъ каждая баба въ своемъ десяткѣ прилежно смотрѣла, какъ беречься отъ пожарнаго злослучая и того на нихъ взыскивать со строгостію безъ упущенія.—А какъ съ поля рожь въ гумно свезется, то ты, Ѳедька, сдѣлавъ ужинныя книги, съ приплодомъ лошадей, скота и птицъ, взявъ подводу и пріѣзжай къ намъ въ Ростовъ и, при поданіи тѣхъ книгъ, словесно можешь намъ объявить, каковъ управитель съ товарищи въ смотрѣніи должности своей и крестьяне каковы въ работахъ и послушаніяхъ и о прочихъ принадлежностяхъ».

Въ наиболѣе громадныхъ церковныхъ хозяйствахъ, какъ напримѣръ, въ лаврахъ или въ той же ростовской епархіи незамѣтно увеличивалось количество ненужной челяди, отъ которой избавиться не знали средствъ и сами завѣдующіе. Какъ средство противъ этого зла, въ ростовской епархіи еще въ 1743 года установлено количество священнослужителей, духовныхъ персонъ, консисторскихъ приказныхъ и служащихъ по экономическому управленію; вмѣстѣ съ тѣмъ такимъ «штатнымъ» персонамъ у Арсенія назначалось и «штатное жалованье» отъ 25 рублей до 1 рубля въ годъ деньгами и отъ 15 до 2 четвертей хлѣба. И при такомъ штатномъ

ограниченіи количество служителей могло лечь тяжкимъ бременемъ на крестьянъ. Помимо духовныхъ персонъ, учителей, канцеляристовъ, копіистовъ, въ одномъ Яковлевскомъ монастырѣ были: сушиленный, чашникъ, просвирникъ, скатерникъ, поселянные монахи, помольные сборщики, истопники, иконописцы, серебренники, сторожа, стряпчій, дворецкій, кухмистеръ, повара, приспѣшники, хлѣбники, ложкомои, солодовщики, кузнецы и мн. др. Въ случаѣ освобожденія какого-либо мѣста митрополитъ Арсеній предписалъ брать на праздныя должности изъ служительскихъ дѣтей «безпорочныхъ людей, а не изъ тяглыхъ и пахотныхъ крестьянъ и крестьянскихъ дѣтей, чтобы тѣмъ бѣдному крестьянству убавкою отъ нихъ тягла не нанести напраснаго озлобленія и разоренія, а въ домовыхъ служителяхъ не сдѣлать излишества, непотребнаго тунеядства, ни къ чему негоднаго» [1]).

Тамъ, гдѣ не было твердаго управленія, злоупотребленія росли, а обвиненіе общества въ тунеядствѣ падало на все монашество. Даже и у самого митрополита Арсенія, не смотря на строгость его, были злоупотребленія. Управителя Горицкаго самъ владыка обвиняетъ въ томъ, что, зная инструкцію, данную эконому, покрывалъ злоупотребленія при раздачѣ жалованья служащимъ, и самъ въ нихъ участвовалъ. Для прекращенія непорядковъ и для удобства въ контролѣ велѣно было экономическое и казначейское правленіе соединить въ одну канцелярію, которая управляла бы казеннымъ и экономическимъ повытьемъ. Ранѣе при перемѣнахъ эконома и главнаго казначея обнаружилось «самое воровское и безпутное правленіе» имѣніями; теперь пріемъ хозяйства отъ одного должностного лица къ другому велѣно производить по описи, въ присутствіи консисторскихъ чиновъ, которые были обязаны о всемъ доносить самому владыкѣ. Въ казенномъ повытьѣ велѣно было вести строгую запись прихода и расхода по вотчинамъ въ особыя книги и представлять краткія годовыя вѣдомости. Приказывая

---

[1]) «Распоряженія А. Мацѣевича», въ «Яросл. Епарх. Вѣдомостяхъ», за 1868 г., № 26, 216—218 стр.

описать скотъ въ имѣніяхъ, количество пахотной и сѣнокосной земли, владыка предписываетъ уменьшить «излишнихъ и непотребныхъ дворниковъ и служителей», которые «жирѣютъ праздно».

Ограждая бѣдныхъ крестьянъ своихъ отъ произвола управителей, митрополитъ приказалъ имъ не вмѣшиваться въ выборы старостъ и въ мірскіе раскладки, какъ на архіерейскій домъ, такъ и на государственныя надобности. Если бы случился какой-нибудь сборъ, то приказано объявлять всенародно, «чтобы всѣ знали, на какія мірскія нужды» и по скольку будетъ сбираться. Строго было воспрещено всякое вымогательство и взятки при рекрутскихъ наборахъ. Съ виновныхъ велѣно было взыскивать начеты правежомъ. Канцеляріи внушалось своихъ людей, какъ домовыхъ служителей, такъ и крестьянъ защищать отъ свѣтскихъ властей и до разоренія ихъ не допускать. Въ свѣтскіе суды никого не отдавать, исключая виновныхъ по первымъ двумъ пунктамъ (то есть, въ богохульствѣ и оскорбленіи государыни), воровъ, и разбойниковъ [1]).

Глава IX.

Защита церковныхъ вотчинъ.

Совмѣсто съ увеличеніемъ церковныхъ земель входитъ и растетъ на Руси сознаніе, что духовныя земельныя владѣнія не для всѣхъ удобны своимъ ростомъ [2]). Недовольство, начавшись со стороны крестьянъ, поддержано было дворянами и раздѣлялось правительствомъ.

Бывало,—крестьяне сами прогоняли отшельниковъ, селившихся по близости къ нимъ, изъ страха, чтобы «пришельцы не завладѣли впослѣдствіи ихъ землями и селами» [3]).

---

[1]) «Инструкція домовой канцеляріи» въ «Яросл. Епарх. Вѣдомостяхъ» за 1868 г., № 27, 226—231 стр.

[2]) Иностранцы, бывавшіе въ XVI вѣкѣ въ Россіи, съ удивленіемъ говорили, что духовенству принадлежитъ $^2/_3$ всей государственной территоріи.

[3]) Проф. *А. Павловъ* «Историческій очеркъ секуляризаціи», I, 20; *А. С. Архангельскій*, «Преп. Нилъ Сорскій», 39 стр.

Въ XIV—XVI вв. монахи вошли во вкусъ вотчиннаго управленія; въ стремленіи ихъ имѣть земельную собственность, обходя святоотеческія правила и обличенія нестяжателей, сказывался руссій осѣдлый мужикъ. Безъ земли они не могли жить: разработывали ее сами, а большею частію выпрашивали: «такими просителями отягчались вся грады и веси» [1]). Такимъ образомъ, самымъ простымъ мотивомъ къ недовольству церковными имѣніями было сознаніе тѣсноты, мѣшающей экономическому развитію общества.

Недовольство крестьянъ раздѣляло и дворянское сословіе. Еще во время Іосифа Волоцкаго были «нѣціи отъ велѣможъ», посягавшіе «на монастырское». Чинъ проклятія на обижающія церкви Божіи показываетъ, что монастырскія земли захватывали «начальствующіи» и, при томъ, въ такой ранній періодъ времени, какъ эпоха составленія этого чина [2]). Въ XVII вѣкѣ [3]) помѣщики громко высказываютъ недовольство тѣмъ, что крестьяне охотнѣе живутъ на церковныхъ земляхъ [4]). Они просили, вмѣстѣ съ посадскими людьми, уничтожить право духовенства владѣть землею (1641 г.), но добились только ограниченія въ увеличеніи ея [5]). Издавна дворяне были носителями мысли объ излишествѣ доходовъ у духовенства и о необходимости обратить ихъ на государственныя нужды [6]). Иногда руководила ими не одна простая зависть къ «лежачей казнѣ духовенства» [7]): жаловались, что «житья не стало» отъ духовныхъ владѣльцевъ, которымъ, будто бы, принадлежало $^2/_3$ всей населенной государственной территоріи. Съ духовными владѣльцами они открыто враждовали. Случаевъ вражды изъ-за

---

[1]) Стоглавъ, V; *А. С. Архангельскій.* «Преп. Нилъ Сорскій», 195 стр.

[2]) *А. С. Архангельскій,*—«Преп. Нилъ Сорскій», стр. 38.

[3]) Проф. *А. Павловъ,*—«Ист. очеркъ секуляризаціи церковныхъ имуществъ въ Россіи», стр. 55.

[4]) Проф. *М. И. Горчаковъ,*—«Земел. влад.», 380 стр.

[5]) *Г. Милютинъ* приписываетъ царю Іоанну Грозному выполненіе мысли секуляризовать церковныя имѣнія; по мнѣнію автора, система эта усиливалась постепенно въ теченіе двухъ вѣковъ «Чтенія въ Общ. Ист. и Др. Росс.», 1862 г., т. II, 432 стр.; 1861 г., I, 407—408 стр.

[6]) Проф. *А. Павловъ,*—«Ист. очеркъ секуляризаціи», 152 стр.

[7]) *Ростиславовъ*—«Опытъ о церковныхъ имѣніяхъ», 52 стр., гдѣ рѣзко очерчены такія стремленія дворянъ. *Милютинъ* «Чт.» 1862 г., I т., 398 стр.

вотчинъ было такъ много и такъ они были тяжелы, что патріархъ Никонъ отзывался о нихъ, какъ о «вѣдомыхъ врагахъ Божіихъ и дневныхъ разбойникахъ» [1]).

Пока глава русскаго духовенства,—митрополитъ и впослѣдствіи—патріархъ,—совмѣстно съ освященнымъ соборомъ,—самъ участвовалъ во всѣхъ правительственныхъ постановленіяхъ и стоялъ, такимъ образомъ, на стражѣ церковныхъ вотчинныхъ правъ, тогда дворяне могли вести только разрозненную борьбу за границы лишь своихъ помѣстій, хотя и сознавали всѣ, что громадныя имѣнія духовенства стѣсняютъ экономическое развитіе служилыхъ людей.

Борьба эта усиливалась. Во всѣхъ епархіяхъ въ XVIII вѣкѣ были подобныя дѣла у владѣльцевъ свѣтскихъ и духовныхъ, имѣвшихъ смежныя земли. До генеральнаго межеванія 1783 года ихъ было много изъ-за крайней неопредѣленности межи, такъ что даже между монастырями происходили усобицы изъ-за угодій [2]).

У ростовскаго архіерейскаго дома тяжбы были изъ-за земель не многочисленны, но за то въ возникшихъ являлись острыя осложненія, благодаря горячему и настойчивому характеру митрополита Арсенія, и съ сосѣдними помѣщиками, и со своими собственными.

Однажды помѣщикъ Обрѣзковъ выигралъ въ судѣ спорное дѣло съ ростовскимъ монастыремъ. Владыка былъ такъ раздраженъ рѣшеніемъ, показавшимся ему несправедливымъ, что предалъ людей Обрѣзкова отлученію.

«Обрѣзковыхъ люди, говорилось въ этомъ отлученіи, наносятъ Церкви Божіей не малую обиду и разореніе. Того

---

[1]) О недовольствѣ служилаго класса значеніемъ духовенства и церковною собственностію изложено въ «Боярской думѣ» проф. *Ключевскаго* (стр. 249, 276, 310).—«Церковный порядокъ волновалъ боярство по связи съ государствомъ (278 стр.), что, по словамъ «Бесѣды Ваѳаамскихъ чудотворцевъ», цари не сами собою держатъ Богомъ данное имъ царство и міръ и не съ пріятелями своими, князьями и боярами, а владѣютъ имъ и совѣтуются съ непогребенными мертвецами», т. е. монахами (стр. 249).

[2]) *Н. И. Костомаровъ*,—«Русская исторія», II т., 306 стр. Въ старыхъ купчихъ признаки межи были довольно случайны; въ нихъ межа опредѣлялась такъ: «а идетъ межа той землѣ моей съ сухой веретьи на виліеватую ель, да прямо въ наволокъ, а другая ея межа—съ той же веретьи—прямо на рѣку». Разумѣется, такіе признаки подвергались неизбѣжному измѣненію и спору.

ради учиненнымъ за своимъ архіерейскимъ подписаніемъ повелѣлъ: показанного майора Обрѣзкова Матвѣя и сына его, женамъ и домашнимъ ихъ того пазушинскаго приходу дворовымъ ихъ людямъ и крестьянамъ и домашнимъ же ихъ всѣмъ объявить Божіе и его архипастырское неблагословеніе и отъ входа церковнаго ихъ всѣхъ отлучить и какъ въ церкви Божіи входить, такъ и до исповѣди и причастія Св. Таинъ не допускать и въ домы ихъ не входить никому ни съ какими требами» [1]).

Дѣло это не возбудило никакихъ толковъ, такъ какъ отлученіе отъ Церкви было примѣняемо не только при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, но и позже [2]). Подобное дѣло было опять, черезъ годъ послѣ указаннаго. Капитанъ Терпигоревъ донесъ въ Петербургъ, что митрополитъ Арсеній, отобравъ грамоты на помѣстную землю у многихъ дворянъ, сталъ ихъ притѣснять. Дѣло по такому доносу производилось и въ синодѣ, и въ сенатѣ. Оказалось, что въ спорѣ съ Терпигоревымъ ростовскій владыка снова употребилъ свое духовное средство: безпокойный капитанъ былъ отлученъ имъ отъ Церкви. На запросы ему изъ Петербурга митрополитъ заявлялъ, что, кромѣ отлученія, нѣтъ у него «иного способу ко укрощенію продерзостей и нападокъ отъ Терпигорева, не смотрящаго ни на Бога, ни на свое предъ Богомъ въ покаяніи обѣщаніе» [3]).

Такимъ образомъ, митрополитъ Арсеній не только защищаетъ церковную недвижимую собственность, но старается еще внушить страхомъ отлученій и уваженіе къ каноническому праву собственности.

---

[1]) «Ростовское отлученіе 1754 года» въ «Русской Старинѣ», 1883 г., т. XXXIX, стр. 555.

[2]) Предъ 1768 годомъ императрица Екатерина II, повидимому, ничего не имѣла противъ мѣры отлученія отъ Церкви за важные проступки. Она пишетъ митр. Димитрію Сѣченову о митрополитѣ Павлѣ тобольскомъ (Конюскевичѣ), что онъ «за малые, но по его, или совѣтниковъ его (коимъ онъ всѣмъ безъ изъятія вѣрилъ) мнѣнію, великіе проступки наказывалъ отлученіемъ отъ Церкви» (Автографъ Екатерины II, безъ указанія года, въ Государственномъ Архивѣ, разрядъ X, № 36; Сборн. Р. И. О., т. X, 276 стр.).

[3]) Архивъ св. синода, дѣло № 416 (отъ 1755 г.). Право духовныхъ владѣтелей лишать провинившихся своихъ дворянъ ихъ помѣстій существовало и ранѣе (Проф. *М. И. Горчаковъ*—«О зем. влад.», 315 стр.).

Гораздо болѣе напряженія своихъ силъ потребовала у у него борьба изъ-за своихъ вотчинныхъ правъ съ разными учрежденіями, которыя пытались ограничивать эти права.

Въ силу хода народной жизни гражданская власть признала полное право за Церковію на владѣніе землею, но въ то же время, сознавая неудобство для себя привилегированной собственности, начала стремиться ограничить его и косвенно и прямо: церковныя вотчины стали привлекаться очень рано въ разрубы и разметы [1]) на нужды государственныя; у духовныхъ властей, при возможныхъ случаяхъ, отнимались привилегіи суда [2]) своего. Вѣковыми усиліями правительства къ XVIII вѣку были сдѣланы слѣдующія два главныя ограниченія бѣломѣстныхъ земель въ области церковной земельной собственности. Во-первыхъ, одержана побѣда надъ страшной, хотя и пассивной, силой «неподвижности» церковныхъ владѣній: въ XVII вѣкѣ запрещено было увеличивать земельныя имѣнія духовенства [3]) и мѣра эта на практикѣ оказалась дѣйствительною: со времени второй ревизіи (1686 года) земельная церковная территорія не увеличивалась. Во-вторыхъ, въ государственное сознаніе вошло, по почину дворянъ-прибыльщиковъ, разграниченіе правъ собственника отъ права распоряженія собственностію. Право собственности за духовными владѣльцами оставлено, распоряженіе же ихъ доходами съ вотчинъ стало подвергаться ограниченію.

Плодомъ такихъ притязаній государства былъ цѣлый рядъ чрезвычайныхъ учрежденій: приказъ большого дворца, монастырскій приказъ съ коллегіей экономіи, неоднократно возникавшіе, наконецъ, духовная коммиссія съ судебными и адми-

---

[1]) Проф. *М. И. Горчаковъ*,—«О зем. влад.», прилож. 76 и 152.

[2]) Проф. *М. И. Горчаковъ*, «Монастырскій приказъ», 108 стр. Вопреки обычаю «судомъ и данью тянути по землѣ и по водѣ» (тамъ же, 15 стр.), князья въ грамотахъ своихъ монастырямъ присоединяли: «язъ сужу его» («Зем. Влад.» проф. *М. И. Горчакова*, прилож. 37) «судъ мой великого князя», говорится въ грамотѣ 1453 г. («Монастырскій приказъ», его же, 35 стр.).

[3]) Такъ какъ крестьяне, жившіе на церковныхъ земляхъ, тогда еще составляли подвижной составъ владѣній, то о нихъ у правительства мало было заботы: крестьяне переходили отъ духовныхъ властей на земли помѣщичьи и наоборотъ свободно.

нистративными правами на церковныя имѣнія: тамъ судили духовныхъ лицъ, брали съ нихъ дани и оброки и требовали отъ нихъ отчетности въ вотчинномъ хозяйствѣ [1]). Императоръ Петръ Великій изъ вотчинныхъ доходовъ духовенства велѣлъ только часть ихъ «опредѣлить» на содержаніе его, остальную же доходность, такъ называемыя «заопредѣленныя» вотчины, указалъ отдавать на дѣло народнаго образованія, благотворительности и вообще на покрытіе нуждъ общественныхъ.

Все это сдѣлано подъ предлогомъ, что съ иноческими обѣтами не совмѣстимы заботы объ излишнемъ имѣніи; изъ законодательныхъ же памятниковъ ясно, что правительство имѣло при этомъ свои финансовые разсчеты [2]).

«Опредѣленіе» императора Петра I, указавшаго штатное содержаніе («опредѣленное») монахамъ, сократило доходность и ростовскаго архіерейскаго дома, потому что оставшаяся отъ «опредѣленія» доходность («заопредѣленная») шла на общественную благотворительность: на богадѣльни, инвалидные дома и т. п. Съ ростовскаго архіерейскаго дома въ монастырскій приказъ, въ распоряженіе Мусина Пушкина, поступала большая часть доходности.

Привыкши до сего времени къ широкому безконтрольному бюджету, владыка ростовскій сталъ получать то же «опредѣленную» сумму на свое содержаніе и, при томъ, не прямо со своихъ вотчинъ, а чрезъ монастырскій приказъ. Широко разлившееся теченіе монастырской жизни плохо вмѣщалось въ съуженное рукою суроваго преобразователя русло. Пробовали владыки ростовскіе просить о льготѣ, но для этого время выбрали, должно быть, неудачное: министры въ ближней государевой палатѣ (1710 г.) «приговорили— окладной провіантъ имать и въ ростовскомъ уѣздѣ, чтобы вотчины тамъ изъ выбылыхъ въ платежахъ не были» [3]).

---

[1]) *Г. Милютинъ*,—«Чтенія», 1861 г., 277 стр.

[2]) П. С. З., № 1886, 1701 года Императоръ, называя монастырскія земли «тунегиблемыми», заявлялъ, что ограничиваетъ произволъ монаховъ въ управленіи имѣніями своими «не ради разоренія ихъ, но лучшаго ради исполненія монашескаго житія».

[3]) Проф. *М. И. Горчаковъ*,—«О земельн. влад.», прибавленіе 157.

Народъ изстари посѣщалъ знаменитые ростовскіе монастыри, много нищихъ и голодныхъ кормилось отъ архіерейскаго дома. Нынѣ же сами архіереи стѣснены въ средствахъ и поставлены въ мелочную зависимость отъ свѣтскихъ учрежденій. Наравнѣ съ прочими обителями, имъ приходилось отвѣчать за исправность сборовъ у себя на московскія благотворительныя учрежденія; съ нихъ требовали отчета и въ сборахъ, и въ употребленіи тѣхъ средствъ, которыя отпускались чиновниками на ихъ содержаніе.

Случался ли ремонтъ церковныхъ зданій,—необходимая постройка или, вообще, нужда въ деньгахъ,—надо просить разрѣшенія тратить на свое дѣло свои же собственныя деньги.

Правда, ростовскій архіерейскій домъ пользовался особымъ почетомъ. Когда послѣ императора Петра Великаго, его завѣты внутренней политики стали ослабѣвать,—была возможность просить объ освобожденіи ростовскихъ церковныхъ вотчинъ отъ общихъ повинностей и подчиненности. При императорѣ Петрѣ II подобное ходатайство имѣло успѣхъ: архіерейскій домъ былъ освобожденъ отъ налоговъ, а спрашивали отъ него только вѣнечныя деньги на содержаніе лазаретовъ; но привилегія была кратковременная: императрица Анна Іоанновна не нашла нужнымъ выдѣлять ростовскій архіерейскій домъ изъ подчиненности общимъ правиламъ и петровское стѣснительное «опредѣленіе» было снова наложено на владѣльческія права всего ростовскаго духовенства съ отвѣтственностію предъ свѣтскими учрежденіями.

Подобныя дѣла были въ вѣдѣніи монастырскаго приказа. Послѣ императора Петра Великаго возникла коллегія экономіи. Манифестомъ 18 іюля 1726 г. святѣйшій синодъ раздѣленъ на два аппартамента: одному указано управлять духовными дѣлами, другому же, названному «коллегіею экономіи», выдѣлены «судъ и расправа, также смотрѣніе сборовъ и экономіи и прочее». Извлекая доходъ съ церковныхъ вотчинъ сборами подушнаго оклада съ крестьянъ, взиманіемъ оброка съ земельныхъ угодій, улучшеніемъ вотчиннаго хозяйства, коллегія экономіи получила полномочіе

производить и расходы по духовному вѣдомству: на содержаніе синодальныхъ членовъ и прочихъ чиновъ по всему духовному вѣдомству, лазаретовъ, богадѣленъ, духовныхъ школъ, на ремонтъ церквей, а также—размѣщать по монастырямъ на содержаніе отставныхъ солдатъ, неспособныхъ къ труду. При этомъ, предписано ей соблюдать экономію и защищать казенные интересы отъ безпорядочнаго управленія и хищеній въ церковныхъ вотчинахъ. Такимъ образомъ, коллегія экономіи, будучи по замыслу финансовымъ учрежденіемъ, получила полномочія административно-судебныя и фискальныя въ интересахъ государственныхъ. При учрежденіи ея имѣли въ виду освободить духовныхъ членовъ святѣйшаго синода отъ завѣдыванія свѣтскими дѣлами. Но духовные члены святѣйшаго синода опасались, что при коллегіальномъ составѣ второго аппартамента, состоящаго изъ 5 свѣтскихъ лицъ, тамъ могли въ своихъ рѣшеніяхъ и не сообразоваться съ интересами духовенства. Поэтому они старались, по возможности, обезпечить свое воздѣйствіе на него: они настояли назвать его коллегіею экономіи *синодальнаго* управленія (29 сентября 1726 г.): взяли на себя заботу составить новую коллегію изъ людей своего вѣдомства, чтобы сноситься съ ней по дѣламъ «указами», какъ съ подвѣдомственнымъ себѣ учрежденіемъ; наконецъ, чтобы придать ей значеніе провинціальнаго учрежденія, настояли ей быть въ Москвѣ, а не въ Петербургѣ, гдѣ была только контора ея.

Не смотря на все это, члены коллегіи экономіи не всегда сообразовались съ желаніями святѣйшаго синода, а прислушивались къ мнѣнію сената, и считали свою дѣятельность продолженіемъ дѣятельности монастырскаго приказа.— Поэтому, духовенству коллегія экономіи была ненавистна такъ же, какъ и монастырскій приказъ; окладные сборы съ церковныхъ вотчинъ поступали въ коллегію экономіи неисправно, недоимки стали быстро возрастать. Возникли жалобы, что духовныя власти, собравши доходность съ крестьянъ, не представляли ее, а издерживали на свои нужды. Они не платили даже при угрозахъ. Возрастаніе недоимокъ было поводомъ къ тому, что коллегія экономіи, въ 1738 г.

15 апрѣля, взята въ вѣдѣніе сената подъ тѣмъ предлогомъ, что сборы и другія дѣла, производящіяся въ ней, до синода не касаются. Такимъ образомъ, завѣдываніе имуществомъ Церкви переходило въ свѣтское вѣдомство «въ вѣдѣніе у генерала Волкова»; коллегія экономіи могла производить дознанія объ имущественныхъ достаткахъ въ вотчинахъ, осматривать монастыри, церкви, имущество ихъ, провѣрять количество монаховъ и служителей. Духовенству даны были въ управленіе только тѣ вотчины, которыя были «*опредѣлены*» въ 1711 году на его содержаніе. Дѣла коллегіи экономіи, однако, отъ этого не улучшились. Управленіе ея было неумѣлое, недоимки накоплялись, вотчины приходили въ разореніе. При этомъ, крестьяне «заопредѣленныхъ» вотчинъ стали думать о полной своей независимости отъ духовныхъ властей, производя ослушанія и открытые бунты. Въ 1741 году духовныя власти просили государыню возвратить опять въ ихъ вѣдѣніе «заопредѣленныя» вотчины, такъ какъ при однихъ доходахъ съ вотчинъ «опредѣленныхъ» монастыри и церкви приходятъ въ оскудѣніе. Она согласилась: вотчины возвращались духовенству для управленія съ обязательствомъ, чтобы весь доходъ съ нихъ взносить въ коллегію экономіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ содержать въ монастыряхъ отставныхъ солдатъ. Однако, духовенство неохотно исполняло принятыя на себя обязанности: оно заявляло, большею частію, робко о неудобствахъ среди иноковъ и богомольцевъ содержать—солдатъ и сумасшедшихъ [1]). Наиболѣе рѣзкія столкновенія у коллегіи экономіи были съ митрополитомъ ростовскимъ Арсеніемъ.

---

[1]) Свѣдѣнія о коллегіи экономіи находятся: въ Госуд. архивѣ, разр. XVIII, № 8, 1—V части, въ моск. архивѣ мин. юстиціи—вязки 276—277; 293; 2144—2141, 2150, въ архивѣ св. синода, дѣло № 10 (1726 г.) и 49 (1744 г.), въ П. С. З. т.т.: 5—8; 10—12, 14; 16—20; 22. † проф. *Т. В. Барсовъ*,—«Синодальныя учрежденія прежняго времени». СПБ. 1897 г.—*В. И. Семевскій*, «Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II», СПБ. 1901 г., II т., 194—288 стр., проф. *М. И. Горчаковъ*, «О земельныхъ владѣніяхъ всеросс. митрополитовъ, патріарховъ и св. синода». СПБ. 1897 г., I т., 516—517 стр., *А. А. Завьяловъ*, «Вопросъ о церковныхъ имѣніяхъ». СПБ. 1900 г. и др.

Глава X.

Борьба съ коллегіею экономіи.

Въ первый же годъ по прибытіи своемъ въ Ростовъ митрополитъ Арсеній сталъ всѣми силами отстаивать свои вотчинныя права.

Уже 4 іюня 1742 года онъ посылаетъ въ коллегію экономіи промеморію о слѣдующихъ правонарушеніяхъ съ ея стороны.

1. Коллегія экономіи безъ сношенія съ нимъ, митрополитомъ, назначила Григорія Терпигорева приказнымъ въ архіерейскій ростовскій домъ.

2. Нѣкто Иванъ Горицкій, по доносу церковныхъ крестьянъ, судится, помимо его, въ коллегіи экономіи.

3. Безъ вѣдома его, ростовскаго митрополита, открытъ сборъ на подмогу полковымъ священникамъ, сверхъ ранѣе установленнаго сбора по гривнѣ съ каждой церкви.

Ростовскій владыка поставляетъ на видъ коллегіи экономіи, что ей не слѣдуетъ назначать приказныхъ служителей въ архіерейскій домъ, что «странно и неприлично ей такъ дерзостно на себя всю полную власть архіерейскую воспринимать». Странно также слышать, продолжаетъ митрополитъ Арсеній, что отъ духовныхъ судъ и расправу отымаютъ, когда это не отнято и отъ помѣщиковъ: «для чего и канцеляріи у насъ (архіереевъ) будутъ, при чемъ же и власть наша архіерейская останется?» Наконецъ, церкви и вообще теперь претерпѣваютъ недостатки. «Церковь Божія и такъ въ крайнемъ озлобленіи и разореніи обрѣтается отъ многихъ чрезъ мимошедшее время хищныхъ волковъ, губящихъ и истребляющихъ имѣнія церковныя, образцемъ преславнаго Церкве гонителя и мучителя безбожнаго и законопреступнаго царя Іуліана». «Благопочтенно требуемъ увѣдомить: по какимъ указамъ соблаговолила коллегія экономіи опредѣлять служителей, брать себѣ судъ и

расправу и требуетъ лишніе сборы, понеже о таковыхъ указѣхъ мы не извѣстны». Требуемъ впредь этого не дѣлать и послать «оное челобитчиково дѣло къ судорѣшенію до нашего архіерейства безъ задержанія» [1]).

Коллегія экономіи, получивъ такую необычайную промеморію, пожаловалась сенату [2]), что митрополитъ ростовскій пишетъ «не по силѣ генеральнаго регламента и указовъ, а съ не малымъ нареканіемъ»,—что тамъ есть «рѣчи уразительныя» и почему-то включено, между прочимъ, объ Іуліанѣ законопреступникѣ [3]), тогда какъ вѣдомство ея существуетъ съ 1701 года и дѣйствуетъ она строго по высочайшимъ указамъ.

Прежде чѣмъ коллегія экономіи снеслась съ сенатомъ (23 іюня), въ нее поступила (отъ 19 іюня) другая промеморія отъ митрополита Арсенія по поводу размѣщенія въ ростовскіе монастыри инвалидовъ, забота о содержаніи которыхъ возложена была на обители еще императоромъ Петромъ I. Солдатъ Лисицынъ подалъ въ сенатъ просьбу, чтобы дать ему мѣсто въ ростовскомъ Авраміевомъ монастырѣ. Сенатъ согласился, но въ монастырѣ отказались принять Лисицына. Коллегія экономіи, по предложенію сената, велѣла тогда митрополиту ростовскому послать его въ другой монастырь. На такое приказаніе митрополитъ Арсеній отвѣтилъ: по чему, прежде чѣмъ предписать ему это, коллегія экономіи не снеслась съ нимъ: есть ли въ епархіескихъ монастыряхъ «порожнія порціи», а посылаетъ солдатъ въ монастыри такъ «нахально» и безъ ограниченія числа? Въ этомъ видно только неусыпное желаніе коллегіи экономіи, чтобы «все монашество истребить и искоренить и церкви разорить». Она чинитъ въ противность, какъ закону христіанскому, такъ и высочайшимъ указамъ. Чтобы рѣшиться на такія неправильныя

---

[1]) Государственный Архивъ, разрядъ XVIII, № 85, отъ 1736—1786 гг. «Доклады и другія бумаги коллегіи экономіи», въ 5 книгахъ, I т., листъ 38.

[2]) Коллегія экономіи съ 1738 г. была подчинена сенату (*Барсовъ Т. В.*,—«Син. учр. пр. вр.», 196 стр.).

[3]) Арсеній въ промеморіи изложилъ исторію Юліана Отступника съ обидною подробностію для коллегіи экономіи (Госуд. Архивъ, разрядъ XVIII, № 85, I кн., л. 38).

«наглыя и нахальныя нападенія» на святые домы, для этого нужно презрѣть государственныя права.

«У кого удобнѣе изъ порціи убавить,—прибавляетъ онъ,—и дать солдату: у бѣднаго ли монаха, или у коллежскаго члена, которому и сверхъ жалованья изъ монастырей везутъ не мало?» Если по однимъ безразсуднымъ присылкамъ коллегіи экономіи принимать солдатъ,—боюсь и Бога и государыни. Теперь присланныхъ (Лисицына и двухъ капраловъ) «принять имѣю опасеніе и не приму». «Если же коллегія экономіи спроситъ насъ о порціяхъ, мы не только увѣдомимъ, но и государынѣ представимъ съ надлежащимъ объясненіемъ» [1]).

Арсеній, очевидно, считалъ себя въ вотчинномъ отношеніи не подчиненнымъ коллегіи экономіи, а отвѣтственнымъ только предъ верховною властію.

6 іюля того же года поступило такое доношеніе его уже самой императрицѣ.

Онъ жалуется на скудость хлѣбныхъ припасовъ въ архіерейскомъ ростовскомъ домѣ отъ неурожая и отъ недостатка земель, такъ что и хлѣбъ въ коллегію экономіи не посылается, и даже служителямъ своимъ, вмѣсто хлѣба, за неимѣніемъ его, выдаютъ деньги. Затѣмъ митрополитъ Арсеній говоритъ, что коллегія экономіи отпустила на архіерейскій домъ мало денегъ (2,014 рублей—ежегодно), потому что изъ этой же суммы надо платить за сбѣжавшихъ крестьянъ, бѣдныхъ и умершихъ, а также содержать домовые дворы въ Москвѣ и Петербургѣ и пр.; между тѣмъ, послѣ пожара требуется ремонтъ. Его предшественникъ, архіепископъ Георгій Дашковъ, съ вотчинъ въ коллегію экономіи ничего не платилъ.—Теперь же въ монастыряхъ не столько монаховъ, сколько солдатъ и посылать ихъ понынѣ не пере-

---

[1]) Въ Государственномъ Архивѣ, дѣло № 85 (XVIII разр.), I кн., 24 листъ. Коллегія экономіи, какъ мы сказали, находилась въ Москвѣ. Къ 1741 году управленіе ея церковными вотчинами настолько расшаталось, что настоятели монастырей и архіереи не боялись открыто посылать свои жалобы въ Петербургъ на ея дѣйствія и дѣлали это не безъ успѣха: внутреннее управленіе хозяйствомъ вотчиннымъ императрицею Елизаветою Петровною опять было ввѣрено духовенству.

стаютъ, такъ что о поправленіи ветхихъ построекъ нечего и думать,—даже и «монашеству быть не у чего». Кромѣ того, и состояніе епархіи неустроенное. Митрополиты ростовскіе засѣдали всегда въ синодѣ. По отсутствію архіерейскаго надзора, иныя церкви по 10 лѣтъ были безъ священниковъ и безъ службы, такъ что можно ожидать необходимости «паки вновь народъ нашъ въ вѣру христіанскую приводить».— Владыка проситъ государыню «помиловать мене раба своего и богомольца, отпустить въ ростовскую епархію мою и освободить отъ платежа въ коллегію экономіи, хотя одинъ ростовскій домъ архіерейскій», какъ онъ освобожденъ былъ при императорѣ Петрѣ II. «Ежели,—присовокупляетъ онъ,— отъ коллегіи экономіи не освобождуся, то и за дѣло приниматься никакъ не возможно» [1]).

На этотъ разъ коллегія экономіи постаралась выставить свѣдѣнія митрополита Арсенія императрицѣ несправедливыми. По ея отзыву, хлѣба и земель у ростовскаго архіерейскаго дома много; митрополитъ собираетъ данныя съ церквей, вѣнечныя и оброчныя деньги; сумма ему назначенная на содержаніе архіерейскаго дома въ Ростовѣ, 2,014 рублей, самая высшая, такъ какъ болѣе 1,200 рублей никакой архіерейскій домъ не получаетъ; у ростовскаго архіерейскаго дома 16,796 душъ крестьянъ. Сборовъ у него бываетъ 7,046 рублей 51 копѣйка каждогодно. Далѣе, коллегія экономіи недоумѣваетъ: какая, именно, «отъ пожаровъ ветхость состоитъ» и въ какую сумму исправлена быть можетъ, такъ какъ отъ архіерейскаго дома извѣстія въ коллегію экономіи нѣтъ? Все, что наложено ранѣе на ростовскій архіерейскій домъ,—все сдѣлано по указу. При митрополитѣ же Арсеніи послано въ монастыри только 8 человѣкъ, но онъ ихъ не принимаетъ и о убылыхъ порціяхъ не извѣщаетъ [1]).—Опровергая челобитную ростовскаго митро-

---

[1]) Тамъ же, 37 листъ. Эту челобитную свою отъ 6 іюля 1742 г., митр. Арсеній снова повторяетъ въ томъ же году (6 октября), тѣми же, буквально, словами, исключивши сообщеніе о пустующихъ церквахъ (тамъ же, 70—71 л.).

[1]) Наконецъ, коллегія экономіи опять ссылается на свое право вѣдать вотчины, наложенное волею великаго императора; приводятся,

полита, коллегія экономіи, очевидно, намѣренно умолчала, что на архіерейскомъ домѣ состояла недоимка въ 4,395 рублей 73 копѣйки [2]).

Столкновенія съ коллегіею экономіи, однако, не прошли для митрополита Арсенія даромъ. Онъ надѣялся на правоту своего дѣла и на поддержку со стороны св. синода; однако, въ синодѣ не только не поддерживали его, но не хотѣли его и понять: его одного заставляли объясняться съ коллегіею экономіи и даже съ сенатомъ.

Когда въ томъ же, 1742 году послали въ одинъ ростовскій монастырь нѣсколько инвалидовъ, владыка ихъ не принялъ, а извѣстилъ коллегію экономіи, что на содержаніе инвалидовъ у него нѣтъ денегъ. Коллегія экономіи подала жалобу въ синодъ, а потомъ и въ сенатъ, донося, что одного хлѣба въ ростовскихъ монастыряхъ лежитъ до тысячи четвертей.

Когда изъ сената потребовали отъ митрополита Арсенія объясненія о причинѣ отказа инвалидамъ въ содержаніи, то онъ отвѣчалъ съ такою рѣзкостію, что сенатъ нашелъ необходимымъ поставить на видъ самому св. синоду, чтобы впредь ростовскій митрополитъ не писалъ «поносительныхъ словъ, обращенныхъ къ лицу сената»; вмѣстѣ съ тѣмъ,— внушить и самому митрополиту Арсенію, чтобы въ докладахъ своихъ онъ не писалъ ничего, кромѣ изложенія дѣла. Сенатъ, при этомъ напомнилъ 55 главу генеральнаго регламента, по силѣ которой, «поносящіе коллегію ругательными словами, какъ противники ея величества, на тѣлѣ лишеніемъ чести и имѣнія наказаны быть имѣютъ».

Сношенія митрополита Арсенія съ св. синодомъ доставляли ему еще больше непріятностей и раздраженія. Тамъ была такая упорная непріязнь къ нему, что изъ-за нея члены

затѣмъ, слова манифеста императрицы Екатерины I, отъ 1726 г., объ учрежденіи коллегіи экономіи (содержаніе этого манифеста у *Барсова Т. В.*, въ «Син. учр. прежн. вр.», стр. 188). По справкѣ коллегіи экономіи, на 279 монаховъ ростовскаго архіерейскаго дома прислано 138 солдатъ (Государ. Архивъ, XVIII разрядъ, д. № 85, т. I, л. 30—35).

[1]) Со всѣхъ епархій въ неплатежѣ тогда состояло 47.452 рубля (Тамъ же, л. 78). Недоимка ростовскаго архіерейскаго дома къ 1763 г. возросла до 17.946 руб. 77 к. тамъ же, кн. II, генеральная вѣдомость.

синода забывали и свою ненависть къ коллегіи экономіи. Не прошло и полгода по пріѣздѣ митрополита Арсенія въ Ростовъ, какъ они показали явное нерасположеніе къ нему. Послали тогда въ Ростовъ по донесенію тайной канцеляріи сумасшедшаго колодника, съ указомъ принять его на содержаніе въ монастырь. Арсеній не только отказался принять его, но съ негодованіемъ писалъ св. синоду, что посылающіе въ монастыри колодниковъ нарушаютъ высочайшіе указы и что подобнымъ распоряженіемъ св. синодъ нарушаетъ свои же церковныя привилегіи, чинитъ опредѣленіе «неосмотрительное» и даже «продерзостное» по отношенію къ милостивымъ указамъ 1723 и 1741 г.г., Петра Великаго и его дщери. Тогда св. синодъ посылаетъ отъ 13 апрѣля 1743 года митрополиту выговоръ и грозное предупрежденіе—впредь не писать въ св. синодъ съ такою «надменною злобою» и не нарушать «безстрашіемъ своимъ» высочайшихъ указовъ, запрещающихъ неуважительное отношеніе къ синоду. Въ противномъ случаѣ, предупреждаютъ, онъ не только сана архіерейскаго, но и клобука лишится».—Колодникъ посланъ въ монастырь, какъ объясняется тутъ же въ указѣ, не столько по опредѣленію св. синода, сколько по указу 1727 и 1735 годовъ.

Выговоръ послали не прямо въ Ростовъ, а чрезъ московскую синодальную контору, которая, вызвавъ самого Арсенія въ Москву, отобрала отъ него такую росписку: «сей выговоръ Арсеній митрополитъ слышалъ и, во исполненіе предписанія, оный выговоръ учиненъ ему» [1]).

Между тѣмъ, не одни настоятели монастырей, но и самъ св. синодъ въ то самое время, когда посылалъ Арсенію свой выговоръ, принимаетъ мѣры свои противъ содержанія въ монастыряхъ сумасшедшихъ колодниковъ, какъ по неудобству такового содержанія больныхъ внутри обители, такъ и по недостатку средствъ монастырскихъ: выговоръ сдѣланъ въ сентябрѣ, а просьба св. синода объ освобожденіи духовенства отъ этой тяжелой повинности подана была

[1]) Указъ напечатанъ въ «Чтеніи И. Общ. Ист. и Др. Р.», 1862 г., III кн., 154 стр.

21 октября того же 1743 года [1]). Такимъ образомъ, единство воззрѣній въ синодальной корпораціи и у митрополита Арсенія поразительное, но тѣмъ удивительнѣе обостренное отношеніе у нихъ въ общемъ дѣлѣ. Очевидно, оно возникло на личной почвѣ.

Надо полагать, что несносное положеніе митрополита Арсенія было причиною того, что онъ уже думалъ оставить ростовскую каѳедру.

Въ 1745 году отъ него въ св. синодъ поступило прошеніе, чтобы его уволили на покой. По его словамъ, скорбуточная болѣзнь причиняетъ ему столько страданій, что у него нѣтъ силъ управлять епархіей. Ссылаясь на свое прежнее обѣщаніе жить въ новгородъ-сѣверскомъ Спасскомъ монастырѣ, онъ проситъ пожаловать, по увольненіи его туда, «что ни есть на дорогу».

Въ св. синодѣ не только согласились на его просьбу, но и замѣтно радовались ей: съ необычайною предупредительною поспѣшностію опредѣлили ему «содержаніе противъ пяти монаховъ», имѣть трехъ служителей на монастырскомъ содержаніи, коляску съ парою лошадей для разъѣздовъ, и, какъ архіерею, отпускать по 300 рублей изъ суммъ коллегіи экономіи, сверхъ всего этого,—на проѣздъ ему отпустить 200 рублей [2]).

Императрица не утвердила синодальнаго доклада объ увольненіи Арсенія и онъ опять остался на ростовской митрополіи [3]).

Съ тѣхъ поръ императрица Елизавета Петровна всегда была внимательна къ митрополиту ростовскому.

Когда въ великомъ посту 1753 года государыня совершала «походъ» свой въ Москву, онъ шлетъ ей восторженное привѣтствіе: «всеусердно бы радъ всенижайшій и все-

---

[1]) Не задолго предъ этимъ членамъ св. синода, архіепископамъ Ѳеофилакту и Ѳеодосію Яновскому, удалось было выпросить отмѣну этой тяжелой обязанности (П. С. З. I т., № 1109), но отмѣна не была обнародована. Теперь члены синода ходатайствуютъ о возобновленіи отмѣны, а Арсеній признаетъ за ней законную силу.

[2]) «Докладъ св. синода императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ 1745 г.». («Чтеніе И. Общ. Ист. Др. Росс.», 1882 г., III кн., 153 стр.

[3]) «Лѣтопись ростовскихъ архіереевъ», примѣч. 48.

подданнѣйшій мой поклонъ вашему величеству отдать, ежели бы моя болѣзнь и слабость здравія не воспрепятствовала». Онъ присылаетъ государынѣ при этомъ двѣ книги: «Обличеніе на книгу раскольническую олонецкую» и «Возраженіе на пашквиль лютеранскій, на книгу—Камень Вѣры—сочиненный»; «и меня самого особенному вашему разсмотрѣнію вручаю», писалъ онъ.

Государыня пожаловала его венгерскимъ виномъ. Благодаря за подарокъ, митрополитъ пишетъ ей, что онъ, «началъ оное вино себѣ употреблять по совѣту лекаря съ сальволятилемъ и, чувствуя отъ этого пользу себѣ, сосновую воду пить оставилъ».

Обстоятельства слагались такъ, что въ святѣйшемъ синодѣ сильно чувствовалась нужда въ присутствіи митрополита Арсенія. По словамъ архіепископа Амвросія, его готовы были встрѣтить въ столицѣ, «какъ ангела Божія». Былъ слухъ, что ему предлагали занять мѣсто Сѣченова, митрополита новгородскаго [1]). Несомнѣнно то, что были предложенія митрополиту Арсенію пріѣхать въ Петербургъ и, именно, со стороны лицъ духовныхъ. Они чувствовали необходимость сплотиться при настойчивыхъ новыхъ замыслахъ дворянъ на использованіе церковной земельной доходности.

Во время государственныхъ затрудненій въ деньгахъ, какъ напримѣръ, во время семилѣтней войны, императрица Елизавета Петровна прямо приказывала сенату искать денегъ; сановники обращались въ невольниковъ «прибыльщиковъ» у нея.—Съ почина Петра Великаго, всѣ силы и всѣ средства въ XVIII вѣкѣ стали привлекаться на надобности государства; при этомъ, взоры всѣхъ невольно обращались на доходность церковныхъ имѣній и на ту массу богатыхъ вот-

---

[1]) «Выписка изъ послѣдовавшихъ въ нынѣшнемъ году новостей». («Чт.» 1862 г., II т., 15—20), написанная какимъ-то почитателемъ митр. Арсенія и, быть можетъ, принадлежащая къ числу тѣхъ листковъ объ Арсеніи, которые, по словамъ Ив. Вл. Лопухина, распространялись въ народѣ. Здѣсь говорится, что Арсеній показывалъ на судѣ такъ: «я свидѣтеля Бога не ложно на душу мою призываю, что я многократно отказывался самъ отъ ростовской митрополіи, а что хотя и заподлинно меня просили на мѣсто Сѣченова, но никогда, пока память во умѣ, а душа въ тѣлѣ моемъ держится, не соглашуся, а зачѣмъ? то небезъизвѣстно ея величеству самой».

чинъ, имѣющихъ 309, 521 душу, въ которыхъ можно бы было увеличить платежную повинность государству. Сенаторы при представленіяхъ государынѣ о финансовыхъ затрудненіяхъ кивали въ сторону монастырей, на зарево возстаній и безобразныхъ бунтовъ, освѣщавшихъ пошатнувшееся довѣріе къ управителямъ монастырскихъ деревень, на озлобленіе [1]) крестьянъ, возстающихъ противъ своихъ духовныхъ властей.

И не одни сенаторы были противъ владѣнія духовенства земельною собственностію. Самъ оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода былъ сторонникомъ ихъ. Переславскій архіерей Амвросій, не рѣдко жаловавшійся на неповиновеніе крестьянъ, въ 1757 году 11 іюля обращается къ святѣйшему синоду съ жалобой на незаконныя дѣйствія оберъ-прокурора Львова. Вотчинные крестьяне данилова Никитскаго монастыря и Волоколамскаго не платятъ никакихъ оброковъ, не исполняютъ установленныхъ работъ, не повинуются синодальнымъ указамъ и намѣрены подать прошеніе императрицѣ; подстрекаетъ же ихъ къ такому незаконному поступку синодальный оберъ-прокуроръ [2]). Амвросій убѣжденъ, что оберъ-прокуроръ—это такой для духовенства «врагъ, который не ѣстъ, ни спитъ, но того ищетъ..., какъ бы все въ помѣшательство привесть» [3]).

По словамъ митрополита Амвросія, онъ проводилъ систему—не допускать до присутствія въ синодѣ такихъ архіереевъ, которые могли «пособить» и поддерживать другъ друга.

---

[1]) Описаніе нѣсколькихъ бунтовъ въ церковныхъ вотчинахъ во второй половинѣ XVIII в. находится въ отдѣльныхъ статьяхъ, напр., «Солотчинскіе монахи» («Историч. Вѣстн»., 1887 г., февраль), «Изъ вотчинной монастырской жизни» (тамъ же, 1888 г., XIII кн.); а также въ дѣлахъ духовной коммиссіи (Син. Архива дѣла №№ 75, 59, 54 и мн. др.). Здѣсь изображается и монастырское хозяйство, пришедшее почти повсемѣстно, особенно въ среднихъ и южныхъ губерніяхъ, въ упадокъ. *Семевскій М. И.* также описываетъ бунты крестьянъ на основаніи актовъ мин. юст. и дѣлъ коллегіи экономіи («Крестьяне въ царствованіе Екатерины II», II т., 220, 235, 245, 252 стр. и др.). У *С. М. Соловьева*,—«Истор. Росс»., V т., 1178—1181 стр.

[2]) *Благовидовъ*,—«Оберъ прокуроры св. синода» (въ «Православн. Собесѣдникѣ», 1898 г., I т., 687. стр.)

[3]) Въ письмѣ къ митр. Арсенію, Амвросій называетъ оберъ-прокурора «львоименитымъ супостатомъ» («Чт». 1862 г., кн. II, стр. 21; «Яросл. Епарх. Вѣдомости», 1868 г., № 8, 67—69 стр.).

О подобныхъ происках митрополитъ Арсеній узналъ отъ самого епископа Амвросія. Въ 1757 году Амвросій былъ въ Ростовѣ. Побывавъ недавно въ Петербургѣ, онъ разсказывалъ ему о той опасности, какая угрожала «общему церковному добру» (т. е. церковнымъ вотчинамъ). Самъ Амвросій по мѣрѣ силъ своихъ старался отвратить опасность, ходатайствовалъ лично предъ государыней, просилъ ее и черезъ другихъ — избавить Церковь отъ «озлобленія» [1]). По его мнѣнію, въ столицѣ теперь надобны іерархи стойкіе, а не «выходцы азіатскіе и прелазятаи аѳонскіе» [2]).

Опасность, вѣроятно, заключалась въ намѣреніи правительства—измѣнить управленіе въ церковныхъ вотчинахъ, отстранивъ монастырскихъ служекъ и поставивъ, вмѣсто нихъ, отставныхъ офицеровъ, и ограничить натуральныя повинности крестьянъ, обязавъ ихъ только помѣщичьими окладами.

Безмолвно слушалъ гостя престарѣлый митрополитъ ростовскій, но, провожая его, вручилъ ему свое письменное разсужденіе о томъ, какъ отразить нападенія свѣтскихъ персонъ въ Петербургѣ на духовенство.

Амвросій, по пріѣздѣ домой, отвѣчаетъ владыкѣ Арсенію письмомъ, что разсужденіе его едва ли возможно представить государынѣ, такъ какъ оно полно обличеній такихъ пороковъ, которыми нынѣ всѣ заражены. По мнѣнію Амвросія, надо обо всемъ этомъ лично доложить государынѣ «обстоятельно и дѣльно». Поэтому онъ проситъ его, митрополита Арсенія, ѣхать въ Петербургъ ходатайствовать за св. Церковь. Нерѣшившись лично, будучи въ Ростовѣ, изъ боязни отказа,

---

[1]) Съ 1753 г. возбужденъ былъ въ Петербургѣ вопросъ объ усиленномъ распредѣленіи по монастырямъ и содержаніи тамъ военныхъ чиновъ (Дѣло Архива св. синода, 1753 г., № 128. Высочайшее повелѣніе 28 мая 1753 года). Въ 1757 году изъ военной коллегіи приказано, чтобы духовныя власти не отказывались принимать солдатъ въ монастыри (Книга высочайшихъ повелѣній, № 4; *А. А. Завьялова*,— Вопр. о церк. имѣніяхъ», 95—96 стр.).

[2]) Проф. *В. Иконниковъ* догадывается, что подъ выходцами и прелазятаями разумѣются тогдашніе іерархи иностраннаго произхожденія, Антоній, владимірскій архіепископъ, и Анатолій Мелесъ (Русск. Старина», 1879 г., XXV т., стр. 57 объ Анатоліи Мелесѣ въ запискахъ *Добрынина*, «Русск. Старина», 1871 г., III т., 58 стр.).

просить Арсенія объ этомъ, онъ теперь заклинаетъ примѣрами престарѣлаго Флавіана Антіохійскаго и великихъ подвижниковъ, оставлявшихъ затворъ и молчаніе для того только, чтобы содѣйствовать миру Церкви,—не отказываться помочь теперь общему дѣлу. Такъ какъ всѣ архіереи въ столицѣ находятся въ унынiи, то митрополиту Арсенію надо самому ѣхать въ столицу; тамъ его встрѣтятъ, какъ новоявленнаго угодника (св. Димитрія Ростовскаго).

Однако, митрополитъ Арсеній въ Петербургъ не поѣхалъ. Вскорѣ его стряпчій посылаетъ изъ Петербурга къ нему копію доклада государынѣ отъ высшаго дворянства о томъ, чтобы взять отъ духовенства деревни. Докладъ былъ подписанъ канцлеромъ граф. А. П. Бестужевымъ «и другими знатными особами, кромѣ гр. Петра Шувалова». При извѣстіи о такой опасности, митрополитъ Арсеній письменно обратился къ гр. А. П. Бестужеву съ просьбою—защитить предъ государынею интересы духовнаго сословія. Бестужевъ передалъ это письмо на усмотрѣніе императрицы.

Имѣя въ рукахъ и докладъ о необходимости взять у духовенства деревни и просьбу отъ ростовскаго святителя—не отбирать ихъ, императрица Елизавета Петровна была въ досадѣ и нерѣшительности, такъ какъ и сама раздавала церквамъ земельныя угодья, и, наконецъ, сказала: «какъ хотятъ послѣ моей смерти, а я не подпишу». Пріѣхавшіе въ это время въ Ростовъ на поклоненіе мощамъ св. Димитрія Ростовскаго придворные передали митрополиту Арсенію, что, только благодаря ходатайству гр. Бестужева и его письму, деревни были оставлены за монастырями [1]).

При денежныхъ затрудненіяхъ въ государствѣ невольно у всѣхъ поддерживалась мысль о необходимости преобразовать церковныя имѣнія и привлечь вотчинные церковные доходы на покрытіе государственныхъ нуждъ. Въ 1760 году съ этимъ намѣреніемъ была составлена конференція изъ членовъ сената и синода для рѣшенія того, чтобы церковными вотчинами управляли офицеры и чтобы они извлекали оттуда средства на содержаніе инвалидныхъ

[1]) «Русская Старина», XLV т., 628 стр.

домовъ. На конференціи одержали верхъ члены святѣйшаго синода. Они не согласились, чтобы вотчинами духовнаго вѣдомства управляли офицеры; на содержаніе же инвалидныхъ домовъ согласились давать изъ вотчинныхъ доходовъ опредѣленную сумму въ 300 тысячъ рублей ежегодно. Чрезъ 3 мѣсяца послѣ такой конференціи была созвана новая, но рѣшеніе и согласіе святѣйшаго синода было старое, съ тою только разницею, что, по предложенію сената, положено было производить съ крестьянъ рублевый окладъ, изъ котораго половину платить въ казну, а другую въ пользу духовныхъ владѣльцевъ [1]).

Такимъ образомъ, не смотря на несогласіе членовъ синода, съ предложеніями свѣтскихъ персонъ, послѣднія настояли, чтобы отношеніе духовныхъ владѣльцевъ, какъ къ государственнымъ нуждамъ, такъ и къ своимъ крестьянамъ, не было произвольнымъ: какъ крестьянъ, такъ и ихъ самихъ обязали опредѣленнымъ денежнымъ окладомъ.

Во всемъ этомъ былъ очевидный поворотъ въ направленіи правительственныхъ распоряженій въ пользу крестьянъ: ранѣе всѣ возстанія крестьянъ подавляли силою, въ концѣ же царствованія императрицы Елизаветы Петровны стали обращать вниманіе на усилившіяся жалобы ихъ. Напримѣръ, когда, въ 1760 году, въ сенатъ поступили четыре челобитныя на несправедливость и разореніе крестьянъ со стороны своихъ властей и ихъ управителей со служками, то синоду внушено было, что безъ излишняго отягощенія крестьянъ подобныхъ жалобъ, вѣроятно, не было бы, что челобитчики, должно быть, отъ нестерпимыхъ обидъ отважились, не смотря на запрещеніе, жаловаться самой государынѣ [2]). Для разбора крестьянскихъ жалобъ назначили особую коммиссію и туда назначили четырехъ членовъ изъ персонъ уже свѣтскихъ: на безпристрастіе духовныхъ судей, очевидно, не надѣялись.

---

[1]) *С. М. Соловьевъ*,—«Русск. Истор.», V кн., 1180 стр. *Т. В. Барсовъ*—«Синодальныя учрежденія стараго времени, 339—341 стр.

[2]) *С. М. Соловьевъ*,—«Р. Истор.», т. V, 1179 стр.

Глава XI.

Императоръ Петръ III.

По смерти императрицы Елизаветы Петровны въ кратковременное царствованіе императора Петра III у духовенства было не мало основательной тревоги за церковныя имущества. Боялись, что отнимутъ всѣ права на вотчины. Императоръ не любилъ православной религіи, оказывалъ «къ церковнымъ обрядомъ презрѣніе» [1]) и не уважалъ духовенства. Отъ прежняго времени осталось много крестьянскихъ челобитенъ на духовныхъ властей въ обидахъ и несправедливости отъ нихъ. Склонный всегда къ крайностямъ, императоръ обвинялъ членовъ святѣйшаго синода въ нарушеніи правосудія. Въ высочайшемъ указѣ по этому поводу говорилось, что челобитчиковъ на епархіальныхъ властей ожидала всегда волокита, епархіальные архіереи находятъ въ синодѣ не судію строгаго, а своего опекуна; продержавши челобитчиковъ въ синодѣ, ихъ обыкновенно опять отправляли на разсмотрѣніе тѣхъ, на кого жаловались челобитчики. «Впредь, гласитъ указъ 26 марта 1762 года, малѣйшее нарушеніе истины накажется, какъ злѣйшее государственное преступленіе» [2]). Указъ велѣно было имѣть всегда на столѣ предъ глазами присутствующихъ въ святѣйшемъ синодѣ для постояннаго напоминанія объ отвѣтственности ихъ предъ государемъ [3]). Въ вопросѣ о церковноимущественномъ правѣ императоръ, повидимому, и не думалъ, какія могутъ быть послѣдствія отъ его распоряженій. Грозя духовенству и внушая ему править своими крестьянами справедливо, онъ, въ то же время, совсѣмъ отнималъ имѣнія отъ нихъ. Словомъ, распоряжался такъ поспѣшно и неумѣло, что, не принося никому пользы, оставилъ безъ всякаго пропитанія собственниковъ церковныхъ

---

[1]) П. С. З., № 11. 582—Манифестъ по прибытіи императрицы Екатерины II въ Петербургъ.

[2]) *С. М. Соловьевъ*,—«Р. Истор»., V т. 1305 стр.

[3]) Указъ былъ всѣмъ въ синодѣ ненавистенъ и чрезъ 3 мѣсяца, когда воцарилась имп. Екатерина II, совсѣмъ убранъ изъ присутствія.

земель. Каждое распоряженіе императора оскорбляло и обижало духовныхъ.

Таковы распоряженія его 4 и 17 января, 7 и 16 февраля, гдѣ онъ, то усиливаетъ надзоръ за управленіемъ церковныхъ вотчинъ [1]), то даетъ приказъ назначенной имъ конференціи увеличить семигривенный, установленный до него, сборъ съ монастырскихъ крестьянъ до одного рубля 70 копѣекъ [2]), то внушаетъ сенату «не тратить напрасно времени», но немедленно исполнить тѣ предположенія своей тетки, императрицы Елизаветы Петровны, которыя клонились къ ограниченію вотчинныхъ правъ духовенства; затѣмъ онъ устраняетъ участіе синода въ конференціи по разбору жалобъ на людей синодальнаго вѣдомства [3]) и, наконецъ, производитъ полную секуляризацію церковныхъ имѣній, передавши ихъ коллегіи экономіи подъ вѣдомствомъ сената [4]). Императоръ имѣлъ въ виду облегченіе участи монастырскихъ крестьянъ и ограниченіе духовенства въ содержаніи въ правахъ земельной собственности.

Крестьяне могли только радоваться распоряженіямъ правительства, тогда какъ духовенству оставалось только воздыхать.

Именной указъ 21 марта 1762 года былъ небывалымъ благодѣяніемъ для крестьянъ: они получали въ свою собственность землю, которую обрабатывали до сего времени для духовныхъ властей; тяжелая зависимость ихъ отъ послѣднихъ замѣнялась рублевымъ окладомъ. Говорятъ, что манифестъ объ этомъ сочинялъ генералъ-прокуроръ, Александръ Ивановичъ Глѣбовъ, и въ числѣ доводовъ отобранія деревень привелъ слова Спасителя: «взгляните на лиліи въ полѣ: онѣ не сѣютъ, ни прядутъ, ни собираютъ въ свои житницы»

---

[1]) П. С. З. 11396.
[2]) *Барсовъ Т. В.*,—«Синод. учрежд. стар. времени» 240 стр.
[3]) Тамъ же, 240 стр.
[4]) При этомъ помогалъ императору Волковъ, какъ самъ онъ, Волковъ, указывалъ впослѣдствіи гр. Гр. Орлову. Волковымъ составленъ былъ проектъ переустройства монастырскихъ крестьянъ; «по несчастію, сознается онъ, перепорчена въ сенатѣ совсѣмъ вся сія исторія» («Р. Старина», 1874 г. IX т., 479—489 стр.).

и проч. [1]). Вслѣдствіе этого указа весною 1762 года въ вотчины церковныя прибыли изъ Петербурга штабъ и оберъ-офицеры для переписи всего имущества, не исключая церковныхъ сосудовъ и утвари. Положеніе духовенства было тяжелое. «Нынѣ не токмо вашу святыню, но и всѣхъ насъ печальная сія тронула перемѣна, которая жизнь нашу ведетъ къ воздыханіямъ и болѣзнямъ», пишетъ московскій митрополитъ Тимоѳей къ митрополиту Арсенію въ іюнѣ того года: «до сего мы дожили по заслугамъ нашимъ» [2]).

По словамъ митрополита Тимоѳея [3]), офицеры, описавши хозяйство: скотъ, хлѣбъ и прочее, оставили пока все подъ вѣдѣніемъ духовныхъ властей. Но когда крестьяне узнали объ указѣ, обѣщавшемъ имъ независимость, то стали волноваться и производить безпорядки: начали рубить лѣса, увозить къ себѣ съ луговъ сѣно, уводить мелкій скотъ, похищать птицу и рыбу изъ монастырскихъ прудовъ. Сами офицеры подавали открытый поводъ къ своевольству крестьянъ, такъ что, по жалобамъ владыки, не разъ были даже смѣняемы. Чѣмъ отдаленнѣе были монастырскія вотчины, тѣмъ болѣе было дерзости со стороны офицеровъ: не ограничиваясь переписью скота, они прямо угоняли его.

Подобныя же «несчастныя приключенія [4])» были и въ ростовской епархіи. Указъ 21 марта былъ здѣсь совершенною неожиданностію. По полученіи его, ростовскій воевода опечаталъ въ монастырскихъ вотчинахъ всѣ житницы; затѣмъ, описавши скотъ и птицу, все взялъ въ свое завѣдываніе.

Для описи великолѣпнаго конскаго завода отъ генерала фельдмаршала, князя Никиты Трубецкого, посланъ былъ офицеръ иноземецъ. Онъ забралъ весь заводъ и погналъ лошадей. Желая польстить митрополиту Арсенію, устроителю завода, офицеръ говорилъ: «такого завода и на со-

---

[1]) Дополненіе къ запискамъ (Штелина) о. ц. Петра III («Чт.» 1866 г., 4 кн., 103 стр.).

[2]) Архивъ св. син., секр. дѣло А. Мацѣевича № 119, л. I; *С. М. Соловьевъ*—«Р. Ист.» кн. V, 1363 стр. «Р. Стар.» XXV т. 587 стр.

[3]) Тамъ же. Письмо м. Тимоѳея отъ 2 авг. 1762 г.

[4]) Тамъ же. Письмо м. Арсенія къ московскому м. Тимоѳею.

рокъ тысячъ не завести». Слова эти такъ огорчили владыку, что онъ долго не могъ забыть ихъ.

Въ монастырѣ у митрополита оставлено было только для выѣзда нѣсколько лошадей, но безъ корма [1]).

Офицеры, кромѣ насилій, подозрѣвались еще и въ томъ, что при описи производили сборы денегъ съ выборныхъ деревенскихъ старостъ въ свою пользу [2]).

Вообще пріемъ императора, по отношенію къ церковнымъ вотчинамъ былъ крутой и неразсчитанный; узелъ вотчинныхъ отношеній разсѣченъ имъ поспѣшно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, неумѣло, такъ что возбудилъ недовольство, прежде всего, духовенства, а потомъ и народа. На секуляризацію церковныхъ имѣній, какъ на грубую ошибку [3]) молодого императора обратили вниманіе и враги, и друзья Россіи. Въ Варшавѣ надѣялись, что это событіе произведетъ волненіе въ Россіи [4]), и тамъ не ошибались. Въ Пруссіи, наоборотъ, тревожились при слухахъ о столкновеніи неопытнаго императора съ духовенствомъ, усилившимся за послѣдніе 20 лѣтъ.

Обиженное духовенство не скрывало своего неудовольствія. Симонъ, епископъ псковскій, говорилъ при свиданіи митрополиту ростовскому, что императоръ, Петръ Ѳедоровичъ, не твердъ въ законѣ [5]). Московскій митрополитъ писалъ тому

---

[1]) Письмо Арсенія Мацѣевича къ гр. Бестужеву Рюмину отъ 12 іюля 1762 г. (въ «Чтеніи» 1862 г., III кн., стр. 190. Впослѣдствіи на допросахъ въ 1767 г., въ корельскомъ монастырѣ м. Арсеній показывалъ, что онъ считаетъ обижающими Церковь тѣхъ свѣтскихъ чиновъ, которые постановили отобрать деревни отъ монастырей, и привелъ эти слова офицера-иноземца, какъ доказательство наглости офицеровъ, производившихъ опись. («Р. Стар». XLV 621).

[2]) Въ октябрѣ того же года Александроневская лавра спрашивала выборныхъ деревенскихъ старостъ: не было ли у нихъ какого-нибудь денежнаго сбора при пріемѣ офицерами вотчиннаго имущества (Архивъ А.-Невской Лавры,—дѣло 2 окт. 1762 г.).

[3]) Распоряженіе о взятіи деревень отъ духовенства въ казенное вѣдомство было предъ концомъ царствованія императора Петра III: 25 іюня 1762 г., онъ приказываетъ синоду покончить вопросъ о церковныхъ имѣніяхъ такъ: «всѣхъ вашихъ здѣшнихъ бывшихъ монастырскихъ крестьянъ причислить моему державству, а вмѣсто нихъ, мое собственное на жалованье дать». Поэтому можно считать такое распоряженіе императора одною изъ причинъ желать духовенству перемѣны въ правленіи, когда онъ, такимъ, образомъ, «началъ помышлять о разореніи самыхъ церквей». (П. С. З. № 11.582).

[4]) *С. М. Соловьевъ*,—«Ист. Россіи», т. V, 1305 стр.

[5]) «Русская Старина» XLV т. 327 стр.

же митрополиту Арсенію, что духовенству остается только «въ терпѣніи стяжать души», за все благодарить Бога и молить Его «въ бѣдствіи нашемъ привращеніемъ въ наше владѣніе деревень» [1]).

Иностранные дипломаты, интересовавшіеся внутреннимъ спокойствіемъ въ Россіи, отмѣчали даже рѣшительный отпоръ духовенства распоряженіямъ императора Петра III. Петербургскій посланникъ короля прусскаго писалъ такъ: «духовенство подало императору представленіе на русскомъ и латинскомъ языкахъ, гдѣ жалуется на насиліе и странные поступки съ собою, вслѣдствіе указа объ отобраніи церковныхъ имуществъ; такихъ поступковъ духовенство не могло ожидать и отъ варварскаго правительства, а теперь принуждены терпѣть ихъ отъ правительства православнаго, и это тѣмъ горестнѣе, что духовные люди терпятъ насиліе потому только, что они суть только служители Божіи. Эта бумага, подписанная архіепископами и многими изъ духовенства, составлена въ чрезвычайно сильномъ тонѣ: это не просьба, а скорѣе протестъ противъ государя» [2]).

Однако, подтвержденія, чтобы, «архіепископы и многіе изъ духовенства» протестовали противъ отобранія церковныхъ имѣній нѣтъ. Высшіе іерархи, воздыхая, согласились съ распоряженіями императора. Если же судить объ этомъ протестѣ по тому доношенію, которое подано митрополитомъ Арсеніемъ въ синодъ въ 1763 году, то есть основаніе предположить, что протестъ поданъ тѣмъ же митрополитомъ ростовскимъ и что по рѣзкости и смѣлости доводовъ, равно и по силѣ историческихъ примѣровъ онъ могъ показаться прусскому посланнику не единоличнымъ дѣломъ Арсенія.—Въ одномъ современномъ сказаніи [3]) такъ и говорится.

«И пришедъ въ келлію, уединился, писалъ (митрополитъ Арсеній) къ его императорскому величеству прошеніе, которое состояло изъ книгъ пророческихъ и священнаго писанія, весьма

---

[1]) Архивъ св. син.; секр. дѣло А. Мацѣевича № 119, л. 1.

[2]) «*С. М. Соловьевъ*—«Исторія Россіи», т. V.

[3]) «О представленіи преосвященнаго Арсенія» (Рукопис. Отдѣл. Имп. Публ. Библ. л. I, № 279). «Выписка изъ послѣдовавшихъ въ нынѣшнемъ году новостей». («Чт.» 1862 г., II кн., стр. 18).

жалостно и плачевно, остраго и высокаго разсужденія; и отправлено оное съ схимоіеромонахомъ Лукою въ Петербургъ, которое и вручено было его величеству въ собраніи генералитетства и прочтено съ остановкою секретаремъ, и государь былъ въ великомъ азартѣ, а оной схимникъ отъ страху лишился ума, былъ посланъ въ Невской монастырь, гдѣ шесть недѣль и находился подъ карауломъ и возвращенъ съ указомъ, чтобы быть безысходну изъ келліи, за присмотромъ настоятеля; и никакого рѣшенія (на оное прошеніе) не учинено (тогда)» [1]).

[1]) Тамъ же. Форма и содержаніе, какъ свидѣтельствуется въ этомъ сказаніи, могли быть тѣ же, что и въ доношеніи 1763 года, такъ какъ м. Арсеній и въ другихъ случаяхъ подавалъ на высоч. имя, въ одинъ годъ, тожественныя бумаги. (Гос. Арх. разр. XVIII, I ч., 70—71 л.).

Часть II.

Церковныя имѣнія при Екатеринѣ II и секуляризація ихъ.

Глава I.

Совѣтники Екатерины II.

Общее ликованіе въ Россіи, по случаю восшествія на престолъ императрицы Екатерины II, болѣе всѣхъ выражало духовенство. Радость высшихъ духовныхъ лицъ изливалась въ поздравленіяхъ другъ друга «съ благополучнымъ восшествіемъ на престолъ» [1]) благочестивѣйшей государыни; они открыто въ проповѣдяхъ своихъ говорили о надеждахъ на перемѣны къ лучшему. Тогда какъ у другихъ сословій надежды были смутны и безпредметны, духовенство ожидало милостей опредѣленныхъ: оно думало получить въ свое владѣніе и управленіе церковныя имѣнія, взятыя изъ духовнаго вѣдомства по указу императора Петра III. Расчетъ былъ, повидимому, основательный.—Насколько сверженный императоръ по отношенію къ православной вѣрѣ былъ легкомысленъ, настолько его супруга, возглашенная духовенствомъ, 28 іюня 1762 года, самодержавною, еще ранѣе старалась доказать свое усердіе къ богослуженію [2]) и свое вниманіе къ православнымъ обрядамъ [3]), а равно и къ ду-

---

[1]) Письмо архіеп. Амвросія крутицкаго къ митр. Арсенію отъ 15 іюля 1762 г. («День», 1864 г., № 39, стр. 8; «Дѣло Арсенія Мацѣевича» въ Синод. архивѣ, № 119, л. 2).

[2]) *В. А. Бильбасовъ*,—«Исторія Екатерины II», т. I, 419 стр.

[3]) «Обряды греческой Церкви, пишетъ Бретель 4 февраля 1761 г., многочисленны, полны суевѣрій, надъ которыми она (императрица Екатерина II), конечно, смѣется, но духовенство и народъ вполнѣ вѣрятъ

ховенству [1]). Первыя строки ея перваго манифеста свидѣтельствовали о заботахъ возставить православную вѣру, попираемую распоряженіями Петра III.

Императрица сама знала о необходимости успокоить духовенство. Впослѣдствіи она такъ передавала о пережитыхъ ею тогда мысляхъ и чувствахъ: «я возведена была на престолъ для обороны православнаго закона, мнѣ приходилось имѣть дѣло съ народомъ благочестивымъ, съ духовенствомъ, которому еще не возвращены были его имѣнія и которое вслѣдствіе такой дурнопринаровленной мѣры не знало, чѣмъ ему пробавляться» [2]). Тогда не было у нея ни программы начинавшагося царствованія, ни государственныхъ видовъ: она вступала на свое высокое поприще съ однимъ природнымъ тактомъ, замѣчательно усовершенствованнымъ въ средѣ сословныхъ и партійныхъ тонкихъ интригъ.

Чтобы угодить духовенству своимъ вниманіемъ, и дворянству своимъ довѣріемъ, императрица послѣ манифеста, гдѣ обѣщано, что всякій останется при своихъ «правостяхъ» въ ея царствованіе, тотчасъ поручаетъ сенату имѣть «разсужденіе о духовенствѣ, какъ бы ему учинить удовольствіе къ его содержанію» [3]). Почти одновременно съ этимъ она получаетъ отъ самого духовенства просьбу о возвращеніи ему имѣній; и просьба духовенства отправлена въ сенатъ съ приказаніемъ, чтобы разсужденіе сената по ней было донесено ей.

Можно сомнѣваться, чтобы духовенство желало участія сената въ вопросахъ о своихъ земельныхъ имѣніяхъ [4]).

ей... высоко цѣнятъ ея чувства. Она соблюдаетъ всѣ праздники церковные, всѣ посты, всѣ религіозные обряды, къ которымъ императоръ относится легко». (*В. А. Бильбасовъ*,—«Исторія Екатерины II», I т., 424 стр.).

[1]) Во время своей тяжелой болѣзни она удивила всѣхъ своимъ желаніемъ бесѣдовать не съ кѣмъ инымъ, какъ со своимъ православнымъ законоучителемъ.

[2]) «Разсказъ императрицы Екатерины II о своемъ царствованіи» («Русскій Архивъ», 1865 года, 492—494 стр.).

[3]) *С. М. Соловьевъ*,—«Исторія Россіи», V кн., 1362 стр.; «Русская Старина», XXV, 593.

[4]) Синодъ и ранѣе ревниво относился къ вмѣшательствамъ сенаторовъ въ дѣла своего вѣдомства; такъ, напримѣръ, въ 1757 году синодъ настойчиво проситъ конференцію, состоящую изъ сановниковъ, большая часть которыхъ были сенаторы, чтобы они ничего новаго по управле-

Но духовные понимали, что Екатерина II и не могла поступить иначе. Положеніе ея было такъ ново и необычно. При самыхъ радостныхъ привѣтствіяхъ, развѣ могла она не думать, что она «не природная и не надлежало ей россійскаго престола принимать?» [1]) Въ Ропшѣ находился сверженный императоръ Петръ III, которому могли еще подать помощь неприсягнувшія ей войска, бывшія въ походѣ; живъ, кромѣ него, былъ и 22-лѣтній императоръ Іоаннъ Антоновичъ, отъ имени котораго издавались когда-то манифесты, память о которомъ и теперь жила въ умахъ русскихъ людей, какъ о законномъ государѣ царскаго колѣна. Новой императрицѣ, находившейся въ такомъ необычайномъ положеніи, необходимо было довѣриться сенату, чтобы опереться на это сильное государственное учрежденіе въ первыхъ предпріятіяхъ, равно и въ дѣлѣ успокоенія духовенства. Словомъ, какъ восшествіе на престолъ, такъ и первые шаги молодой императрицы радовали духовныхъ. Въ Ростовѣ получено отъ митрополита московскаго привѣтствіе и поздравленіе съ вступленіемъ на престолъ благочестивой государыни, которая освободитъ духовенство «отъ мысленнаго ига» [2]). Вслѣдъ за тѣмъ и Амвросій Зертисъ-Каменскій уже съ радостію извѣщаетъ митрополита Арсенія: «теперь, какъ изъ манифеста изволите усмотрѣть, къ сентябрю мѣсяцу просимъ и ваше преосвященство къ намъ въ Москву пожаловать и намъ объ извѣстномъ дѣлѣ помогать» [3]).

Но сенатъ сначала занялся порученіемъ императрицы безъ участія св. синода и представилъ императрицѣ свой докладъ: деревни духовенству возвращаются, вотчинныхъ крестьянъ тамъ обложить по одному рублю [4]) въ годъ съ души, изъ которыхъ только половина поступала бы въ пользу

нію церковными вотчинами не предпринимали безъ согласія его, синода. (*А. А. Завьяловъ*,—«Вопросъ о церк. имѣн. въ царствованіе Екатерины II», 97 стр.).

[1]) Укоръ въ этомъ особенно волновалъ и раздражалъ всегда сдержанную императрицу и вызывалъ на жестокость. («Чтенія въ Общ. И. Др. Росс.», 1862 г., III кн., 165 стр.).

[2]) Синод. Архивъ, Дѣло Арсенія Мацѣевича, № 119, л. 1.

[3]) Письмо Амвросія крутицкаго, 15 іюля, въ секретномъ дѣлѣ Арсенія, № 119, л. 1; *С. М. Соловьевъ*,—«Исторія Россіи», V т., 1363 стр

[4]) Ранѣе окладъ былъ семигривенный съ души.

владѣльцевъ, а остальные 50 копѣекъ шли бы въ казну на содержаніе инвалидовъ; отъ управленія же отстранить монастырскихъ, ненавистныхъ крестьянамъ, служекъ, а предоставить непосредственную власть надъ деревнями выборнымъ старостамъ. Такимъ образомъ, сенаторы провели въ докладѣ мысли Петра Великаго о необходимости привлечь средства духовнаго вѣдомства на государственныя надобности и при томъ, по новой государственной системѣ,—не со двора, а съ души [1]).

Когда чрезъ два дня пригласили и синодъ на конференцію съ сенатомъ обсудить въ общемъ собраніи докладъ 16 іюля, то съ предположеніями доклада согласился только новгородскій архіепископъ Димитрій Сѣченовъ, да рязанскій епископъ Палладій.

Другіе думали иначе. За нихъ высказался епископъ Аѳанасій тверской. По его мнѣнію, 50 копѣекъ сбора будетъ мало на содержаніе архіерейскихъ домовъ съ семинаріями; лишній же сборъ въ 50 копѣекъ на инвалидовъ для крестьянъ будетъ обременителенъ. Лучше было бы управленіе вручить опять духовенству и предоставить ему вносить на государственную благотворительность въ годъ 300 тысячъ рублей, какъ это было при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ. Къ мнѣнію Аѳанасія тверского присоединились епископы Гедеонъ псковскій и Веніаминъ петербургскій [2]).

Новгородскій архіепископъ подалъ еще особое мнѣніе. По его словамъ, разросшійся вопросъ объ имѣніяхъ духовенства невозможно рѣшить въ такомъ мимолетномъ собраніи, какъ конференція; надобно учредить особую коммиссію изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, которая могла

---

[1]) Обложеніе со двора, а не съ души, долго существовало въ вотчинахъ церковныхъ; и только благодаря иниціативѣ государства, и тамъ приняли болѣе мелкую единицу обложенія,—душу ревизскую, а не дворъ.

[2]) *С. М. Соловьевъ.*—«Исторія Россіи», V кн., 1363—1364 стр. Аѳанасій тверской состоялъ членомъ синода съ того же 1762 г. (Дѣло син. № 119), Гедеонъ псковскій съ 1759 г. (тамъ же № 89), Веніаминъ же петербургскій недавно былъ переведенъ изъ Казани. Такимъ образомъ, старѣйшій членъ св. синода, митр. Димитрій, съ 1752 г. находившійся въ Петербургѣ, почти одинъ сталъ на путь «согласниковъ» съ «свѣтскими чинами».

бы тщательно разсмотрѣть все и сочинить штаты духовенства. Возникло, такимъ образомъ, то «разногласіе», въ которомъ тогда же нѣкоторые іерархи усматривали зловѣщіе признаки. Митрополитъ московскій [1]) печалится и пишетъ 2 августа своему другу, митрополиту Арсенію, «о несогласно живущихъ»:«надежда питаетъ, а иногда инако поступаетъ, надежду премѣняетъ несогласіе братіи». Онъ ранѣе надѣялся, что всѣ члены синода сплочены однимъ желаніемъ; теперь предупреждаетъ Арсенія объ опасности. «Всеблагій Богъ, пишетъ онъ, да поможетъ намъ въ бѣдствіи нашемъ—возвращеніемъ деревень». Не всѣ согласились дружно отстаивать теперь права своей собственности; напротивъ, нашлись такіе, что предпочли быть «согласниками» свѣтскихъ лицъ.

Все это не могло не безпокоить митрополита Арсенія. Вскорѣ онъ узналъ, что синодальные члены старались не допустить его до свиданія съ государыней, которая готовилась ѣхать въ Москву на коронацію. Онъ съ горечью пишетъ своему почитателю Ярославцеву: «по какой причинѣ искали моей присяги, нынѣ отчасти открылось; надѣялись, что я во время коронаціи въ Москвѣ буду, и хотѣли до присутствія въ синодѣ не допустить. И такъ то потому явилось ко мнѣ довольное ихъ доброхотство!» [2]) Въ этой несвоевременной распрѣ между «святыми людьми» усматривали въ Петербургѣ худые признаки. Ярославцевъ пишетъ митрополиту Арсенію: «сколько времени злоба торжествуетъ, и мнѣ неприлично злобу простирать, а святымъ людямъ и мыслить не довлѣетъ; развѣ кому мѣста жаль,—тѣ старались не допустить. Да разумно, что и не поѣхалъ: Богъ съ ними!» [3]) Очевидно, участіе ростовскаго митрополита въ синодѣ не для всѣхъ членовъ его было желательно, нѣкоторые изъ нихъ старались даже вооружить противъ него государыню.

---

[1]) Секретное дѣло Арсенія Мацѣевича, № 119, л. 1.

[2]) «День», 1864 г., № 39, стр. 8.

[3]) Письмо Ярославцева къ митр. Арсенію (Дѣло секр. син., № 119, л. 1). Ярославцевъ,—директоръ таможеннаго департамента въ Петербургѣ,—былъ въ еженедѣльной перепискѣ съ митр. Арсеніемъ (тамъ же).

Самое усердіе его къ защитѣ правъ земельной собственности не только не сблизило его съ синодомъ, но, быть можетъ, и оттолкнуло отъ него тѣхъ, кто не желалъ противорѣчить сановникамъ, возвысившимся у новой государыни. Извѣстно было, что митрополитъ Арсеній еще 12 іюля писалъ самому графу А. П. Бестужеву о тѣхъ насиліяхъ, какія были со стороны офицеровъ, пріѣзжавшихъ лѣтомъ описывать вотчины духовенства и, вмѣстѣ съ тѣмъ, просилъ ходатайствовать предъ императрицею о возвращеніи вотчинъ прежнимъ владѣльцамъ: «все это не въ прислугу высокомонаршей власти, но какъ бы за вину нѣчто конфискованное отобрано», жалуется онъ [1]). И, кажется, совѣту графа Бестужева духовенство обязано тѣмъ, что за нимъ еще разъ были подтверждены права на населенныя мѣста [2]).

Къ 8 августа 1762 г. государыня объявила свое рѣшеніе учредить духовную коммиссію о церковныхъ имѣніяхъ и выработать штаты для духовенства, по проекту новгородскаго архіепископа.

Но у нея само собою возникъ вопросъ: кому же управлять деревнями духовенства: ему самому или коммиссіи? Нынѣ учредить коммиссію или послѣ?

Сколько противорѣчивыхъ совѣтовъ привелось ей выслушать относительно того, какъ поступить съ церковными имѣніями, изъ разныхъ лагерей!

Она боялась: «меня принудятъ сдѣлать тысячу странностей; если я уступлю, меня будутъ обожать, если нѣтъ, то не знаю, что и случится» [3]). «Всѣ, по словамъ Бретеля, осаждали ее безпрестанно: то для поддержанія своихъ предразсудковъ относительно государства, то по своимъ частнымъ интересамъ» [4]). Особенно это было въ первые мѣсяцы послѣ переворота. «Императрица не можетъ дѣйствовать самостоятельно и освободиться отъ многихъ, окружающихъ людей, которыхъ характеръ и способности она должна пре-

---

[1]) Письмо Арсенія Мацѣевича къ гр. Бестужеву. («Чтенія», 1862 г., III, 190).

[2]) Такъ думаетъ *С. М. Соловьевъ*. («Исторія Россіи», V т., 1364 стр.).

[3]) *С. М. Соловьевъ*,—«Исторія Россіи», V кн., 1365 стр.

[4]) Тамъ же, стр. 1378.

зирать,—говорятъ о ней въ октябрѣ 1762 г.,—въ настоящее время она употребляетъ всѣ средства для пріобрѣтенія довѣрія и любви подданныхъ» [1]).

Въ вопросѣ объ интересахъ такого привилегированнаго сословія, какъ высшее духовенство, она была особенно осторожна. Лицъ, желавшихъ «какъ удовольствіе духовенству учинить», въ родѣ стараго гр. Бестужева и Ярославцева, было мало. Была цѣлая плеяда вельможъ, усвоившихъ модные философскіе взгляды на собственность людей, отрекшихся отъ міра сего. Князь Шаховской, бывшій оберъ-прокуроръ св. синода, теперь генералъ прокуроръ сената, хлопоталъ объ ограниченіи всякихъ правъ духовенства: «хотя и похвалюся, говорилъ онъ, но ей по истинѣ, что еще не было тогда на театрѣ въ услугахъ недавно вступившей на престолъ нашей монархини, кромѣ меня, ни знатока, ни старателя о церковныхъ имѣніяхъ долго тянувшагося и отъ многихъ происковъ запутаннаго дѣла» [2]). Въ духовныхъ особахъ князь видѣлъ честолюбивыхъ интригановъ, радѣющихъ о своей собственной выгодѣ, а не о пользѣ государственной. Его мнѣніе было таково, что надобно отстранить духовныхъ властей отъ управленія вотчинами [3]). Подобно князю Шаховскому, всѣ совѣтники молодой государыни тогда опасались, «чтобы духовный чинъ, нашедъ удобный случай, не распростеръ свою власть» и не щадили духовенства. Въ 1763 году братъ Н. И. Панина, вліяніе котораго на императрицу доходило до руководства, «можно сказать,—до опеки надъ ея дѣйствіями» [4]), въ сенатѣ прямо обвиняетъ духовенство въ жестокости и корыстолюбивыхъ приметкахъ къ раскольникамъ и выставляетъ ихъ причиною государственнаго нестроенія,—побѣговъ крестьянъ за границу[5]). Приверженцы и доброжелатели митрополита Арсенія съ тре-

---

[1]) Бекингамъ (тамъ же).

[2]) Кн. *Шаховской*, — Записки. (Проф. *В. Иконниковъ*, — «Арсеній Мацѣевичъ»,—«Русская Старина», XXV, 603 стр.).

[3]) Проф. *Т. В. Барсовъ*,—«Син. учр. стар. вр»., 235 стр.).

[4]) Кн. *Щербатовъ*,—«Записки» («Русская Старина», 1871 г., III т.).

[5]) *С. М. Соловьевъ*,—«Исторія Россіи», V кн., 1475 стр. Нѣкоторые изслѣдователи полагаютъ, что для борьбы съ стремленіями духовныхъ особъ, императрица Екатерина II опредѣлила туда Потемкина («Сборникъ Р. И. О.», VII т., 317 стр.), но принимая во вниманіе, что время

вогою извѣщали его, «что дворянство необузданное забыло, что умереть... Всѣ твердятъ, что надлежитъ править и владѣть вотчинами дворянству, а не духовенству» [1]). Одно императрица ясно видѣла, что вопросъ о церковныхъ имѣніяхъ выходитъ изъ одной узкой сословной сферы: его разрѣшенія ожидали и другія сословія [2]).

Въ такихъ обстоятельствахъ обратилась молодая императрица за совѣтомъ къ человѣку старому, посѣдѣвшему въ государственныхъ занятіяхъ, испытанному въ преданности къ ней и умудренному полувѣковой государственною опытностію,—графу А. П. Бестужеву-Рюмину. Посылая двѣ бумаги, она 8 августа писала ему: «батюшка Алексѣй Петровичъ, прошу васъ приложенныя бумаги разсмотрѣть и мнѣніе ваше написать; дѣло въ томъ, коммиссію ли учинить нынѣ, не отдававъ деревень духовнымъ, или отдавать ли нынѣ, а послѣ сдѣлать коммиссію? Въ первой бумагѣ написано *отдавать*, а въ другой только, чтобъ они вступили во владѣнье до коммиссіи. Пожалуй, помогай совѣтами!» [3])

его назначенія въ синодъ (4 сентября 1763 г.) совпадаетъ со временемъ назначенія Ѳ. Орлова въ сенатъ, надо предположить что, къ этимъ назначеніямъ были иныя соображенія. Молодой Потемкинъ не только не боролся съ мнѣніями синода, но самъ подпалъ за это время замѣтному вліянію духовной среды: онъ мечталъ о поступленіи въ монашество.

[1]) Секр. дѣло Арсенія Мацѣевича въ синод. архивѣ, № 119, 1 л.

[2]) По свидѣтельству Теплова, близко знавшаго тогдашнее настроеніе императрицы, дѣло о церковныхъ имѣніяхъ было ей представлено такъ, со стороны совѣтниковъ свѣтскихъ: «отъ времени царя Алексѣя Михаиловича начато было помышлять, чтобы имѣнія духовныя распорядить на богоугодныя дѣла, и всѣми потомъ слѣдующими монархами не малое прилагаемо было о томъ же попеченіе, какимъ бы образомъ сіе важнѣйшее въ государствѣ дѣло Церкви самой и подданнымъ полезное привести въ распорядокъ, но всѣ принятыя мѣры оставалися безъ успѣха». Такимъ образомъ, молодой императрицѣ предложили заманчивое дѣло разрѣшить столѣтній историческій вопросъ. («Сборникъ, Р. И. О.», II т., стр. 276).

[3]) Письмо императрицы Екатерины II («Чтенія Общ. Ист. Др. Росс.». 1862 г. II т. 111 стр.; «Сборникъ Р. И. О.», VII т., 135 стр.). Императрица могла не согласиться на то, что душами владѣло духовенство, казачество, купечество и дворянство, но она принуждена была молчать о томъ, что вопросъ о томъ, справедливо ли закрѣпощеніе крестьянъ, обходился всѣми. Тогда въ Россіи говорили о деревняхъ, какъ о цѣнномъ имуществѣ, а не вдавались въ отвлеченные вопросы о правахъ человѣка крѣпостного. Только чрезъ пять лѣтъ послѣ этого, выведенная изъ себя наглыми внушеніями дворянъ о закрѣпощеніи крестьянъ, она возразила: «если крѣпостного нельзя персоною считать, слѣдовательно онъ не человѣкъ. Ну, такъ скотомъ извольте его назвать, что къ немалой славѣ и человѣко-

Самъ графъ Бестужевъ былъ сторонникомъ крѣпостничества и всегда стоялъ за безусловную власть надъ крестьянами, какъ и другіе; кромѣ того, какъ русскій человѣкъ, онъ не могъ не знать, что церковно-имущественное право органически срослось съ народной жизнію и государственными отправленіями. Онъ могъ дать только одинъ совѣтъ: оставить церковно-имущественное право за духовенствомъ, возвративъ ему его деревни,—тѣмъ болѣе, что лѣтомъ, 12 іюля 1762 г., онъ получилъ просьбу митрополита Арсенія, «дабы стараніемъ (его) возвращены были вотчины по прежнему» духовнымъ властямъ [1]). И деревни снова были возвращены духовенству: 12 августа былъ изданъ манифестъ объ этомъ. Крестьяне должны были платить по одному рублю съ души въ годъ деньгами, или зарабатывать такой окладъ у владѣльцевъ, по взаимному соглашенію съ ними.

Такъ незамѣтно нарушался вѣковой «обычай» «въ работахъ и даняхъ», опредѣлявшихъ до настоящаго времени зависимость вотчинныхъ крестьянъ отъ своихъ властей.

Духовенство спѣшило воспользоваться тотчасъ же своими правами. Коммиссарамъ церковныхъ вотчинъ предписывалось распечатать казну при офицерахъ и принять монастырское имѣніе, при чемъ спросить у старостъ и выборныхъ,—не было ли гдѣ офицерами произведено сбора денежнаго или другихъ доходовъ и не взято ли ими себѣ чего-нибудь изъ монастырскаго [2]).

Глава II.

Духовная коммиссія и крестьяне.

Прошло пять мѣсяцевъ съ учрежденія коммиссіи о духовныхъ имѣніяхъ. За это краткое время виды правительства

любію намъ приписано будетъ». (Проф. *Ключевскій*,—Лекціи по Русской Исторіи, III т., 130 стр. *С. М. Соловьевъ*,—«Русская Исторія», VI кн., 578 стр., примѣч.). Ея желаніемъ въ первый годъ царствованія было прежде всего то, какъ бы «удовольствовать духовенство».

[1]) Поздравительное письмо митр. Арсенія къ гр. А. П. Бестужеву по случаю его возвращенія изъ ссылки и просьба,—въ дѣлѣ Государствен. Архива, VI разр., № 399.

[2]) Архивъ Александро-Невской лавры, дѣло 22 августа, 1762 г.

измѣнились. Духовной коммиссіи особою инструкціею 29 ноября 1762 г. поставили на видъ, что по винѣ духовенства, народъ остается въ невѣжествѣ, въ вотчинахъ—происходятъ нестроенія, и потому императрица, какъ блюстительница порядка въ государствѣ, предписываетъ установить новый способъ употребленія церковныхъ доходовъ.

Главнымъ поводомъ къ такой грозной для духовенства инструкціи были волненія крестьянъ въ церковныхъ вотчинахъ.

Въ народѣ ожидали перемѣнъ въ новое царствованіе. Указами бывшаго императора «велѣно всѣхъ при монастыряхъ крестьянъ отрѣшить и никакихъ работъ имъ въ монастыряхъ не исправлять, а вмѣсто того съ нихъ взыскивать по рублю». Крестьяне были этимъ довольны и платить готовы [1]); о возвращеніи же ихъ опять во власть духовенства они не хотѣли вѣрить ни слухамъ, ни указамъ, даже самыя распоряженія объ этомъ подозрѣвали въ поддѣлкѣ. Указы о возвращеніи ихъ въ церковное вѣдомство называли ложными; когда прочитали даже печатный манифестъ 12 августа, то нѣкоторые (въ тихоновской волости) кричали, что «оной билетъ подрать и на него наплевать» [2]). Не приняли они «по закоснѣлому упрямству» и подобнаго указа 8 октября 1762 г., о повиновеніи своимъ властямъ приговаривая, что «оный указъ помѣщикъ Хлоповъ и власти купили и имъ де, крестьянамъ, до того указа дѣла нѣтъ» [3]). Относясь такъ недовѣрчиво къ указамъ, они вѣрили своимъ выборнымъ старостамъ: «когда имъ чрезъ старосту ..... съ товарищами изъ Петербурга какое извѣстіе будетъ, тогда де они и спорить ни въ чемъ не будутъ» [4]), говорили обыкновенно крестьяне.

---

[1]) Дѣло дух. коммиссіи № 59, пунктъ 3, и № 12—90. Свѣдѣнія объ отношеніи крестьянъ къ духовнымъ своимъ властямъ заимствуются здѣсь, главнымъ образомъ изъ архива св. синода, гдѣ находятся, 1) доношенія духовныхъ властей на волненія крестьянъ въ синодъ и въ дух. коммиссію, а также многочисленныя челобитныя туда же крестьянъ на несправедливости отъ духовныхъ своихъ властей.

[2]) Тамъ же, 17 листъ.

[3]) Донесеніе Амвросія архіеп. крутицкаго синоду, 1762 г. 6 ноября.

[4]) Дѣло дух. коммиссіи, № 59, 18 листъ.

Иногда ихъ добровольно и скоро приводили опять въ послушаніе и обязывали подпискою къ повиновенію [1]), но въ большинствѣ случаевъ они упорствовали, и ихъ ослушаніе было тѣмъ опаснѣе, что военная коллегія не всегда охотно помогала привести возмутившихся въ повиновеніе. Амвросій, архіепископъ крутицкій, въ донесеніи, осенью того же года, жалуется въ святѣйшій синодъ, что «оная коллегія, вмѣсто чаемой пользы (для подавленія бунта крестьянъ), послала не ко властямъ, но къ обрѣтающемуся въ томъ монастырѣ на пропитаніи капитану Осипу Михайлову, у котораго никакой команды не находится, каковой поводъ усмотря, мастеровые и того вотчиннаго монастыря крестьяне не только тогда, но и нынѣ, уже за состоявшимся ея императорскаго величества о возвращеніи всѣхъ вотчинъ къ монастырямъ указомъ, ни въ какую работу не вступаютъ и разглашаютъ, якобы всякому крестьянину и мастеровому велѣли, вмѣсто рублеваго оброка, токмо десять дней въ годъ на монастырь выработать, щитая цѣною за всякій день по гривнѣ, и болѣе ничего уже не дѣлать и не платить; и въ такомъ самовольствѣ оставшись, ни воды, ни дровъ въ монастырь не возятъ и въ паровомъ полѣ пашню не паханую впустѣ оставили» [2]).

Не менѣе было безпорядковъ и въ тѣхъ вотчинахъ, гдѣ манифестъ 12 августа не подвергался сомнѣнію.

Староладожскій управитель доносилъ, что при новой переоброчкѣ крестьянъ въ томъ же, 1762, году «многіе крестьяне заупрямилися и въ полѣна (ранѣе сваленнаго лѣса) не разрубили и возить въ монастырь вовсе не хотятъ, отговариваясь именнымъ указомъ 14 августа (12 августа), что де рублевый окладъ должны, или, вмѣсто того, зарабатывать со взятыхъ у меня квитанцій...; всякое строеніе развалилось, того всего исправить нечѣмъ и не кѣмъ, а крестьянъ заставлять безъ опредѣленія не смѣю» [3]).

---

[1]) Дѣло д. комм., № 59: донесеніе Савина монастыря.

[2]) Донесеніе Амвросія архіеп. крут. 20 окт. 1762 г. (Дѣло дух. комм.). 17 декабря того же года, онъ опять проситъ «объ укрощеніи мірскихъ крестьянъ Воскресенскаго монастыря» (Дѣло д. комм. № 5—75. Архивъ синода № 274, стр. 80).

[3]) Архивъ А.-Невской лавры,—дѣло 17 окт. 1762 г.

Крестьяне ожидали полнаго отрѣшенія отъ монастырской тяглой зависимости. Тотъ же крутицкій владыка просилъ привести крестьянъ въ послушаніе: «за отписаніемъ всѣхъ вотчинъ, а нынѣ по всемилостивѣйшемъ возвращеніи за неприведеніемъ ихъ до сихъ поръ въ послушаніе,—пишетъ онъ 6 ноября 1762 года,—всѣ опредѣленные и заопредѣленные крестьяне и мастеровые не токмо на мѣсто сгорѣвшаго ничего сдѣлать, но ниже настоящаго издѣлія и оброку, ниже самонужнѣйшаго для священнослужащей братіи дневнаго послуженія и охраненія около монастыря вовсе не хотятъ исправлять, весь урожайный хлѣбъ и сѣно по себѣ они разобрали, озимыхъ въ полѣ не вспахали, ни засѣяли» [1]).

Безпорядки въ вотчинахъ усиливались вслѣдствіе появившихся ложныхъ манифестовъ и указовъ. Въ казанской епархіи въ ложно составленномъ однимъ дьячкомъ манифестѣ, написанномъ, будто бы, по случаю восшествія на престолъ императрицы, изложены были самыя пасквильныя рѣчи. Здѣсь сообщалось, что крестьянамъ, отданнымъ когда-либо ранѣе архіереямъ и монастырямъ, а также приписаннымъ къ заводамъ, не работать и быть, по старому, ясачными [2]).—Въ вотчинахъ рязанскаго архіерейскаго дома тоже ходилъ по рукамъ подобный манифестъ объ отрѣшеніи будто бы отъ монастырей вотчинъ и служилъ причиною «противностей» крестьянъ [3]).—Въ вотчинахъ новоторжскаго монастыря тоже появился подобный фальшивый указъ. Тамъ подгородныя волости, по полученіи настоящаго манифеста 12 августа, почти «всѣ въ послушаніе пришли», только одни петропавловской волости крестьяне упорствовали «въ упрямствѣ и непослушаніи». Они послали въ Москву выборнаго отъ себя челобитчика, нѣкоего Подшивалова, подать прошеніе митрополиту Димитрію на архимандрита Наркиса въ обидахъ, претерпѣваемыхъ отъ него и «въ протчемъ». Митрополитъ имѣлъ обыкновеніе отсылать подобныя челобитныя въ вотчины на расправу тамошнихъ управителей, вслѣдствіе чего челобитчики не только никогда не

[1]) Дѣло д. коммиссіи, № 5, листъ 4.
[2]) *С. М. Соловьевъ*,—«Ист. Россіи», V т., 1381 стр.
[3]) Дѣло д. коммиссіи, № 59.

получали просимаго, напротивъ, всегда платились тамъ за свою смѣлость жаловаться. Быть можетъ, поэтому-то Подшиваловъ и подалъ челобитную самой государынѣ во время шествія ея въ сенатъ. Дожидаясь въ Москвѣ результата довольно долго, Подшиваловъ встрѣтился на постояломъ дворѣ съ Ивановымъ. Это былъ молодой, 18 лѣтъ, человѣкъ, по виду лакей. Подшиваловъ сказалъ Иванову, что надо бы ему написать въ вотчину монастыря къ крестьянамъ «такое письмо, чтобы ..... крестьянъ никуда не требовали, также податей и протчаго съ нихъ до указу не сбирали».

«Я знаю, какъ написать, отвѣчалъ Ивановъ, міру будетъ хорошая польза» [1]). Вдвоемъ они сочинили указъ и послали его въ вотчины новоторжскаго монастыря, гдѣ по полученіи составленнаго Ивановымъ указа начались сразу серьезныя волненія.

Подобнымъ образомъ возникали безпорядки и въ другихъ вотчинахъ [2]). Они заключались не въ одномъ непослушаніи, но и въ «наглостяхъ», насиліи и грабежахъ монастырскаго и архіерейскаго вотчиннаго имущества. Въ трехъ монастыряхъ, приписанныхъ къ донскому, крестьяне разграбили хлѣбъ монастырскій, сѣно и даже конскую сбрую, разорили мельницу [3]). Хлѣбъ, сѣно разграбили во многихъ монастыряхъ тверской губерніи, какъ то: въ вотчинахъ Отроча монастыря, коломенскаго архіерейскаго дома, муромскаго Спасскаго монастыря, Троицко-Сергіева, Московскаго Златоустова, Николо-царевскаго, Вознесенскаго дѣвичья, Чудова, Данило-московскаго, Давыдовой пустыни, Андроникова монастыря, Вознесенскаго дѣвичья, ростовскаго и рязанскаго архіерейскихъ домовъ, монастырей: Пафнутьева, Новодѣвичьяго и даже Соловецкаго и т. д. [4]). Кромѣ хлѣба и сѣна расхищали лѣсъ, скотъ и т. п. вещи, которыя, за отрѣшеніемъ отъ монастырской зависимости, считали своими [5]). Тѣмъ болѣе считали крестьяне

---

[1]) Дѣло д. коммиссіи, № 6—104. 19 Дек. 1762 г.

[2]) Архивъ Синода,—дѣло о приказномъ Бѣлозерскаго монастыря Булычевѣ, уличенномъ въ возмущеніи крестьянъ (№ 93 отъ авг. 1763 г.).

[3]) Дѣло д. коммиссіи, № 59—117.

[4]) Дѣло д. коммиссіи, № 59.

[5]) Тамъ же.

своею ту землю, которую до сего времени обработывали. Въ нѣкоторыхъ вотчинахъ при первыхъ же слухахъ и свободѣ отъ вѣковой зависимости, крестьяне раздѣлили угодья между собою по участкамъ. Это начали дѣлать еще съ 20 апрѣля 1762 г. [1]). Крестьяне рязанскаго Борисо-Глѣбскаго монастыря, раздѣливши, «по себѣ» всю вотчинную землю, упорствовали отдавать ее обратно или отправлять повинности монастырю [2]).

Духовныя власти, донося объ этомъ, просили мѣстныя воеводскія канцеляріи и даже сенатъ подавить бунты военною экзекуціей и привести крестьянъ въ послушаніе [3]). Но ожесточеніе крестьянъ было таково, что и военная экзекуція часто не устрашала ихъ. Въ вотчинахъ монастыря донского (осенью 1762 г.), встрѣтивъ военную команду дубьемъ, рогатинами и каменьемъ, бунтовщики кричали, что и капитану и командѣ жилы вытащатъ, кожи поснимаютъ, команду всю прибьютъ до смерти, и начали драку. Солдаты тогда начали стрѣлять въ крестьянъ; крестьяне бѣжали и засѣли въ лѣсахъ [4]).

Всѣ подобныя нестроенія въ духовныхъ вотчинахъ причиняли большой убытокъ владѣльцамъ ихъ. Между тѣмъ, сами они давно уже не имѣли силы подавить недовольство; увѣщанія дѣйствовали не всегда, приходилось обращаться къ военной силѣ. Если при помощи послѣдней удавалось подавить недовольство, то это не обезпечивало спокойствія въ вотчинѣ: бунтовавшіе въ 1742 году волнуются въ 1762 году; нельзя было ручаться за спокойствіе и въ будущемъ. Въ это первое полугодіе царствованія Екатерины II, какъ крестьяне упорно ждали обновленія своихъ отношеній къ духовнымъ властямъ, такъ и духовныя власти не сомнѣвались въ утвержденіи своихъ правъ надъ деревнями. Въ донесеніяхъ ихъ тщательно указываются убытки монастырей и архіерейскихъ домовъ и, такимъ образомъ, заключаются

---

[1]) Дѣло д. коммиссіи, № 54 по челобитной псковскаго архіерейскаго дома.
[2]) Дѣло д. коммиссіи, № 59—117.
[3]) Тамъ же.
[4]) Тамъ же.

просьбы утвердить и защитить безспорныя владѣльческія права надъ землею и трудомъ крестьянина [1]). И духовенство не молчало при нарушеніи крестьянами его признанныхъ правъ: оно доносило о бунтахъ крестьянъ, представляя ихъ вредными не для себя только, но и для всего государственнаго организма. Доношенія духовенства были сильнымъ протестомъ противъ нарушенія его правъ и общественнаго спокойствія возмутившимися крестьянами.

Правительство тоже было встревожено движеніемъ крестьянъ въ монастырскихъ вотчинахъ. 8 декабря 1762 года уже въ сенатѣ читали донесеніе, что свыше 8.000 монастырскихъ и архіерейскихъ крестьянъ не дали подписки въ повиновеніи. Волнующихся было гораздо больше; сама императрица Екатерина объ этомъ времени говоритъ, что 100 тысячъ крестьянъ были тогда подъ ружьемъ.

Въ кратковременное царствованіе императора Петра III ничего подобнаго не было: недовольство народной массы могло казаться уже демонстраціей противъ водворенія старыхъ порядковъ. Удивительно ли, что взглядъ на задачи коммиссіи, которая составлялась, какъ бы «удовольствіе духовенству учинить», теперь измѣнился, сталъ шире.

Глава III.

Недѣля православія 1763 года въ Ростовѣ.

При начавшихся нестроеніяхъ въ вотчинной жизни на предполагаемую коммиссію о духовныхъ имѣніяхъ возлагали большія надежды: крестьяне надѣялись, что имъ дадутъ землю и сдѣлаютъ оброчными, духовные не сомнѣвались въ подтвержденіи своихъ правъ; молодая государыня разсчитывала, что по составленіи штатовъ перестанутъ «ловить рыбу въ мутной водѣ» [2]) недобросовѣстные люди; не менѣе прочихъ

---

[1]) Такимъ сознаніемъ своихъ правъ отличаются всѣ донесенія Амвросія крутицкаго. (Архивъ Синода, дѣло № 274 отъ 17 дек. 1762 г.).

[2]) По свидѣтельству самой императрицы, она назначала коммиссію для предупрежденія и другихъ безпорядковъ; напримѣръ, въ военномъ вѣдомствѣ долго тянули дѣло составленія штатовъ потому, что можно

заинтересовано было вопросомъ и дворянство; участь духовныхъ имѣній зависѣла отъ воздѣйствія дворянъ на императрицу, и они не скрывали своего желанія править вотчинами церковными.

Въ общемъ перевѣсъ брали разсчеты дворянъ. Ярославцевъ изъ Петербурга сообщалъ въ Ростовъ митрополиту Арсенію тревожныя вѣсти, «что духовенству нѣкоторые не уповаютъ отъ штатовъ быть въ покоѣ» [1]). По его словамъ, распоряженія правительства таковы, что «показываютъ путь крестьяномъ самовольничать» [2]). Для митрополита Арсенія положеніе казалось тѣмъ опаснѣе, что въ самомъ синодѣ, какъ сообщалъ митрополитъ Тимоѳей, было «разногласіе» и «несогласіе».

Митрополитъ ростовскій рѣшился, въ виду своихъ опасеній, просить государыню о вниманіи къ ростовскому архіерейскому дому. На новый годъ (1763 г.) онъ писалъ ей такъ: «по долгу моему, имѣя попеченіе, чтобы домъ Божій ростовскій въ крайнемъ забвеніи вашего императорскаго величества не былъ, смѣлость воспріемлю нынѣшнимъ новымъ годомъ ваше императорское величество поздравить желая; Богъ.., царями обладаяй и вашу персону, чудесно отъ Него избранную и на царственномъ престолѣ посажденную, да сохранитъ и да изліетъ благость..., вознося вѣрную Свою рабу, вѣры и благочестія хранительницу и защитницу» [3])...

Кромѣ того, онъ рѣшился воздѣйствовать и на народъ особымъ образомъ. Приближалась первая недѣля поста. Митрополитъ и рѣшилъ обставить обрядъ православія съ отмѣнною торжественностію и внушительнымъ пополненіемъ.

Сохранилось въ Ростовѣ древнее чинопослѣдованіе въ недѣлю православія отъ временъ появленія жидовствующихъ еретиковъ XV в., отвергавшихъ право Церкви

было безъ нихъ, по выраженію ея, «ловить рыбу въ мутной водѣ» и властямъ и подчиненнымъ. («Русскій Архивъ» 1865 г., 481 стр.).

[1]) Письмо Ярославцева къ Арсенію Мацѣевичу (Секр. дѣло син. № 119, л. 1.

[2]) Тамъ же,—письмо отъ 30 января 1763 г.

[3]) Гос. Архивъ, разрядъ XVIII, № 92.

на недвижимость; въ немъ еретики эти предавались анаѳемѣ [1]).

Подобныя добавленія къ чинопослѣдованію были и послѣ, даже при императорѣ Петрѣ Великомъ (по случаю измѣны Мазепы). Митрополитъ Арсеній рѣшился и теперь сдѣлать дополнительныя статьи на обидящихъ церкви Божіи въ такомъ видѣ:

Въ чинопослѣдованіи 150 года (1642 г.) было написано:

I.

Иже кто въстанетъ на церкви Божіи, зліи крамольницы и совѣтницы ихъ да будутъ прокляти.

II.

Вси насильствующіи и обидящеи св. Божія церкви, и монастыреве отнимающе у нихъ, данная тѣмъ села и виногради, и аще не останутъ отъ сего дне таковаго начинанія, но и еще помышляюще таковое злодѣйство да будутъ прокляти.

У митрополита [2]) въ пополненномъ видѣ читалось такъ:

I.

Иже кто въстанетъ на церкви Божіи, на храмы и мѣста святіи, да будутъ прокляти.

II.

Вси насильствующіи и обидящіи св. Божія церкви, и монастыри отнимающе у нихъ, данная тѣмъ отъ древнихъ богомольцевъ и монарховъ благочестивыхъ имѣнія, и чрезъ то воплощенія Христова дѣло и безкровную жертву истребляющіи, аще не останутся отъ сего дне таковаго начинанія, но и еще помышляти будутъ такое злодѣйство, яко Ананія и Сапфира и яко крайніи врази Божіи, да будутъ прокляти.

«Поисправленному» такимъ образомъ чинопослѣдованію Арсеній хотѣлъ придать особенную торжественность.

[1]) Проф. *М. И. Горчаковъ*,—«Мон. приказъ», 48 стр. Защитительныя мѣры къ охраненію своихъ правъ употреблялись въ XVI—XVII вв. Церковныя власти «подтверждали, разъясняли и разглашали древнія правила Церкви обнародованіемъ «Правилъ объ обидящихъ церкви Божія», посланій и челобитенъ «о вольностяхъ церковныхъ и о неотнятіи движимыхъ и недвижимыхъ церковныхъ имѣній и о протчемъ». О чинѣ на обидящихъ церкви Божіи у Проф. *Е. Голубинскаго*.—«Истор. Р. Ц.», т. II, ч. I, 635 стр., примѣч. 1800 стр.

[2]) Секретное дѣло А. Мацѣевича № 119, 1 л. Проф. *А. Павловъ*,—«Секуляризація ц. имѣній», 51 стр. 3 примѣч.; Проф. *Знаменскій*, «Очерки XVIII в.». («Прав. Собесѣдн.» 1875 г., I т., 237 стр.).

Въ недѣлю православія изъ всѣхъ городскихъ ростовскихъ церквей по направленію къ собору шли крестные ходы. Тамъ въ главной церкви священники, каждый съ храмовою своею иконою въ рукахъ, стали всѣ у амвона. «Когда и его архипастырство прибылъ, говорится въ одномъ сказаніи [1]), тогда пѣто входное и каковыя молитвы читалъ тайно со воздыханіемъ и слезами, а потомъ сталъ на уготованномъ мѣстѣ, учиня поклоненіе». Протодіаконъ возглашалъ и читалъ громогласно на амвонѣ чиноположеніе.—Разумѣется самая торжественная обстановка была разсчитана на то, чтобы ею произвести внушительное воздѣйствіе на религіозное чувство народа. Въ томъ же сказаніи говорится, какъ діаконъ въ чинопослѣдованіи громогласно вспоминалъ царей и іерарховъ, ихъ защиту, храненіе православія и богоугодныя дѣла, затѣмъ,—предавалъ анаѳемѣ всѣхъ древняго и новаго времени еретиковъ, раскольниковъ, ругателей и отступниковъ Церкви. Чинопослѣдованіе закончено такими словами: «если и нынѣ кто... презрѣвъ церковное благолѣпіе и чудныхъ оныхъ созданіе, покусится разорити, или присвоити, и на увѣщаніе пастыря явятся не склонны, съ тѣми неминуемое... послѣдуетъ Божіе неблагословеніе, съ коими Божій гнѣвъ не коснитъ и гибель не дремлетъ». О такомъ впечатлѣніи ростовцевъ, по поводу чинопослѣдованія православія въ 1763 году, можно заключить и изъ сообщенія ростовской лѣтописи: «9 февраля митрополитъ учинилъ проклятіе на раскольниковъ и прочихъ еретиковъ; начали между еретиками проклинать и тѣхъ, которые подписались къ увольненію крестьянъ отъ монастырей въ казну» [2]).

Въ Ростовѣ было уже подобнаго рода отлученіе. Отлученъ былъ Арсеніемъ капитанъ Терпигоревъ за то, что онъ

---

[1]) «Выписка изъ послѣдовавшихъ въ нынѣшнемъ году новостей» («Чтенія въ Общ. Ист. Др. Р.» 1862 г., II кн., 15 стр.). Объ этомъ же «приуготовленіи» говорится и въ сказаніи «О преставленіи преосвященнаго Арсенія», представляющемъ ничто иное, какъ невнимательно переписанную копію съ «Выписки» (Рукопись Имп. Публ. Библ. Ѳ. I. отд. № 249).

[2]) «Лѣтопись ростовскихъ архіереевъ»—данное событіе отмѣтила не сразу: отбраніе церковныхъ имѣній состоялось въ 1764 году, такъ что «подписавшихся къ увольненію крестьянъ» въ годъ произнесенія

велъ упорную тяжбу съ архіерейскимъ домомъ изъ-за смежныхъ земельныхъ своихъ владѣній; тогда «несносная и нестерпимая вина» отлучаемаго паче вины Ананіи и Сапфиры».—состояла въ томъ, что онъ, пользуясь помѣстною землей, будучи «архіерейскимъ хлѣбомъ воспитанъ, на горло архіерею наступаетъ» [1]). Теперешнее отлученіе относилось тоже, ближайшимъ образомъ, къ тѣмъ необузданнымъ дворянамъ, которые, какъ писалъ Арсенію Ярославцевъ, всѣ мѣры принимаютъ отстранить духовенство отъ владѣнія деревнями. Другихъ средствъ борьбы съ ними у него не было. Была еще надежда на скорый пріѣздъ государыни въ Ростовъ, такъ какъ она изъявила желаніе присутствовать при торжествѣ переложенія мощей св. Димитрія Ростовскаго въ новую раку, изготовленную Шлятеромъ по заказу покойной императрицы Елизаветы Петровны.

Списокъ съ исправленнаго чинопослѣдованія онъ послалъ костромскому епископу Дамаскину, котораго имѣлъ право считать вполнѣ себѣ сочувствующимъ. Дамаскинъ зналъ и про опасенія его, навѣянныя сообщеніями изъ Петербурга отъ Ярославцева, отъ стряпчаго и отъ другихъ [2]), и о надеждахъ на прибытіе въ Ростовъ государыни. Онъ даже письменно высказывалъ свое горячее сочувствіе убѣжденіямъ маститаго іерарха. «Богъ милостивъ,—писалъ онъ за мѣсяцъ предъ этимъ временемъ (3 января 1763 г.) Арсенію, получивши отъ него толкованія на псалмы, не оставитъ уповающихъ на Него. Пусть дышутъ, (то есть, враги Церкви), однако, столпъ и утвержденіе истины адскаго ихъ нимало боится дыханія. Я слыхалъ, что до привезенія

на нихъ анаѳемы еще и не было. Протоіер. *М. Дѣевъ* почему то увѣряетъ, что Арсеній «во все свое архіерейство, положенной церемоніи не исполнялъ, а отправилъ оную только 1763 года» съ извѣстною прибавкою («Чтенія Общ. Ист. Др. Р.» 1862 г., 2 кн., 4 стр.). Изъ дѣла же объ Арсеніи этого не видно.

[1]) Синодальный архивъ,—дѣло Тершигорева 1755 г., № 416.

[2]) Письмо Ярославцева—о настроеніи дворянства противъ права духовенства владѣть деревнями—въ Архивѣ св. синода, (дѣло А. Мацѣевича, № 119, цѣдульки). Стряпчіе ростовскаго архіер. дома, проживавшіе въ столицѣ, доносили Арсенію о томъ, какое они испытываютъ недовѣріе и опасеніе ко всякаго рода заявленіямъ изъ Ростова въ правительственныхъ учрежденіяхъ (Архивъ св. синода, 1761 г., 19 окт. № 941, 48).

съ С.-Петербурга чудотворцу раки, гость (то есть императрица) отложилъ у вашего преосвященства быть. Чтобы... оный гость отгостилъ, я, какъ себѣ, нелицемѣрно желаю. Мудры наши попы и причетники будутъ. Только опасно, чтобы за математикою и астрономіею и тѣхъ мудрованіемъ въ собственной невѣждами не остались должности. А паче отъ оныхъ не заняли бъ въ голову [1]). Я вашего держуся мнѣнія: довольно того, что и регламентомъ означено, да и того за бѣдностію совершенно исправить не удобно. Кто то наипаче затѣеваетъ странное оное ученіе и кто съ духовныхъ въ коммиссіи, не знаю. Однако, какъ воля Божія будетъ!» Полагаясь на волю Божію, Дамаскинъ желанія Арсенія не исполнилъ: списокъ посланнаго имъ чинопослѣдованія въ недѣлю православія въ Костромѣ у Дамаскина не былъ прочитанъ.

Между тѣмъ о времени пріѣзда въ Ростовъ императрицы никто не зналъ. Ярославцевъ, знавшій о томительныхъ ожиданіяхъ ростовскаго владыки, могъ сообщить только слѣдующее: «здѣсь слышно,—въ походъ готовиться велѣно, а куды,—никто не знаетъ, потому думаю, не изволятъ ли въ Ростовъ пріѣхать въ постъ святой». Сама императрица никого не извѣщала о путешествіи, такъ что о времени поѣздки можно было только догадываться: «ея величество раку смотрѣли и выговорили нынѣ ѣхать въ Ростовъ», пишутъ Арсенію.

— Развѣ весною, отвѣчаетъ Арсеній, или лѣтомъ, а теперь въ постъ и неизвѣстно и не надежно.

Наконецъ, пришло извѣстіе, что новую раку велѣно уже вывести изъ Петербурга, при томъ, не прямою дорогою— въ Ростовъ, а на Москву.

«Что же? говоритъ Арсеній: понеже по пути въ Москву везется, то ей въ Москвѣ быть, а послѣ, надѣяться, въ Ростовъ прибудетъ!»

---

[1]) У проф. *Н. И. Барсова* («Арсеній Мацѣевичъ» въ «Русск. Старинѣ» 1876 г., XV т., 741 стр.) вмѣсто словъ «не заняли бъ въ голову» напечатано «не запили бы съ голоду». Дамаскинъ говоритъ здѣсь о вредѣ математическихъ и астрономическихъ наукъ, которыя, по его мнѣнію, могутъ сдѣлать человѣка не практичнымъ въ жизни, мечтательнымъ метафизикомъ. Вотъ почему сочли послѣ противникомъ предначертаній императрицы какъ его самого, такъ и Арсенія, къ которому онъ писалъ. (Архивъ св. синода,—дѣло А. Мацѣевича, № 119, 1 л.).

Ростовскій воевода Протасьевъ, ѣздившій въ Москву, 14 января сообщалъ въ Ростовѣ, что рака уже въ Москвѣ [1]).

Митрополитъ Арсеній и предположить не могъ, что императрица не желала встрѣчаться съ нимъ и даже съ ужасомъ думала о неизбѣжности видѣть его въ Ростовѣ. Его враги въ синодѣ, которые не допускали до присутствія тамъ, вѣроятно, выставляли его склоннымъ къ «насильственному властительству»; могъ очернить его въ Москвѣ и ростовскій воевода Протасьевъ, ѣздившій туда: Арсеній почему-то не ладилъ съ нимъ и самъ хлопоталъ предъ графомъ А. П. Бестужевымъ-Рюминымъ объ удаленіи его изъ Ростова [2]).

Надежды Арсенія предъ пасхою видѣть царицу смѣнились тревогою. 26 февраля въ Ростовъ привезли, наконецъ, раку, а вмѣстѣ съ тѣмъ, имъ получены неожиданно два грозныхъ письма отъ самого статсъ-секретаря императрицы, Адама Васильевича Олсуфьева: въ письмахъ подробно указывалось, какъ принять и гдѣ хранить раку до прибытія государыни.

«Всепокорнѣйше прошу, преосвященство ваше, писалъ отъ 22 февраля Олсуфьевъ,—въ близости отъ церкви, въ которой оныя св. мощи опочиваютъ, приказать очистить немедленно въ пристойномъ мѣстѣ сухой покой и въ оный ту раку поставить, въ которой отъ майора (Шадѣева) для караула и надлежащая при ономъ команда солдатъ оставлена быть имѣетъ, а въ то же время допустить его вымѣрить снаружи длину и ширину, и глубину гроба. И такъ какъ съ нимъ же посланъ архитекторъ Гезель..., равномѣрно прошу ваше преосвященство о вспоможеніи ему, также и о показаніи мѣста, гдѣ раку поставить нужно и снабдѣніи столярнаго мастера для «надобной по его ремеслу работы потребнымъ матеріаломъ и столярамъ и плотникамъ» [3]). Изъ письма было

---

[1]) Переписка м. Арсенія съ Ярославцевымъ,—тамъ же.

[2]) «Письмо Арсенія къ гр. Бестужеву» отъ 12 іюля 1762 г. («Чтенія въ Общ. Ист. Др. Р.», 1862 г., III кн., 190 стр.), гдѣ приписывается: «въ Ростовѣ у насъ воеводою Петръ Протасьевъ: не возможно ли постараться ево отсюда перемѣнить?»

[3]) Государственный Архивъ,—«дѣло объ открытіи мощей св. Димитрія Ростовскаго», разрядъ XVIII, № 175, 590 л.

ясно, что владыка ростовскій отстранялся отъ участія въ приготовленіи обстановки къ торжеству.

Но митрополитъ Арсеній не могъ еще отсюда заключить о настроеніи императрицы, выразившемся въ ея письмѣ, 28 февраля, къ тому же Олсуфьеву. «Адамъ Васильевичъ, писала она. Понеже я знаю властолюбія и бешенства ростовскаго владыко, я умираю, боюсь, чтобъ онъ не поставилъ рака Дмитрія ростовскаго безъ меня: поставитъ. Извѣстите меня, какъ вы еѣ отправили, съ какимъ приказаньемъ и подъ чей (чьимъ) сматрѣнія (смотрѣніемъ) она находится и, есть ли не взяты, то возмите всѣ осторожности, чтобъ оная рака безъ меня отнюдь не поставлена была» [1]).

Ей на то отвѣчалъ Олсуфьевъ. «Для лучшаго и точнѣйшаго вашему величеству изъясненія, на какомъ основаніи рака въ Ростовъ отправлена, подношу при семъ черновой отпускъ письма моего къ митрополиту [2]), по которому такого дерзновенія, кажется, чаять не можно. Приказано поставить впредь до указу въ особомъ мѣстѣ по близости отъ церкви; сказано, что приложена печать кабинетская и что для охраненія поставлены будутъ солдаты, да и майору Шадену, который съ нею поѣхалъ, извѣстно, что ваше величество намѣрены поставить раку въ собственномъ своемъ присутствіи, слѣдовательно, надѣюсь, что до самовольства и онъ не допуститъ. Надо было бы имѣть непостижимую смѣлость его эминенціи, чтобы сунуть туда свои пальцы».

Но Екатерина II не могла успокоиться: «не худо бы подтвердить, чтобы безъ меня отнюдь не поставили рака», проситъ еще она [3]). Независимо отъ приказанія Олсуфьеву,

---

[1]) Тамъ же. Письмо отпечатано къ «Чтеніяхъ Общ. Ист. Др. Р.». 1862 г., III кн., 192 стр., и въ «Яросл. Епарх. Вѣдомостяхъ», въ «Русскомъ Архивѣ», 1863 г., 407 стр., въ «Днѣ» 1862 г., № 16 и у *С. М. Соловьева* въ «Р. Исторіи».

[2]) Въ этомъ письмѣ Олсуфьевъ пишетъ Арсенію: «въ письмѣ моемъ хотя довольно изъяснено, чтобы оную (раку) впредь до указу хранить въ особомъ сухомъ мѣстѣ..., однакоже, чтобы и затѣмъ отвратить всякое въ томъ недоразумѣніе, по точному ея императорскаго величества повелѣнію, и симъ вторично высочайшее повелѣніе подтвердить долженствую, чтобы до собственнаго всемилостивѣйшаго государыни въ Ростовъ прибытія оная рака отнюдь поставлена не была» (Гос. Архивъ,— дѣло открытія мощей Димитрія Рост., разрядъ XVIII, № 175, 590 л.).

[3]) Тамъ же. «День» 1862 г., № 17 («Новые документы для біогра-

она велѣла и изъ кабинета предписать того же дня майору Шадену секретно: «всѣми мѣрами не допускать, чтобы рака подъ какимъ бы то ни было видомъ прежде прибытія въ Ростовъ и безъ собственнаго тамъ присутствія ея императорскаго величества выставлена народу, показывана, а еще того меньше, на мѣсто поставлена была»... Шадену на всякій случай дали письмо на имя митрополита, которое онъ имѣлъ вручить въ случаѣ сопротивленія желаніямъ императрицы.

Все безпокойство въ Петербургѣ оказалось напраснымъ. Скоро отъ Арсенія получено тамъ извѣщеніе, что рака помѣщена близъ церкви при Яковлевскомъ монастырѣ и что до прибытія императрицы она поставлена на настоящемъ мѣстѣ не будетъ, такъ какъ все дѣлается по предписанію [1]).

Глава IV.

Составъ духовной коммиссіи.

На второй недѣлѣ великаго поста 1763 года прибылъ къ митрополиту Арсенію переславскій епископъ Сильвестръ [2]). Преосвященный Сильвестръ самъ назначенъ былъ въ составъ учрежденной духовной коммиссіи о церковныхъ имѣніяхъ и доставилъ теперь Арсенію инструкцію, которую должны были выполнить, по порученію императрицы, члены духовной коммиссіи.

Въ этой инструкціи [3]) излагалась цѣльная и стройная система управленія церковными вотчинами, по замыслу императора Петра Великаго: 1) чтобы содержаніе духовенству назначить не роскошное, 2) богатыя средства церковныхъ вотчинъ употребить на народное просвѣщеніе: на устройство школъ, гимназій, академій, 3) остатки доходовъ употребить на правильно организованную общественную благотворительность. Въ инструкціи предлагалось переписать при участіи

фіи А. Мацѣевича», сообщ. *М. Логиновъ*) «Чтенія въ общ. Ист. Др. Р.». 1862 г., III кн., 192 стр.

[1]) Гос. Архивъ,—дѣло разр. XVIII, № 175, 582 л.

[2]) Архивъ св. синода, дѣло А. Мацѣевича, № 119, 242 л.

[3]) П. С. З. № 11.716.

губернаторовъ и воеводъ доходность земли, угодья, количество душъ крестьянскихъ, чтобы вездѣ завести раціональное хозяйство, а затѣмъ непосредственное управленіе деревнями ввѣрить выборнымъ старостамъ.

Епископъ Сильвестръ добавлялъ, что государыня предоставляетъ учрежденной коммиссіи полную свободу поступать по своему усмотрѣнію, а не считать инструкцію непреложнымъ закономъ.

— Ту-де инструкцію Тепловъ сочинялъ и она-де еще не въ законъ высокомонаршимъ намѣреніямъ утверждена [1]).

Видимо, новый членъ коммиссіи думалъ, что большой опасности нѣтъ и не предвидится отъ коммиссіи, гдѣ почти половина присутствующихъ будетъ изъ лицъ духовныхъ. Но старый митрополитъ думалъ иначе. Прежде всего, на опытный взглядъ его, мало утѣшительнаго для духовенства представлялъ составъ духовной коммиссіи.

Коммиссія была составлена съ такимъ разсчетомъ, что на свѣтской сторонѣ былъ перевѣсъ голосовъ. Съ духовной стороны архіепископъ новгородскій Димитрій Сѣченовъ [2]) и архіепископъ петербургскій Гавріилъ Кременецкій были высшими лицами въ церковной іерархіи,—членами св. синода. Ихъ рѣшеніе въ коммиссіи было обязательно, слѣдовательно, для всей русской Церкви. Къ нимъ присоединенъ былъ Сильвестръ, епископъ переславскій. Въ духовной коммиссіи, гдѣ рѣшалась судьба духовенства—быть или не быть ему полнымъ собственникомъ, на президентѣ синода лежала обязанность защитить достояніе Церкви. Сначала такъ и думали, что Сѣченовъ исполнитъ свой долгъ. При восшествіи на престолъ и коронаціи Екатерины II онъ восхвалялъ императрицу болѣе всего за то, что она показала себя защитницею благочестія, и отмѣчалъ ея заслуги не только отечеству, но и Церкви. Только у лицъ, близко знавшихъ архіепископа Дими-

---

[1]) Секр. дѣло А. Мацѣевича,—Арх. син. № 119, 243. л.

[2]) Димитрій Сѣченовъ съ 1742 по 1748 г. былъ «правителемъ новокрещенскихъ дѣлъ» въ Казани; по 1752 г., былъ епископомъ нижегородскимъ, когда его перевели на рязанскую каѳедру, тогда же онъ сталъ и членомъ св. синода. Въ 1757 г., онъ былъ уже архіепископомъ новгородскимъ (архіеп. *Филарета*, «Обзоръ русск. дух. литературы»).

трія, закрадывалось сомнѣніе [1]), будетъ ли онъ стоять за вотчины. При императорѣ Петрѣ III онъ не проявилъ стойкости въ защитѣ имѣній духовенства [2]); теперь на конференціи 18 іюля, вмѣсто того, чтобы настоять на немедленномъ рѣшеніи отдать деревни духовенству, онъ самъ предложилъ составить духовную коммиссію при участіи свѣтскихъ лицъ, чего прежде духовенство болѣе всего избѣгало. Въ сравненіи съ митрополитомъ ростовскимъ, открытымъ защитникомъ церковныхъ имѣній, архіепископа Димитрія всѣ представляютъ въ совершенно противоположномъ свѣтѣ—друзья его и недруги, довольные и недовольные, въ похвалахъ и ругательствахъ.

Арсеній не зналъ, что значитъ приспособляться ко времени, обстоятельствамъ и лицамъ; у Димитрія же чѣмъ знатнѣе [3]) былъ человѣкъ, тѣмъ болѣе могъ разсчитывать на услуги его; наоборотъ,—къ подчиненнымъ онъ былъ не только суровъ, но и жестокъ. Сохранились извѣстія, что онъ собственноручно наказывалъ даже женщинъ [4]). Суровъ былъ и ростовскій владыка, но—не по отношенію къ низшимъ, которыхъ всегда защищалъ. Твердыхъ, непреклонныхъ убѣжденій, такъ неудобныхъ въ жизни, у архіепископа Димитрія не было замѣтно ни въ службѣ, ни тѣмъ болѣе—въ сношеніяхъ съ императрицею. Въ нижегородскую епархію, послѣ его перевода туда, вскорѣ стали посылаться предписанія изъ синода, чтобы обращали язычниковъ посредствомъ убѣжденій, а не обѣщаніями льготъ и другихъ милостей отъ императрицы, такъ какъ обращенные тамъ къ православію

[1]) Еще въ августѣ 1762 года м. московскій предвидѣлъ печальный конецъ дѣла о вотчинахъ по несогласію братіи: онъ могъ имѣть въ виду только новгородскаго архіепископа.

[2]) Онъ скромно молчалъ даже тогда, когда императоромъ приказано было вынести изъ храмовъ лишнія иконы и упростить богослуженіе; тогда архіепископъ Димитрій держался системы выжиданія.

[3]) Однажды кн. Потемкинъ предложилъ Сѣченову своего кандидата на псковскую каѳедру. Сѣченовъ отвѣтилъ ему поспѣшно: «Богъ говоритъ вашими устами». («Ист. свѣд. спб. еп.». VI т.).

[4]) Въ 1746 г. жаловался въ синодъ его пѣвчій на незаслуженные побои со стороны архіерея, причиненные, какъ ему самому, такъ и его женѣ; въ челобитьи были приведены, кромѣ того, обвиненія на Сѣченова въ вышиваніи иконы, взяточничествѣ и другихъ предосудительныхъ поступкахъ (*Благовидовъ*,—«Об.-прокур. св. син.», «Правосл. Собес.» 1898 г., I т., 570 стр. Архивъ Синода, дѣло 1746 г., № 121).

Сѣченовымъ, получивъ то, что было обѣщано, снова уходили въ первобытную вѣру: объ этомъ писала Сѣченову сама императрица Екатерина II [1]). Даже ко вступленію въ монашество онъ принуждалъ мѣрами строгости: «побоями смертными, разореніемъ и заключеніемъ въ тюрьму» [2]). Въ случаѣ жалобъ на подобные его поступки въ синодъ, синодальнаго президента тамъ оправдывали, что онъ не только не виненъ, но «похвалы весьма достоинъ» [3]), такъ что жалобы сохранились, какъ памятникъ его отношенія къ дѣламъ вѣры, управленія и неразборчивости его въ средствахъ. На другой же мѣсяцъ по учрежденіи духовной коммиссіи поступила челобитная архимандрита Леонтовича, «которая вся состоитъ во многихъ синода и нѣкоторыхъ членовъ, а особливо новгородскаго митрополита (съ октября 1762 г.) Сѣченова ругательствахъ» [4]). Въ слѣдующемъ году сама императрица соизволила разсмотрѣть одну челобитную, гдѣ Сѣченовъ съ княземъ Козловскимъ обвинялся въ расхищеніи казеннаго интереса «свыше двухъ милліоновъ рублей» [5]).

Не только въ пасквильныхъ доносахъ, но и въ судебныхъ показаніяхъ не боялись говорить: «не малехонько де синодъ и члены не смотрятъ» [6]), т. е. не заботятся о дѣлахъ вѣры. Равнодушіе къ дѣламъ вѣры было таково, что одинъ изъ членовъ синода упрекалъ своихъ сочленовъ въ синодѣ въ ересяхъ, но его заставили просить прощенія въ засѣданіи [7]). Въ синодѣ всѣмъ руководилъ за Сѣченова секретарь Михаилъ Остолоповъ. Равнымъ образомъ, и въ вот-

---

[1]) «Русскій Архивъ», 1866 годъ, 55 стр. *Н. И. Костомаровъ*, «Р. Исторія» II т., 318 стр.

[2]) Проф. *В. Иконниковъ*,—«А. Мацѣевичъ». («Русская Стар.» XXV т., 33 стр.).

[3]) *Г. Благовидовъ*. «Оберъ-прокуроры св. синода» («Правосл. Собес.» 1898 г., I т., 570 стр.).

[4]) Дѣло св. синода № 272 1764 г. Изъ дѣла видно, что Леонтовичъ и ранѣе подавалъ митрополиту кіевскому свое «нелицепріятное Божіей и государевой правды открытіе», почти все состоящее въ ругательствахъ синода и нѣкоторыхъ духовныхъ и знатныхъ свѣтскихъ персонъ (73 стр.).

[5]) Дѣло дух. коммиссіи № 21—170 отъ 18 февраля 1763 г.

[6]) «Русск. Стар.» XLV, 338.

[7]) «Сборникъ Р. И. О.», X т., 72. стр. Извѣстенъ также «непристойный и поносительный» отзывъ м. Павла тобольскаго о синодѣ. («Чт. въ ист. общ. Нестора Лѣт.», 204).

чинахъ по каѳедрѣ митрополитъ все ввѣрилъ тамошнимъ управителямъ: бѣдному крестьянину правды сыскать у него было трудно [1]). Для него и не было особеннаго интереса заботиться о поддержаніи вотчиннаго упавшаго хозяйства въ монастырскихъ своихъ деревняхъ, когда онъ имѣлъ тысячу душъ крестьянъ, пожалованныхъ ему въ личное владѣніе за заслуги его при государственномъ переворотѣ 29 іюля [2]).

Отъ императрицы не укрылись слабости Сѣченова. Она нерѣдко пыталась подвигнуть его на дѣло непосредственнаго его служенія то свидѣтельствомъ своего довѣрія, то просьбою, а иногда и угрозою. Однажды она деликатно извѣстила: «все сіе пишу въ крайней откровенности и довѣренности къ вашему преосвященству, желая все видѣть ко благу устроеннымъ» [3]). Послѣ, когда она сознавала, что утвердилась на престолѣ, писала уже, какъ и другимъ, въ твердомъ духѣ: «впредь прошу имѣть бдѣніе (слѣдить за епархіальною жизнію) и осторожность въ выборѣ лицъ на епископскія вакансіи» [4]). При слѣдующихъ опущеніяхъ по службѣ, замѣченныхъ у митрополита, она проситъ настойчиваго содѣйствія самого прокурора сената: «Александръ Ивановичъ, пишетъ [5]) она Глѣбову, разбуди преосвященныхъ новгородскаго и псковскаго», которые долго затягивали дѣла о раскольникахъ.

---

[1]) Дѣло дух. коммиссіи № 6—104, 3 л. (о Подшиваловѣ).

[2]) Проф. *Знаменскій*,—«Очерки XVIII в.». «Прав. Собес.» 1875 г., I т., 100 стр.). Сѣченовъ во время переворота 29 іюня встрѣтилъ императрицу въ казанскомъ соборѣ и первый изъ духовенства провозгласилъ ее самодержавною. На коронаціи ея онъ восхвалялъ «Петербургское дѣйство», какъ «строеніе несказанныхъ судебъ» (С. М. *Соловьевъ*,—«Ист. Рос.» V, 1333 и 1370).

[3]) Госуд. Архивъ, разр. V, дѣло № 115: письма императрицы Екатерины II къ митр. новгор. Димитрію отъ 25 мая 1767 г., и др. «Русскій Архивъ» 1866 г., 55 стр.; «Сборникъ Р. И. О». X т., 200 стр.

[4]) Письма императрицы Екатерины II къ митр. Д. Сѣченову, тамъ же; «Сборн.» X т. 259 стр.

[5]) *С. М. Соловьевъ*,—«Исторія Россіи», V кн., 1471 стр. Хотя Екатерина и не любила волокиты въ дѣлахъ, но близкимъ людямъ дѣлала выговоры, довольно добродушные въ родѣ слѣдующаго: «слушай, Перфильичъ (Елагинъ), естьли въ концѣ сей недѣли не принесешь ко мнѣ наставленій или установленій губернаторской должности манифестъ противъ кожедирателей (ростовщиковъ)..., то скажу, что тебѣ подобнаго лѣнивца нѣтъ на свѣтѣ, да что никто столько ему порученныхъ дѣлъ не волочитъ, какъ ты». («Сборникъ Р. И. О.», VII т., 351 стр.). Сѣченова она считала такимъ же человѣкомъ.

Разъ у митрополита новгородскаго не было твердыхъ убѣжденій, неудобныхъ въ жизни, онъ былъ уже для императрицы Екатерины II подходящимъ представителемъ отъ духовенства въ государственной коммиссіи о духовныхъ имѣніяхъ. Она, повидимому, не безъ гордости отзывалась о немъ, что онъ, митрополитъ, не фанатикъ и не суевѣръ,— не защитникъ мысли о двоевластіи [1]). Она отличала его отъ тѣхъ архіереевъ, которые, скрывая свои убѣжденія, держались мнѣнія митрополита Арсенія Мацѣевича о неотчуждаемости церковныхъ имѣній. Ей надо было, чтобы представитель духовенства въ коммиссіи старался держаться «правилъ разума: не руководить себя предразсудками, уважать вѣру, но никакъ не давать ей вліянія на государственныя дѣла, изгонять изъ совѣта все, что отзывается фанатизмомъ, и извлекать, по возможности, пользу изъ всякаго положенія» [2]). Димитрій Сѣченовъ былъ положительный защитникъ единовластія и старался обнаружить это. Тогда какъ митрополитъ Арсеній дополняетъ архіерейскую присягу въ томъ смыслѣ, что крайній Судія св. синода—Христосъ, митрополитъ Димитрій измѣняетъ чинопослѣдованіе въ недѣлю православія въ смыслѣ противоположномъ [3]). Предчувствія и тревога іерарховъ оправдались: Сѣченовъ сталъ на новую дорогу служенія видамъ государственнымъ, по которой волей или неволей пошли и другіе духовные члены коммиссіи, прослывшіе у духовенства подъ именемъ «предателей». Для митрополита Арсенія участіе Сѣченова было тѣмъ досаднѣе и подозрительнѣе, что онъ зналъ о злобѣ и происках послѣдняго по отношенію къ себѣ [4]).

---

[1]) Екатерина съ гордостію указывала Вольтеру на такой случай съ митрополитомъ новгородскимъ: «одинъ человѣкъ, переводившій книгу, принесъ ее къ нему, и онъ посовѣтовалъ ему уничтожить ее, такъ какъ она, по его словамъ, содержитъ начала, устанавливающія двоевластіе». «Сборн. Р. Ист. Общества», X т., 160 стр.).

[2]) «Сборникъ Р. И. Общ.» VII т., 98 стр.

[3]) *Г. Благовидовъ*,—«Оберъ прокуроры св. синода». («Правосл. Собес.» 1898 г., II т., 261 стр.).

[4]) Письмо Ярославцева къ м. Арсенію, гдѣ онъ ясно говоритъ, что м. Арсенія отстраняли отъ участія въ московскихъ засѣданіяхъ синода по вопросу о церк. имуществахъ «изъ-за злобы» (Секр. дѣло А. Мацѣевича № 119).

Кромѣ Сѣченова въ коммиссію о духовныхъ имѣніяхъ назначили Гавріила, архіепископа петербургскаго и Сильвестра, епископа переславскаго. Но первый постоянно при рѣшеніи дѣлъ было согласенъ съ Димитріемъ новгородскимъ, а епископъ Сильвестръ, хотя и былъ въ дружественныхъ сношеніяхъ съ защитникомъ церковно-имущественнаго права, митрополитомъ Арсеніемъ, но несчастіе послѣдняго заставило его молчать.

Свѣтскими членами духовной коммиссіи назначили трехъ лицъ знатныхъ фамилій. Это были: графъ Иванъ Иларіоновичъ Воронцовъ, князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ и князь Сергѣй Гагаринъ. Къ нимъ присоединили Григорія Теплова, пользовавшагося особымъ довѣріемъ императрицы и князя Козловскаго—оберъ-прокурора св. синода.

Почти всѣ они не располагали для занятій въ духовной коммиссіи ни досугомъ, ни усердіемъ.

Графъ Воронцовъ, дядя Елизаветы Романовны Воронцовой, со вступленіемъ на престолъ Петра III получилъ сенаторское званіе и порученіе управлять сенатскою конторою въ Москвѣ [1]), и настолько заинтересовался здѣсь финансовою частію управленія на этой должности, что въ періодъ засѣданія своего въ этой коммиссіи подвергся штрафу за несоблюденіе государственныхъ интересовъ изъ корыстныхъ видовъ [2]). Стоять за права духовенства онъ едва ли былъ намѣренъ. Послѣ онъ былъ извѣстенъ тѣмъ, что во время чумы оставилъ Москву и въ страхѣ отъ чумной заразы переѣзжалъ изъ одной своей деревни въ другую [3]). Онъ необходимъ былъ въ духовной коммиссіи не для рѣшеній, а какъ сенаторъ, внушавшій къ себѣ уваженіе своею знатностію и положеніемъ.

Другой членъ духовной коммиссіи, князь Александръ Борисовичъ Куракинъ, былъ вельможа преклонныхъ лѣтъ, начавшій свою службу въ Парижѣ подъ покровительствомъ своего отца еще въ 1722 г. [4]). При Аннѣ Іоанновнѣ, въ 1736 году, онъ былъ извѣстенъ, какъ оберъ-шталмейстеръ двора и назначенъ

---

[1]) *С. М. Соловьевъ.* «Ист. Рос.» кн. V, 1244 стр.
[2]) Тамъ же, VI кн., 1009 стр.
[3]) Тамъ же, 1044 стр.
[4]) Тамъ же, IV кн., 741 стр.

тогда членомъ чрезвычайнаго государственнаго суда. Не будучи членомъ кабинета, онъ, однако, въ 1735 г. являлся туда по особому приглашенію для совѣта объ увеличеніи ясака съ инородцевъ и подалъ голосъ за гуманное обращеніе съ ясачными людьми, взыскивать съ нихъ ясакъ не деньгами, а хлѣбомъ, который можно употреблять на войско [1]). Онъ покровительствовалъ поэту Третьяковскому и былъ врагомъ кабинетъ-министра Артемія Петровича Волынскаго. Въ это царствованіе ему прощалось многое. Онъ позволялъ себѣ безнаказанно говорить во дворцѣ все, что угодно; даже не обращалось вниманія, если онъ приходилъ сюда пьяный [2]).—При вступленіи императрицы Елизаветы Петровны на престолъ, онъ получилъ сенаторское званіе (1741 г.) [3]). Знатность и умѣнье жить всегда и во всемъ помогали ему: онъ умѣлъ потакать Бирону и польстить императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ при восшествіи ея на престолъ [4]).—Теперь ему поручаютъ новый вопросъ о церковныхъ имуществахъ, гдѣ было много простора примѣнить свои гуманныя идеи къ монастырскимъ крестьянамъ.

Наконецъ, третій членъ духовной коммиссіи, князь Сергѣй Гагаринъ, ранѣе совсѣмъ ничѣмъ не заявилъ себя. Разъ только его оговорили по Лопухинскому дѣлу, но такъ какъ онъ ни въ чемъ не признался, уликъ же не было, то его освободили отъ подозрѣнія [5]).

Козловскій сдѣланъ членомъ коммиссіи въ качествѣ синодальнаго оберъ-прокурора.

Помимо названныхъ вельможныхъ членовъ, императрица назначила въ духовную коммиссію Григорія Теплова, который сталъ тамъ главнымъ дѣльцомъ. Тепловъ сдѣлался приближеннымъ императрицы Екатерины II съ самого перваго дня [6])

---

[1]) Тамъ же, IV кн., 1420 и 1421 стр.

[2]) «Что ты, Куракинъ, пьянъ?» спрашивала его разъ императрица.—«Волынскій напустилъ на меня пьянство»,—отвѣчалъ Куракинъ (*С. М. Соловьевъ*,—«Ист. Р.». V т., 1244, 1009 стр.).

[3]) *С. М. Соловьевъ*. «Ист. Россіи», V кн., 143 стр.

[4]) *С. М. Соловьевъ*,—«Ист. Россіи» IV кн., стр. 741, 720, 721, 1632; V т., 36, 125, 143 стр.

[5]) Онъ былъ шталмейстеромъ. *С. М. Соловьевъ*,—«Ист. Россіи», V кн., 1383 стр.

[6]) *С. М. Соловьевъ*,—«Ист. Россіи», V кн. 1335 стр. Въ «Запискахъ *Добрынина*» («Русск. Старина» 1871 г., III т., 595—597 стр.) сообщается,

ея вступленія на престолъ. Когда 28 іюня государыня прибыла изъ казанскаго собора въ новый дворецъ, то тамъ Тепловъ составлялъ манифестъ о вступленіи ея на престолъ, а затѣмъ, когда она прибыла въ старый зимній дворецъ, то тамъ же исполнялъ должность секретаря ея. Ему же поручено было составить форму отреченія Петра III отъ престола. Съ этого времени Тепловъ является необходимымъ сотрудникомъ самыхъ значительныхъ изъ всѣхъ коммиссій екатерининскаго царствованія. Сначала его назначили въ составъ духовной коммиссіи, чрезъ 2—3 мѣсяца—дѣлопроизводителемъ коммиссіи о дворянствѣ; въ коммиссію для разсмотрѣнія положенія о коммерціи, гдѣ сама государыня обѣщала, что «будетъ бывать», назначается дѣлопроизводителемъ опять Тепловъ [1]). По дѣламъ о раскольникахъ вмѣстѣ съ митрополитомъ Сѣченовымъ и архіепископомъ Иннокентіемъ псковскимъ участвуетъ опять онъ же [2]). Въ 1769 году поручается Теплову съ Волковымъ изыскать максимальный размѣръ податей съ купцовъ и мѣщанъ и т. д. Если принять во вниманіе, что онъ назначается, большею частію,—не какъ простой секретарь при совѣщаніяхъ знатныхъ персонъ, а какъ членъ совѣта, и что ему поручается дѣло капитальной въ 1762 году постройки въ Александроневскомъ монастырѣ [3]), то надо думать, что его считали не только неподражаемымъ стилистомъ, но и дѣловымъ человѣкомъ. Но нравственныя качества Теплова, какъ говоритъ Кобеко, были ниже его ума. Человѣкъ онъ былъ угодливый, пронырливый и интриганъ [4]). Ловкость придворнаго образовалась у него житейскимъ горькимъ навыкомъ. Императоръ Петръ III произвелъ его въ статскіе совѣтники [5]), но потомъ посадилъ его за вольныя рѣчи въ крѣпость. Самой Екатеринѣ II не только

что Теплова еще въ дѣтскомъ возрастѣ замѣтилъ Ѳеофанъ Прокоповичъ и содѣйствовалъ его обученію. О пребываніи Теплова въ академіи наукъ свѣдѣнія находятся въ «Матеріалахъ для исторіи имп. академіи наукъ», т. II—VI.

[1]) *С. М. Соловьевъ*,—«Ист. Р.» V кн., 1483 стр.

[2]) *С. М. Соловьевъ*,—«Ист Р.» VI кн, 413 стр.

[3]) Доношеніе м. Арсенія въ синодъ 1763 г.

[4]) «Цесаревичъ Павелъ Петровичъ», стр. V; *С. М. Соловьевъ*,—«Ист. Р.» V кн., 1324 стр. Дѣло по обвиненію Теплова въ крайнемъ развратѣ—въ Гос. Арх., разр. VII, д. № 2126.

[5]) *С. М. Соловьевъ*,—«Ист. Р.», V кн., 1324 стр.

было извѣстно двоедушіе и неуживчивость Теплова [1]), но она была и лично обижена имъ. Въ Бестужевскомъ слѣдственномъ дѣлѣ, гдѣ была замѣшана и великая княгиня Екатерина Алексѣевна, на Теплова указывалъ самъ Бестужевъ, какъ на измѣнника и предателя ей: «о семъ секретѣ, говорилъ онъ, никому извѣстно быть не могло, кромѣ Теплова: онъ тайнымъ доносителемъ былъ». Такимъ образомъ, еще ранѣе императрица Екатерина знала о нескромности и сомнительной совѣсти Теплова [2]). Но Тепловъ не только удержался при дворѣ въ новое царствованіе, но съумѣлъ пріобрѣсть себѣ значеніе человѣка необходимаго: ловкаго, умнаго и стилиста, могущаго показать любившей писать императрицѣ,—«нѣтъ ли гдѣ противъ языка ошибки» [3]). Его хорошо награждали [4]). Участвуя въ духовной коммиссіи, онъ могъ передавать, для руководства ей, желанія императрицы и пригонять дѣйствія коммиссіи къ согласію съ государственнымъ укладомъ.

Словомъ, составъ духовной коммиссіи подобранъ былъ весьма тщательно. Духовныхъ взяли изъ «согласниковъ» правительственныхъ распоряженій, каковымъ былъ новгородскій архіепископъ; архіепископъ петербургскій во всемъ съ нимъ соглашался; переславскій же епископъ, если бы и обладалъ мужествомъ независимаго мнѣнія, не могъ настаивать: участвуя въ коммиссіи, онъ испытывалъ такое униженіе, что, при одномъ воспоминаніи о томъ времени, впослѣдствіи не могъ не повторять словъ Евангелія: «поящутъ тя и ведутъ аможе не хощеши» [5]). При такомъ положеніи духов-

---

[1]) *В. А. Билбасовъ*,—«Исторія Екат. II», II т., 109 стр.

[2]) *С. М. Соловьевъ*, «Ист. Россіи», V кн., 1368 стр. Надъ Тепловымъ острили его же подчиненные («Сборникъ Р. И. О.», X т., стр. 209).

[3]) *С. М. Соловьевъ*,—«Русская Исторія» V кн., 1368 стр. При всемъ томъ у императрицы Екатерины II хранилось затаенное нерасположеніе къ Теплову, которое слышится, напримѣръ, въ слѣдующихъ ея словахъ: «Тепловъ всю свою канцелярію избаловалъ самъ». Такъ отозвалась она на жалобы Теплова, когда кто-то изъ его подчиненныхъ обидѣлъ его мѣткою остротою («Сборникъ Р. И. Общ.» X т., 209 стр.).

[4]) 5 августа 1762 года ему выдано за услуги, при восшествіи Екатерины II на престолъ, двадцать тысячъ рублей («Сборникъ Р. И. Общ.», VII т., 133 стр.), то есть больше, чѣмъ гр. Гр. Орлову (тамъ же).

[5]) Письмо Сильвестра къ митр. Гавріилу—въ «Христіанскомъ Чтеніи» 1873 г. № 2, 340 стр.—Архіепископу Гавріилу не давали власти не только въ дух. коммиссіи, но и дѣла по петербургской епархіи Екатерина II иногда, помимо его, предоставляла Теплову съ Сѣченовымъ.

ныхъ членовъ коммиссіи рѣшеніе вопроса о церковныхъ имѣніяхъ зависѣло отъ настойчивости свѣтскихъ персонъ, Настроеніе же правительственнаго класса въ тѣ годы хорошо извѣстно: старались, чтобы «не дать духовенству захватывать надъ гражданскими правами и распространять свою власть» [1]). Взглядъ самой императрицы можно было усмотрѣть изъ позволенія ея, чтобы въ коммиссіи преобладали свѣтскіе своимъ большинствомъ; высказала же его опредѣленно она послѣ: «я часто читала, что прежде въ католическихъ странахъ многіе изъ свѣтскихъ владѣли церковными доходами. Я удивляюсь, что государи были довольно дурными политиками, допустивъ уничтоженіе этого обычая соборами» [2]). Въ отношеніи же къ своему православному духовенству, она, несомнѣнно, не жалала быть дурнымъ политикомъ.

При свиданіи съ митрополитомъ Арсеніемъ въ Ростовѣ, передавая инструкцію духовной коммиссіи и о назначеніи состава ея, преосвященный Сильвестръ сообщалъ, что предначертанія въ ней—«еще не въ законъ высокомонаршимъ намѣреніямъ утверждены, что же послѣ послѣдуетъ, судьбы Божіи знаютъ» [3]).

Глава V.

Доношеніе митрополита Арсенія св. синоду.

Какъ изъ инструкціи, такъ и изъ разсказовъ преосвященнаго Сильвестра митрополитъ Арсеній видѣлъ, что духовной коммиссіи даны широкія полномочія: въ инструкціи не было сказано, чтобы деревни у духовенства «отымать, а только штаты дѣлать» и, при томъ, дѣлать штаты на такихъ основаніяхъ, которыя коммиссія найдетъ лучшими. Значитъ, духов-

---

Разъ онъ робко доложилъ, нельзя ли въ Сергіеву пустынь назначить архимандрита. Въ отвѣтъ Екатерина II написала: «Господинъ Тепловъ, поговори съ новгородскимъ архіереемъ, какъ лучше сдѣлать». («Сборникъ Р. И. О». X т., 7 стр.).

[1]) Князь Щербатовъ,—«Записки» его.

[2]) «Сборникъ Р. И. Общ.», VII т., 97—98 стр.

[3]) Синод. Архивъ, дѣло А. Мацѣевича № 119.

ные члены коммиссіи и синодъ могли еще отстаивать независимость своего церковнаго права на недвижимыя имѣнія.

По восшествіи на престолъ Екатерины II, многіе епархіальные архіереи подавали въ синодъ представленія о возвращеніи имъ ихъ вотчинъ, и манифестъ 12 августа [1]) служитъ доказательствомъ, что она знала такія просьбы и по нимъ возвращала деревни духовенству. Въ теперешній же рѣшительный моментъ была особенная необходимость въ такомъ представленіи. Митрополитъ ростовскій былъ почти самымъ крупнымъ собственникомъ [2]) и плательщикомъ. Въ Ростовѣ у него было 16.340 душъ (по второй ревизіи) въ полномъ его владѣніи; онъ вносилъ въ экономическую канцелярію 4.395 рублей 73 копѣйки, тогда какъ изъ другихъ тоже богатыхъ епархій платежей было меньше [3]). Ему было приличнѣе, чѣмъ другимъ, подать голосъ за независимость церковной собственности. И Арсеній рѣшился сдѣлать свои представленія синоду, тѣмъ болѣе, что надѣялся на разныхъ лицъ, которыя должны были поддержать его [4]). Ему было хорошо извѣстно, что всѣ архіереи были замѣчательно единодушны въ необходимости обезпечить за собою деревни: Амвросій крутицкій, Аѳанасій тверской, Гедеонъ псковскій, архіепископъ Веніаминъ рѣшительно высказывались за это. Мнѣніе Сѣченова было, кажется, одиноко и брошенная имъ мысль о коммиссіи созрѣла на почвѣ разногласія у архіереевъ съ нимъ. Гавріилъ петербургскій раздѣлялъ взгляды митрополита Арсенія; у нихъ и лично «неоднократно говаривано» было, дѣлились они и письменно своими тяжелыми тревогами при возникновеніи опасностей для церковной собственности [5]). Но всѣ они говорили между собою объ опасностяхъ внѣшнихъ

---

[1]) П. С. З. XVI т. № 11643.

[2]) «Доношеніе м. Арсенія» («Чтенія О. И. Д. Р.» 1862 г., III кн., 38 стр.).

[3]) Епархія рязанская платила 3.000 рублей, нижегородская 4.000 р., только вятская 8.000 р.

[4]) «Лѣтопись рост. архіереевъ». Примѣч. 52—53.

[5]) † *Н. И. Барсовъ*,—«Арсеній Мацѣевичъ»,—въ «Русской Старинѣ», 1876 г., XV т., 748 стр. «На его (а. Гавріила) сочувствіе идеямъ Арсенія есть указаніе въ письмѣ къ нему Сильвестра старогородскаго. (Рукопись спб. дух. академіи № 415, напечат. въ «Христ. Чтеніи» 1872 г.).

и внутреннихъ (напр., отъ митрополита Сѣченова) не прямо, а условнымъ языкомъ заговорщиковъ: или намеками, или по-латыни; даже епископъ Дамаскинъ употреблялъ прикровенные способы выраженія, хотя и безъ всякихъ признаковъ той виртуозности, какою отличались въ этихъ случаяхъ письма московскаго митрополита Тимоѳея [1]). Амвросій крутицкій, при первыхъ слухахъ о перемѣнахъ въ управленіи деревнями, немедленно встаетъ на защиту своего только монастыря: онъ подаетъ челобитную въ синодъ, чтобы крестьянъ и монастыри, приписанные къ Новому Іерусалиму, съ вотчинами ихъ по прежнему къ Воскресенскому монастырю возвратить. Онъ дѣлаетъ святѣйшему синоду запросъ, ежели, сверхъ чаянія, обитель не будетъ исключена изъ экономическаго оклада, то какъ ее содержать? [2]). Тогда какъ архіепископъ Амвросій является предъ св. синодомъ челобитчикомъ объ одномъ только своемъ монастырѣ, митрополитъ ростовскій рѣшается поставить вопросъ о незыблемости церковно-имущественнаго права во всемъ его объемѣ. Архіереи же не только выражали сочувствіе ему, но прямо вызывали этого маститаго іерарха на рѣшительную борьбу, называя его въ своихъ письмахъ «великодушнымъ», «бодрымъ», «искреннимъ и крайнимъ благодѣтелемъ» [3]).

Кромѣ всего этого, было еще немаловажное побужденіе для престарѣлаго владыки, готовившагося уходить на покой,—не молчать предъ коварными происками лицъ. окружавшихъ императрицу. Предшествующая исторія представляетъ рядъ святителей, ратовавшихъ предъ царями за церковныя вотчины). Онъ же—преемникъ, почти непосредственный, новоявленнаго чудотворца, Димитрія Ростовскаго, имѣющій, по его словамъ, «власть архіерейскую, данную отъ

---

[1]) О несогласіи членовъ св. синода, по вопросу о церковныхъ вотчинахъ, онъ извѣщалъ Арсенія въ такихъ выраженіяхъ: «двоегласную букву (дифтонгъ), составляемую изъ двухъ согласныхъ на разныя согласныя буквы раздѣлили наши несогласно живущіе» (Арх. син., д. № 119, 1 л.).

[2]) Челобитная Амвросія арх. крутицкаго,—дѣло духовной коммиссіи № 5—75 г., пунктъ 7.

[3]) Такъ называли Арсенія м. Тимоѳей, а. Амвросій, еп. Дамаскинъ и друг. (Арх. синода, дѣло А. Мацѣевича, № 119; проф. *Н. И. Барсовъ*,—«А. Мацѣевичъ», «Р. Старина» 1876 г., XV т., 741 стр.).

Бога и императрицы», долженъ подать свой голосъ. И самъ святитель Димитрій Ростовскій стоялъ за права Церкви предъ самимъ императоромъ Петромъ Великимъ [1]). Въ былое время, въ царствованіе императрицы Елизаветы Петровны, духовенство успѣшно боролось противъ всякихъ притязаній дворянъ на церковныя имущества. Однажды самъ митрополитъ Арсеній «оспорилъ» и остановилъ перепись церквей офицерами въ Ярославлѣ; и нынѣ государыня выслушиваетъ представленія всѣхъ. Отчего же св. синоду не просить ее объ утвержденіи церковныхъ вотчинъ за духовенствомъ, какъ просили государыню въ 1742 или 1744 годахъ? Почему не сдѣлать своевременныхъ представленій противъ тѣхъ лицъ, которыя «Бога не бояся и человѣкъ не страшаяся», принимаютъ всѣ мѣры, чтобы имъ однимъ владѣть деревнями?

Правда, неубѣдительны для XVIII вѣка тѣ доводы нравственнаго характера, которые приводились въ защиту церковныхъ правъ въ XVI—XVII вѣкахъ [2]), за то можно смѣло ссылаться на современные указы: они, по духовному регламенту, въ основаніи своемъ имѣютъ тотъ же законъ Божій, тѣ же уставы гражданскіе.

6 марта 1763 года онъ послалъ свое «первое» доношеніе св. синоду.

---

[1]) *В. А. Бильбасовъ*,—«Исторія Екатерины II», т. II, 229 стр.—Проповѣди св. Димитрія Ростовскаго, сказанныя по поводу указа, которымъ запрещалось подавать милостыню, по тону своему рѣзко расходятся съ указомъ. По поводу возстановленія монастырскаго приказа онъ писалъ: «хощеши ли грабити церковная? Спроси Иліодора, казначея Селевка, иже пришелъ бѣ во Іерусалимъ грабити церковная и біенъ бысть ангельскими руками».—Обличенія дворянъ у него безпощадны. Онъ говоритъ: когда Моисей сходилъ съ горы Синая и разбилъ скрижали, то на одной половинѣ ихъ остались слова: не... не... не...,—а на другой: «убій», «прелюбы сотвори», «укради». По заповѣдямъ этой второй половины разбитыхъ скрижалей и живутъ наши дворяне,—обличаетъ ихъ святитель.

Митр. Георгій Дашковъ тоже представлялъ протесты противъ посягательствъ на церковныя имѣнія.

[2]) Проф. прот. *М. И. Горчаковъ*, — («Монастырскій Приказъ, 1868 г., 48 стр.), говоритъ: «отъ XVI—XVII вв. осталось много грамотъ, гдѣ совѣтуются мѣры къ огражденію церковныхъ правъ. Въ однихъ запрещалось духовнымъ судиться у свѣтскихъ лицъ, въ другихъ приводились древнія правила Церкви: «объ обидящихъ церкви Божіи», «о вольностяхъ церковныхъ и неотнятіи движимыхъ и недвижимыхъ церковныхъ имѣній», изъяснялось «о рядѣ и церковномъ судѣ». То же у проф. *Е. Голубинскаго*,—въ «И. Р. Церкви», т. II, I кн., 635 стр.

Въ немъ выясняется, что вторженіе свѣтскаго контроля въ область церковной собственности нарушаетъ не только каноническія положенія, но и основы государства.

Во-первыхъ,—у духовенства отнимаютъ обычныя права собственности однимъ тѣмъ, что его заставляютъ давать отчетъ въ своихъ доходахъ постороннему вѣдомству; во-вторыхъ,—церковную доходность несправедливо употреблять на предметы не церковные; въ-третьихъ, ограниченіе содержанія духовенству, или, такъ называемые, штаты, нарушало бы завѣщаніе вкладчиковъ-благотворителей, отдавшихъ земельную свою собственность въ полное владѣніе духовныхъ отцовъ, по теплотѣ своей вѣры и любви, и, между тѣмъ, приведетъ всѣ обители въ скудость.

1. По указу 12 августа 1762 года, пишетъ [1]) въ своемъ доношеніи митрополитъ Арсеній, посланы въ архіерейскіе дома и монастыри изъ св. синода приходо-расходныя книги [2]), между тѣмъ какъ тамъ для записи есть свои домашнія книги. До сего времени хозяйство въ вотчинахъ велось ни отъ кого независимо. Издревле епископы въ своихъ владѣніяхъ и игумены въ своихъ монастыряхъ «властелины свободные были». Подъ страхомъ отлученія отъ Церкви никто не можетъ посягать на имѣнія ихъ. Если это и сдѣлалъ бывшій императоръ Петръ III, то въ самомъ указѣ [3]) нынѣшней государыни 28 іюня (1762 г.) такая мѣра осуждена и засвидѣтельствовано, какимъ потрясеніемъ отозвалось это на законѣ православномъ и преданіяхъ церков-

---

[1]) Первое доношеніе м. Арсенія синоду находится въ первомъ слѣдственномъ дѣлѣ 1763 г. о немъ (Архивъ синода, № 119) и во второмъ слѣдственномъ дѣлѣ 1768 г., (копія—въ Гос. Арх. р. VI, № 399); печаталось съ значительными неточностями въ «Чтеніи И. О. Др. Р.». 1862 г., II кн. 25—29,—въ «Яросл. Еп. Вѣдомостяхъ» 1868 г., *Толстымъ* въ «Святыняхъ Ростова». Разборъ доношенія сдѣланъ проф. *Чистовичемъ* («День» 1862 г.) и былъ въ статьѣ «Протестъ Мацѣевича». («Соврем. Лѣтопись» 1862 г., 4 кн. № 49). Оба автора держатся различныхъ взглядовъ. Оба доношенія печатаются въ «Приложеніи» этой книги.

[2]) Книги приходорасходныя посланы поздно, такъ что за 1762 г. онѣ не были заполнены. Въ слѣдующемъ году вышло настойчивое приказаніе заполнить ихъ въ 1763 году. Такъ настойчиво взялась коммиссія за уясненіе церковной доходности.

[3]) Содержаніе указа находится въ «Исторіи Екатерины II» *В. А. Бильбасова*, II т., 28 стр.

ныхъ. Такъ въ Россіи отъ св. Владиміра [1]) до Петра I контроля пожертвованіямъ не было. Нуждаясь въ деньгахъ въ военное время, императоръ Петръ I велѣлъ брать доходы съ заопредѣленныхъ вотчинъ «со удовольствіемъ безобидно» для архіереевъ и монастырей, но графъ Мусинъ-Пушкинъ превысилъ полномочія государя: онъ заопредѣлилъ такъ, что архіереямъ нечѣмъ стало и себя содержать. Теперь и въ скудномъ даяніи требуютъ отчета. Узникамъ и призрѣваемымъ стало лучше жить, чѣмъ архіереямъ, потому что тѣ не даютъ никому отчета въ употребленіи милостыни; и таковое мучительство претерпѣваютъ епископы, облеченные властію!

2) Всего же несправедливѣе возложенная на архіереевъ обязанность содержать философскія, богословскія, математическія и астрономическія школы, когда отняли у нихъ самыя средства для этого. Правда, образованіе необходимо, особенно для священства, но для того есть уже школы при архіерейскихъ домахъ, въ нихъ учатъ всему, что надобно для пастырей. Школы же высшія необходимы, какъ и духовный регламентъ предписываетъ, въ городахъ знатныхъ [2]). При томъ изученіе языковъ и науки математическія не обязательны для пастырскаго служенія въ простомъ народѣ».

3) Нынѣ «подъ видомъ излишества и послѣднее отымаютъ», подъ предлогомъ установить равномѣрные штаты, «яко бы излишество отсѣцая». Такого недовѣрія къ служителямъ религіи нѣтъ даже и у язычниковъ: архіереи «въ подозрѣніи остаются, и вѣры, и чести и совѣсти не имущіи быти вмѣняются»; поставляются начальники, «которые надъ архіереями будутъ смотрѣть» (т. е. члены духовной коммиссіи), а изъ нихъ «иной насилу и въ Бога вѣруетъ». Какія же послѣдствія могутъ быть отъ этого, какъ не потрясеніе основъ

---

[1]) Все это подтверждается примѣрами: даже ханы татарскіе давали ярлыки о неприкосновенности церковныхъ имѣній владыкъ, пишетъ митр. Арсеній; ростовскіе князья надѣляли церкви недвижимостію, и никто изъ нихъ не присылалъ владыкамъ приходорасходныхъ книгъ.

[2]) «Знаемъ что ученье—свѣтъ... Однако и свѣтъ, отъ начала созданія сѣмо и овамо шатающійся, восхотѣлъ Господь... въ солнцѣ единомъ, а не во многихъ (сосредоточить); такъ и академіямъ мѣсто въ знатныхъ городахъ» («Доношн. А. Мацѣевича», «Чтен»., 1862 г., II т., 25 стр.).

государства [1])? Естественно ли, что мірскіе люди, «аки аввы, правятъ духовными и чины раздаютъ?» Хранится еще обычай не продавать церковныхъ имѣній, но за то многіе готовы даромъ взять ихъ. Нѣкоторые помѣщики начинаютъ захватывать земли церковныя,—нельзя сыскать на нихъ нынѣ и управы; да и все вообще клонится къ тому, чтобы «тожъ монастырскимъ и архіерейскимъ землямъ сдѣлать». Нынѣшніе архіереи забыли о защитѣ Церкви, но надо же имъ позаботиться по крайней мѣрѣ объ исполненіи указовъ императора Петра Великаго, чтобы «не остановилась изъ-за скудости безкровная жертва и чтобы монашество не переводилось» [2]). Что касается общественной благотворительности, то она составляетъ обязанность не однихъ монастырей [3]), а всего общества.

Таково было первое доношеніе митрополита Арсенія синоду. Онъ ссылался въ защиту церковноимущественнаго права на высочайшіе указы и законы. Хотя онъ и ссылается на каноническія правила, по примѣру древнихъ грамотъ «о свободѣ Церкви» [4]), и, отчасти, на святоотеческія писанія, но не въ нихъ заключается суть доношенія и сила доводовъ. Все доношеніе проникнуто сильнымъ чувствомъ: то въ немъ сказывается оскорбленное самолюбіе іерарха, то слышится горькій укоръ совѣтникамъ императрицы и даже самимъ архіереямъ, которые безъ протеста смотрятъ на униженіе Церкви: «какъ псы нѣмые, не лая,—смотрятъ»; вмѣстѣ съ тѣмъ, доношеніе полно ссылокъ на обиды, прежде причиненныя св. Церкви, и на нынѣшнія стѣсненія правъ ея.

Подчиненные митрополита Арсенія, приказные люди были встревожены этимъ необыкновеннымъ доношеніемъ.

---

[1]) Далѣе примѣры изъ исторіи, какъ пагубно такое отношеніе къ религіи.

[2]) Далѣе приводятся доводы преп. Іосифа Волоцкаго, что отнятіе церковныхъ имѣній повлечетъ за собою уменьшеніе церквей, монастырей и кандидатовъ на епископство.

[3]) Выставлены примѣры тяжелаго обложенія монастырей деньгами.

[4]) Таково, напр. «Слово кратко» въ защиту монастырскихъ имѣній, писанное въ XVI в. («Чтен.» 1902 г., II кн.), или «Келейный ростовскій лѣтописецъ» XVIII в.: въ подобныхъ грамотахъ выбраны доводы изъ однѣхъ святоотеческихъ твореній. *С. М. Соловьевъ* («Ист. Россіи» V т., 1453) и доношеніе митр. Арсенія причисляетъ къ типу такихъ грамотъ, увѣряя, что онъ палъ потому, что защищалъ запоздалое мнѣніе XV вѣка (Іосифа Волоцкаго).

Секретарь Волковъ много разъ раскрывалъ предъ нимъ, какъ опасно противодѣйствовать планамъ правительства, которое намѣрено было, по слухамъ, отобрать деревни отъ архіерейскихъ домовъ и монастырей. Митрополитъ не слушалъ его представленій, напротивъ, говорилъ, что теперь надо дѣйствовать твердо, и, при этомъ, дѣлалъ намеки, что его поддержатъ разныя лица, имена которыхъ онъ, однако же, не назвалъ [1]). Протоколистъ Семенъ Жуковъ, которому поручено переписать доношеніе, секретарь Кордовскій и даже архидіаконъ Игнатій рѣшились высказать владыкѣ, что на именные указы представленій чинить не слѣдуетъ, и что подобныя доношенія противны указамъ и съ «приказнымъ порядкомъ не сходственны».

Но ихъ онъ не слушалъ. Предвидя бѣду, близкіе люди ко владыкѣ предупреждали его, какой опасности подвергаетъ онъ себя. Владыка на нихъ сердился и говорилъ: «то не ваше дѣло, надлежитъ оному быть непремѣнно» [2]). Тогда они не захотѣли подвергать себя явной опасности: Волковъ отказался скрѣпить доношеніе своею подписью, не записали его въ исходящую книгу по консисторіи, не поставили нумера, доношеніе отправлено въ синодъ прямо отъ имени митрополита [3]).

Не встрѣтивши сочувствія своему доношенію въ приближенныхъ, Арсеній не вполнѣ надѣялся и на поддержку въ синодѣ. Одновременно съ доношеніемъ своимъ онъ убѣдилъ іеросхимонаха ростовскаго монастыря Луку подать прошеніе въ синодъ, чтобы вотчины оставить за монастырями. Здѣсь Лука проситъ, чтобы обращено было вниманіе на доношеніе его владыки [4]). Затѣмъ, чтобы дѣло его узнала государыня не изъ экстракта св. синода, а прочитала все доношеніе, Арсеній посылаетъ двѣ копіи съ него: одну—духовнику императрицы протоіерею Дубянскому, другую же—графу А. П. Бестужеву; онъ проситъ ихъ, что если «о оной

---

[1]) «Лѣтопись ростовскихъ архіереевъ» примѣчаніе, 52—53 стр.
[2]) Дѣло Арсенія Мацѣевича, показаніе Волкова и Жукова. Арх. св. синода., № 119.
[3]) Показаніе Волкова. Тамъ же.
[4]) Дѣло дух. коммиссіи, № 28.

матеріи отъ святѣйшаго синода не представлено будетъ ея императорскому величеству въ подлинныхъ доношеніяхъ», «то бы тогда и оную копію ея императорскому величеству представить» и «чтобъ употребили они въ защищеніе Церкви святой свое стараніе» [1]).

Глава VI.

Арестъ митрополита Арсенія.

Получивъ доношеніе Арсенія, святѣйшій синодъ нашелъ въ немъ «все, что ни есть, слѣдуетъ въ оскорбленіе ея императорскаго величества, за что онъ великому подлежитъ сужденію, но безъ вѣдома ея императорскаго величества святѣйшій синодъ приступить не смѣетъ, а предаетъ на высочайшее благоусмотрѣніе и на высочайшую ея императорскаго величества безприглядную милость» [2]).

Императрица въ отвѣтъ на такой докладъ поручила судить митрополита ростовскаго самому святѣйшему синоду, не только какъ политическаго преступника, но и какъ ложнаго истолкователя святаго Писанія.

«Святѣйшій синодъ,— писала она собственноручно,— въ поданномъ вашемъ вчерась мнѣ докладѣ представлено, что архіерей ростовскій Арсеній прислалъ доношеніе отъ 6 дня марта въ синодъ, въ которомъ все, что ни есть написано, слѣдуетъ къ оскорбленію величества императорскаго, за что его признаете подлежательна сужденія, но безъ вѣдома моего приступить къ тому не смѣете и предаете въ мое благоразсмотрѣніе и снисхожденіе. А какъ я уповаю и святѣй-

[1]) Показаніе Жукова (тамъ же) не точно: по его словамъ, Арсеній просилъ Бестужева и Дубянскаго дать государынѣ копію съ доношенія тогда, когда синодъ представитъ ей подлинное.

[2]) Секр. дѣло въ Архивѣ св. синода, дѣло 1763 г. объ А. Мацѣевичѣ, № 119, 12 л. (не издано). «Дѣло» возникло, по поводу доношеній митр. Арсенія синоду объ отобраніи у духовенства деревень. Кромѣ обоихъ доношеній тамъ присоединены письма къ митр. Арсенію разныхъ іерарховъ, указы объ Арсеніи, документы о разстриженіи его, ссылкѣ и опись его частнаго имущества. Дѣломъ пользовались для своихъ историческихъ изслѣдованій *Н. И. Барсовъ* («Русск. Стар.», XV т. 1876 г), *В. А. Бильбасовъ* («Исторія Екатерины II», II т., авторъ «Краткаго извѣстія о жизни митр. Арсенія» («Зритель», 1862 г., 733—738).

шій синодъ безъ сумнѣнія признаетъ, что власть всѣхъ благочестивыхъ монарховъ, въ числѣ коихъ и я включаю и дѣлами моими, вами свидѣтельствуемыми доказую, не для нихъ единственно, но паче для общаго всѣхъ истинныхъ сыновъ отечества благосостоянія, сохраняема и защищаема быть должна; также въ томъ его архіерея Арсенія, присланнымъ ко мнѣ отъ васъ для прочтенія оригинальномъ доношеніи, которое я при семъ къ вамъ обратно посылаю, усмотрѣла превратныя и возмутительныя истолкованія многихъ словъ святаго Писанія и книгъ святыхъ, того ради впредь (для) охраненія моихъ вѣрноподданныхъ всегдашняго спокойства, онаго архіерея Арсенія, такимъ преступникомъ отъ васъ признаннаго, святѣйшему синоду на справедливый, законами утвержденный, судъ предаю, а какая по суду сентенція назначена будетъ, оную представить намъ для конференціи, при чемъ еще будетъ имѣть мѣсто мое снисхожденіе и незлобіе» [1]).

Получивъ такое порученіе, святѣйшій синодъ прежде всего сдѣлалъ распоряженіе арестовать митрополита Арсенія и привести его въ Москву для производства суда надъ нимъ.

14 мая 1763 года отправили изъ Москвы въ Ростовъ офицера, который при арестѣ митрополита долженъ былъ забрать всѣ находившіяся въ кельяхъ его письма, кромѣ книгъ [2]).

Между тѣмъ митрополитъ Арсеній посылаетъ въ синодъ еще и второе доношеніе [3]). Въ Ростовѣ полученъ былъ послѣ 6 марта указъ святѣйшаго синода о томъ, что скоро будетъ произведена опись архіерейскимъ домамъ, монастырямъ и приходскимъ церквамъ. Ее произведутъ на этотъ разъ оберъ-офицеры, посланные отъ духовной коммиссіи. При указѣ св. синода послана въ епархіи инструкція оберъ-офицерамъ и формы вѣдомостей, по которымъ они

---

[1]) Тамъ же, 15 листъ.
[2]) Тамъ же, 15 и 20 л.
[3]) Второе доношеніе А. Мацѣевича синоду отпечатано въ «Чт. О. И. Др.», 1862 г., III т., 158—162 стр. Теперь печатается въ «Приложеніи» къ настоящей книгѣ.

должны описывать имѣнія. Изъ нихъ было видно, что каждый оберъ-офицеръ ѣхалъ въ назначенный ему уѣздъ или губернію. Тамъ онъ бралъ справки о церковныхъ вотчинахъ, о числѣ ихъ въ предѣлахъ своего района, мѣстонахожденіи, числѣ душъ крестьянъ въ нихъ по ревизіи 1744 г. Затѣмъ онъ бралъ изъ губернской или воеводской канцеляріи на помощь себѣ двухъ чиновниковъ и двухъ солдатъ и ѣхалъ съ ними въ церковныя вотчины. Въ вотчинахъ, собравши сходъ крестьянъ главнаго монастыря и приписныхъ къ нему, объявлялъ имъ цѣль своего пріѣзда. Чтобы не встревожить населенія намѣреніями правительства, офицерамъ предоставлено было спрашивать крестьянъ, сколько они хотѣли бы и сколько могутъ платить оброка, если имъ предоставятъ право владѣть тою землею, которую они теперь обработываютъ для казны, и освободятъ ихъ отъ всѣхъ натуральныхъ повинностей [1]). При описи запрещалось полагаться на показаніе управителей вотчинъ, служекъ и приказчиковъ, а все описывать по личному осмотру. Въ вѣдомость вносились не только земли и воды, строенія и статьи доходныя, количество хозяевъ и призрѣваемыхъ, крѣпостныхъ и приказчиковъ, доходовъ и тратъ, но и число храмовъ, престоловъ, суммъ вѣнечныхъ, выводныхъ денегъ при бракахъ. Настоятелямъ церквей и монастырей приказывалось привести въ извѣстность монастырскую ризницу, всю вообще церковную утварь и сообщить обо всемъ оберъ-офицерамъ. «Гдѣ же таковыхъ описей нѣтъ, говорилось въ указѣ, или и есть, да съ наличностію оныхъ вещей не сходственны, то оныя описи самимъ настоятелямъ, а въ небытность ихъ, кому тѣ монастыри въ правленіе поручены, при тѣхъ же оберъ-офицерахъ описать» [2]).—Опись церковнаго имущества стала, такимъ образомъ, первымъ шагомъ духовной коммиссіи къ вторженію въ права церковной собственности.

Митрополиту Арсенію казалось еще возможнымъ пріостановить опись,—тѣмъ болѣе, что и ранѣе, по его представленію, подобныя распоряженія отмѣнялись; напр., въ началѣ сороко-

[1]) Инструкція офицерамъ 4, 7, 8.
[2]) Доношеніе А. Мацѣевича синоду отъ 15 марта 1763 г., въ секр. дѣлѣ его, архивъ син., № 119. «Чтен.» 1862 г., III т., 158 стр.

выхъ годовъ власти Спасо-ярославскаго монастыря просили денегъ на ремонтъ зданій; коллегія экономіи опредѣлила послать офицеровъ для описи монастыря; но опись тотчасъ же была отмѣнена, когда митрополитъ Арсеній выразилъ протестъ свой противъ нея. И теперь онъ, зная общую боязливую тревогу въ духовенствѣ, рѣшилъ одинъ честно возвысить свой голосъ [1]).

Онъ пишетъ синоду о неудобствахъ описи офицерами, которымъ надо будетъ не только входить въ алтарь но и касаться освященной утвари церковной. По его предположенію, отъ офицеровъ нельзя ожидать «почитанія» къ церковнымъ вещамъ. Онъ сопоставляетъ ихъ съ тѣми воинами, о которыхъ сказано въ притчахъ Соломона, что они не могутъ и успокоиться, пока не сдѣлаютъ зла: «только бы имъ власть, то готовы и Спаса и Богородицу ободрать». Онъ проситъ св. синодъ «обстоятельно доложить» государынѣ о Церкви Божіей..., какъ о прежнемъ озлобленіи ея еще со стороны коллегіи экономіи, такъ и о нынѣшнемъ, выражаетъ надежду, что государыня не оставитъ безъ вниманія представленій цѣлаго синода о такихъ опасныхъ дѣйствіяхъ духовной коммиссіи которая, стремится къ тому же, что и бывшая при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ коллегія экономіи. По мнѣнію митрополита Арсенія, опись церковныхъ имѣній вредно отразится на всемъ церковно - вотчинномъ строѣ. Прежде всего надо ожидать отъ офицеровъ тѣхъ же безпорядковъ, какіе были и въ прошломъ (1762 г.) году: тогда изъ-за наглости переписчиковъ въ церковныхъ вотчинахъ остались безъ хлѣба и сѣна. Потомъ надо ожидать безпорядковъ и со стороны крестьянъ. Что могутъ подумать они своимъ мужицкимъ умомъ, когда офицеры станутъ разспрашивать объ ихъ желаніяхъ? Развѣ можно ожидать отъ нихъ послѣ этого послушанія?—Ничего и отъ оброка не можетъ быть добраго, а одно разореніе вотчинъ и монастырей: на

---

[1]) Такого мнѣнія о побужденіяхъ митр. Арсенія къ своему протесту противъ распоряженій правительства держится проф. *В. А. Бильбасовъ*. («Исторія Екатерины II», т. II, 227 и 231 стр.). Сравнивая людей, въ ту пору толпившихся у трона, онъ выражаетъ восторженное изумленіе предъ честною рѣшимостію митрополита ростовскаго.

оброкъ крестьяне пойдутъ съ радостію, лишь бы взять себѣ поля, луга и лѣса, но потомъ, когда истребятъ лѣса, они окажутся несостоятельными плательщиками. Монастыри, получая оброкъ, тоже будутъ поставлены въ крайнее положеніе. «У насъ—не Англія едиными деньгами жить и пробиваться, а наипаче монастырямъ и домамъ архіерейскимъ, на которыхъ работать мужику сходнѣе и способнѣе, нежели деньги давать». Придется тогда мужика просить и молить, чтобы за какія угодно деньги,—двойную, тройную плату, послужилъ. При такихъ порядкахъ быть архіереямъ отъ крестьянъ въ зависимости; храмы, богослуженіе, утварь и все въ Церкви придетъ въ оскудѣніе, о благолѣпіи церковномъ не можетъ быть и рѣчи. И такъ можетъ благочестіе «истребиться не отъ татаръ и ниже отъ иностранныхъ непріятелей, но отъ своихъ домашнихъ».

Итакъ, во второмъ своемъ доношеніи синоду митрополитъ Арсеній духовную коммиссію правительственнымъ учрежденіемъ не признаетъ, контроль ея считаетъ вреднымъ для Церкви и государственнаго строя и незаконнымъ; къ противодѣйствію ей онъ призываетъ и св. синодъ. Крестьянъ онъ признаетъ собственностію духовныхъ властей и положеніе ихъ считаетъ нормальнымъ, а при неразвитости ихъ, и лучшимъ, такъ какъ они сами собою неспособны пользоваться землею благоразумно.

Въ заключеніе митрополитъ Арсеній подаетъ синоду просьбу—уволить его по старости на покой [1]).

Еще до полученія [2]) этого второго доношенія митрополита ростовскаго, синодомъ былъ отправленъ, какъ мы сказали, изъ Москвы въ Ростовъ для арестованія его офицеръ Дурново. Вотъ какъ описываетъ арестъ своего митрополита ростовская лѣтопись. «Въ вербную субботу, послѣ вечерни, на дворъ архіерейскій въѣхало нѣсколько саней, запряженныхъ парами и въ одиночку. На саняхъ тѣхъ были посланные изъ Москвы съ офицеромъ, который, по въѣздѣ на дворъ и поставя тотчасъ же караулы у всѣхъ воротъ и выхо-

[1]) Архивъ синода,—секр. дѣло А. Мацѣевича № 119, 31—35 листы.
[2]) Второе доношеніе помѣчено 15 марта, Дурново же выѣхалъ 14 марта изъ Москвы.

довъ и отправя часть солдатъ въ домъ секретаря архіерейскаго, Ивана Волкова, пошелъ въ соборъ, гдѣ узнавъ, что преосвященный у себя въ келіи, пошелъ къ нему туда. Въ то время преосвященный отдавалъ приказаніе ключарю соборному о порядкѣ, долженствующемъ быть при отправленіи службы на другой день, то есть, въ вербное воскресенье. Вошедшій въ келію преосвященнаго офицеръ, не узнавъ его, вѣроятно, по простой одеждѣ, спросилъ:

— Гдѣ митрополитъ?

И при отвѣтѣ, что онъ есть митрополитъ, послѣдній слышитъ отъ офицера, чтобы тотчасъ же былъ готовъ отправляться съ нимъ въ Москву. При такой поспѣшности отправленія едва ли успѣли положить для дороги и самонужнѣйшія вещи и платье». Ему не дали даже позволенія зайти въ соборъ, чтобы приложиться къ иконамъ и мощамъ [1]). Сборы его въ дорогу были такъ же непродолжительны, какъ и обыскъ его кельи, бумагъ и писемъ. Писемъ въ кельяхъ не оказалось; они были въ консисторіи у канцеляриста Жукова. При поискахъ за ними Дурново удалось въ числѣ сочиненій митрополита найти черновой списокъ второго доношенія въ синодъ, которое только что было переписано. Узнавъ изъ допроса, что въ перепискѣ доношеній участвовали Волковъ и Жуковъ, Дурново и ихъ арестовалъ, чтобы везти въ Москву [2]). Забиралъ бумаги синодальный офицеръ съ разборомъ. Сохранилось, напримѣръ, такое извѣстіе въ пасквильномъ доносѣ [3]), что Арсеній писалъ свое доношеніе не самъ собою, а «по наставленію переславскаго архіерея (Сильвестра) который къ нему пріѣзжалъ въ Ростовъ и то-де наставленіе имѣлось у него до взятія его, но спасибо-де тому офицеру, который его бралъ, что онъ пожаловалъ-скрылъ, а тожъ бы-де было переславскому, что̀ сдѣлано

---

[1]) Проф. *Знаменскій* «Очерки XVIII в.»,—«Правосл. Собес.», 1875 г., I т., 287 стр. Впрочемъ, намъ неизвѣстно, откуда почерпнуто это извѣстіе: у Арсенія въ Москвѣ все изъ посуды и бѣлья было свое. Указъ, врученный тогда Арсенію, гласилъ о непремѣнномъ и безпрекословномъ выѣздѣ его въ Москву съ 3 нужнѣйшими служителями.

[2]) Синод. архивъ,—секр. дѣло А. Мацѣевича № 119, 25 листъ.

[3]) Іеродіакона Лебедева изъ Сійскаго монастыря. (Архивъ Архангелогородской губ. канцеляріи, секретное дѣло о Лебедевѣ).

и Арсенію». Дурново оставилъ монастырь подъ смотрѣніемъ намѣстника іеромонаха Іеронима и съ арестованными поѣхалъ въ Москву. Дорогою Арсеній сдѣлался нездоровъ разстройствомъ желудка. «Для облегченія его болѣзни не было дозволено митрополиту выйти изъ повозки, гдѣ по необходимости послѣдовало и самое дѣйствіе естественной нужды; въ такомъ положеніи они имѣли путь до самой Москвы» [1]).

17 марта, привезли его въ Москву, и помѣстили въ Симоновомъ монастырѣ подъ крѣпкимъ карауломъ [2]), какъ государственнаго преступника, вмѣстѣ съ секретаремъ Волковымъ и канцеляристомъ Жуковымъ, у которыхъ нашлись черновые списки доношеній.

На другой день, 18 марта, императрица писала генералъ-прокурору Глѣбову: «нынѣшнюю ночь привели враля, котораго исповѣдывать должно; пріѣзжайте ужò ко мнѣ, онъ здѣсь во дворцѣ будетъ» [3]). Здѣсь она впервые обнаружила то страстное свое отношеніе къ дѣлу Арсенія Мацѣевича, отъ котораго уже не могла отрѣшиться и послѣ, когда онъ былъ въ заточеніи, до самой смерти его. Она почему-то считала съ этого момента митрополита Арсенія личнымъ своимъ врагомъ. Въ доношеніяхъ Арсенія нѣтъ ни одного неуважительнаго выраженія относительно ея, напротивъ, они написаны въ тонѣ глубокаго уваженія, трогательнаго довѣрія къ ней. Поэтому, можно только предполагать какія-нибудь особенныя сообщенія Дурново. По словамъ императрицы, сказаннымъ 4 года спустя послѣ этого, когда у нея было страстное желаніе собрать всѣ обвиненія на Арсенія и сгустить ихъ, онъ, будто-бы, при своемъ арестѣ говорилъ Дурново—«сіи слова: ея де величество наша не природная, и она де не тверда въ законѣ нашемъ, и не надлежало ей россійскаго престола принимать» [4]). Трудно, однако, вѣрить, чтобы подобныя слова Арсеній могъ сказать, тѣмъ болѣе, что Дурново самъ всегда от-

---

[1]) Лѣтопись ростовскихъ архіереевъ. Примѣчаніе, 52—53 стр.
[2]) Тамъ же, 20 стр. Синод. архивъ, секретное дѣло А. Мацѣевича, № 119, 25 и 20 листы.
[3]) «Сборникъ Р. И. О.», VII т., 334 стр.
[4]) «Чтен.» 1862 г., III т., 165 стр.

рицалъ, будто онъ слышалъ ихъ отъ арестуемаго митрополита [1]). Вралями императрица Екатерина II, обыкновенно, называла людей, держащихся мистическаго направленія, къ нимъ она чувствовала отвращеніе: тайныя секты масоновъ, мартинисты и т. п.,—всѣ носили у нея кличку «вралей». Предварительная «исповѣдь» «враля» была въ присутствіи императрицы и самыхъ близкихъ къ ней лицъ: Орлова, Глѣбова, Шешковскаго. Говорятъ, что отвѣты Арсенія были рѣзки [2]).

Такъ какъ въ Москвѣ быстро распространились слухи о необычайномъ событіи,—арестѣ митрополита въ Ростовѣ, преемника новоявленнаго чудотворца св. Димитрія, то было рѣшено пустить извѣстіе въ народъ о винѣ Арсенія. Въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» извѣщалось, что протесты митрополита ростовскаго «отъ начала до конца наполнены были ядомъ оскорбленія величества» [3]).

Нѣкоторые доброжелатели ростовскаго владыки пытались было спасти его, ходатайствовали за него предъ императрицею, но заступничество ихъ только раздражало ее [4]). Самъ Арсеній ожидалъ этого отъ протоіерея Дубянскаго и графа Бестужева. Было время, когда, Дубянскій имѣлъ громадное вліяніе на церковныя дѣла, но это было при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ: тогда онъ нерѣдко бывалъ посредникомъ между государыней и святѣйшимъ синодомъ. Теперь же, при описанномъ настроеніи, онъ едва-ли осмѣлился ходатайствовать за опальнаго [5]). Зато графъ А. П. Бестужевъ

---

[1]) Дурново самъ говорилъ Ивану Владиміровичу Лопухину, что онъ не доносилъ, будто Арсеній говорилъ что-нибудь оскорбительное для Екатерины («Зритель», 1862 г., № 23, 735 стр.).

[2]) Арсеній, будто бы, не пощадилъ при этомъ устъ своихъ, такъ что императрица зажала уши и велѣла «заклепать ему ротъ». Но съ этимъ извѣстіемъ нельзя согласиться въ виду тѣхъ спокойныхъ показаній, которыя давалъ Арсеній на судѣ. (*В. А. Бильбасовъ*, «Исторія Екатерины II», II т., 241 стр.).

[3]) Проф. *Знаменскій*. «Очерки XVIII вѣка»,—«Правосл. Собесѣд.», 1875 г., I т., стр. 239.

[4]) Объ этихъ попыткахъ въ «Чтен». 1862 г., III т., 191 стр.

[5]) Дубянскій былъ вызванъ изъ Малороссіи и избранъ духовникомъ императрицы единственно по желанію гр. Разумовскаго. Это видно изъ помѣтки императрицы Елизаветы о Дубянскомъ (Архивъ кн. Воронцова, кн. I, 1 стр.). Тогда онъ имѣлъ несомнѣнную силу. Такъ, напр., «14 сентября 1761 г., какъ въ письменномъ св. синоду духовника, прото-

оправдалъ довѣріе митрополита Арсенія въ тяжелые для послѣдняго дни. Письма къ нему отъ Арсенія, писанныя 10 марта по поводу двухъ доношеній синоду, были такого содержанія. «По ревности моей о законѣ нашемъ православно-грекороссійскомъ и Церкви Божіей,—до чего нынѣ оные пришли и приходятъ,—отъ крайней моей горести и сожалѣнія, послалъ я въ св. синодъ доношеніе, а дабы о томъ и ваше высокографское сіятельство были извѣстны и, по ревности своей къ защищенію нашего православнаго закона о освобожденіи Церкви Божіей отъ причиняемаго нынѣ крайняго утѣсненія, возымѣли милостивное стараніе, того ради со онаго доношенія копію вашему высокографскому сіятельству при семъ сообщаю и прошу оную всю прочитать и прочимъ, кому благоволите, показать, изъ чего можно всякому о законѣ нашемъ православномъ, въ чемъ оной есть, обстоятельно видѣть. Сія предложивъ и о здравіи вашемъ въ молитвахъ моихъ, одолжаяся, пребываю» [1]). Посылая копію и со второго своего доношенія, митрополитъ Арсеній 14 марта проситъ Бестужева «разсмотрѣть и, сколько возможно, Церковь Божію отъ слѣдующаго ей гоненія защитить и стараніемъ своимъ не оставить» [2]).

Когда стряпчій ростовскаго митрополита въ Петербургѣ

іерея Дубянскаго, предложеніи объявлено,—повелѣла государыня быть с.-петербургскимъ архіепископомъ Веніамину псковскому». (Архивъ Ал.-Невской лавры, 1761 г., 16 сентября). Такое участіе протоіерея Дубянскаго видно и при назначеніи Амвросія, епископа переславскаго членомъ св. синода въ 1754 г. (Госуд. Архивъ, разр. XVIII, № 217). Но теперь, при Екатеринѣ II, не стѣснялись ей говорить, что онъ глупъ (Екатерина про него говаривала: «онъ не такъ глупъ, какъ о немъ говорили».—«Сборникъ» VII, 74 стр.). По поводу его просьбы о выдачѣ 6000 рублей, Екатерина II писала А. В. Олсуфьеву: «держите ухо востро, желаю вамъ (въ сношеніяхъ съ Дубянскимъ) силы льва и осторожности змія». («Архивъ», 1863 г., 199 стр.). И архіереи относились къ Дубянскому теперь болѣе, чѣмъ независимо. Напр., онъ иногда находилъ нужнымъ просить прощенія у владыкъ и получалъ отвѣтъ отъ нихъ: «Богъ да проститъ и помилуетъ всѣхъ васъ и подобныхъ вамъ дураковъ» («Зап. Добрынина» «Р. Ст.», 1871 г., III, февраль, 195).

[1]) «Русская Старина» XXVI, 13 стр. Государственный архивъ, дѣло № 399. Къ письму приклеена вырѣзанная изъ другого письма цѣдулька такого содержанія: «пора бы, кажется, великому князю учителя о законѣ пріискать, а по моему мнѣнію, способенъ до того дѣла Іосифова волоколамскаго монастыря архимандритъ Адріанъ, вашему высокографскому сіятельству не безызвѣстенъ».

[2]) Тамъ же.

получилъ эти письма для передачи графу, Арсеній, уже подъ конвоемъ, привезенъ былъ въ Москву. Узнавши объ этомъ несчастіи изъ газетъ, Крыловъ не смѣлъ теперь передавать письмо, а нашелъ случай видѣться съ самимъ Арсеніемъ въ Симоновомъ монастырѣ. Арсеній велѣлъ немедленно передать письма, какъ графу, такъ и духовнику государыни. Графъ Бестужевъ получилъ, такимъ образомъ, письмо его уже поздно, 31 марта, и ему привелось не Церковь защищать, а просить пощады у императрицы для самого Арсенія. Зная о гнѣвномъ раздраженіи ея, онъ осторожно пишетъ въ тотъ же день «для извѣстія и на всемилостивѣйшее благоизобрѣтеніе» ея: «Графъ Алексѣй Бестужевъ-Рюминъ, хотя съ крайнимъ сокрушеніемъ, но въ должности себя находитъ для всевысочайшаго ея императорскаго величества усмотрѣнія представить при семъ въ оригиналѣ два письма съ приложеніями, которыя къ нему вчерашняго числа отъ ростовскаго митрополита принесены и которыхъ не принять уклониться не могъ, въ разсужденіи, что они къ монаршему свѣдѣнію потребны, тѣмъ паче, что они отправлены еще изъ Ростова до ареста сего архіерея, какъ приложенная при семъ же записка его подъячаго свидѣтельствуетъ, и какъ содержаніе сихъ писемъ, а особливо доношеній въ синодъ наполнено не только дерзостями, но и чувствительнѣйшими оскорбленіями, за которыя ея императорское величество справедливо на него прогнѣвана, графъ Бестужевъ, не вступая отнюдь ни въ малѣйшее за сего архіерея заступленіе, осмѣливается токмо по долгу къ ближнему, въ преступленіе впадшему, рабски просить о показаніи ему монаршаго и матерняго милосердія въ томъ приговорѣ, который по суду, конечно, тягостенъ будетъ, а при томъ не въ указъ свое слабѣйшее разсужденіе присовокупить, не соизволитъ ли ея императорское величество въ его явномъ и никакого уже изслѣдованія не требующемъ преступленіи скорѣе сентенцію на монаршую конфирмацію сочинить и тѣмъ сіе дѣло кончить въ предупрежденіе разныхъ о семъ и безъ того въ публикѣ происходящихъ толкованій» [1]).

---

[1]) *С. М. Соловьевъ*,—«Исторія Россіи», V кн., 1449 стр

Императрица поняла непрошеные совѣты графа Бестужева по своему: она увидѣла въ нихъ пронырство и хитрость стараго дипломата и отвѣтила ему слѣдующими, полными гнѣва, словами: «я чаю,—ни при которомъ государя столько заступленья не была за оскорбителя величествы, какъ ныне за арестованнаго всѣмъ синодомъ митрополита ростовскаго, и не знаю, какую я бы причина подала сумневатся о моей милосердья и человѣколюбія. Прежде сего и безъ всякой церемонія и формы не по столь еще важнымъ дѣламъ преосвященнымъ головы секали [1]), и не знаю, какъ бы я могла содержать и укрѣпить тышина и благоденствія народа (умолча защищенія и сохраненіи мнѣ отъ Бога дарованной власти), есть ли бы возмутители не были бы наказаны» [2]).

Послѣ такого грознаго отвѣта императрицы, графъ Бестужевъ нашелъ надобнымъ объяснить мотивы своего несвоевременнаго ходатайства за опальнаго. «Во всенижайшій отвѣтъ всеподданнѣйшій рабъ доноситъ, что, какъ онъ прежде за ростовскаго архіерея никогда не заступалъ, но паче въ С.-Петербургъ присланную отъ него цѣдульку представилъ со своимъ примѣчаніемъ, такъ и нынѣ, по его подлинно великимъ преступленіямъ не дѣлалъ заступленія, а токмо о скоромъ рѣшеніи упомянулъ, дабы чрезъ то пресѣчь излишнія толкованіи и разсужденіи въ народѣ, который о точности дѣла не вѣдаетъ; но ежели въ чемъ старикъ погрѣшилъ, то токмо отъ одного усердія, чѣмъ теперь отъ неповинности своей и сокрушается» [3]).

Императрица на этомъ же письмѣ графа Бестужева приписала: «сожалѣю, что сокрушается; я писала съ тѣмъ, чтобы имѣли, что̀ отвѣтствовать тѣмъ, хто васъ просьбою мучитъ,—желаю вамъ спокойно опочивать». Такъ она дала знать графу Бестужеву, что ей извѣстно, какъ его осаждаютъ многіе просьбами о ходатайствѣ за Арсенія.

---

[1]) Подобнаго примѣра въ русской исторіи не было. Самыя тяжкія для духовенства наказанія были при Петрѣ Великомъ, но его обычными наказаніями, напримѣръ, при отказѣ помощи отечеству, были—ссылка въ заточеніе виновныхъ, или лишеніе сана. («Солотчинскіе монахи», въ «Историч. Вѣстникѣ», 1887 г., февраль, 24 стр.).

[2]) Синод. архивъ, дѣло А. Мацѣевича, № 119. «Чтенія О. Др. Р.». 1862 г., III кн., 191 стр.).

[3]) Тамъ же.

Глава VII.

Судъ надъ митрополитомъ Арсеніемъ въ синодѣ.

Когда митрополитъ Арсеній былъ доставленъ въ Москву, святѣйшій синодъ приступилъ къ суду надъ нимъ. Прежде всего Дурново и секретарю Остолопову поручили разсмотрѣть привезенныя Дурново письма митрополита ростовскаго. Ихъ было много, но относящимися къ дѣлу оказались письма митрополита московскаго Тимоѳея, архіепископа крутицкаго Амвросія, епископа костромского Дамаскина и черновые отпуски писемъ къ какимъ-то архіереямъ; въ нихъ говорилось о церковныхъ имѣніяхъ, нападеніяхъ на духовенство и о необходимости защищаться. Въ письмѣ къ какому то Алексѣю Ивановичу, 14 февраля 1763 года, содержится указаніе на какихъ-то «посягателей на имѣнія церковныя и на Церковь». «Аще,—говорится тамъ,—они не вразумятся, то не можно, дабы имъ то напрасно прошло, но исполнится на нихъ Давыдово пророчество по псалму 128». Въ числѣ подозрительныхъ, подлежащихъ слѣдствію и суду, были отмѣчены и письма Ярославцева. Изъ писемъ узнали, что въ текущемъ посту въ недѣлю православія въ Ростовѣ была произнесена анаѳема съ необычнымъ прибавленіемъ, и что по этому поводу у ростовскаго митрополита были сношенія съ епископомъ костромскимъ. Кромѣ того, отыскали тотъ указъ 1743 года, гдѣ митрополиту Арсенію запрещалось писать продерзостныя доношенія подъ угрозою лишиться клобука. Самая суть доношеній и доводы въ пользу неприкосновенности церковной собственности уже такъ и не разсматривались. Арсенія судили за одну смѣлость защищать церковныя имѣнія.

Судъ надъ митрополитомъ Арсеніемъ начался 1 апрѣля. На вопросные пункты, предложенные ему, онъ отвѣчалъ [1]), что

---

[1]) Судъ надъ А. Мацѣевичемъ—вопросные пункты, отвѣты и свидѣтельскія показанія, равно и свидѣтельскіе документы находятся въ дѣлѣ митр. Арсенія Мацѣевича (Архивъ Синод., дѣло, № 119, стр. 42).

Въ качествѣ руководства синодъ имѣлъ при судопроизводствѣ у себя манифестъ отъ 27 октября 1762 г. о дѣлѣ Хрущова и Гурьева обвиненныхъ «въ общемъ возмущеніи». Тамъ же, 67—68 л.

1) «въ доношеніи своемъ 6 марта ничего къ оскорбленію ея императорскаго величества быть не уповалъ, а все де то писалъ по ревности и совѣсти, чтобъ не быть двоедушнымъ, а ежели, что къ оскорбленію ея величества имѣется, въ томъ проситъ прощенія и въ волю (и) милость ея императорскаго величества себя всеподданнѣйше предаетъ»; 2) что «о всемъ, въ доношеніяхъ заключающемся, разглашенія никакого ни съ кѣмъ, какъ письменнаго, такъ и словеснаго не было»; 3) что «сочинялъ не для возраженія на указы, но на представленія другихъ, что разумѣется на представленія коммиссіи, по которымъ представленіямъ и тѣ указы послѣдовали, и въ чаяніи томъ, что какъ тѣ представленія не отвержены, такъ де и его представленіе отвержено не будетъ... и въ оскорбленіи этого ея императорскаго величества не полагалъ»; 4) «о учиненомъ... дополнительномъ чиноположеніи объявилъ, что въ ономъ ничего къ оскорбленію ея императорскаго величества не имѣется, а сочинялъ изъ древнихъ чиноположеній... и въ ономъ грабители церковнаго имѣнія потому внесены, что многія монастырскія и церковныя земли отымаютъ, а суда на нихъ сыскать не можно» [1]).

Показаніе свое митрополитъ Арсеній писалъ собственноручно. Волненіе его замѣтно отражалось при этомъ: пытаясь яснѣе выразить свое показаніе, онъ дрожащею рукою поправлялъ и зачеркивалъ написанное; строгіе же судьи его не позволили вопросный листъ переписать набѣло. Тутъ были митрополитъ Димитрій новгородскій и Тимоѳей московскій, архіепископъ Амвросій крутицкій, епископъ Гедеонъ псковскій, архіепископъ Гавріилъ с.-петербургскій, Аѳанасій тверской, архимандритъ новоспасскій [2]),—всѣ почти молодые въ сравненіи съ подсудимымъ люди, нѣкогда заис-

---

[1]) Такихъ случаевъ безуспѣшной борьбы съ мелкимъ захватомъ помѣщиками церковной земли у митр. Арсенія было нѣсколько. Предавъ отлученію Терпигорева, отнявшаго часть монастырской земли, онъ въ 1756 г. объяснялъ свой поступокъ тѣмъ, что если прощать архіерею всѣ посягательства помѣщиковъ на церковныя земли, то «не будетъ ли явственный образецъ протчимъ къ крайнему презрѣнію и уничтоженію власти архіерейскія» (Архивъ Синода, дѣло 1755 г., № 416).

[2]) Дѣло № 119, 73 л.

кивавшіе у него, искавшіе совѣтовъ и даже выдвинутые имъ на видный постъ, а теперь—его враги, боявшіеся, чтобы и ихъ не припутали къ дѣлу. Ставъ предъ святѣйшимъ синодомъ на судъ, Арсеній пишетъ показаніе не для оправданія своего, нѣтъ,—онъ и тутъ защищаетъ свою мысль, выраженную въ доношеніяхъ, что въ рѣшеніи о судьбѣ церковныхъ деревень необходимо, для соблюденія справедливости, взять во вниманіе и представленія духовныхъ владѣльцевъ.

Послѣ подсудимаго, допросили секретаря ростовской консисторіи Ивана Волкова и копіиста Жукова. Привести ихъ въ синодъ не нашли удобнымъ, а отобрали показаніе на мѣстѣ ихъ ареста, въ Симоновомъ монастырѣ. Волковъ показалъ такъ: онъ «неоднократно объяснялъ преосвященному, что оныя доношенія съ приказнымъ порядкомъ не сходственны, чего ради имъ, Волковымъ, и не скрѣплены, и въ консисторіи въ исходящую книгу не записаны и нумеровъ на нихъ не проставлено, но прямо, собственно отъ его преосвященства, изъ келіи отправлены [1])». Жуковъ, со своей стороны, 2 апрѣля показалъ предъ святѣйшимъ синодомъ, что «до сочиненія и посылки въ синодъ тѣхъ доношеніевъ митрополитъ Арсеній ни съ кѣмъ письменныхъ переписокъ не имѣлъ, и къ нему, митрополиту, ни отъ кого о томъ писано не было, кромѣ только того, что оный митрополитъ съ полученной отъ Сильвестра, епископа переславскаго, инструкціи, данной коммиссіи о церковныхъ вотчинахъ, копію къ костромскому епископу при письмѣ своемъ токмо для одного извѣстія послалъ, а отъ того епископа ничего на то писано не было». Сверхъ того, отъ митрополита посланы еще копіи къ графу Бестужеву и протоіерею Дубянскому съ просьбою, «что когда о оной матеріи отъ святѣйшаго синода представлено будетъ ея императорскому величеству, то тогда бы и оную копію ея императорскому величеству представить же», и чтобы «употребили они въ защищеніе святой Церкви свое стараніе» [2]). И Жуковъ подтвердилъ показаніе Волкова о

[1]) Секр. дѣло А. Мацѣевича, № 119, стр. 78. «Русск. Стар.», XV т., 748. Показаніе Волкова.

[2]) Тамъ же, 78 листъ. Показаніе Жукова.

Самъ митр. Арсеній показалъ совершенно иное, именно, будто онъ просилъ гр. Бестужева представить копію, посылаемую ему, только

томъ, какъ всѣ приближенные митрополита: и Волковъ и онъ,—Жуковъ,—и Кордовскій и протодьяконъ неоднократно давали совѣтъ ему—не отсылать въ синодъ доношеній, противныхъ указамъ, и какъ владыка былъ твердъ въ своемъ рѣшеніи.

Изъ разспросовъ, однако, оказалось, что свое чинопослѣдованіе въ недѣлю православія 1763 года митрополитъ Арсеній послалъ въ копіи въ Кострому, къ тамошнему епископу Дамаскину [1]). Чтобы провѣрить показаніе и обвиняемаго и свидѣтелей, изъ синода послали особаго офицера въ Ростовъ, чтобы онъ привезъ оттуда чиноположеніе въ святѣйшій синодъ. Съ тѣмъ же офицеромъ приказано было костромскому епископу Дамаскину «безъ всякихъ отговорокъ» ѣхать немедленно въ Москву. Пріѣздъ офицера настолько взволновалъ ростовцевъ, что его отмѣтили въ «Лѣтописи ростовскихъ архіереевъ» [2]). «Апрѣля 3, говорится тамъ, то есть, недѣли Ѳоминой въ четвергъ, къ вечеру, пріѣхалъ присланной изъ святѣйшаго синода съ указомъ прапорщикъ, Левъ Тростовъ, съ капраломъ въ Ростовъ и взялъ изъ соборной церкви ростовской оригиналное, бывшее сего 1763 года въ недѣлю православія, чиноположеніе, (и) послали въ синодъ при рапортѣ».

4 апрѣля по дѣлу митрополита ростовскаго было второе засѣданіе. На немъ сначала разсмотрѣны были показанія, полученныя на произведенныхъ допросахъ. Потомъ «предположительно» постановили: «сослать Арсенія въ одинъ изъ отдаленныхъ монастырей съ отнятіемъ у него бумаги и чернилъ».—Произнесть обвинительный приговоръ, очевидно, спѣшили. Если графъ Бестужевъ, въ виду раздраженія императрицы на митрополита Арсенія, нашелъ нужнымъ доказывать свою непричастность къ нему, тѣмъ болѣе члены синода подъ такимъ гнетомъ не дожидались ни разъясненій дѣла, ни справокъ, а прямо произнесли ему желательный для императрицы приговоръ. Но слѣдствіе продолжалось.

въ такомъ случаѣ, если синодомъ подлинники государынѣ «не представятся». (Тамъ же, 81 л.).

[1]) Тамъ же, листъ 37.

[2]) Лѣтопись ростовскихъ архіереевъ, стр. 20.

Арсеній показывалъ съ большою осторожностію, чтобы не замѣшать въ свое дѣло другихъ. Того же дня къ нему въ Симоновъ монастырь явился членъ синода, новоспасскій архимандритъ, чтобы, по порученію святѣйшаго синода, допросить его, почему имъ скрыты на допросѣ 1 апрѣля сношенія его съ графомъ Бестужевымъ и протоіереемъ Дубянскимъ?

Допросъ происходилъ чрезъ синодальнаго секретаря Остолопова, при караульномъ офицерѣ Дурново.

Митрополитъ Арсеній «отозвался сначала безпамятствомъ; потомъ же, когда сказали, что на него показываетъ такъ Жуковъ, сознался» въ посылкѣ имъ копій и писемъ, въ которыхъ просилъ графа Бестужева и протоіерея Дубянскаго, «чтобы они о тѣхъ его доношеніяхъ, если оныя точно ея императорскому величеству не представятся, улуча время, представили (ей) для извѣстія»; показалъ, что просьба защитить св. Церковь, кажется, была. Что Волковъ и Жуковъ не совѣтовали ему отправлять въ синодъ доношеній,—это можетъ быть и было, показывалъ митрополитъ Арсеній, но Кордовскій и іеродіаконъ Игнатій не могли о томъ говорить, такъ какъ первый состоялъ при экономическихъ дѣлахъ, а другой при ризницѣ.

Пока происходили допросы митрополита Арсенія въ Симоновомъ монастырѣ, въ св. синодѣ были заняты разсмотрѣніемъ тѣхъ мѣстъ св. Писанія, церковныхъ правилъ, регламента, указовъ, на которыя были ссылки въ доношеніяхъ и, наконецъ, тѣхъ дѣлъ, которыя ранѣе были о митрополитѣ ростовскомъ. Толкованія имъ церковныхъ и гражданскихъ постановленій признали превратными.

7 апрѣля читали ростовское чинопослѣдованіе въ недѣлю православія и нашли, что «клятва ни къ чему иному клонится, токмо къ тому, какъ и вышеозначенныя оба доношенія» [1]).

Въ тотъ же день, 7 апрѣля, судъ былъ оконченъ. Императрицѣ былъ посланъ докладъ синода такого содержанія: «Митрополитъ Арсеній, въ противность божескимъ и человѣческимъ законамъ, учинилъ противъ состоявшихся въ

[1]) Дѣло № 119, л. 90—94.

1762 и 1763 годахъ (постановленій) о церковныхъ имѣніяхъ такія возраженія, которыя оскорбительны для императорскаго величества; въ нихъ онъ допустилъ превратныя отъ себя толкованія святого Писанія; нельзя его простить, хотя бы онъ писалъ такъ и по ревности къ закону Божію, ибо не только на указы, но и на распоряженія своего вѣдомства запрещено чинить язвительныя представленія и возраженія. Онъ писалъ противъ духовной коммиссіи и добивался успѣха коварными пріемами, отправивъ къ двумъ знатнымъ персонамъ письма о семъ. Поэтому, согласно указу о немъ, отъ 1743 года, «архіерейства и клобука его лишить и сослать въ отдаленный монастырь подъ крѣпкое смотрѣніе и ни бумаги, ни чернилъ не давать тамъ».

Императрица Екатерина смягчила строгій приговоръ св. синода. «По сентенціи сей, писала она 14 апрѣля, санъ митрополита и священства снять, а если правила святыя и другія церковныя узаконенія дозволяютъ, то для удобнѣйшаго покаянія преступнику, по старости его лѣтъ, монашества только чинъ оставить, отъ гражданскаго же суда и истязанія мы, по человѣколюбію, его освобождаемъ, повелѣвая нашему синоду послать его въ отдаленный монастырь подъ смотрѣніе разумнаго начальника съ такимъ опредѣленіемъ, чтобы тамъ невозможно было ему развращать ни письменно, ни словесно слабыхъ и простыхъ людей» [1]).

Синодъ опредѣлилъ, въ силу резолюціи императрицы, послать Арсенія въ вологодскій Ѳерапонтовъ монастырь.

О винахъ Арсенія изданъ былъ указъ. Въ указѣ этомъ объявлялось, что онъ «превратно понимая и толкуя вознамѣренное нынѣ полезнѣйшее распредѣленіе церковныхъ имѣній, безразсудную дерзость имѣлъ учинить о томъ св. правительствующему синоду нѣкоторыя письменныя въ крайне укорительныхъ и злословныхъ выраженіяхъ представленія, пренебрегши то, чѣмъ онъ долженствовалъ сему высокому духовному собранію, въ которомъ ея императорское величество президентомъ быть изволитъ. Онъ же, при томъ, въ подкрѣпленіе своихъ представленій св. Писанія и св. отцевъ превратъ-

[1]) Архивъ св. синода, секр. дѣло А. Мацѣевича, № 119, л. 95.

но-жъ и ухищренно толковать отважился... Въ семъ своемъ тяжкомъ преступленіи онъ добровольно признался, причитая оное ослабѣвающимъ, съ старостью его, душевнымъ силамъ» [2]).

Въ Москвѣ распространился слухъ, что съ осужденнаго ростовскаго митрополита будутъ снимать санъ. Толпы народа въ назначенный для выполненія приговора день съ утра наполнили синодальный дворъ, гдѣ солдаты съ трудомъ оттѣсняли любопытныхъ отъ входа въ зданіе. Въ половинѣ 9-го часа утра митрополитъ Арсеній, вошелъ въ крестовую палату, одѣтый, по желанію императрицы [2]), «въ митрополичье, какъ обыкновенно послѣ священнослуженія митрополиты изъ церкви при церемоніи выходятъ, одѣяніе»—въ архіерейской мантіи съ панагіею, въ бѣломъ клобукѣ и съ жезломъ въ рукахъ. Весь синодъ былъ въ полномъ составѣ: оба митрополита,—новгородскій и московскій, архіепископы крутицкій и петербургскій, епископы псковскій и тверскій, архимандритъ новоспасскій Мисаилъ. Оберъ-прокуроръ князь Козловскій объявилъ волю государыни, чтобы при церемоніи присутствовали находившіеся тогда въ Москвѣ,—новопоставленный епископъ Тихонъ воронежскій (впослѣдствіи задонскій) и Сильвестръ переславскій, да 4 московскихъ архимандрита, имѣвшихъ не мало вотчинъ: донской, симоновскій, высокоостровскій и заиконоспасскій [3]).

По прибытіи митрополита Арсенія, ему «не дали мѣста», а секретарь Михайло Остолоповъ началъ читать его вины [4]), заключающіяся въ томъ, что онъ, Арсеній, дерзнулъ писать возраженія на указы; проклиналъ въ недѣлю православія, подъ видомъ гонящихъ Церковь, присутствующихъ въ ду-

---

[1]) Тамъ же, 92—95 стр. «Православн. Собесѣдн.», 1875 г., I т., 239—240 стр.

Въ статьѣ «Протестъ А. Мацѣевича и послѣдняя судьба его», говорится: «синодъ заключеніе (о винахъ Арсенія) сдѣлалъ не на частныхъ замѣчаніяхъ протеста, противъ которыхъ трудно сказать что-либо вполнѣ уважительное, а на общей мысли, осудивъ самый фактъ—сопротивленіе распоряженіямъ верховной власти». («Современ. Лѣтопись» при «Русск. Вѣстн.», 1862 г., 4, № 49).

[2]) Тамъ же, 108 листъ.

[3]) Тамъ же, 110 листъ.

[4]) Онѣ были изложены въ формѣ выговора безъ всякихъ подписей, какъ простое сообщеніе осужденному приговора.

ховной коммиссіи, и на судебномъ допросѣ предъ святѣйшимъ синодомъ давалъ ложныя показанія. Когда окончилось чтеніе, синодальный ризничій Гавріилъ началъ снимать съ осужденнаго одну за другою одежды и знаки архіерейскаго сана: мантію, клобукъ, панагію и посохъ [1]). Говорятъ, что, отдавая все это, Арсеній рѣзко уличалъ участниковъ суда надъ нимъ, обвинялъ ихъ въ нерадѣніи о Церкви Божіей, двоедушіи и предательствѣ; безпощадно бранилъ митрополита Димитрія [2]), тутъ присутствовавшаго, изливая въ рѣзкихъ выраженіяхъ свое негодованіе, бранилъ также и Амвросія Зертисъ-Каменскаго съ епископомъ Гедеономъ. Послѣ въ народѣ сохранилось преданіе, что въ это время, въ крайнемъ негодованіи, Арсеній предсказалъ имъ, ожидающее ихъ, несчастіе: митрополиту Сѣченову,—что онъ задохнется отъ своего собственнаго языка,—Гедеону,—что онъ не увидитъ никогда своей епархіи [3]), и даже о смерти самой императрицы [4]). «Ты же,—говорилъ онъ архіепископу Амвросію, который часто гостилъ у него въ Ростовѣ,—ядый хлѣбъ мой, со мною возвеличилъ на меня запинаніе и какъ волъ ножемъ закланъ будеши» [5]). Престарѣлый и слабый митрополитъ московскій Тимоѳей во все время церемоніи снятія сана съ Арсенія, съ которымъ онъ имѣлъ

---

[1]) Тамъ же, 108—112 л.—*Снегиревъ* неправильно сообщаетъ, «что снимали знаки сана архіереи». Въ «Выписку новостей» откуда-то заимствовано извѣстіе, что при этомъ присутствовала и императрица: «какъ приведенъ и, въ присутствіи ея величества, снятъ съ него санъ архіерейскій и клобукъ». (Импер. Публ. Библіотека. Рукописный отд., Q. I, № 279).

[2]) «Былъ весьма неустрашимъ и отдавалъ архіереямъ (клобукъ и прочее) съ выговоромъ, весма имъ досадительнымъ и всякому пророчески, какъ Сѣченому, такъ и другому, Амвросію, напоминая имъ смерть: что увидите, какъ умрете». «О преставленіи преосвященнаго Арсенія» («Выписка изъ Новостей», въ «Чтен.», 1862 г., II т., 18 стр.).

[3]) Умеръ на дорогѣ въ Псковъ 1763 г. іюня 22, очень молодымъ, 36—37 лѣтъ (*Сулоцкій* «Одна изъ ошибокъ въ соч. объ Арсеніи», «Чтен.» 1864 г., кн. 4).

[4]) Сообщенія о народныхъ слухахъ у *Титова*, *Снегирева*. Разсказы объ этомъ—въ «Истор. Вѣстникѣ», 1887 г., январь, 136 стр. «Горицкій монастырь». Въ народѣ ходили слухи и о другихъ его предсказаніяхъ, напр., говоря «объ одной высокой особѣ», онъ, будто бы, предсказалъ ея скоропостижную смерть (Прот. *Діевъ* «Чтен.», 1862 г., 2 кн., 5 стр.). Самую фразу Арсенія объ императрицѣ любопытные могутъ читать въ «Русск. Библіотекѣ» XIX т., 1863 г.

[5]) Онъ убитъ чернію въ Москвѣ въ 1771 г.

дружескія сношенія и довѣрчивую переписку, плакалъ. По снятіи сана съ Арсенія, его одѣли въ простое чернецкое платье и заставили подписаться [1]) подъ ранѣе составленнымъ обязательствомъ, чтобы впредь не называться ему епископомъ, даже іеромонахомъ, а быть въ простомъ монашескомъ состояніи, оставленномъ ему «безприглядным милосердіемъ» императрицы.

Прямо изъ патріаршей палаты Арсенія, какъ простого монаха, повезли въ ссылку въ сѣверный край. Государыня находила почему-то небезопаснымъ пребываніе Арсенія даже въ бѣдномъ вологодскомъ монастырѣ среди монаховъ, наиболѣе отличавшихся нестяжательностію. Вѣроятно близость къ Ростову вологодскихъ монастырей, которые при томъ же нѣкогда находились подъ властію ростовскихъ святителей, побудила императрицу измѣнить мѣсто ссылки. 15 числа, на другой день послѣ отъѣзда Арсенія, синодъ получилъ указъ государыни, чтобы Арсенія сослать не въ Ѳерапонтовъ, а въ Николаевскій корельскій монастырь въ архангельской губерніи. Вслѣдствіе такого приказанія, изготовлены были изъ синода соотвѣтствующіе указы архангелогородскому архіерею Іоасафу [2]) и настоятелю корельскаго монастыря. Въ «Лѣтописи ростовскихъ архіереевъ» [3]) записано: «апрѣля 18, то есть, въ пятницу недѣли разслабленнаго, провезли (Арсенія) черезъ Ростовъ за крѣпкимъ карауломъ въ монастырское содержаніе простымъ монахомъ архангелогородской епархіи въ Николаевскій корельскій монастырь».

11 апрѣля Дамаскинъ, епископъ костромской, пріѣхалъ въ синодъ. Онъ старался дать показаніе обдуманное. Поэтому, не смотря на строгое предписаніе немедленно прибыть въ св. синодъ, изъ Костромы онъ выѣхалъ не сразу а, отзываясь каменною болѣзнію, собрался только на третій день. Когда ему дали въ синодѣ «довольное увѣщаніе», «онъ просилъ, чтобы дано ему было времяни пооду-

---

[1]) Подписка Арсенія была такая: «во исполненіе вышеписаннаго монахъ Арсеній подписуюсь своеручно».

[2]) Напечатанъ въ «Чтен.» 1862 г., III т., 162—163 стр.

[3]) Стр. 20.

матца», объявляя, что «можетъ-де быть и еще онъ тому припомнитъ, что можетъ, а потомъ изъ крестовой палаты (гдѣ былъ допросъ) вышелъ; и приказано ему жительство имѣть во Златоустовомъ монастырѣ и приставить къ нему изъ синодальныхъ трехъ человѣкъ солдатъ» [1]). 14 апрѣля ему было предложено восемь вопросныхъ пунктовъ. Его спросили: что разумѣлось въ письмѣ митрополита Арсенія, подъ словами: «чтобы Богъ помиловалъ Церковь, якоже миловалъ во всемъ митрополита Алексія Московскаго». Дамаскинъ отвѣчалъ, что въ какомъ смыслѣ такія рѣчи писаны, онъ «того изъяснить не можетъ», и отвѣчалъ ли на это письмо ростовскому митрополиту, того не помнитъ, оныхъ рѣчей за важныя онъ не ставилъ, а думалъ только, что оныя исторично писаны» [2]). Какъ ни старался Дамаскинъ выгородить себя изъ дѣла Арсенія заявленіемъ, что писалъ онъ обо всемъ къ нему «просто», въ синодѣ, однако, нашли его виновнымъ за преступныя письменныя сношенія, гдѣ онъ даже хвалилъ Арсенія «за таковыя Церкви святой всеполезнѣйшіе труды» какъ исправленіе имъ чинопослѣдованія въ недѣлю православія [3]). Не безъ предписанія государыни, ему учинили при собраніи синода «репримандъ», а что слова его «пусть дышутъ» относятся къ раскольникамъ,—такое показаніе его постановили «отдать ему на совѣсть» [4]).

Дамаскина долго держали въ Москвѣ. Только лѣтомъ государыня вспомнила о немъ, будучи въ Ростовѣ, и велѣла его отпустить опять на свою епархію. Вообще, синодъ не настаивалъ на привлеченіи другихъ іерарховъ къ дѣлу Арсенія. Даже письма митрополита Тимоѳея и архіепископа Амвросія, по разсмотрѣніи синода, оказались не относящимися къ дѣлу, такъ какъ, будто бы, писаны «о посторонникъ предметахъ», и потому опредѣлено было «ихъ оставить» и не представлять даже императрицѣ [5]). Такимъ образомъ,

---

[1]) Дѣло А. Мацѣевича, № 119, л. 90—94.
[2]) Тамъ же, 124 л.
[3]) Тамъ же, 242 л.
[4]) Тамъ же, л. 248.
[5]) Тамъ же, л. 162.

скрыты были предъ нею имена іерарховъ, сочувствовавшихъ дѣлу Мацѣевича.

Путешествіе Арсенія вслѣдствіе весенней бездорожицы было продолжительное. Онъ везъ съ собою келейника, повара и все, что при немъ было въ Москвѣ, даже—посуду [1]).

По просьбѣ Маврина, офицера сопровождавшаго Арсенія, послѣдняго предъ дорогою исповѣдали и причастили Въ дорогѣ прошелъ почти цѣлый мѣсяцъ [2]).

Мавринъ имѣлъ, какъ разсказываютъ, приказаніе отъ самой императрицы—по три дня употреблять бывшаго митрополита на черныя тяжелыя работы въ корельскомъ монастырѣ. И офицеръ этотъ съ удивленіемъ разсказывалъ, какъ Арсеній исполнялъ монастырское послушаніе: рубилъ дрова, носилъ воду, и говорилъ о немъ, какъ о святомъ [3]). Вотъ почему, привезши Арсенія въ монастырь 10 мая, Мавринъ сдалъ его архимандриту только 13 мая [4]).—Такъ, усвоивши отъ своихъ окружающихъ и унаслѣдовавъ отчасти отъ своихъ державныхъ предшественниковъ взглядъ на монастыри, какъ на обители тунеядства и роскоши, императрица Екатерина II хотѣла показать Арсенію, котораго она считала своимъ личнымъ врагомъ, какъ тяжела настоящая жизнь монашеская. Не иной мотивъ, какъ этотъ же побудилъ ее назначить Арсенію скудное ежедневное пропитаніе въ 50 копѣекъ [5]). Это было местью ея роскошному архіерею, ратующему за монастырскія богатства.

Между тѣмъ на самомъ дѣлѣ оказалось, что митрополитъ ростовскій, защищая церковное имущество, самъ не имѣлъ почти ничего и хлопоталъ не изъ-за своихъ инте-

---

[1]) Обратный выѣздъ Арсенія изъ Архангельска сравнительно съ нынѣшнимъ занялъ значительно менѣе времени: въ 1767 году, зимою, его везли въ туже дорогу всего 8 сутокъ.

[2]) Тамъ же, 119, 138, 127 листы.

[3]) Записки *Ив. Вл. Лопухина.* («Чтен.» 1861 г., «Зритель» 1862 г., 23, 734 стр. «Списокъ объ..... Арсеніи съ найденнаго листа»: такъ разсказывалъ Ив. Вл. Лопухину офицеръ, сослуживецъ Маврина («Чтен.» 1862 г., 2 кн., 11 стр.). Авторъ, «Краткаго извѣстія о жизни А. Мацѣевича» тоже увѣренъ, повидимому, въ истинности этого.

[4]) Секр. дѣло А. Мацѣевича, № 119, 285 л.

[5]) Тамъ же, л. 148. *Снтиревъ*,—«А. Мацѣевичъ», 26 стр.

ресовъ [1]): у него описали только незначительное имущество. Велика была у него только библіотека: она состояла изъ русскихъ, польскихъ, чешскихъ, латинскихъ и другихъ книгъ. Онъ самъ лично былъ полнымъ нестяжателемъ, что въ особенности поразительно, если сравнить его въ этомъ отношеніи съ другими іерархами того вѣка, жившими и одѣвавшимися невѣроятно богато, какъ напримѣръ, съ Амвросіемъ Зертисъ-Каменскимъ, или Іоанникіемъ воронежскимъ, дававшимъ свои деньги взаймы не иначе, какъ съ залогомъ или съ обезпеченнымъ обязательствомъ, и оставившимъ послѣ себя громадную по своему времени сумму въ 8.000 рублей [2]).

Въ корельскомъ монастырѣ Арсенію позволено было ходить въ церковь «для слушанія литургіи и прочаго пѣнія, также и по монастырю ходить» [3]), но позволено все это подъ строгимъ карауломъ. Настоятель долженъ былъ слѣдить, а мѣстный архіерей—наблюдать, чтобы Арсеній ни письменно, ни словесно не могъ развращать никого разсказами о своемъ дѣлѣ, за которое осужденъ; подтверждено, чтобы онъ не разглашалъ о немъ и не смущалъ другихъ людей. Запрещалось давать ему перо, чернилъ и бумаги. Къ арестанту приставили четырехъ человѣкъ солдатъ, подъ командою одного унтеръ-офицера изъ инвалидовъ, которому вмѣнили въ обязанность слѣдить и не допускать арестанта ни до какой корреспонденціи [4]) съ кѣмъ бы то ни было.—Чрезъ полгода оберъ-прокуроръ предложилъ синоду повелѣніе ея величества послать Арсенію его вещи. Вслѣдствіе этого посланы были книги, которыхъ было 339, платье, кромѣ панагіи, мантіи и бѣлыхъ клобуковъ, «яко до него не принадлежащихъ», да денегъ 97 руб. 90 копѣекъ [5]), вырученныхъ отъ продажи сахара, поднесеннаго когда-то Арсенію купцами ростовскими. Настоятель обязанъ былъ рапортовать

---

[1]) Тамъ же.
[2]) Дѣло А. Мацѣевича, № 119, л. Письмо Ярославцева.
[3]) Указъ архангел. епископу, тамъ же, 164; стр. «Чтен.», 1862 г., III.
[4]) Тамъ же, 133 л.
[5]) Тамъ же, 315 л. Члены св. синода нашли необходимымъ наградить конвойныхъ Арсенія: по возвращеніи въ Петербургъ Маврину дали 10 руб., а его солдатамъ по 5 руб.

о состояніи караула, а преосвященный архангелогородскій развѣдывать объ этомъ [1]).

Въ особенности предписано было имъ, чтобы монахъ Арсеній отнюдь не именовался и не писался не только митрополитомъ, или архіереемъ, но и іеромонахомъ, и чтобы не дерзалъ преподавать своею рукою благословенія кому бы то ни было.

Расправившись съ Арсеніемъ, Екатерина II не безъ гордаго самодовольства писала Вольтеру: «люди, подвластные Церкви, страдая отъ жестокихъ нерѣдко притѣсненій, къ которымъ еще болѣе способствовали частыя перемѣщенія ихъ духовныхъ особъ, возмутились въ концѣ царствованія Елизаветы Петровны и, при моемъ вступленіи на престолъ, ихъ было болѣе ста тысячъ подъ ружьемъ. Вотъ почему я въ 1762 году выполнила планъ совершенно измѣнить управленіе имѣніями духовенства и опредѣлить доходы лицъ этого сословія. Арсеній, епископъ ростовскій, воспротивился тому, подстрекаемый нѣкоторыми изъ своихъ собратій, которые заблагоразсудили скрыть свои имена. Онъ отправилъ двѣ записки, въ которыхъ старался провести нелѣпое начало двоевластія. Онъ сдѣлалъ уже эту попытку при императрицѣ Елизаветѣ. Тогда удовольствовались тѣмъ, что приказали ему молчать; но когда его дерзость еще усилилась, то онъ былъ судимъ митрополитомъ новгородскимъ и всѣмъ синодомъ осужденъ, какъ фанатикъ, виновный въ замыслѣ противномъ, какъ православной вѣрѣ, такъ и верховной власти, лишенъ сана и священства и преданъ въ руки свѣтскаго начальства. Я простила его и удовольствовалась тѣмъ, что перевела его въ монашеское званіе» [2]). Освѣтивъ по своему желанію, дѣло Арсенія Мацѣевича за границею, Екатерина предоставила самому синоду извѣстить русское духовенство о неудачномъ протестѣ его. Во всѣ епархіи немедленно разосланъ былъ указъ изъ св. синода о винахъ Арсенія. Извѣщали, что онъ 1) въ

---

[1]) Указъ св. синоду архангел. архіерею («Чтен.» 1862 г., III т., 163—164. Дѣло № 119, 133 л.).

[2]) «Русская Старина» 1875 г. Въ «Сборникѣ Р. И. О.», X т., 37 стр., находится другой переводъ этого письма.

своихъ доношеніяхъ «язвительныя и превратныя толкованія и возраженія писать дерзнулъ»;—2) въ чинопослѣдованіи въ недѣлю православія дѣлалъ «перемѣны и пополненія»; 3) признался, что съ тѣхъ доношеній посылалъ нѣкоторымъ лицамъ копіи; 4) измѣнялъ неоднократно текстъ присяги; неоднократно писалъ въ синодъ свои представленія, направленныя противъ синодальныхъ постановленій; за все это «мантія, бѣлый клобукъ сняты, посохъ отобранъ и митрополичества и священства онъ лишенъ, а при одномъ только монашествѣ въ содержаніе въ отдаленный монастырь посланъ» [1]). И изъ сената тогда же посланъ былъ указъ о винахъ Арсенія для всеобщаго свѣдѣнія [2]). Такимъ образомъ, протестъ противъ проекта объ отобраніи церковныхъ вотчинъ хотѣли представить личнымъ только дѣломъ ростовскаго митрополита.

Тѣмъ не менѣе, дѣло Арсенія Мацѣевича возбудило недовольство въ духовенствѣ и толки въ народѣ, которые долго не улегались. Недовольство было глухое и обнаруживалось робко. Только одинъ архіерей, Амвросій (Зертисъ-Каменскій) открыто сталъ было выражать свою непокорность рѣшеніямъ свѣтскихъ властей по церковнымъ вотчинамъ. Но въ самый годъ осужденія Арсенія и онъ получилъ внушительный выговоръ отъ самой государыни [3]) и долженъ

---

[1]) Дѣло А. Мацѣевича, № 119, л. 152.

[2]) Государ. Архивъ, VI разрядъ, № 399, гдѣ есть проектъ такого указа.

[3]) Чрезъ 3 мѣсяца, по осужденіи Арсенія, императрицѣ доносили, что архіепископъ крутицкій Амвросій, другъ Арсенія, сталъ доставлять коллегіи экономіи всякія затрудненія. Екатерина увидѣла въ этомъ желаніе Амвросія привести ея распоряженія о духовныхъ имѣніяхъ «въ темноту и замѣшательство» и послала ему грозный выговоръ: «мы уповали въ васъ имѣть стараго исполнителя нашихъ инструкцій... Вы самъ пастырь духовный... видите наше матернее попеченіе о расширеніи Церкви Божіей. Упущенія прежняго чрезъ сорокалѣтнее время по регламенту духовному мы уже не взыскиваемъ... Препятствія шли отъ духовенства, чему примѣромъ служитъ нынѣшнее поведеніе архіепископа крутицкаго. Ежели бы наше намѣреніе было излишними доходами воспользоваться на другія свѣтскія дѣла, то и въ такомъ случаѣ мы бы одни Богу... отвѣтъ дали. Но вы сами понимаете, что наша мысль не иная, какъ все только духовное имѣніе въ лучшій привести распорядокъ и на тѣ же богоугодныя дѣла распредѣлить. Уповаемъ, что вы, храня сіе наше увѣщаніе для себя, дадите образъ и другимъ сочленамъ». (Государ. Архивъ, дѣла коллегіи экономіи, разрядъ XVIII, № 197)

былъ замолчать. Даже 20 лѣтъ спустя ропотъ не улегался: митрополитъ Платонъ, получивши указъ о содержаніи въ архіерейскихъ домахъ прошнурованныхъ за скрѣпами и печатями книгъ для описи всего казеннаго имущества, писалъ: «что вы думаете о недавно изданномъ указѣ о имуществѣ домовъ нашихъ, можетъ ли что быть несправедливѣе и нелѣпѣе?» «Наше-то начальство,—писалъ онъ въ другой разъ,—не только не идетъ противъ нихъ (совѣтниковъ императрицы), но даже содѣйствуетъ имъ и бѣжитъ съ ними въ перегонку» [1]).

Только императрица Екатерина II была довольна рѣшеніемъ дѣла о ростовскомъ митрополитѣ. Въ маѣ мѣсяцѣ того же года она предприняла поѣздку на переложеніе мощей св. Димитрія Ростовскаго и была въ отмѣнно-хорошемъ расположеніи. Церемоніею руководилъ митрополитъ Димитрій Сѣченовъ по ея указаніямъ. Изъ Ростова она пишетъ графу Никитѣ Панину: «завтра будетъ перенесеніе мощей святаго Димитрія, а послѣ завтра поѣду далѣе въ путь; вчерашній день еще чудеса были, женщина одна исцѣлилась, а преосвященный Сѣченовъ хочетъ запечатовать раку, дабы мощей не украли; однако я просила, дабы подлой народъ не подумалъ, что мощи отъ меня скрылись, оставить ихъ еще нѣсколько время снаружи» [2]).

Осудивши Арсенія за смѣлость писать представленія, св. синодъ самую суть доношеній разсматривалъ уже позже. Но никакихъ превратныхъ толкованій священнаго Писанія и правилъ соборныхъ и святоотеческихъ у Арсенія не нашлось; не оказалось предосудительныхъ рѣчей и въ толкованіяхъ его на псалмы, которые разсматривалъ, по порученію отъ св. синода, Полетика.

За что же осудили Арсенія? У Арсенія никогда не погасало убѣжденіе, что императрица Екатерина II не произнесла бы на него осужденія, если бы сама прочитала его доводы въ пользу церковныхъ имуществъ; напротивъ, у него было подозрѣніе, что ей представленъ былъ недобросовѣ-

[1]) «Православн. Собесѣдн.» 102 и 130 стр.; *Г. Милютинъ*,—«О зем. имущ.», «Чтен.», 1862 г., 398 стр.

[2]) «Сборникъ Р. И. О.», VII т., стр. 288.

стный экстрактъ изъ доношеній и что не разборъ дѣла привелъ къ осужденію его, а недоброжелательство и происки враговъ. Личное настроеніе императрицы было ему неизвѣстно. До суда надъ Арсеніемъ она «умирала» отъ страха встрѣтиться съ нимъ, а теперь по дѣтски радовалась одному аресту его. Несомнѣнно, что такая игра чувствъ имѣла свою подкладку, состоящую въ систематическомъ развитіи у нея неудовольствія въ чувство ненависти къ Арсенію. Изъ членовъ св. синода въ дѣлѣ Арсенія не могли дать враждебнаго отзыва ни сочувствовавшіе ему митрополитъ Тимоѳей съ архіепископами Амвросіемъ и Гавріиломъ, ни находившійся съ нимъ въ перепискѣ оберъ-прокуроръ, ни архимандриты по своей незначительной роли въ синодѣ. Враждебный отзывъ о дѣлѣ Арсенія могъ дать только митрополитъ Димитрій Сѣченовъ. Имъ была подана самая мысль о духовной коммиссіи, противъ которой были направлены доношенія Арсенія; онъ былъ первоприсутствующимъ въ св. синодѣ, которому Арсеній осмѣливался давать совѣты, а совѣтамъ его, исключая только Сѣченова, сочувствовали всѣ въ синодѣ; онъ понималъ, что несогласіе духовной коллегіи могло остановить всѣ рѣшенія коммиссіи, что и совѣтовалось въ доношеніяхъ Арсенія. Вотъ почему онъ спѣшитъ дать дѣлу Арсенія такое же направленіе, какое Ѳеофанъ Прокоповичъ далъ дѣлу Ѳеодосія Яновскаго. Императрица не могла не отдать ему на судъ такого врага, который былъ непріятенъ имъ обоимъ. Отношенія ея къ Сѣченову подтверждаютъ это: въ письмѣ ея къ Вольтеру Арсенію противопоставляется Сѣченовъ; по мѣрѣ того, какъ растетъ ея довѣренность къ Сѣченову, усиливается и неудовольствіе на Арсенія; Арсеній отстраняется отъ засѣданія въ синодѣ въ то время, какъ Димитрія награждаютъ титуломъ митрополита (8 октября 1762 г.); Арсенія она называетъ возмутителемъ и судъ надъ нимъ поручаетъ Сѣченову. Хотя у Арсенія были и другіе опасные враги, напр., Григорій Тепловъ, на котораго въ доношеніи 6 марта брошена тѣнь по дѣлу постройки Невскаго монастыря и который не могъ не пользоваться близостію къ императрицѣ, какъ пользовался этимъ впослѣдствіи для униженія Кирилла Разумов-

скаго. Самъ Арсеній считалъ главнымъ виновникомъ своего незаслуженнаго осужденія—Димитрія Сѣченова и свѣтскихъ персонъ, засѣдавшихъ въ духовной коммиссіи.

Глава VIII.

Дѣятельность духовной коммиссіи [1]).

Какъ только духовная коммиссія начала порученное ей дѣло, къ ней сразу обращена была масса доносовъ и челобитныхъ. Духовныя власти жаловались на неповиновеніе имъ крестьянъ, а вотчинные крестьяне выражали недовольство несправедливымъ отношеніемъ къ нимъ духовныхъ своихъ властей. Въ особенности были многочисленны челобитныя крестьянъ и невольно обращали этимъ вниманіе коммиссіи. Онѣ заключали въ себѣ дружное показаніе о тяжеломъ положеніи крѣпостнаго человѣка въ церковныхъ вотчинахъ. Вся его тяжесть состоитъ въ безотрадной зависимости отъ монастырскихъ властей и служекъ: онъ терпитъ притѣсненія, обманы, мучительства, судебную волокиту. Крестьяне Новодѣвичьяго московскаго монастыря просятъ самую государыню защитить отъ приказчиковъ: «мы не желаемъ, говорили они, чтобы быть служкамъ на приказѣ, понеже отъ нихъ бываютъ напрасныя нападенія и великія взятки и смертные побои и великое разореніе». Во время рекрутскихъ наборовъ приказчики чинятъ «великія обиды», нападками вымогаютъ взятки, рублей по 70 и по 300 [2]). Тверскіе архіерейскіе крестьяне просятъ императрицу: «смилуйся и не предай насъ въ веліе мученіе», «въ смотрѣніи работъ монахи и бѣльцы—люди немилосердные, «свирѣпые», изъ выслуги у его преосвященства бьютъ крестьянъ большими палками и сѣкутъ плетьми ударовъ по 300 и болѣе» [3]). Крестьяне нигдѣ не могли найти себѣ управы и

---

[1]) Свѣдѣнія о дѣятельности духовной коммиссіи извлечены изъ дѣлъ архива св. синода.

[2]) Такія челобитныя государыня отправляла на разсмотрѣніе духовной коммиссіи (Дѣло дух. коммиссіи № 25 и 28, а также 27).

[3]) Дѣло дух. коммиссіи № 27—101 18 листъ.

защиты. Жаловались епископу,—тотъ передавалъ дѣло въ вотчину къ тѣмъ же управителямъ на расправу, на которыхъ они жаловались. Били челомъ святѣйшему синоду, и отсюда жалобы отсылались на усмотрѣніе архіереевъ. Если жалующіеся крестьяне и не были иногда отсылаемы на произволъ своихъ духовныхъ властей, то терпѣли всю образцовую волокиту прежняго времени: челобитчиковъ брали подъ караулъ и держали такъ долго, что крестьяне, довѣрившіе имъ свое дѣло, не знали, гдѣ они и находятся. Арестованныхъ за жалобы заставляли, по старинному обычаю, платить за подводы,—когда ихъ перевозили,—за тюрьму, гдѣ они сидѣли,—даже за подержаніе желѣза, которымъ были окованы [1]). Въ началѣ 1763 года генералъ-ратмейстеръ Козловъ препроводилъ въ духовную коммиссію [2]) челобитную выборныхъ отъ міру Волоколамскаго монастыря на архимандрита Пахомія «съ сообщниками» его.

Много разъ (каждогодно съ 1754 г. по 1763 г.) били они челомъ въ судебныя мѣста на излишніе поборы съ нихъ въ пользу монастырскихъ властей и убійства, грабежи и насилія, а также дневные разбои съ командами. Военныя команды подкупались властями и производили расправу невѣроятно дикую. Пограбивши деньги и скотъ, они потѣшались тѣмъ, что «поросятъ привязывали къ дугамъ (въ запряжкахъ) для поруганій..., сыпали не разъ порохъ въ печи крестьянскихъ избъ; малыхъ ребятъ приподымая били о полъ и за окошки кидали; побравъ крестьянъ, многихъ связывали спинами вмѣстѣ и клали костромъ на дровни въ морозное зимнее время, безъ шапокъ и безъ рукавицъ и везли ихъ въ монастырь верстъ за 60, о которыхъ ихъ беззаконныхъ поступкахъ многіе сторонніхъ вотчинъ разныхъ помѣщиковъ крестьяне такому поругательству удивлялись» [3]).

---

[1]) «Историч. Вѣстн.» 1887 г., февр., 261—262 стр. «Приказные сторожа взяли съ насъ пожелѣзнаго 10 алтынъ», жаловались арестованные крестьяне.

[2]) Дѣло № 29—103.

[3]) Духовная коммиссія требовала изъ синода свѣдѣній о прежнихъ обидахъ этимъ крестьянамъ, но въ синодѣ тянули дѣло и свѣдѣній такъ и не прислали. Отъ 1784 г., на дѣлѣ значится помѣта: «онаго (извѣстія) не прислано. Приказали исключить все дѣло за давностію (21 годъ!)».

Желанія крестьянъ, выраженныя въ ихъ челобитныхъ, были несложны. Они просили обложить ихъ рублевымъ и даже полуторарублевымъ оброкомъ [1]), избавить ихъ отъ излишнихъ поборовъ, отъ побоевъ и произвола монастырскихъ служекъ [2]). Рѣже всего встрѣчаются просьбы отрѣшить ихъ отъ монастырей и обложить оброкомъ. Мечтою ихъ было развертать между ними ту землю, которую они обработывали на духовныхъ властей. «Желаемъ платить, заявляли они, положенныя на насъ однѣ рублевыя деньги, куда указомъ повелѣно будетъ» [3]).

Духовная коммиссія не получила предписанія разсматривать положеніе крестьянъ въ церковныхъ вотчинахъ. Поэтому, челобитныя сначала направлялись въ святѣйшій синодъ. Но потомъ увидѣли, что безпорядки происходятъ отъ неяснаго пониманія манифеста 12 августа, «въ чемъ, именно, состоять должны крестьянскія работы и чего власти, а не свыше, требовать отъ крестьянъ своихъ могутъ».— Крестьяне, видимо, уклонялись отъ натуральной зависимости [4]) и не давали подписокъ въ послушаніи властямъ во многихъ мѣстахъ [5]).

Прежде чѣмъ «вступить о церковныхъ имѣніяхъ въ разсмотрѣніе», духовная коммиссія проситъ императрицу привести крестьянъ «въ подобострастное послушаніе» [6]), такъ какъ своевольство крестьянъ столь велико, что его можно считать «началомъ возмущенія». Въ январѣ 1763 года вышелъ манифестъ, которымъ подтверждались тѣ отношенія крестьянъ къ духовнымъ властямъ, какія указаны были 12 августа. Но духовная коммиссія строго предписываетъ синоду, чтобы архіереи и монастыри «въ сборѣ со своихъ крестьянъ за 1762 г. недоимокъ, сѣменного хлѣба и прочаго, умѣренно поступали, чиня нѣкоторое къ нимъ, по

---

[1]) Дѣло д. комм. № 25, № 75, пунктъ 3 и 7; № 59, пунктъ 6, и др. Дѣло А. Невской Лавры 1763 г., 26 апр. и 1762 г. 17 окт.

[2]) Дѣло д. комм. № 28.

[3]) Дѣло д. комм. № 64. Тоже заявлено во многихъ челобитныхъ изъ разныхъ губерній (Дѣло № 25 особ., № 12—90).

[4]) Архивъ А.-Невской лавры, дѣло 1762 г., 21 сент.

[5]) Дѣло д. комм. № 59.

[6]) Дѣло д. комм. № 4, отъ 17 дек. 1762 г.

усмотрѣнію, и снисхожденіе». Есть даже угрозы штрафовать «продерзостныхъ правителей» [1]). На этотъ разъ архіереи распоряжаются уже о новой постановкѣ вотчиннаго хозяйства. Теперь ввѣряется управленіе и отвѣтственность въ платежахъ не на управителей, которыхъ велѣно совсѣмъ уволить, а на крестьянскихъ старость; старостамъ же ввѣряются на храненіе подлинныя крѣпости на землю, приговоры, счета, строеніе и матеріалы. Въ вотчинахъ Александроневской лавры велѣно даже «запашки сегодня пріостановить» до распоряженія архіепископа. Если уже членъ духовной коммиссіи не только пріостанавливаетъ запашки, но и начатыя велитъ отдать крестьянамъ на оброкъ, то, значитъ, онъ былъ увѣренъ, что лаврѣ не придется пользоваться вновь разрабатываемою землею [2]). И не только одни духовныя власти видѣли, къ чему клонится дѣло духовной коммиссіей: всѣ тогда чувствовали, что «духовенству не быть въ покóѣ» [3]).

Манифестъ 4 января не могъ остановить вновь возникающихъ вопросовъ въ вотчинной жизни. Отовсюду требовали особеннаго вниманія учрежденной коммиссіи по части судебной, финансовой, хозяйственной и экономической, хотя все это и не входило въ планъ ея занятій. Чтобы вотчинная жизнь неожиданными событіями не задерживала новую постановку ея, рѣшено было учредить коллегію экономіи, которая вѣдала бы церковныя имущества. Помимо сбора доходовъ съ церковныхъ вотчинъ и распредѣленія ихъ на содержаніе духовенства, на образованіе народное и благотворительность [4]), коллегія должна была заботиться о положеніи крестьянъ. Въ ней сидѣли все свѣтскія лица [5]) изъ знатнаго дворянства.

Такимъ образомъ, высшее завѣдываніе вотчинами уже ускользало изъ рукъ духовенства и дѣлалось такимъ, какъ

---

[1]) Дѣло д. ком. № 4—274 листъ 8.

[2]) Архивъ А.-Невской лавры 1763 г., 26 апрѣля.

[3]) «Письмо *Ярославцева* къ Арсенію Мацѣевичу. (Секр. дѣло А. Мацѣевича № 119, 1 л.).

[4]) «*С. М. Соловьевъ*,—Ист. Россіи», V т., 1473 стр.; П. С. З., 11.814 и 11.844; *Т. В. Барсовъ*,—«Учрежд. П. В.», 244 стр.

[5]) Президентомъ былъ князь Борисъ Куракинъ, вицепрезидентомъ—Матвѣй Димитріевичъ Мамоновъ, совѣтниками—Зиновьевъ и Борыкинъ, ассесорами—Брянчаниновъ и Бунинъ.

желалъ, напримѣръ, князь Шаховской, тогдашній генералъ-прокуроръ сената, отличавшійся особеннымъ рвеніемъ подавить всякое значеніе духовенства въ государствѣ. Правда, — инструкція коллегіи экономіи успокаивала духовенство, что «архіереи, игумены и игуменьи остаются при управленіи опредѣленными [1]) на ихъ содержаніе деревнями и отчета въ коллегію не даютъ». Но это ихъ управленіе должно было производиться подъ руководствомъ коллегіи: отсюда духовенство должно было получать приходорасходныя книги, сюда же давать и отчетъ въ управленіи. Хотя она получала указы и изъ синода, но пользовалась ими лишь для знакомства съ дѣломъ. Много значенія коллегіи придало обѣщаніе государыни наблюдать за дѣлами ея. Ее обезпечили богатымъ содержаніемъ [2]) и указали быть въ Москвѣ; въ Петербургѣ же была только контора ея. Административныя сѣти ея покоились въ Вологдѣ, Ярославлѣ, Ельцѣ и Казани въ особыхъ «правленіяхъ».

Ранѣе бывшія коллегіи экономіи помѣщались въ Москвѣ по настоянію духовенства, чтобы тамъ, вдали отъ двора, имѣли меньше значенія, теперь сама императрица указала ей быть въ Москвѣ, чтобы быть ей въ центрѣ Россіи, такъ какъ, уѣзжая сама тогда изъ Москвы, возлагала на нее большія надежды.

Коллегія экономіи начала дѣйствовать на правахъ уже собственника церковныхъ имѣній. Она отбираетъ отъ монастырей подлинные крѣпостные акты на земли [3]) и прини-

[1]) Очевидно, инструкція имѣла въ виду выполнить предначинанія Петра Великаго—предоставить на содержаніе духовенству «опредѣленную» часть вотчинъ, а другую—отдать «государственной» коллегіи экономіи. *В. И. Семевскій* («Крестьяне при Екатеринѣ II», т. II стр. 240—241) утверждаетъ, что духовенству теперь оставлена половина ихъ вотчинъ; но положительно говорить такъ можно только относительно синодальныхъ вотчинъ. (Дѣло синода 1762 г., № 310).

[2]) 30.000 рублей было вполнѣ достаточно для обезпеченія всего содержанія служащихъ. Президентъ получалъ 1875 рублей въ годъ, то есть, столько, сколько не получали и архіереи I класса (1500 р.). Въ коллегіи были должности штальмейстеровъ, архитекторовъ, газелли, которыя всѣ были хорошо обезпечены.

[3]) Въ «Древнихъ Граматахъ и Актахъ Рязанскаго края» (изд. *Пискарева, А. П.* СПБ. 1854 г.) на грамотѣ № 2 написано внизу: на подлинной грамотѣ печать чернаго воску, вислая на красномъ шелку»,— а вверху писано: «въ Коллегію послано подъ № 1. Арх. А. Невской лавры, дѣло № 1764 г.».

маетъ для разбора всѣ челобитныя по вотчиннымъ дѣламъ, такъ что въ Петербургѣ настало желанное затишье и императрица основательно говоритъ, что «съ учрежденіемъ коллегіи экономіи бунты крестьянъ сразу прекратились» [1]).

Зато извѣстія о бунтахъ накоплялись въ самой коллегіи экономіи. О волненіяхъ крестьянъ доносили туда вновь не однѣ духовныя власти, но и офицеры, разъѣзжавшіе для описи церковныхъ имуществъ по Россіи. Ясно было, что крестьяне почувствовали на себѣ снисходительность къ ихъ положенію правительства и понимали ее по своему. Въ духовной коммиссіи думали было приняться за свои прямыя задачи—сочинять штаты духовенству [2]), но изъ Москвы коллегія экономіи доноситъ о небывалой массѣ бунтовъ и насилій въ духовныхъ вотчинахъ. 5 іюня 1763 года императрица читала докладъ коммиссіи такого содержанія. Въ виду жалобъ «отъ многихъ архіереевъ и монастырскихъ властей и доносовъ офицеровъ», духовная коммиссія проситъ государыню, «чтобы въ прекращеніе ослушности и явной дерзости крестьянъ... повелѣла новоучрежденной коллегіи экономіи военною командою... усмирять ихъ и наказывать плетьми» [3]). Императрица согласилась съ докладомъ. Коллегія экономіи широко воспользовалась полученнымъ правомъ [4]). Она, по полученіи извѣстія о бунтѣ въ вотчинѣ, сносилась съ военной канцеляріей и посылала туда военную команду. Военная команда усмиряла крестьянъ и принуждала ихъ къ безусловному повиновенію духовнымъ властямъ на будущее время [5]). По сознанію самой императрицы Екатерины II, противъ взбунтовавшихся крестьянъ «не единожды принуждены были употребить оружіе и даже до пушекъ» [6]). Дѣло усмиренія обстояло на самомъ дѣлѣ еще хуже, чѣмъ впо-

---

[1]) «Русскій Архивъ» 1866 г.

[2]) Дѣло д. коммиссіи № 37—53.

[3]) Дѣло д. коммиссіи № 39—108.

[4]) Дѣлъ о бунтахъ и усмиреніи бунтующихъ было много; въ одномъ дѣлѣ коммиссіи (№ 59) ихъ показано въ формѣ экстракта 29 дѣлъ начавшихся въ коллегіи экономіи. Наиболѣе типичныя изъ нихъ XIII и XII.

[5]) Тамъ же,—дѣло по донесенію колом. архіер. дома, Андроникова монастыря и проч.

[6]) *С. М. Соловьевъ*,—«Ист. Россіи», V т., 1384 стр.

слѣдствіи сообщала императрица. Фельдмаршалъ графъ Салтыковъ жалуется, что находящіяся подъ его вѣдѣніемъ военныя команды «ежедневно» посылаются для усмиренія ослушныхъ монастырскихъ крестьянъ и «отъ того много терпятъ». До свѣдѣнія графа дошло, что Элчанинову поручено теперь сочинить «генеральную инструкцію» относительно того, какъ усмирять ослушныхъ крестьянъ; и онъ проситъ принять во вниманіе, при составленіи инструкціи, и продовольствіе военныхъ командъ, а также расходы пороха, свинца и разстрѣлянныхъ матеріаловъ. Очевидно, походы на россійскихъ крестьянъ были такъ часты, что отражались на боевомъ продовольствіи войскъ. Можно, поэтому, судить, какой громадный районъ заняло зарево возстанія крестьянъ! Престарѣлый гуманный фельдмаршалъ совѣтуетъ произвести добросовѣстное изысканіе общихъ причинъ, которыя доводятъ крестьянъ до непослушанія. «Нѣтъ ли такихъ средствъ, чтобы и безъ воинскихъ командъ оныя (возмущенія) усмирять и въ послушаніе приводить было можно», спрашиваетъ Салтыковъ, напримѣръ, «чрезъ увѣщанія, или наилучшіе къ тому способы» [1])?

Не въ одной только суровой расправѣ съ ослушниками коллегія экономіи показала себя настоящимъ московскимъ учрежденіемъ съ типичною жестокостію: тѣмъ же средствомъ она собрала сразу $^2/_3$ недоимокъ съ крестьянъ [2]).

Духовная коммиссія, наконецъ, нашла надобнымъ присмотрѣться къ дѣйствіямъ ея: ей велѣли дать отчетъ въ своихъ расправахъ съ возмутившимися крестьянами. И это требованіе было не безъ причины. Крестьяне находили случаи подавать свои жалобы самой государынѣ. Въ челобитныхъ они просятъ разъяснить недоумѣніе: съ одной стороны въ манифестахъ велѣно съ крестьянами обращаться «благоусмиренно» [3]), а съ другой стороны, происходятъ отъ военныхъ командъ насилія и грабежи; офицеры предлагаютъ, вмѣсто всякихъ работъ согласиться на рублевый окладъ; духовныя же власти вымогаютъ натуральную повинность,—

[1]) Дѣло д. коммиссіи отъ 7 ноября 1763 года.
[2]) Дѣло д. ком. № 77, л. 9—10.
[3]) То же № 59.

иногда даже и помимо оброка, при чемъ бьютъ и приговариваютъ: «для чего крестьяне исправлять работъ не подписываются» [1]). Чрезъ такое положеніе дѣлъ у духовной коммиссіи не могло не развиться убѣжденіе, что вотчинное дѣло подъ управленіемъ коллегіи экономіи не улучшалось: надо было, поэтому, не только ограничить требованія духовенства въ вотчинахъ, но и успокоить крестьянъ во всемъ ихъ массовомъ составѣ. Такимъ образомъ, обстоятельства побуждали коммиссію взяться за чисто государственное дѣло— обновить положеніе крестьянъ. И она взялась за это дѣло съ лихорадочною поспѣшностію, собирая историческія и бытовыя основанія, чтобы правильно установить положеніе властей и крестьянъ. Главнымъ основаніемъ должна быть опись офицерами церковныхъ имуществъ. Но окончанія ея въ духовной коммиссіи не стали и дожидать, а потребовали отъ синода и отъ коллегіи экономіи свѣдѣній о неокладныхъ доходахъ духовенства. Такія свѣдѣнія, однако, сразу показались смутными и неуясняющими доходности отъ пашенъ, мельницъ, вѣнечныхъ сборовъ; поэтому, прежде чѣмъ разсмотрѣли посланное, [2]),—предписали каждому монастырю и каждой епархіи доставить отъ себя вѣдомости. Не получивши еще этихъ свѣдѣній изъ всѣхъ епархій, ихъ направляли «яко въ нихъ нужды коммиссіи нынѣ никакой не состоитъ», въ коллегію экономіи [3]). Не могла коммиссія вполнѣ положиться и на вѣдомости, присылаемыя офицерами, описывавшими вотчины. Свѣдѣнія не могли быть правильными, такъ какъ описи мѣшали не только духовенство своимъ понятнымъ недовѣріемъ [4]) и крестьяне волненіями [5]), но даже и сами члены духовной коммиссіи. «Мнѣ велѣно, пишетъ офицеръ Ратчевъ, ѣхать въ Ростовъ и дому ростовскаго архі-

[1]) Жалоба крестьянъ Пафнутьева монастыря отъ 18 ноября 1763 г. (Дѣло д. ком. № 67).

[2]) Требованіе изъ синодальныхъ свѣдѣній было 27 сентября 1763 г., а изъ епархій 18 октября того же года.

[3]) Чрезъ 2—3 мѣсяца послѣ требованія ихъ.

[4]) Секр. дѣло А. Мацѣевича № 119. Донош. 15 марта. «Чт.» 1862 г. III т., 158 стр.

[5]) Письмо Амвросія крут. къ м. Арсенію; письмо м. Тимоѳея къ нему же.

ерея, церкви... ризницы и палаты со всякою утварію церковною велѣно описати,.. а сего 1763 года 28 мая въ присутствіи ея императорскаго величества [1]) въ Ростовѣ... митрополитъ Димитрій, архіепископъ Гавріилъ, князь Гагаринъ, князь Козловскій.., призвавъ, объявили мнѣ словесно, чтобы я изъ того архіерейскаго дому выѣхалъ, а какъ тому дому, такожъ и ризницѣ описи не чинить, который домъ тою описью мною описывать и оставленъ, а приказали мнѣ описывать только одни архіерейскія вотчины, которыя я вотчины и описываю, а указу.... объ ономъ и по нынѣ нѣтъ. 1763 г. 28 іюня». При этомъ, осталось неизвѣстнымъ, почему остановлена опись: изъ благоговѣнія ли предъ памятью новоявленнаго чудотворца, обитавшаго въ этомъ домѣ, или же по причинѣ большого стеченія «подлаго народа». Неясное приказаніе сами члены коммиссіи отдавали, кажется, потому, что и сами смутно понимали свою задачу о церковныхъ имѣніяхъ. Они были только преданнѣйшими слугами государыни, ловившими каждое ея слово и желаніе.

Императрица же, давши щедрыя обѣщанія духовенству, не могла не слышать воплей милліона монастырскихъ крестьянъ, изъ которыхъ, по признанію ея, сто тысячъ стояло подъ ружьемъ. Но еще важнѣе было для нея взаимоотношеніе сословій и спокойствіе государства. Духовная коммиссія являлась орудіемъ въ рукахъ императрицы, а ея дѣйствія—пробою осуществить свои политическіе планы. Она пользуется не одними предписаніями государыни, но и словесными указами ея, передаваемыми чрезъ Теплова [2]). Всѣ ея распоряженія клонились къ тому, чтобы успокоить населеніе въ вотчинахъ. Она желала освобожденія отъ натуральныхъ повинностей,—императрица ничего не имѣла противъ этого,—съ крестьянъ брать деньги на содержаніе духовенства, а содержаніе духовенству назначить опредѣленное. Коммиссія пошла еще далѣе желаній императрицы. Въ сентябрьскомъ докладѣ коммиссія предложила отдать

[1]) Императрица выѣхала изъ Москвы въ Ростовъ 18 мая 1763 г. ѣздила въ Ярославль и возвратилась въ Москву 29 мая. («Р. Арх.» 1863 г., 415 стр.).

[2]) Дѣло дух. коммиссіи № 76.

крестьянамъ всѣ земли и сѣнокосы, какіе они обработывали до этого времени на дома архіерейскіе и монастыри [1]).

Такимъ образомъ въ то время, какъ духовенство лишали всякой собственности, крестьянъ дѣлали собственниками. Въ тотъ вѣкъ, когда о положеніи крестьянъ никто не заботился, надѣлъ крестьянъ землею могъ происходить только отъ послѣдовательницы гуманной философіи, мечтавшей дать подданнымъ ту вольность, о которой она писала въ эти годы въ своемъ Наказѣ [2]). Съ этого времени она не только сама думаетъ обезпечить каждаго крестьянина недвижимой собственностію, но ею обѣщана богатая премія за лучшее сочиненіе о крестьянской земельной собственности.— Теперь же сама съ удивительною настойчивостію въ продолженіи года просматриваетъ всѣ постановленія духовной коммиссіи [3]).

Само собой разумѣется, что духовенство надо было вознаградить за отбираемыя у него земли. Для этого духовная коммиссія предположила обложить архіерейскихъ монастырскихъ и церковныхъ крестьянъ по полтора рубля съ души, каковаго оброка составилось 1.360.000 рублей. Какъ же было распредѣлить эту сумму между церковными учрежденіями? Такой вопросъ занималъ русское правительство уже давно. Въ монастырскомъ приказѣ предполагали составить «ружную книгу» для всѣхъ монастырей. Императоръ Петръ Великій велѣлъ сочинить штаты для духовенства [4]). Вслѣдъ за нимъ сочиненіемъ штатовъ для духовенства занимались въ 1727 г., 1732 и 1740 г.г. По имущественному состоянію

---

[1]) *В. И. Семевскій* («Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II», т. II стр. 254, 264 и 285), пользуясь дѣлами коллегіи экономіи (вязка 276, 277, 2150, 2141, 2144), дѣлаетъ тотъ же выводъ, именно, что тогда, при секуляризаціи церковныхъ имѣній, приняты во вниманіе интересы крестьянъ: они получили землю въ свое владѣніе.

[2]) Въ Наказѣ она говоритъ: «не можетъ земледѣльство процвѣтать тутъ, гдѣ никто не имѣетъ ничего собственнаго» («Наказъ», XIII, 235).

[3]) «Выписка о государственныхъ учрежденіяхъ, сдѣланныхъ имп. Екатериною II», Теплова («Сборн. Р. И. О.», II кн. стр. 276). О дѣлахъ духовной коммиссіи Тепловъ могъ докладывать два раза въ недѣлю Она предписала сама: «въ понедѣльникъ и середу каждой недѣли по утру въ 8 часовъ господинъ Тепловъ будетъ имѣть аудіенцію—(«Сборникъ Р. И. О.», VII т., 319 стр.).

[4]) 1724 года (Проф. *М. И. Горчаковъ*,—«Мон. Приказъ», 169 стр.).

русскія обители представляли замѣчательное разнообразіе. Когда начались описи въ Московскомъ государствѣ,—еще тогда не могло не броситься въ глаза, что богатства монастырей распредѣлены не равномѣрно: у однихъ было мало вотчинъ, у другихъ много. Сплошная страдальческая жизнь въ бѣдныхъ обителяхъ, гдѣ иноки своими руками зарабатывали себѣ пропитаніе, или добывали Христовымъ именемъ [1]), рѣзко оттѣняла роскошную жизнь въ обезпеченномъ монастырѣ. Но богатые монастыри не любили сознаваться въ своей состоятельности. При удобномъ случаѣ и они тянули отъ правительства помощь то ругой, то землицею, то милостынею [2]). Напримѣръ въ корельскомъ монастырѣ было 214 крѣпостныхъ крестьянскихъ душъ, а монахи стараются еще разжалобить царя Алексѣя Михайловича (въ 1617 году) такъ: «стоитъ де монастырь Николы чудотворца подлѣ моря, а пашни де хлѣбныя нѣтъ около монастыря никоторыя: съ одну сторону море, а съ иные стороны пролегли мхи и болота, а питаются—де они тѣмъ: варятъ соль, и сколько соли сварятъ, и они—де ту соль продаютъ на Вологдѣ, а на тѣ деньги купятъ хлѣба и монастырскаго всякаго запасу». Монахи просятъ царя «и ихъ пожаловати для ихъ бѣдности и разоренья и великихъ долговъ» [3]). Въ монастыряхъ, особенно почитаемыхъ, выпрошено было множество привилегій подобными челобитными. Правительство, стремясь къ объединенію монастырей, думало о возможности переводить монаховѣ изъ бѣдныхъ обителей въ богатыя, но въ богатыхъ монастыряхъ этого не любили и особыми челобитными препятствовали такому переводу, чтобы быть единственными участниками богатства ихъ. О такомъ положеніи вещей открыто писалось въ указахъ Петра I: «тогда какъ прежніе

---

[1]) *Милютинъ*,—«Чт.», 1861 г., 247, примѣч. 782, 139 стр., примѣч. 263; А. И. III т. № 148.

[2]) *Милютинъ*,—139 стр., примѣч. 263. По богатству вотчинъ въ Россіи на первомъ планѣ стояла Троицкая лавра (106.000 душъ); потомъ вотчинное хозяйство гр. Шереметева (64.000 д.), затѣмъ Разумовскаго (36.000 д.), а далѣе опять церковныхъ владѣльцевъ: синодальный домъ, Невскій монастырь и т. д. (*В. И. Семевскій*,—«Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II», т. II, стр. 199).

[3]) А. И., т. II, № 73; *Милютинъ*, 139 стр., 263 прим.

монахи нищихъ отъ рукъ своихъ питали; нынѣшніе во многія роскоши впадоша, а подчиненныхъ монаховъ въ нужную пищу введоша и вотчинъ ради свары и смертныя убійства и неправыя обиды многія твориша» [1]). А въ вѣкъ «поврежденія нравовъ» въ богатыхъ монастыряхъ жили на удивленье потомству. Снегиревъ описываетъ [2]) жизнь монашескую такъ: «Троицкая лавра славилась своими медами, пивами и квасами; виноградныя вина выписывались бочками: рыба солилась отъ ея рыбныхъ ловлей на рѣкахъ. Предъ всенощной въ южной и сѣверной алтарь приносились ведра съ пивомъ, медомъ и квасомъ для подкрѣпленія клиросныхъ, такъ что «правой клиросъ поетъ, а лѣвой въ алтарѣ пиво пьетъ».—За всенощной въ алтарѣ послѣ благословенія хлѣбовъ подавали служащимъ въ чарахъ красное вино, такъ что они выходили на величанье, что называлось «на хвалитѣхъ». Аримандритъ «ѣхалъ на Корбуху въ баню шестернею въ каретѣ, впереди его верхомъ діаконъ въ стихарѣ съ посохомъ, позади тѣлега съ разными припасами; полъ въ банѣ устилали благовонными травами и цвѣтами. На каменку поддавали венгерскимъ виномъ, которымъ окачивался высокопреподобный» [3]).

Духовная коммиссія, назначая теперь штатное содержаніе архіерейскимъ домамъ, монастырямъ и церквамъ, въ особенности обратила вниманіе на монастыри. Тогда какъ число архіерейскихъ домовъ было увеличено, $^2/_3$ монастырей оказались лишними и незаслуживавшими права на существованіе.

Дѣло было такъ.

Духовная коммиссія, собирая свѣдѣнія о монастыряхъ изъ примѣрныхъ росписаній 1724 года, изъ вѣдомостей о вотчинныхъ и безвотчинныхъ монастыряхъ и изъ экстрактовъ коллегіи экономіи [4]), встрѣтилась съ такимъ количествомъ и разнообразіемъ ихъ положенія, значенія и при-

---

[1]) П. С. З. № 1886, дек. 30, 1701 года.

[2]) «Р. Архивъ» 1866 г., 536 стр.: «Воспоминанія Снегирева».

[3]) О роскоши въ одеждѣ монаховъ, о башмачныхъ ихъ пряжкахъ въ 10.000 рублей и проч. разсказывается въ тѣхъ же «Воспоминаніяхъ». («Русскій Архивъ»,—1866 г., 534 стр.).

[4]) Дѣло д. комм. № 147 отъ 2 окт. 1769 г.

ствомъ и разнообразіемъ ихъ положенія, значенія и привилегій, что увидѣла всю невозможность ввести всѣ въ рамку 4 классовъ [1]). Занятія духовной коммиссіи осложнялись еще новыми челобитнями изъ монастырей, которые просили надѣлить ихъ то «сѣннымъ островомъ», то «денежнымъ жалованьемъ» [2]). Тогда приложили чисто государственну мѣрку къ распредѣленію монастырей. Ихъ раздѣлили на три класса съ тѣмъ, чтобы въ каждой изъ 26 епархій было, по возможности, по одинаковому количеству ихъ. Такимъ образомъ, въ I классѣ было 15 мужскихъ и 4 женскихъ, во II—41 мужскихъ, 18 женскихъ, въ III—мужскихъ 100, женскихъ 45. Съ Троице-Сергіевымъ и Александро-Невскимъ монастыремъ оставлено 225 обителей. Заботу объ остальныхъ 413 монастыряхъ духовная коммиссія отстраняетъ отъ себя за невозможностію входить въ эту «подробность», «дабы въ надлежащемъ распоряженіи остановки и продолженія не было» [3]). Ихъ не только не обезпечивали, но въ соображеніяхъ коммисіи они оказывались лишними. Уже послѣ, исполняя повелѣніе императрицы—дать свое «мнѣніе о безвотчинныхъ монастыряхъ» [4]), коммиссія нашла возможнымъ изъ 413 монастырей не закрывать 161, оставивъ въ нихъ «строителей» съ братіею отъ 30 до 6 человѣкъ въ каждомъ, и вновь монастырей отнюдь не строить. Оставленнымъ дозволено питаться отъ мірского подаянія, земельныхъ же угодій къ нимъ не отводить. Входить въ сужденіе о такихъ способахъ содержанія не было задачей коммиссіи, увѣряетъ одинъ трудолюбивый изслѣдователь дѣла коммисіи [5]). Только штатнымъ монастырямъ и положено было назначить жалованье.

---

[1]) Сначала предположили сдѣлать 4 класса монастырей: въ I класса должны были войти обители, имѣющія 10.000 душъ, въ II кл.—1000, въ III кл.—100, и въ IV кл. менѣе 100 душъ. Потомъ же нашли невозможнымъ оставить всѣ монастыри открытыми.

[2]) Дѣло дух. комм. № 12—90.

[3]) Высоч. Утв. докладъ 26 февр. 1764 г. 10 п.

[4]) Дѣло д. комм. № 76. Надо вообразить эту группу государственных знатныхъ сановниковъ съ перомъ въ рукахъ надъ массою вѣдомостей, росписей, изъ которыхъ нѣкоторыя имѣли по 4.090 листовъ! *А. А. Завьяловъ*, 234). Понятно почему живыми двигателями ихъ рѣшеній были новыя слезныя просьбы наиболѣе догадливыхъ иноковъ (Дѣло дух. ком. № 12).

[5]) *А. А. Завьяловъ*. («Вопр. о церк. им.», 237 стр.).

Зато количество церквей увеличилось. Обезпеченіе церквей озабочивало правительство почти настолько же, насколько оно стремилось ограничить содержаніе монастырей. Попытки въ этомъ отношеніи были еще въ XVII вѣкѣ. И отъ духовной коммиссіи ожидали для церквей многаго. Отобраніе вотчинъ отъ церковныхъ учрежденій въ глазахъ общества только и могло быть оправдано, какъ мѣра для равномѣрнаго распредѣленія церковныхъ богатствъ, а переводъ ихъ на деньги упрощалъ дѣло обезпеченія церквей изъ тѣхъ же вотчинныхъ средствъ. Поэтому, императрица словесно чрезъ Гагарина и Теплова указала духовной коммиссіи представить ей мнѣніе свое о приходскихъ священнослужителяхъ [1]). Коммиссія, какъ бы не надѣясь на свои силы, взяла во вниманіе и образецъ «экстрактъ,—почему въ шведскомъ королевствѣ въ абовской епархіи по изданной королевской резолюціи 1694 года пресвитерству отъ помѣщиковъ въ кирхи шпидихи живутъ и отъ крестьянства за выключеніемъ всякихъ нищихъ и убогихъ людей доходовъ церковной десяты получать опредѣлено» [2]). На этотъ «экстрактъ» возлагали большія надежды еще въ 1724, а затѣмъ въ 1745 году, когда возникали дѣла объ обезпеченіи приходскаго духовенства; надѣялись на него и теперь. Но онъ оказался непримѣнимъ къ православному духовенству, какъ теперь въ 1764 году, такъ и впослѣдствіи при составленіи уложенія въ 1770 году. Содержаніе приходскаго духовенства оставили на попеченіе прихожанъ. Одно признали несомнѣннымъ, что оно, при обязанности и обѣщаніяхъ правительства, можетъ быть награждено только землею. Церквамъ, не имѣвшимъ вотчинъ обѣщали тридцатидесятинный надѣлъ земли, и только имѣвшія болѣе 20 душъ получили штатный окладъ по 50 рублей въ годъ [3]). 3 января 1764 года докладъ о штатахъ былъ подписанъ императрицею.

---

[1]) Дѣло дух. коммиссіи № 76.
[2]) Тамъ же.
[3]) Изъ 516 церквей, владѣвшихъ вотчинами, большая часть имѣли по 4, по 3, по 2 и по 1 душѣ. Соборы всѣ владѣли 15.991 душ., а церкви—19.012 душами.

Глава IX.

Секуляризація церковныхъ имуществъ.

Погромъ русскихъ монастырей обнаружилъ новыя наслоенія въ вопросѣ о церковныхъ имѣніяхъ.

Ничего общаго онѣ не имѣли ни съ требованіями нестяжателей, чтобы иноку питаться своимъ трудомъ, ни съ нерѣшительнымъ ученіемъ о неудобствѣ ему владѣть вотчинами: теперь интересы духовенства и интересы подчиненныхъ имъ крестьянъ не отожествляются, а строго разграничиваются.

Для императрицы Екатерины II непонятенъ былъ, какъ для предшественниковъ ея, обрядовой строй русской Церкви. Церковные вклады она не считала «видомъ добра» [1]). Она причисляла монастыри къ числу тѣхъ безполезныхъ конгрегацій, кононикатовъ, аббатствъ и проч., число которыхъ въ просвѣщенныхъ странахъ старались тогда уменьшить [2]) и въ такихъ взглядахъ старалась не отстать отъ всѣхъ правителей той эпохи [3]). На западѣ же Европы укоренялось убѣжденіе относительно «громадныхъ церковныхъ имѣній, что они появились благодаря фанатизму и суевѣрію» [4]). О духовенствѣ же иностранцы прямо внушали императрицѣ, что оно, совмѣстно съ крѣпостничествомъ, много препятствуетъ цивилизаціи народа [5]), совѣтовали ей «раздавить

---

[1]) «Чтенія Общ. Исторіи и Др. Р.», 1864 г., 406 стр.

[2]) «О видахъ добра»—въ «Русскомъ Архивѣ», 1864 г., 405 стр.

[3]) Хотя императрица и исполняла обряды Церкви, но только потому, что это нравилось народу. Одинъ изъ наблюдателей нравовъ XVIII вѣка задается такимъ вопросомъ: «имѣетъ ли она даже вѣру въ Бога?» Онъ утверждаетъ, что Екатерина II «законъ христіанскій ни за что почитаетъ» (кн. *Щербатовъ*, «Записки», въ «Русск. Старинѣ», 1871 г., III т., 686 стр.). На степень религіозной настроенности ея бросаютъ свѣтъ ея шуточныя записочки: «заплатите за мои грѣхи, я получила отъ нихъ разрѣшеніе» («Русскій Архивъ», 1863 г., 445 стр.) и др. (*Незеленовъ*,—«Литературныя направленія» въ «Историч. Вѣстн.», 1884 г., 24 стр.; «Сборникъ Р. И. О.», I, 282).

[4]) «Eloge historique de Catherine II», 1776 г. (Имп. Публ. Библ.) излагаетъ взглядъ на секуляризацію церковныхъ имѣній императрицы Екатерины II (стр. 72).

[5]) *Коксъ*,—цит. *В. А. Бильбасова*, «Исторія императрицы Екатерины II», XII т., 296 стр.

фанатизмъ и сдѣлать людей снисходительными и человѣчными» [1]).—Примѣромъ для нея въ этомъ отношеніи могли служить король Фридрихъ II, Помпаль, Шуазель [2]), стремившіеся къ уничтоженію іерархическихъ правъ и обращавшіе духовныя имѣнія въ собственность государства [3]).

Выслушивая такіе совѣты враговъ западнаго клерикализма, императрица потребовала отъ Теплова — сообщить свѣдѣнія о внутреннемъ управленіи монастырей въ Россіи, о происхожденіи земельныхъ владѣній и о правилахъ монашества. Тепловъ кратко сообщилъ ей о возникновеніи монашества и исторіи его на востокѣ. Русскіе монахи, по мнѣнію Теплова, не могутъ быть названы василіанами, такъ какъ далеко не всѣ правила святого Василія Великаго переведены на славянскій языкъ и служатъ руководствомъ, а многія при переводѣ смѣшаны съ правилами другихъ святыхъ отцовъ Не переведены наиболѣе важныя правила о воздержаніи отъ тунеядства, о томъ, какъ тѣлесное воздержаніе соизмѣрять съ своими силами,—что надо почитать трудъ за дѣло законное,—пріучать себя къ нему; опущены правила о томъ, что не должно часто отлучаться изъ обители,—не слѣдуетъ желать начальства надъ другими, а самые подлые труды сносить съ терпѣніемъ и т. п.—Всѣ правила написаны темнымъ славянскимъ языкомъ, разнорѣчивы и понимаются произвольно. Болѣе же опредѣленныя указанія, какъ жить монахамъ, находятся въ духовномъ регламентѣ Петра Великаго [4]).

Такимъ образомъ и отъ своихъ приближенныхъ,—русскихъ людей,—она слышала относительно церковныхъ имѣній тѣ же внушенія, которыя царили и на Западѣ въ правящемъ и интеллигентномъ мірѣ.

Не могло не безпокоить императрицу, что права и привелегіи духовенства могутъ быть въ Россіи нарушены съ рискомъ потрясти основанія цѣлаго государства: недавняя попытка бывшаго императора взять деревни у духовенства

---

[1]) Совѣтъ Вольтера по поводу осужденія митр. Арсенія Мацѣевича («Сборникъ Русск. Ист. Общ.», X т., 96 стр.).

[2]) *Шлоссеръ*,—«Исторія XVIII столѣтія», 31, 44, 45, 36, 42, 43 стр.

[3]) Тамъ же, 21 и 28 стр.

[4]) «Объясненія Г. Теплова императрицѣ Екатеринѣ II о монашествѣ»—въ Госуд. Архивѣ, разрядъ XVIII, № 243.

встрѣчена была негодованіемъ народа и сама императрица Екатерина II назвала ее «нововведенными непорядками». При томъ же деревни были не у однихъ духовныхъ властей, а также—у дворянъ, при заводахъ и даже у неправославнаго духовенства. Освобожденіе одного милліона церковныхъ крестьянъ вовсе было не безопасно, потому что десять милліоновъ такихъ же крѣпостныхъ могли требовать одинаковой свободы. Но Екатерина II въ это время готова была, подъ вліяніемъ идей западныхъ философовъ, дать вольности всѣмъ подданнымъ. Ей предстояла возможность примѣнить свои увлеченія философскими идеями въ дѣлѣ о монастырскихъ крестьянахъ: чрезъ это она могла пріобрѣсти популярность на Западѣ, а также расположеніе освобождаемыхъ крестьянъ и, въ особенности, дворянскаго класса, недовольнаго крѣпостнымъ правомъ духовенства.

Надо было только сдѣлать, чтобы отобраніе крестьянъ отъ духовныхъ не было насильственнымъ актомъ [1]). У синода были свои средства къ защитѣ церковнаго достоянія: за него стоялъ народъ, часть дворянства, народные обычаи и независимое каноническое право. Одно несогласіе его дѣлало всѣ постановленія духовной коммиссіи нелегальными.

Императрица Екатерина II рѣшилась сама обратиться къ святѣйшему синоду съ особою рѣчью.

Рѣчь государыни императрицы Екатерины II, говоренная ею къ синоду по случаю отчужденія церковныхъ имуществъ въ Россіи.

«Если бы я спросила васъ, господа, кто вы и какое занимаете положеніе, вы безъ сомнѣнія отвѣтили бы, что вы общественные дѣятели подъ властію государя и закона евангельскаго, чтобы научать истинамъ вѣры и законамъ, служащимъ правиломъ для (нашего поведенія) нашихъ нравовъ.

---

[1]) Секуляризація (saeculus—мірской) была ранѣе и насильственная, и добровольная. Государи въ западной Европѣ въ XVI—XVII вв., принимавшіе протестантство, секуляризовали и церковную собственность и дѣлились ею со своимъ дворянствомъ. Генрихъ VIII раздалъ отобранныя имъ у монастырей земли своимъ любимцамъ, приближеннымъ и другимъ лицамъ. Секуляризованныя церковныя имѣнія шли нерѣдко на содержаніе школъ. Секуляризація иногда проходила спокойно, иногда же по поводу ея возникали цѣлыя войны (Тридцатилѣтняя война).

Ваше значеніе есть значеніе собранія лицъ, которыя предполагаются просвѣщенными и вѣдающими глубину христіанскихъ истинъ и на которыхъ надѣются, что они соблюли при этомъ изслѣдованіи правдивость и безпристрастіе, чтобы предохранить себя отъ заблужденія. Всѣ ваши права и обязанности заключаются въ ясномъ сообщеніи догматовъ, въ краткомъ истолкованіи ихъ, въ защитѣ ихъ доводами разума, но никакъ не насиліемъ. Ваши занятія должны заключаться приблизительно въ томъ, чтобы научать и просвѣщать человѣческій умъ относительно его обязанностей и истинныхъ его интересовъ, чтобы зажечь человѣческое сердце прекраснымъ огнемъ добродѣтели и чрезъ это сдѣлать волю благородною и нѣжною, чтобы, наконецъ, увѣщавать, угрожать грядущими наказаніями, возбуждать вѣру и любовь христіанскую обѣщаніями вѣчнаго блаженства, воспламенять сердце горячими молитвами и своевременными спасительными совѣтами утѣшать печальныхъ и всѣхъ, находящихся въ несчастьяхъ.

«Сущность вашихъ обязанностей заключается въ управленіи вашими церквами, въ совершеніи таинствъ, въ проповѣди, въ защитѣ вѣры, въ молитвѣ и въ плодотворности, а для этого нужны: просвѣщенная вѣра, твердое благочестіе и любовь ко всѣмъ, являющіяся началомъ, основаніемъ и цѣлью вѣчнаго домостроительства; ибо безъ нихъ Бога забываютъ или оскорбляютъ; возражатель раздражается, вмѣсто того, чтобы убѣдиться; проповѣдникъ забавляется вмѣсто того, чтобы трогать; исповѣдующій самъ заблуждается, вмѣсто того, чтобы направлять; благословляющій— смущаетъ, вмѣсто того, чтобы назидать; пастырь засыпаетъ, или управляетъ жезломъ, который въ мирныхъ рукахъ возбуждаетъ только насмѣшки или возмущенія; и изумленное стадо раздѣляется, или соединяется лишь для взаимныхъ раздоровъ.

«Я знаю, господа, что ваше званіе, обязующее васъ къ изученію и размышленію, даетъ вамъ просвѣщенность, какой я не должна ожидать отъ остальныхъ моихъ подданныхъ, которые не имѣютъ ни такихъ знаній, ни такого развитія. Я не могу удержаться, чтобы не воздать должнаго по

справедливости вашей просвѣщенности; вы, конечно, люди просвѣщенные.

«Но какимъ образомъ можетъ происходить то, что вы не поражены огромностію тѣхъ богатствъ, которыми вы владѣете и которыя дѣлаютъ васъ настолько могущественными, что вы должны бы почувствовать, что ваше такое положеніе совершенно противно духу вашего призванія. Развѣ вы не наслѣдники апостоловъ, которымъ Богъ заповѣдывалъ проповѣдывать презрѣніе къ богатствамъ и которые могли бы быть только бѣдняками; царство ихъ было не отъ міра сего; вы соглашаетесь со мной? Развѣ не правда то, что я рѣшилась возвѣстить вамъ? Какъ же можете вы (пользоваться богатствами), не противорѣча своему положенію, которое должно быть не разлучно съ христіанскою бѣдностію? Какъ смѣете вы безъ угрызеній совѣсти пользоваться такими имуществами и помѣстьями, которыя даютъ вамъ могущество, какъ царямъ? Ахъ (eh)! Развѣ вы не имѣете подъ своею властію рабовъ больше, чѣмъ нѣкоторые европейскіе государи имѣютъ подданныхъ? Вы слишкомъ просвѣщенны, чтобы не понимать, что всѣ эти имущества производятъ такъ много злоупотребленій во владѣніяхъ государства, что вы не можете ихъ сохранить за собою, не будучи несправедливыми по отношенію къ (самому) государству; а вы должны сознавать, что вамъ менѣе, чѣмъ кому-либо другому, позволено быть несправедливыми, и если вы несправедливы, то вы тѣмъ болѣе виновны въ этомъ, что лучше другихъ знаете свои обязанности. И если я должна разсчитывать на вашу вѣрность, преданность, то я должна также льстить себя надеждою, что найду васъ особенно преданными моей коронѣ вѣрныхъ подданныхъ. Если это такъ,— то не умедлите же возвратить моей коронѣ то, что вы похитили у нея незамѣтно—постепенно» [1]).

---

[1]) «Рѣчь императрицы Екатерины II къ синоду» напечатана въ «Чтеніяхъ Общ. Ист. Др. Р.»), 1862 г., II кн., 187—188 стр. Она появилась въ печати на русскомъ языкѣ 1806 года въ «Подлинныхъ анекдотахъ Екатерины Великой Премудрой, Матери Отечества» (Москва). Гораздо ранѣе она извѣстна въ печати въ западной Европѣ: въ 1773 году заимствуется въ итальянскую книгу изъ одной французской книги, «scripto de celebre Auctore Francese» (*В. А. Бильбасовъ*,—«Исторія Екатерины II»,

Такая рѣчь для синода приготовлена была у Екатерины II. За границею скоро заговорили о ней. Уже въ 1773 году въ Венеціи появилось въ печати похвальное слово Екатеринѣ II, гдѣ помѣщена эта самая рѣчь и, оказывается, не какъ новость, а какъ заимствованіе изъ французской книги [1]). Императрицу восхваляли тамъ за подражаніе политикѣ Петра Великаго, за ея рѣшимость ограничить права русской Церкви и за усвоеніе западнаго протестантскаго взгляда по отношенію къ духовенству: «не обогащать слишкомъ и не лишать» [2]).

Святѣйшій синодъ безъ всякаго протеста, со своей стороны, согласился на отдачу своихъ «дѣдиныхъ и отчиныхъ» [3]) земельныхъ владѣній въ пользу государства и, благодаря этому, духовенство осталось, по желанію императрицы, при отвлеченныхъ правахъ — «наставлять людей, возжигать въ ихъ сердцахъ память добродѣтели, проповѣдывать, молиться и жить въ воздержаніи».

Манифестомъ 26 февраля 1764 года церковныя имѣнія были упразднены.

910.866 душъ крестьянъ, принадлежавшихъ духовному вѣдомству, перешли во владѣніе коллегіи экономіи въ податномъ, судебномъ и административномъ отношеніи.

У монастырей немедленно были отобраны акты на вла-

XII т., 176, 221) и помѣщена среди сообщеній и документовъ несомнѣнной достовѣрности, такъ что сомнѣваться въ подлинности ея, какъ дѣлаютъ иные, основаній нѣтъ; кромѣ того, внутренніе признаки рѣчи,— тонъ рѣчи выдержанный и независимый, сочетаніе лести съ жесткостію требованій, указываютъ, что она не могла быть фалсификаціей. Живость изложенія мыслей, ихъ послѣдовательность, конструкція рѣчи, своеобразные обороты, отсутствіе длинныхъ періодовъ и полнота французскаго текста показываютъ, что она написана для Екатерины (или ею самою) на французскомъ языкѣ.

[1]) *В. А. Бильбасовъ*,—«Исторія Екатерины II», XII т., 175, 176 и 221.

[2]) «Eloge historique de Cathérine, imperatrie de Russie par languines Londres» (1776 г.), 69. стр., откуда заимствована и выше приведенная рѣчь.

[3]) Проф. прот. *М. И. Горчаковъ*,—«О земельныхъ влад. св. синода», 297 стр. Іоанну Грозному Горсеемъ приписывается такая же рѣчь его обращенная къ духовенству, имѣющая то сходство съ рѣчью Екатерины II, что церковныя земли считаются захватомъ госуд. собственности Проф. (*А. Павловъ*, «Секуляризація церковныхъ земель», Одесса 1871 г., 146 стр.).

дѣніе землею [1]), крестьяне стали называться «экономическими». Сама же коллегія экономіи стала называться «государственною». Она считалась подъ вѣдѣніемъ сената, но на самомъ дѣлѣ въ ней исполняли приказанія только императрицы. Штатные архіерейскіе дома и монастыри стали не только въ матеріальную зависимость отъ коллегіи экономіи, но должны были давать отчетъ во всѣхъ получаемыхъ ими суммахъ.

При уничтоженіи монастырей, не вошедшихъ въ штатъ, дана была надежда, что, по крайней мѣрѣ, приходскія церкви будутъ обезпечены. Однако, обезпеченія имъ не дали. Правительство дало духовенству одно право—договариваться съ прихожанами о своемъ содержаніи, дѣятельность же свою ограничило урегулированіемъ церковной доходности [2]). — Чтобы не давать церквамъ руги или пособія отъ правительства, рѣшено было опять дать каждой церкви недвижимость, именно, 30 десятинъ земли. Организація народнаго просвѣщенія и государственная благотворительность не была предпринимаема духовной коммиссіей. Въ теченіе тридцати двухъ лѣтъ своего существованія (упразднена 29 декабря 1796 г.) она занималась назначеніемъ отдѣльныхъ монастырей въ штатъ, упраздненіемъ другихъ, наблюденіемъ за распоряженіемъ о непостриженіи впредь монаховъ сверхъ штата, объ устройствѣ неспособныхъ и отвыкшихъ отъ труда служекъ архіерейскихъ и монастырскихъ, организаціей типографіи и попыткою образовать благотворительный капиталъ.

Таковы были послѣдствія дѣятельности духовной коммиссіи для духовенства.

Рѣшеніе же императрицы о духовныхъ имѣніяхъ могло

---

[1]) Изъ Александроневскаго монастыря въ вотчины его въ маѣ 1764 г. были предписанія: «канцелярія 8 апрѣля (1764 г.) требуетъ: крѣпости на земли, какія бы ни сыскалися, собравъ, прислать въ Александроневскую канцелярію все безъ остатка при рапортѣ... за безопаснымъ конвоемъ... дабы на пути не могли быть утрачены... для отсылки оныхъ въ коллегію экономіи» (Архивъ Ал.-Невской лавры, дѣло 1764 г.).

[2]) 17 февраля 1765 г., положено было въ духовной коммиссіи брать священникамъ съ крестьянъ въ селахъ и деревняхъ: за молитву родильницѣ 2 копѣйки, за крещеніе младенца 3 копѣйки, за свадьбу 10 копѣекъ, за погребеніе взрослыхъ 10 копѣекъ,—младенцевъ 3 коп., за исповѣдь и причастіе ничего не брать. (П. С. З. № 12378).

быть и не такое. Въ инструкціи духовной коммиссіи было предоставлено членамъ ея полное право изыскивать способы управленія имѣніями по усмотрѣнію ихъ, а затѣмъ и послѣ императрица не препятствовала духовенству имѣть земельное имущество и съ крестьянами. Бѣлорусскіе іезуиты, напримѣръ, никакъ не могли надѣяться, чтобы за ними оставлены были имѣнія; однако, они стали такъ воздѣйствовать на императрицу, что за ними оставлены были всѣ ихъ привилегіи [1]). И при внутреннихъ неурядицахъ своего управленія крестьянами они умѣли направить возбужденныя дѣла въ свою пользу. «Жалобы многія принесены (были) ея величеству отъ (католическихъ) прихожанъ на своихъ патровъ (патеровъ), не токмо въ непорядочномъ употребленіи церковныхъ приходовъ, но и въ присвоеніи на собственныя ихъ, патровъ, нужды, а не на церковныя. Ея императорское величество, разсмотря справедливость ихъ прошеній, дать отъ себя соизволила онымъ прихожанамъ регламентъ... и ту кирку пожаловать привилегіями... Такимъ образомъ, всѣ споры прекращены и (въ) экономіяхъ ихъ церковныхъ порядокъ на будущія времена къ общему удовольствію предписанъ» [2]).—Патеры не потеряли своихъ привилегій и по отношенію къ своимъ прихожанамъ, такъ какъ оказались болѣе единодушными въ отстаиваніи своихъ правъ, чѣмъ православное духовенство.

Вскорѣ послѣ осужденія Арсенія Мацѣевича и ссылки его сталъ раздаваться глухой неуловимый ропотъ среди духовенства и въ народѣ по поводу «отрѣшенія отъ мона-

---

[1]) Въ 1772 году она предписываетъ Захару Чернышову сдѣлать перепись іезуитскимъ монастырямъ и даетъ такое полномочіе ему: «при первомъ отъ нихъ, интересу нашему противномъ, подвигѣ вы имѣете оныхъ оптомъ выгнать изъ сихъ земель, приставя управителей къ недвижимому имѣнію ихъ» («Сборникъ Русск. Ист. Общ.», XIII т., 248 стр.). Чрезъ два же года, довольная содержаніемъ іезуитами школъ въ краѣ, она же распоряжается не взыскивать поголовныхъ денегъ съ земель, принадлежавшихъ крестьянамъ ихъ (П. С. З. № 14102); чрезъ 2 мѣсяца послѣ этого особою грамотою она подтверждаетъ неприкосновенность іезуитскихъ (земельныхъ) владѣній, а «также движимыхъ и недвижимыхъ имуществъ» (П. С. З. № 14122. *В. А. Бильбасовъ*,—«Исторія Екатерины II» XII т., 194 стр.).

[2]) Выписка Теплова объ учрежденіяхъ императрицы Екатерины II («Сборникъ Русск. Ист. Общ.», II т., 282—283 стр.).

стырей крестьянъ». Недвижимыя имѣнія были отобраны, не смотря на торжественное обѣщаніе императрицы—не дѣлать этого; крестьяне взяты не съ цѣлью освобожденія, такъ какъ опять отдавались въ крѣпостную зависимость; церкви получили въ обезпеченіе тоже земельные надѣлы и, такимъ образомъ, не были освобождены отъ заботъ по управленію. Недовольство было естественное, но протесты были не единодушны, не умѣлы и не своевременны.

Таково дѣло архимандрита повоторжскаго Боголюбскаго монастыря [1]). Ѳеофилакта, который «за отнятіемъ отъ монастырей деревень произносилъ непристойныя слова и чинилъ разглашенія».

Къ генералъ-прокурору, князю Вяземскому, въ Ноябрѣ 1764 г. поступилъ безымянный доносъ на архимандрита Ѳеофилакта, будто онъ разсказывалъ чудо, «что одинъ діаконъ молился въ Ростовѣ предъ мощами Димитрія митрополита и просилъ объ исцѣленіи недуговъ; тогда явился оному діакону во снѣ митрополитъ Димитрій и сказалъ: что де ты просишь отъ меня одного облегченія, знаешь ли ты, что у насъ есть угодникъ, несравненно болѣе меня, въ живыхъ на землѣ—преосвященный митрополитъ Арсеній». «Оный архимандритъ дерзалъ говорить и о персонѣ ея величества, что сдѣлала большую несправедливость отнятіемъ отъ нихъ деревень, и что они крайне обижены жалованьемъ, за что ея Богъ безъ наказанія не оставитъ, и повторялъ, что оное наказаніе непремѣнно послѣдуетъ такъ, какъ на Грецію, которая ни отъ чего иного пострадала и до нынѣ еще страдаетъ, какъ отъ того только, что монашескій чинъ не почтенъ или (мало) почитаемъ былъ отъ начальниковъ и властей, а насъ же, говорилъ онъ, сколько ни изгоняютъ, только мы всѣхъ прежде останемся на свѣтѣ съ пахотными крестьяны, а не будетъ скорѣе власти и бояръ и начальниковъ».

---

[1]) Дѣло находится въ Государственномъ Архивѣ (разрядъ VII, № 2154) подъ заглавіемъ: «о бывшемъ архимандритѣ Ѳеофилактѣ». Новое заглавіе дѣла совершенно не соотвѣтствуетъ содержанію его: «дѣло объ архимандритѣ новоторжскаго «Борисоглѣбскаго» (?) (вмѣсто Боголюбскаго) Ѳеофилактѣ, лишенномъ сана за дерзкія рѣчи противъ (?) Арсенія», 1765 г. Дѣло не издано.

Когда Θеофилактъ былъ спрошенъ, то, видимо, старался не указывать на живыхъ лицъ, а сослался на слова бывшаго новгородскаго полицеймейстера, который умеръ еще въ 1756 году, «что будто бы пріѣхалъ въ Ростовъ для моленія нѣкій дворянинъ, которому во снѣ явился Димитрій митрополитъ и сказалъ: что де ты меня просишь, поди де ты къ брату моему Арсенію, онъ де тебя исцѣлитъ, почему тотъ дворянинъ и поѣхалъ, якобы, къ Арсенію, который въ тогдашнее время находился въ загородномъ домѣ, и встрѣтя, означенный дворянинъ, Арсенія на дорогѣ, вставъ на колѣни, просилъ его объ исцѣленіи, на что Арсеній, нѣсколько отговариваясь, сказалъ, что если Богу угодно, чтобы ты чрезъ меня исцѣленъ былъ, то де буди здоровъ: почему оный дворянинъ и исцѣлѣлъ, и о семъ я, какъ будучи въ Новѣгородѣ также и въ Торжкѣ, сочтя то за правду разсказывалъ, только кому, именно, не припомню,—затѣмъ, что такія рѣчи мною говорены были въ пьянствѣ».

Θеофилакту былъ предложенъ другой вопросный пунктъ, почему онъ недоволенъ отрѣшеніемъ деревень отъ монастырей, когда оно «послѣдовало для ощутительной государственной и общей народной пользы и по представленію духовной коммиссіи, въ которой, какъ изъ духовныхъ, такъ и изъ свѣтскихъ, первенствующія персоны присутствовали, и о томъ о всемъ ея императорское величество, яко о богоугодномъ и для государственной пользы неминуемо нужномъ дѣлѣ, всеподданнѣйше просили, съ установленіемъ на будущее время всѣмъ достаточнаго содержанія?».

При такой внушительной формѣ вопроса Θеофилактъ сначала побоялся сознаться во взводимыхъ на него словахъ и сказалъ:

«Намъ хотя по три рубли дадутъ, такъ мы и тогда проживемъ».

Когда же ему высказали, что такое показаніе его «не ясно и вѣроятно недостойно», онъ пояснилъ его такъ, «что хотя своимъ жалованьемъ (онъ) и доволенъ, только монахи обижены», самъ же онъ чувствуетъ неудовольствіе по поводу отрѣшенія крестьянъ отъ монастырей потому, что управлять

крестьянами у него вошло въ привычку. Онъ сознавался что ему «случалось быть у дворянства въ гостяхъ, гдѣ, будучи иногда въ веселыхъ мысляхъ», быть можетъ, «въ пьяномъ образѣ» и говорилъ, что Богъ будетъ судить ея величество: если Грецiя за непочитаніе духовнаго чина наказана, такъ и теперь Богъ не можетъ оставить этого безъ наказанія [1]).

Ѳеофилакту предложили, наконецъ, дать объясненіе въ его похвальныхъ рѣчахъ: «сколько де насъ ни обижаютъ, сколько ни изгоняютъ, только мы всѣхъ прежде останемся на свѣтѣ съ пахотными крестьяны, а не будетъ скорѣе власти и бояръ и начальниковъ». Онъ показалъ на это, что въ этихъ рѣчахъ разумѣлъ «власть духовную, какъ обыкновенно мы главное духовенство (архіереевъ) называемъ».

Хотя Ѳеофилактъ на дознаніи извинялся, что сказано все это имъ безъ умыслу, безъ заговора, въ пьяномъ состояніи, однако князь «приказалъ поручить митрополиту Димитрію лишить его архимандричьяго сана» и, затѣмъ, послать въ иркутскій монастырь [2]). Чрезъ недѣлю (20 ноября 1764 года) Сѣченовъ писалъ князю Вяземскому, что Ѳеофилактъ «архимандрическаго званія и чести дѣйствительно лишенъ и къ посылкѣ, куды слѣдуетъ, состоитъ въ готовности».

Года чрезъ три Ѳеофилактъ въ киренской приказной избѣ объявилъ за собою государственной важности дѣло, требующее рѣшенія самой императрицы, но его не стали слушать и обязали подпискою впредь ни о чемъ не доносить [3]).

---

[1]) Показаніе архим. Ѳеофилакта было сбивчивое: желая ослабить смыслъ взводимыхъ на него словъ, онъ сознавался въ пьянствѣ и что «разгорячась выговаривалъ, будто въ отнятіи отъ монастырей деревень ея императорское величество Богъ судить станетъ, потому разумѣлъ, что и безъ наказанія не оставитъ, припомня, что оное непремѣнно послѣдуетъ такъ, какъ и на Грецію» (листъ 2).

[2]) Архимандрита велѣно было Сѣченову разстричь, затѣмъ учинить наказаніе шелепами и сослать; императрица утвердила такъ: «быть по сему, токмо безъ наказанія» (листъ 1).

[3]) Листъ 12. Въ 1782 году былъ обнародованъ общій указъ—не вчинать дѣлъ по заявленію колодниковъ. Ѳеофилактъ умеръ въ 1770 г. 22 октября.

Едва кончилось дѣло архимандрита Ѳеофилакта, какъ казначей угличскаго Покровскаго монастыря, Иларіонъ, донесъ на архимандрита своего Геннадія, что въ монастырѣ, по приказанію Геннадія, читали за службою молитвы объ умиреніи церкви, какъ будто во время гоненія, а въ крещенскомъ навечеріи не читали молитвъ за царствующій домъ. Митрополитъ Димитрій новгородскій былъ въ то время боленъ и обѣщалъ поправиться чрезъ недѣлю. Ростовскій архіерей предложилъ поставить дѣло Геннадія къ немедленному разсмотрѣнію, но такая его поспѣшность возбудила подозрѣніе Теплова. Тепловъ извѣстилъ скорѣе оберъ-прокурора святѣйшаго синода Мелиссино, чтобы такое важное дѣло не разбирали въ синодѣ безъ первенствующаго новгородскаго митрополита, а самъ сообщилъ императрицѣ, что причиною его подозрѣній были слова Иларіона: «а не доносилъ я такъ долго за нѣкоторыми причинами». Не запрещалъ ли Иларіону доносить на Геннадія самъ ростовскій архіерей? Не въ этомъ ли была причина замедленія въ доносѣ? Синодальный оберъ-секретарь слыхалъ отъ ростовскаго архіерея: «боюсь де я, чтобы архимандритъ Геннадій меня чѣмъ-либо къ своему дѣлу не припуталъ!» Тепловъ полагалъ, поэтому, ростовскаго архіерея отъ участія въ судѣ надъ архимандритомъ Геннадіемъ вовсе отстранить. Чрезъ Мелиссино послано было къ Иларіону, содержавшемуся въ ростовской духовной консисторіи, увѣщаніе, чтобы онъ теперь же написалъ самой императрицѣ по секрету, не опасаясь ничего, «чистосердечно (только бы то было безъ затѣй, клеветы и утайки)», какія причины удерживали его отъ доноса? [1]). Казначей отвѣчалъ что причинами замедленія въ доносѣ была его болѣзнь и хозяйственныя дѣла.

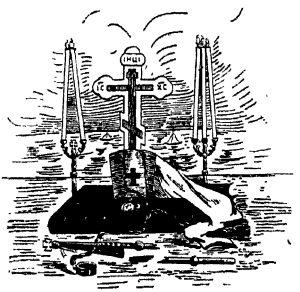
Не удалось Теплову уличить ростовскаго архіерея въ участіи въ преступленіи Геннадія,—за то онъ добился обнаруженія связи дѣла Геннадія съ дѣломъ Арсенія. «Я это дѣло благопотребно дѣлаю,—говорилъ Геннадій въ своемъ мона-

---

[1]) Всѣ эти неосновательныя подозрѣнія Теплова на преемника митр. Арсенія и допросы—въ дѣлѣ Госуд. Архива, разр. X, № 34 (докладъ Теплова объ архим. Геннадіи).

стырѣ монахамъ, запрещая имъ молиться за императорскій домъ, ревнуя Арсенію митрополиту, а я его ученикъ имѣюся,—извольте доносить».

Геннадія лишили сана и монашества и сослали навсегда въ Соловецкій монастырь [1]).



[1]) «Сборникъ Русск. Ист. Общ.», VII т., стр. 379; проф. *В. Иконниковъ*,—«Арсеній Мацѣевичъ», въ «Русской Старинѣ», т. XXVI, стр. 28.

Часть III.

«Дѣло о разстригѣ Арсеніи» [1]).

Глава I.

Арсеній въ ссылкѣ.

Изъ всѣхъ обязанностей, которыя издавна несло на себѣ духовенство, наиболѣе исправною у него оказывалось—содержаніе въ монастыряхъ колодниковъ. Монахи были способными и надежными стражами узниковъ. Они вліяли на нихъ своимъ настроеніемъ, мѣрною жизнію успокаивали мятежный духъ, а подъ часъ сами дѣлили съ ними и свою скуку.

Только пребываніе въ монастырѣ Арсенія представляетъ въ этомъ отношеніи исключеніе.

Арсенію отвели въ корельскомъ монастырѣ казематъ низкій и тѣсный, подъ алтарными сводами успенской каменной церкви. Не малую часть каземата занимала деревянная громадная колода, къ которой обыкновенно приковывали на цѣпь безпокойныхъ арестантовъ. По сосѣдству были помѣщенія для 4 старыхъ караульныхъ солдатъ съ командиромъ ихъ,—прапорщикомъ архангелогородскаго гарнизона,

---

[1]) «Дѣло о разстригѣ Арсеніи, іеродіаконѣ Іоасафѣ Лебедевѣ и о прочихъ» 1767 г., находится въ Государственномъ Архивѣ при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, разрядъ VI, № 399 на 389 листахъ. Важнѣйшіе документы это—второго слѣдственнаго дѣла объ Арсеніи Мацѣевичѣ, напечатаны *Ив. Морошкинымъ* въ «Русской Старинѣ» за 1885 г. XLV—XLVI тт. подъ заглавіемъ: «Арсеній Мацѣевичъ, митрополитъ ростовскій, въ ссылкѣ въ 1767—1772 г.».

Семеномъ Алексѣевскимъ. Съ этимъ молодымъ [1]) офицеромъ суждено было Арсенію провести въ близкомъ невольномъ сосѣдствѣ болѣе четырехъ лѣтъ.

Арсенію позволялось ходить подъ надзоромъ въ церковь къ богослуженію и по монастырю [2]), но болѣзнь его не позволяла ему пользоваться такою льготою. Низменная болотистая окрестность обители и не располагала къ этому. Какъ человѣка ученаго, его мало могли развлекать скудные разсказы о погибели вблизи монастыря на морѣ однихъ мореплавателей и о спасеніи другихъ, о вниманіи къ ихъ обители Маріы Посадницы, потерявшей здѣсь въ бурномъ морѣ двухъ своихъ сыновей и т. п.

Для монаховъ же среди скучнаго монастырскаго бездѣлья прибытіе знатнаго арестанта, бывшаго митрополита, было цѣлымъ событіемъ. Архимандритъ корельскаго монастыря оказался у начальства тѣмъ «благоразумнымъ начальникомъ», подъ смотрѣніе котораго отданъ былъ Арсеній; это былъ полный пожилой монахъ,—человѣкъ не злой и не свободный отъ пристрастія къ вину.

Онъ часто ходилъ въ казематъ новаго колодника то одинъ, то съ посѣтителями. Когда въ первую наступившую зиму привезли Арсенію его пожитки, то помимо немалаго числа иконъ, у него въ кельи оказались ящики съ святыми мощами, панагія, орлецы и даже бѣлый клобукъ, а на полкахъ появились 22 книги большого размѣра, богослужебныхъ и учительныхъ, и 17 книгъ малаго размѣра, гдѣ были книги и на иностранныхъ языкахъ, которыхъ въ монастырѣ никто не могъ не только читать, но узнать даже и заглавіе [3]).

Уваженіе Антонія къ ученому узнику усиливалось еще и вслѣдствіе того, что въ монастырь иногда наѣзжалъ изъ

---

[1]) Когда, въ 1741 году, Брауншвейгскую фамилію привезли въ Холмогоры, то Алексѣевскій былъ мальчикомъ. Солдаты имѣли отъ 50 до 66 лѣтъ отъ роду (Гос. Арх., разр. VI, № 399, 26 л.).

[2]) «Историко-статистическое описаніе Никольскаго корельскаго монастыря» находится въ «Чтеніи Общ. И. Др. Р.», 1879 г., I ч., 1—49 стр.

[3]) Въ описи имущества Арсенія 1767 года помѣчено: «двѣ книги на иностранныхъ языкахъ» и лексиконъ на трехъ языкахъ. («Дѣло объ Арсеніи» Гос. Архивъ, разр. VI, № 399, 211—212 л.).

Архангельска отъ самого владыки протопопъ Ѳедоровъ, чтобы справляться о содержаніи его. Послѣ разсказывали, что архангелогородскій архіерей посылалъ при этомъ и деньги, какъ бы въ милостыню, а также кушанье и напитки, которые протопопъ передавалъ тѣмъ охотнѣе, что получалъ отъ Арсенія подарки [1]).

Содержаніе у Арсенія было свое. Онъ долженъ былъ покупать для себя муку ржаную и пшеничную, солодъ для кваса, хмѣль, треску, палтусину, сахаръ, черносливъ, изюмъ, груши и прочее [2]), и имѣть постоянный запасъ хозяйственнаго провіанта. Ему позволено было имѣть и своего келейника.

Чувствуя себя правымъ и невинно осужденнымъ, Арсеній и въ отдаленной ссылкѣ не могъ сдерживать своего гнѣвнаго раздраженія, которое проявилъ въ послѣдніе моменты своего униженія въ крестовой палатѣ. Съ новыми своими знакомыми онъ говорилъ о своихъ доношеніяхъ святѣйшему синоду, о судьбѣ ихъ, о своей обидѣ, о томъ, какъ превратно истолковали его представленія, изложенныя въ доношеніяхъ, и о синодальныхъ членахъ.

«Митрополитъ Сѣченовъ до тѣхъ поръ поживетъ, пока оберъ-секретарь Остолоповъ живетъ, безъ Остолопова онъ ничего сдѣлать не можетъ», говорилъ Арсеній. «Кабы онъ пропалъ супостатъ, то-бъ я былъ освобожденъ». «Архіепископъ Гавріилъ ничего противъ Сѣченова говорить и дѣлать не можетъ» [3]).

Въ корельскомъ монастырѣ такія вѣсти и подобныя сообщенія о личныхъ отношеніяхъ архіереевъ были неожиданною новостію. Арсенія съ любопытствомъ слушали не только монахи, но и старые солдаты.

---

[1]) О пересылкѣ денегъ Арсенію отъ архіереевъ, кромѣ разспросовъ объ этомъ изъ Петербурга («Чтенія О. Ист. и Др. Р.» 1862 г., II кн., 171 стр.) можно заключать изъ секретнаго дѣла объ іеродіаконѣ Лебедевѣ (Архивъ архангелогородской губ. канцеляріи по 4 описи № 3, генер. № 61.292, листъ 30).

[2]) По выѣздѣ Арсенія въ 1767 г. изъ корельскаго монастыря весь провіантъ, находившійся у него описанъ (Гос. Арх. разр. VI, № 399, 216 л.). У него оказалось, кромѣ прочаго, еще табаку курительнаго два картуза.

[3]) *Ив. Морошкинъ*—«А. Мацѣевичъ въ ссылкѣ въ 1763—1767 г.» («Р. Старина» 1885 г. XLV т. 337, 334 стр.).

Между тѣмъ до отдаленнаго монастыря стали доходить тревожные слухи объ отнятіи деревень у монастырей и у всего духовенства. Вѣрное же извѣстіе объ этомъ занесъ сюда канцелярист духовной консисторіи въ Архангельскѣ, Манаковъ [1]); онъ пріѣзжалъ, какъ онъ говорилъ, «для моленія»; «для любопытства» онъ зашелъ къ Арсенію и сообщилъ ему: «нынѣ де деревни отъ Церкви отобраны».

Послѣ такого разговора зашла рѣчь о деньгахъ, которыя назначены были на содержаніе Арсенія [2]). Манаковъ выразилъ готовность исходатайствовать Арсенію поскорѣе его жалованье, выдача котораго ему, вѣроятно, затянулась.

— Изъ какой же суммы жалованье мнѣ производится? спросилъ Арсеній.

«Изъ той суммы, которая собирается отъ продажи пожитковъ послѣ монашествующихъ», отвѣчалъ Манаковъ.

— Много ли такой суммы?

«Столько наберется, что нужно для выдачи тебѣ».

— Вотъ до чего дошло, говорилъ ему Арсеній, что жалованье изъ монашескихъ пожитковъ производится! [3])

«Это опредѣленіе коллегіи экономіи. Нынѣ и домамъ архіерейскимъ, по отобраніи вотчинъ, положено штатное жалованье.

— Изстари всѣ государи жаловали вотчинами, а нынѣ и тѣ отобрали, говорилъ Арсеній.

«Объ этомъ и прежніе государи мысли имѣли. Въ 1757 году покойной государынѣ Елизаветѣ Петровнѣ изъ конференціи экстрактъ отобранія вотчинъ былъ поданъ», успокаивалъ его Манаковъ.

— Это написано излишне, возражалъ ему Арсеній, государыня по моему письму не подписала этого экстракта.

---

[1]) *Ив. Морошкинъ*, (тамъ же XLV—XLVI т.) при изданіи документовъ второго слѣдственнаго дѣла не сообщаетъ подробно допросовъ Манакова, а между тѣмъ для полной характеристики слѣдствія оно необходимо: оно показываетъ, что въ личномъ дѣлѣ Арсенія слѣдователи хотѣли найти политическое преступленіе.

[2]) Жалованье Арсенію, по полученному въ архангелогородской дух. консисторіи указу 18 апрѣля 1763 г. изъ коллегіи экономіи, велѣно производить, въ количествѣ 182 рублей 50 копѣекъ, изъ подлежащихъ въ коллегію доходовъ» (Госуд. Архивъ, разр. XVIII, № 85», III ч., генеральная вѣдомость кол. эк.).

[3]) Арсеній высказывалъ свое мнѣніе о пожиткахъ монаховъ въ 1757 г. (Син. Арх. № 87).

Чтобы Манаковъ старался о высылѣ жалованья, Арсеній подарилъ ему два куска люстрина и гризета. Ни Антоній, ни Алексѣевскій, замѣтившіе эти вещи у Манакова за пазухой въ то время, когда тотъ выходилъ отъ Арсенія, не воспрепятствовали ему воспользоваться подаркомъ [1]).

Сообщенія, занесенныя Манаковымъ, волновали и корельскихъ монаховъ, такъ какъ по новому штату сокращалось и количество монаховъ, и содержаніе имъ. Невзгода была для всѣхъ общая. Арсеній говорилъ имъ такъ:

«Нынѣ и пива сварить не изъ чего. Петръ I хотя и опредѣлилъ отъ монастырей вотчины отнять, но разсудилъ за благо оставить. Прежніе цари награждали Церковь деревнями и прочимъ; нынѣ же не только наградить (не желаютъ), но все разграбили. Въ Ярославлѣ даже церковные сосуды отобрали. Такихъ насилій нѣтъ и у турокъ. И турки свои мечети награждаютъ, а у насъ нынѣ, какъ Содомъ и Гоморръ. Если бы не то (грабительство), то и нынѣ были бы монастыри и церкви въ прежнемъ состояніи».

О членахъ святѣйшаго синода, новгородскомъ митрополитѣ Димитріи Сѣченовѣ, петербургскомъ архіепископѣ Гавріилѣ и новоспасскомъ архимандритѣ, Арсеній отзывался съ неудовольствіемъ, какъ «о предателяхъ». Впослѣдствіи онъ узналъ и сообщалъ своимъ собесѣдникамъ, что новоспасскій архимандритъ и самъ послѣ сожалѣлъ объ участіи своемъ въ отнятіи у церквей имуществъ и даже подвергся за то монастырскому заключенію [2]).

«Дворянство, говорилъ Арсеній Алексѣевскому, не смотря на предковъ своихъ, кои въ монастыри деревни давали, давно уже добиралось, чтобы оныя отъ монастырей отобрать... Нынѣ, видя государыню, Екатерину Алексѣевну, не тверду въ россійскомъ законѣ (и) россійскихъ поведеній не знающу, удобное къ отнятію тѣхъ деревень время изыскали; ибо ей, государынѣ, какъ доложили, что̀ предоставили, то (она) и подписала».

---

[1]) Госуд. Архивъ. Дѣло объ Арсеніи, разр. VI, № 399, 123—126 и 161 л. «Р. Старина» 1885, XLV, 628 стр.

[2]) При слѣдствіи 1767 года Арсеній не сознался въ своихъ рѣчахъ относительно заточенія архимандрита («Р. Старина» 1885 г. XLV, 335 стр.)

Кромѣ отобранія вотчинъ разговоры Арсенія съ собесѣдниками касались и другихъ придворныхъ и общественныхъ событій. Въ 1763 году у архимандрита бѣлилъ потолокъ въ комнатахъ мастеровой изъ Архангельска Быковъ.

«Что новаго въ городѣ?» спросилъ его архимандритъ.

— Эхо [1]) носится, говорилъ Быковъ, что государыня за Орлова вступаетъ въ супружество.

Въ монастырь скоро прибылъ вернувшійся изъ Архангельска монастырскій служитель и подтвердилъ эти слухи. Алексѣевскій, услышавъ поразившую всѣхъ новость, спѣшитъ подѣлиться ею съ Арсеніемъ.

«Государыня Екатерина Алексѣевна, говорилъ Арсенію Алексѣевскій, объявила въ сенатѣ, что вступаетъ въ супружество за Орлова и тогда всѣ сенаторы, вставъ просили ея величество, чтобъ того не было» [2]).

— Было бы всего лучше, сказалъ на то Арсеній, если бы государыня вступила за Ивана Антоновича [3]).

Лѣтомъ 1764 года протопопъ Ѳедоровъ, пріѣхавши изъ Архангельска, сообщалъ въ корельскомъ монастырѣ важныя новости. Онъ разсказалъ о «шлиссельбургской нелѣпѣ», погубившей «несчастно-рожденнаго» Ивана Антоновича,—о томъ, какъ при обнаруженіи заговора Мировича—освобо-

---

[1]) «Эхо» о предполагавшемся, будто бы, бракѣ императрицы Екатерины II съ гр. Гр. Орловымъ носилось вездѣ (*В. А. Бильбасовъ*—«Исторія Екатерины II» II т., 257 и 266 стр.), даже за границею и послужило основою дѣла Хитрово (тамъ же, 367, 249 стр.). Оно состояло вотъ въ чемъ: когда въ маѣ мѣсяцѣ 1763 года императрица прибыла въ Ростовъ для присутствія при церемоніи переложенія мощей св. Димитрія въ новую раку, то ей донесли о замыслѣ Хитрово. «Мы положили, говорилъ Хитрово, просить государыню, что если намѣрена она выйти замужъ то у Иванушки есть два брата, а если не согласится за нихъ, то, схвативъ Орловыхъ всѣхъ, отлучить» (*С. М. Соловьевъ*,—«Исторія Россіи» V кн., 1455 стр.). Екатерина II была смущена такими планами и во все время обратнаго путешествія была недовольна.

[2]) *И. Морошкинъ*,—«А. Мацѣевичъ въ ссылкѣ»—«Русская старина», 1885 г. XLV т., 337 стр. На слѣдствіи враги Арсенія утверждали, что при этомъ онъ, будто бы высказалъ, что государыня Екатерина Алексѣевна наша—не природная, въ законѣ нашемъ не тверда и не надлежало ей россійскаго престола принимать.

[3]) Сочувствіе Ивану Антоновичу среди русскихъ было всеобщимъ. Не ограничивались толками объ обидѣ Брауншвейгской фамиліи, иногда возникали въ пользу ея даже заговоры. (*Н. И. Костомаровъ*,—«Ист. Россіи», II т., 308 стр. *В. А. Бильбасовъ*, «Ист. Екатерины II». II т., 170 стр.).

дить Иванушку изъ крѣпости, караульные офицеры сами убили его [1]).

«Какъ же дерзнули караульные поднять руку на Ивана Антоновича и царскую кровь пролить»? вырвалось невольно у Арсенія.

— У нихъ была инструкція (на это), сказалъ протопопъ,—тѣмъ они и оправдались.

Вскорѣ былъ полученъ въ корельскомъ монастырѣ и манифестъ [2]) о заговорѣ Мировича. Антоній далъ его прочитать и Арсенію.

«Неповинно онъ смерть получилъ», говорилъ Арсеній о погибшемъ Иванѣ Антоновичѣ. Будучи архіереемъ, слыхалъ онъ, что покойная государыня Петру Ѳедоровичу, своему наслѣднику, говорила, что «ежели онъ не воздержится отъ неприличностей, то она престолъ свой оставитъ Ивану Антоновичу». Послѣдній и перевезенъ былъ изъ Холмогоръ ближе къ Петербургу, быть можетъ, для этого, или для страха Петру Ѳедоровичу [3]).

«У приставленныхъ къ Ивану Антоновичу офицеровъ инструкція дана была отъ покойной государыни Елизаветы Петровны, въ коей велѣно было, что, если, паче чаянія, кто для взятія его будетъ приступать, то, живого не отдавая, умертвить» [4]), разсказывалъ Арсеній Антонію. При этомъ, присовокуплялъ свою догадку, что, вѣроятно, покойная императрица объ инструкціи своей забыла; иначе она ее уничтожила бы.

Въ заговорѣ Мировича надобно, по его мнѣнію, предполагать участіе другихъ согласниковъ, большихъ господъ, такъ какъ невѣроятное дѣло, чтобы офицеръ низкаго чина затѣялъ самъ собою такое опасное дѣло! Мировича слѣдовало бы пытать: тогда узнали бы правду. Да и офицеровъ, которые

---

[1]) Это было 4 іюля 1764 г.

[2]) П. С. З., 12228.

[3]) «Р. Старина» 1885 г., XLV т., 328—329 стр. По показанію Антонія, Арсеній восклицалъ, что убитый—это «второй Авель, и кровь его, аки Авелева, вопіетъ до Бога».

[4]) Такое распоряженіе отдано Петромъ III. (*В. А. Бильбасовъ*, «Ист. Екатерины II», II т., 300 и 312 стр.) и подтверждено имп. Екатериною II («Р. Стар.» XLV, 312 стр.)

были на караулѣ, слѣдовало казнить смертію, какъ цареубійцъ [1]).

Въ ноябрѣ того же года, изъ Холмогоръ пріѣхалъ въ корельскій монастырь іеромонахъ Іосифъ. Онъ служилъ тамъ въ секретной коммиссіи. Іеродіаконъ Лебедевъ изъ любопытства спрашивалъ его:

— Есть ли, какъ сказываютъ, у принца Антона въ Холмогорахъ сыновья—Петръ да Павелъ? «Есть, отвѣчалъ Іосифъ, еще и нѣмой». Арсенію тотчасъ сообщено было это Лебедевымъ. Арсеній видимо интересовался холмогорскими узниками, такъ какъ послѣ и самъ разспрашивалъ у Іосифа о нихъ [2]) и желалъ имъ болѣе свѣтлой доли.

Говорить съ Арсеніемъ уже никто не опасался. Въ монастырѣ привыкли считать его своимъ человѣкомъ, любили за то неизвѣданное ими оживленіе, которое онъ внесъ въ обитель, и называли всегда «его они только отцомъ Арсеніемъ» [3]). Часто его рѣчи слушали не только архимандритъ, но и другіе іеромонахи, даже солдаты изъ сосѣдней караулки жадно внимали разсказамъ. Поводомъ къ разговорамъ служили событія того времени. Съ самаго воцаренія императрицы Екатерины II носились слухи о болѣзни наслѣдника, великаго князя Павла Петровича [4]). Доходили они и до корельскаго монастыря. Здѣсь, какъ и вездѣ, задавались предположеніями, кто будетъ наслѣдникомъ престола,

---

[1]) Арсеній не сознавался на слѣдствіи въ говореніи этихъ словъ о казни цареубійцъ и о согласникахъ на заговоръ Мировича. Но въ корельскомъ монастырѣ подобныхъ свѣдѣній узнать отъ кого-либо, кромѣ Арсенія, не могли. Вѣроятно, не сознался онъ потому, что согласниковъ заговора онъ только предполагалъ, а относительно убійцъ Иванушки ко времени слѣдствія 1767 г. стало извѣстно, что они въ награду за свое дѣло получили повышеніе въ чинѣ и громадную по тому времени сумму—по 7.000 рублей (*В. А. Бильбасовъ*, «Ист. Екатерины II», II т., 361 стр., 3 примѣч.).

[2]) Каждогодное приращеніе семейства у принца Антона въ Холмогорахъ волновало еще императрицу Елизавету Петровну, потому что принцы пользовались сочувствіемъ почти всего народа (*Н. И. Костомаровъ*,—«Р. Исторія», II т., 307—308 стр.).

[3]) «Дѣло о разстригѣ Арсеніи» въ Гос. Арх. р. VI, № 399, 39 л. Архимандритъ, по показанію Алексѣевскаго, называлъ его неоднократно даже «преосвященнымъ».

[4]) Въ 1762 году состояніе здоровья его было, повидимому, безнадежно. Императрица дала обѣщаніе построить въ Москвѣ больницу, если онъ поправится (*В. А. Бильбасовъ*,—«Ист. Екатерины II, II т., 156 стр.).

если бы онъ умеръ? Близкое пребываніе Брауншвейгской фамиліи въ Холмогорахъ наводило на предположенія, что, быть можетъ, этимъ узникамъ суждено царствовать.

«Не берегутъ въ Россіи настоящихъ наслѣдниковъ,— говорилъ тогда Арсеній, Петръ II.. скончался небреженіемъ Долгорукихъ..; души такой не было, чтобы не плакалъ (тогда, потому что) мужескаго полу послѣ него не осталось наслѣдника».

При этомъ Арсеній разсказывалъ, какія старанія употребляютъ въ другихъ земляхъ для сохраненія наслѣдниковъ. Тамъ, когда беременная королева находилась въ смертной опасности, то младенца вырѣзали и въ свиныхъ тушахъ до настоящаго времени выдерживали и тѣмъ спасли его [1]).

Со смертію Петра II настоящее наслѣдство кончилось. Государыня Анна Іоанновна взошла на престолъ не по порядку, такъ какъ престолъ слѣдовалъ Елизаветѣ, дочери Петра, да и бывшій императоръ Петръ Ѳедоровичъ не настоящій [2]) наслѣдникъ и, при томъ, какъ оказалось по дѣламъ его, руководился иностранными законами.

Вотъ и теперь говорилъ Арсеній, «цесаревичъ Павелъ Петровичъ боленъ золотухою, у него на щекѣ болѣзненная язва и не могутъ вылечить».

Въ заключеніе онъ высказывалъ свое мнѣніе, что нужно считать наслѣдниками послѣ Павла Петровича дѣтей принца Антона, которыхъ онъ почитаетъ за царское колѣно [3]). «Они—царскаго колѣна, говорилъ Арсеній, и въ случаѣ смерти цесаревича, ни кому иному быть, какъ имъ».

Читая [4]), однажды, въ житіи Кирилла новоезерскаго пророчество о томъ, что въ Россіи воцарятся юноши—правители, чрезъ которыхъ вся вселенная поклонится Господу Богу, Арсеній говорилъ Алексѣевскому и другимъ, что, вѣроятно,

---

[1]) «Р. Старина» 1885 г. XLVI т., 334 стр.

[2]) Однако, на допросѣ Арсеній въ этихъ своихъ словахъ не сознался. Ихъ можно приписать съ вѣроятностію ему на томъ основаніи, что онъ высказывалъ другое, сходное съ этимъ, мнѣніе объ императорѣ Петрѣ III, слышанное имъ, будто бы, отъ еп. Симона псковскаго.

[3]) Тамъ же, 621 и 334 стр. Алексѣевскій показывалъ, что Арсеній называлъ наслѣдникомъ престола—отца Ивана Антоновича.

[4]) Тамъ же, 330 стр. Это было 1767 г. 4 февраля.

это пророчество и сбывается теперь: правителями въ Россіи и будутъ два принца. Къ такимъ толкамъ присоединялись сами собою вѣсти, навѣянныя турецкими войнами и мечтами императрицы—завоевать Константинополь. Арсеній сообщилъ своимъ слушателямъ сказаніе, слышанное имъ отъ своего дѣда объ увѣренности самихъ турокъ, что владычество ихъ надъ Царьградомъ продлится только 300 лѣтъ. Годы эти истекаютъ, и взятіе русскими Константинополя совпадаетъ съ имѣющимъ быть, по пророчеству Кирилла новоезерскаго, воцареніемъ двухъ юношей [1]).

При такихъ разговорахъ и предположеніяхъ, подкрѣпленныхъ указаніемъ на пророчество преп. Кирилла, у Антонія возникали мечты, что, по воцареніи двухъ умиленныхъ юношей, «Арсеній по прежнему будетъ архіереемъ, а деревни монастырямъ возвратятся, и Арсеній не оставитъ его». Даже солдаты откуда-то узнали, что Арсеній получитъ свободу. Солдатъ Сила Уховъ дѣлился со своими товарищами такими мечтами:

«Какъ де Арсенія-батюшку освободятъ, то я проситься стану, и онъ меня возьметъ съ собою» [2]).

Алексѣевскій пересталъ ставить и караулъ въ сѣни, которыя отдѣляли караулку отъ каземата Арсенія: «въ разсужденіи его, Арсенія, старости и что уттить ему некуда». Казематъ запирали только на ночь [3]).

Для Арсенія сдѣланъ былъ прямой ходъ изъ каземата въ алтарь, хотя для этого понадобилось пробить стѣну для лѣстницы [4]).

Въ церкви онъ сталъ сказывать проповѣди; читалъ ихъ по книгамъ и сказывалъ наизусть. Не смотря на то, что онъ обличалъ монаховъ въ безпросвѣтномъ пьянствѣ,—

---

[1]) Тамъ же, 625 стр.

[2]) Тамъ же, 627 стр. Гос. Арх., VI разр. № 399, л. 257. По доносу Лебедева, что Арсеній обѣщалъ взять съ собою, когда его освободятъ, и Ухова, была очная ставка всѣмъ караульнымъ. Уховъ стоялъ на своемъ, что Арсеній этого не говорилъ ему.

[3]) Тамъ же, 25 и 245 л. Даже «никакого караулу не было, какъ доносилъ послѣ іеродіаконъ Лебедевъ, солдаты жили отъ него въ пятомъ покоѣ».

[4]) Преданіе объ этомъ до сего времени сохранилось въ монастырѣ. Слѣды лѣстницы замѣтны и теперь.

они все же проявляли по отношенію къ нему невольное уваженіе: во время проповѣди стояли предъ нимъ въ ризахъ, какъ предъ архіереемъ и слушали, какъ онъ имъ толковалъ иѳику, іераполитику и другія книги; видя, что самъ архимандритъ при встрѣчахъ съ Арсеніемъ цѣлуетъ его руку, и они, подавая Арсенію антидоръ, пытались дѣлать то же, но онъ не допускалъ. Архимандритъ ревностно хранилъ его покой. Когда болтливый іеродіаконъ Лебедевъ передавалъ разговоры Арсенія другимъ, онъ собственноручно билъ Лебедева приговаривая:

«По кельямъ не ходи, ничего не говори; Арсеній-де на меня сердится» [1]).

Знатный арестантъ составлялъ для Антонія гордость. Въ городѣ Архангельскѣ онъ разсказывалъ еще въ 1765 г. капитану Корсакову, что «Арсеній ученый человѣкъ и великій мастеръ проповѣди сказывать». Онъ звалъ самого капитана къ себѣ къ празднику—послушать Арсенія.

«Но держать его велѣно крѣпко», прибавлялъ Антоній.

Когда Корсаковъ въ іюнѣ 1765 года былъ въ монастырѣ, то архимандритъ, угостивъ его, привелъ къ Арсенію въ казематъ. Завели разговоръ. Арсеній разсказывалъ о Польшѣ, о сеймѣ, объ избраніи тамъ королей [2]), а затѣмъ стали говорить о самомъ Арсеніи, о его болѣзни и ссылкѣ.

Арсеній говорилъ о себѣ, что «за защищеніе его праведное Церкви онъ страждетъ отъ Димитрія» [3]). «Митрополитъ Димитрій, по моему представленію, изъ кандидатовъ во архіерея произведенъ, а нынѣ мнѣ злобствуетъ», сообщалъ Корсакову Арсеній. Въ тотъ же день послѣ обѣда Антоній, занимая гостя, опять повелъ его къ Арсенію, но

---

[1]) Тамъ же, 9 л.

[2]) Арсеній показывалъ, что говорили они съ Корсаковымъ о благочестіи въ Польшѣ, какъ въ мѣстечкѣ, Заблудовѣ монастырѣ, Браницкій утѣснялъ населеніе,—далѣе, какъ духовникъ короля, іезуитъ, присовѣтовалъ ему, королю, на товары пошлину наложить, а затѣмъ, по претензіи прусскаго короля, отмѣнили ее (Гос. Арх. разр. VI № 399, л. 118). «Вотъ изъ какихъ мелкихъ шляхтичей короля выбрали себѣ поляки», сказалъ Арсеній—«Я его знаю, похвасталъ капитанъ: онъ мнѣ братъ названный. Я много разъ съ нимъ въ карты игралъ» (139 л.).

[3]) «Русск. Стар.» 1885 г. XLV т., 626 стр.

Корсаковъ былъ уже такъ пьянъ, что и не запомнилъ того, долго ли былъ у Арсенія, что̀ говорилъ и какъ оттуда ушелъ.

Послѣ изъ города Архангельска Корсаковъ послалъ Арсенію почтительное письмо [1]), которое передалъ самъ Алексѣевскій, обязанный препятствовать перепискѣ.

Болѣе всѣхъ расположенъ былъ къ Арсенію его стражъ,—Семенъ Алексѣевскій. Онъ невольно сдѣлался ученикомъ Арсенія, съ любопытствомъ слушая и запоминая диковинные для него разсказы ученаго старца о разныхъ земляхъ, о древнихъ царяхъ и святыхъ.

Въ дѣтствѣ онъ слыхалъ въ Холмогорахъ отъ солдатъ о заточенныхъ «болѣзныхъ» принцахъ. Разсказы Арсенія придали смыслъ его прежнимъ свѣдѣніямъ: хотя принцы и находятся подъ крѣпкимъ карауломъ, но имѣютъ права на престолъ и, быть можетъ, будутъ царствовать. Тутъ въ тѣсномъ казематѣ читались книги, принесенныя архимандритомъ изъ церкви, а также и свѣтскія—Арсеніевы: Арндта, Баронія и другія; нерѣдко тутъ сидѣли и всѣ солдаты [2]).

«Вотъ какъ прежде нашу братію, архіереевъ, почитали цари,—говаривалъ во время чтеній Арсеній Алексѣевскому,—во всемъ спрашиваясь, благословенія требовали и наша братія смѣло ихъ въ духовныхъ дѣлахъ изобличала, а я какъ послалъ правильное доношеніе, то за мою правду и въ ссылку меня сослали» [3]).

Читая, однажды, житіе св. Іоанна Златоустаго, Арсеній разсказывалъ о страданіи его отъ царицы.

---

[1]) Вотъ это письмо капитана къ Арсенію отъ 4 августа 1765 г.: «Милостивый государь, простите мнѣ, что я, льстясь милостію, оказанною мнѣ вами, дерзостно... адресуюсь письмомъ въ знакъ той благодарности, которая во всю мою жизнь нелицемѣрно въ сердцѣ моемъ пребудетъ. Продолжайте ее, милостивый государь, простите такого человѣка, который за особливое счастье почитаетъ именоваться съ особливѣйшимъ почитаніемъ.—Газеты съ Алексѣевскимъ не премину послать. Что же я не былъ къ празднику, простите милостиво, и извините, что я по должности своей стоялъ на карауле». (Гос. Арх. разр. VI, дѣло № 399, л. 16).

Въ другомъ письмѣ упоминается «о сердечномъ усердіи и почтеніи» (л. 17).

[2]) «Р. Стар.» XLVI т. 72 стр. Гос. Архивъ р. VI, № 399, 26 л.

[3]) «Р. Стар.» XLVI г. II т., 336 стр.

«И ты страдаешь, какъ Златоустъ», сказалъ на то Алексѣевскій.

— Далеко до того, возразилъ Арсеній [1]).

Везли тогда чрезъ Архангельскъ въ Соловецкій монастырь въ ссылку угличскаго архимандрита Геннадія. Въ Архангельскѣ случилось въ это время быть келейнику Арсенія Стефану, который выпросился у конвойныхъ впустить его къ Геннадію. Здѣсь Стефанъ узналъ, «что сосланъ Геннадій за прочтеніе той молитвы послѣ молебна, которую въ бывшую... войну читывали на обѣднѣ и послѣ молебна» [2]).

Когда келейникъ, по возвращеніи въ монастырь, разсказывалъ объ этомъ, то Арсеній высказалъ свое мнѣніе, что если архимандритъ только за прочтеніе молитвы сосланъ, то «за такую малость онъ такого наказанія не достоинъ», тѣмъ болѣе, что и самая «молитва—апробованная и уже въ служеніи употребляемая» [3]). Показывая Алексѣевскому эту молитву на умиреніе Церкви во время гоненія, Арсеній говорилъ ему:

— Вотъ за эту молитву страждетъ бывшій въ Угличѣ архимандритъ Геннадій: и разстриженъ и сосланъ въ Соловецкій монастырь только за то, что ту молитву онъ въ церкви въ служеніи читалъ [4]). Вѣроятно,—догадывался онъ,—это Сѣченовъ разстригъ Геннадія по злобѣ на меня, такъ какъ онъ былъ мною посвященъ и опредѣленъ.

Чрезъ годъ, по прибытіи Арсенія въ монастырь, его сблизили еще тѣснѣе съ монахами особыя обстоятельства.

Рѣшеніе духовной коммиссіи о церковныхъ имѣніяхъ повсюду быстро стали приводить въ исполненіе. У корельскаго монастыря взяли всѣ 626 душъ крѣпостныхъ крестьянъ и всѣ земли, за исключеніемъ 6 десятинъ, необходимыхъ для обители [5]). Архимандриту удалось хитростію удержать небольшой капиталецъ, который чуть-было не

---

[1]) Тамъ же, 336—338 стр. Эти слова на слѣдствіи они приписывали одинъ другому.

[2]) О Геннадіи, архим. угличскомъ, въ «Сборникѣ Р. И. О.» VII т., 397—399 стр.

[3]) «Русск. Старина» 1885 г. XLV т., 619—620 стр.

[4]) Тамъ же, 336 стр.

[5]) «Истор.-Статист. описаніе кор. м-ря» («Чт.» 1879 г. I ч., 1—49 стр.).

отобрали въ коллегію экономіи, но за то никакой надежды на вполнѣ обезпеченное содержаніе уже не было; монастырь во всемъ стѣснили [1]).

Главными виновниками въ отнятіи недвижимыхъ имѣній у Церкви Арсеній считалъ членовъ духовной коммиссіи. Духовныхъ членовъ ея онъ прямо называлъ «предателями» и «согласниками» въ отобраніи деревень, да и вообще весь синодъ обвинялъ въ нерадѣніи.

— Ни малехонько-де синодъ и члены не смотрятъ (не заботятся), библія напечатана неисправно и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ съ жидами согласна, а книжка исповѣдная и съ кальвинами согласна [2]).

Такое раздраженіе на дѣйствія синода было не у одного только Арсенія, а возникло повсемѣстно въ стѣнахъ монастырей. Всѣ уже узнали, какой погромъ понесли русскіе монастыри, что изъ 600 монастырей, имѣвшихъ вотчинную самостоятельность и независимость, оставлена только одна треть ихъ съ скуднымъ составомъ братіи и таковымъ же содержаніемъ. На счетъ монастырей увеличивались церкви, но штатнаго обезпеченія имъ не давали. Существованіе было еще даровано 161 заштатному монастырю, но, съ отнятіемъ вотчинныхъ и штатныхъ средствъ у нихъ, имъ позволено питаться отъ мірского подаянія. Для изысканія средствъ и поддержанія строеній назначены были въ нихъ «строители».

У Арсенія въ келейникахъ состоялъ бывшій «строитель». Это былъ іеродіаконъ Іоасафъ Лебедевъ. Такъ какъ Лебедевъ обладалъ умѣньемъ ходить за больными, то его и приставили къ Арсенію, у котораго въ суровомъ сѣверномъ краю прежнія болѣзни все болѣе и болѣе усиливались.

Изъ краткаго извѣстія о злоключеніяхъ Лебедева можно судить о состояніи тогдашняго монашества. Пьянство и непосѣдливый, суетливый характеръ сдѣлали его типичнымъ выразителемъ кочующаго монаха. За недостаткомъ

---

[1]) На корельскій монастырь по штату положено было 848 рублей $61^1/_4$ копѣекъ въ годъ, именно: на церковь 240 рублей, настоятелю 204 р. $84^1/_2$ коп., братіи 218 р. $66^3/_4$ коп., служителямъ 145 р. 10 к., на конюшню—40 руб. (Тамъ же).

[2]) «Р. Старина» XLV т., 338 стр.

лучшаго строителя для Пертомской пустыни его послали туда управлять дѣлами ея въ самый годъ ссылки Арсенія (1763).

Вскорѣ же онъ подвергся наказанію за ложное показаніе и прикрывательство игумена Пертомской пустыни въ его худыхъ поступкахъ: ему запретили священнослуженіе; Да и ранѣе его уличали (1761 года) въ утайкѣ церковныхъ образовъ, которые онъ просто снесъ въ закладъ за 10 рублей [1]); въ корельскомъ монастырѣ Лебедева презирали даже солдаты: «онъ всегда у насъ въ пьянствѣ жилъ», отзывались они о келейникѣ Арсенія.

Когда Арсеній говорилъ о скудости монастырской, и Лебедевъ, бывшій строитель, и монахи корельскіе могли только сочувствовать сообщеніямъ о бездѣятельности и добровольной безправности святѣйшаго синода. Въ августѣ полученъ былъ въ корельскомъ монастырѣ указъ изъ св. синода поминать за всѣми службами царскую фамилію, раздраженный архимандритъ сталъ говорить: «пускай такъ поминаютъ тѣ, кто больше получаетъ, а мы будемъ поминать по-прежнему—такъ же, какъ и въ деревняхъ». Изъ монаховъ только новый пономарь, взятый изъ служителей, Сухоруковъ, сталъ возражать архимандриту, не смотря на брань послѣдняго [2]).

Около того времени старообрядцы получили дозволеніе записываться открыто въ расколъ. Такая мѣра успокоенія ихъ, послѣ петровскихъ репрессалій, всѣмъ казалась опаснымъ послабленіемъ, а въ особенности такому борцу противъ раскола, какъ Арсеній. Онъ сказалъ архимандриту, что въ такихъ случаяхъ для умиренія Церкви читаютъ «особливыя молитвы на эктеніяхъ и на проскомидіи часть вынимаютъ, ибо де раскольники въ церковь не ходятъ и на нее плюютъ» [3]). Въ казематѣ у него нашелся служебникъ кіевской печати, гдѣ находились и самыя молитвы «на обидящія Церкви Божіи». Антоній взялъ книгу съ собою и рас-

---

[1]) Тамъ же, 324—325 стр.
[2]) Дѣло въ Гос. Архивѣ разрядъ VI, № 399, л. 11.
[3]) «Р. Старина» XLV т., 332 и 327 стр.

порядился ихъ списать. Молитва объ обижающихъ Церковь произносилась іеромонахами во весь великій постъ 1767 года. Еще тогда Арсеній, кажется, догадывался, что Лебедевъ, его келейникъ, способенъ иначе перетолковывать поминовеніе. Сообщая архимандриту объ осужденіи Геннадія за чтеніе молитвы, онъ велѣлъ Антонію прекратить поминовеніе обижающихъ Церкви Божіи, «чтобы и намъ чего не было». Чтобы остановить поминовеніе подъ благовиднымъ для монаховъ предлогомъ, Антоній не распорядился, при переходѣ послѣ праздника пасхи изъ теплой зимней церкви въ лѣтнюю, перенести тотъ листокъ, на которомъ написаны молитвы «объ обидящихъ Церкви». Такъ листокъ и не былъ читанъ все лѣто. Между тѣмъ въ монастырѣ стали уже замѣчать, что Арсеній за болтливость Лебедева уже сердится на Антонія [1]).

И дѣйствительно, Лебедевъ болталъ не только по кельямъ съ монахами, но и съ солдатами. Однако, за неимѣніемъ въ монастырѣ лекаря, Лебедева никто не могъ замѣнить у Арсенія. Лебедевъ важничалъ своими медицинскими познаніями и говорилъ солдатамъ: «цесаревичъ Павелъ Петровичъ боленъ золотухою на щекѣ. Такую болѣзнь я искусенъ лечить; меня возьмутъ въ Петербургъ во дворецъ» [2]).

Освоился онъ скоро и съ бывшимъ митрополитомъ, а пристрастіе къ выпивкѣ заставляло его быть слишкомъ съ нимъ развязнымъ. Такъ, въ день рожденія императрицы (21 апрѣля), послѣ обѣдни, пришли къ Арсенію, по обыкновенію, монахи съ поздравленіемъ и дожидались, что имъ поднесутъ вина. Но Арсеній, угостивши чаркою вина архимандрита съ монахами, рѣшительно отказалъ Лебедеву, сказавъ, что ему не дастъ, потому что тотъ былъ очень пьянъ [3]). Тогда Лебедевъ заговорилъ, что, видно, онъ не почитаетъ ея императорскаго величества, коли жалѣетъ для монаховъ вина выпить за ея здоровье. Послѣ такихъ словъ Арсеній «унтеръ-

---

[1]) Тамъ же, 324 стр.

[2]) Тамъ же, 325 стр. На дознаніи, впослѣдствіи, онъ сознался, что говорилъ такія слова съ пьянства и никакой болѣзни лечить онъ не умѣетъ (тамъ же, 325 стр.).

[3]) Гос. Арх. VI разр. № 399, 30 листъ.

офицеру, который бывъ уже пьянъ, и солдатамъ принужденъ былъ вина поднесть» [1]), но Лебедеву опять отказалъ. Тотъ долго бранился: «жалѣетъ де чарки водки дать; а самъ вотъ что говоритъ о государынѣ» [2]); «я съ тобой сдѣлаюсь». Вечеромъ того дня, когда Алексѣевскій проспался отъ пьянства, солдатъ Черкасовъ напомнилъ ему объ угрозахъ Лебедева, но Алексѣевскій отвѣчалъ: «это онъ съ пьянства вретъ, а трезвый ничего не говоритъ» [3]). Одинъ изъ монаховъ, Филаретъ Батоговъ, послѣ этого случая много разъ предупреждалъ архимандрита, что Лебедевъ хочетъ на него доносить, на что Антоній только говорилъ: «пускай доноситъ!» [4]).

Глава II.

Второе слѣдственное дѣло объ Арсеніи Мацѣевичѣ.

Въ маѣ 1767 года іеродіаконъ Лебедевъ, будучи, вмѣстѣ съ другими, за монастыремъ въ деревнѣ въ домѣ крестьянина Ивана Корельскаго, въ пьяномъ видѣ кричалъ при постороннихъ людяхъ:

«Ножемъ разрѣжу у архимандрита брюхо его и выну сердце и суди меня въ томъ милостивѣйшая государыня».

Съ іеродіакономъ Лебедевымъ находился тутъ монахъ Батоговъ, монастырскіе служки и другіе [5]). Батоговъ немедленно пошелъ къ архимандриту и тамъ, въ прихожей кельѣ, при казначеѣ, игуменѣ Игнатіи, и при братіи донесъ о такихъ «похвальныхъ рѣчахъ».

Лѣтомъ, 30 іюля, Лебедевъ опять похвалялся и уже въ томъ, что знаетъ секретъ «первому и второму пунктамъ» [6]).

---

[1]) Тамъ же, 317 стр. «Дѣло о разстригѣ Арсеніи», 10 л. Послѣ Арсенія осталось въ корельскомъ монастырѣ: 2 бутылки четвертныя, осминная, штофъ поломанный, маленькая склянка, 9 бутылокъ, 3 пузырька. Тамъ же 216 л.

[2]) Показаніе солдата Черкасова (тамъ же, 23, 20 л.).

[3]) Тамъ же, 26 л.

[4]) Тамъ же, 18 л.

[5]) «Русск. Старина», 1885 г., XLV т., 315, 316 и 320 стр. Гос. архивъ, разр. VI, № 399, 12 л.

[6]) Во времена Анны Іоанновны секретъ по первому пункту касался богохульства, а секретъ по второму—оскорбленія величества.

Тотъ же Батоговъ опять извѣстилъ архимандрита Антонія объ этой похвальбѣ. Архимандритъ, взявши Лебедева въ келью, ударилъ его ропомъ три раза, говоря: «по кельямъ не ходи, ни съ кѣмъ ничего не говори: Арсеній де на меня сердится». Лебедева посадили на цѣпь, а потомъ и выпустили [1]).

Но послѣдній рѣшился отомстить за обиду. Около 15 августа онъ взялъ тайкомъ изъ церкви къ себѣ въ келью ту рукописную молитву «на обидящихъ Церковь», которую Арсеній велѣлъ читать на проскомидіи. Очевидно, въ монастырѣ сознавали, что чтеніе такой молитвы дѣло преступное, по крайней мѣрѣ, опасное; знали, что Геннадій угличскій разстриженъ и сосланъ въ заточеніе тоже за чтеніе молитвы,—значитъ, и съ Антоніемъ могутъ такъ же расправиться.

На богородицынъ день 1767 года случилось между всѣми названными лицами что-то особенное: всѣ они, одинъ за другимъ, на лодкахъ по морю за 30 верстъ пріѣхали, не смотря на канунъ большого праздника, въ городъ. Здѣсь, рано утромъ, монахъ Батоговъ подалъ въ губернскую канцелярію секретный доносъ по первому и второму пункту на архимандрита «и на другого, который содержится въ монастырѣ» [2]), т. е. на Арсенія.

Въ архангелогородской губернской канцеляріи Батоговъ, вѣроятно, былъ извѣстенъ еще ранѣе: слишкомъ крупны были его похожденія въ провинціальномъ городѣ, чтобы не запомнили его въ присутственномъ мѣстѣ. По показанію мѣ-

---

[1]) «Р. Старина» 1885 г. XLV т., 316 стр.

[2]) Листикъ сѣрой бумаги, на которой написанъ доносъ Батогова, служитъ и конвертомъ полуторавершковаго размѣра. На оборотной сторонѣ доноса, на мѣстѣ конверта, адресовано: «въ архангелогородскую губернскую канцелярію». Къ адресу болѣе четкими чернилами и хорошимъ почеркомъ прибавлено: «секретъ». Вѣроятно прибавка сдѣлана уже въ канцеляріи. Сосредоточенный, мрачный Батоговъ, котораго никто не любилъ, едва ли имѣлъ сообщниковъ. Что вооружило его противъ архимандрита,—неизвѣстно. Слѣдственная же власть постаралась затушевать всякое отношеніе къ Арсенію того, кто предалъ его императрицѣ и за то заслуживалъ одобренія. Онъ получилъ послѣ за свой доносъ 100 рублей. («Р. Стар.» 1885 г. XLV т., 320 стр.). *Морошкинъ* ошибочно говоритъ (тамъ же 316), что доносъ поданъ «на всевысочайшее ея императорскаго величества имя».

стной консисторіи, онъ въ 1765 году былъ наказанъ плетьми за то, что покололъ одного донского казака ножемъ, помимо церковнаго наказанія—ему велѣно было исполнять по 100 поклоновъ въ день; въ томъ же году, за пьянство и упорство противъ настоятельскихъ увѣщаній жить добропорядочно, наказанъ плетьми.

Доносъ монаха показался слишкомъ важнымъ, чтобы можно было отлагать дознаніе по нему. Губернскія власти, губернаторъ и прокуроръ, рѣшили разслѣдовать дѣло по горячимъ слѣдамъ. Іеродіакона Лебедева немедленно отыскали въ городѣ же, гдѣ онъ находился, какъ сказано въ дознаніи, «случайно», и въ 8 часовъ вечера подвергли допросу въ губернской канцеляріи. Лебедевъ сознался во всемъ, что говорилъ на него Батоговъ. Онъ показалъ, что архимандритъ Антоній въ монастырѣ молился за «гонящихъ святую Церковь», въ числѣ которыхъ, по его мнѣнію, разумѣется и государыня; полагаетъ онъ такъ потому, что самую молитву далъ Арсеній. Такимъ образомъ, Лебедевъ пытался обвинить Антонія, по злобѣ за свое униженіе отъ него, за побои и за сажаніе на цѣпь [1]).

Но въ канцеляріи настойчиво стали разспрашивать не столько объ архимандритѣ, сколько объ Арсеніи, и добивались у Лебедева показаній, что онъ, будучи у Арсенія для услуженія, слыхалъ отъ него о государынѣ.

Лебедевъ показалъ, что онъ слыхалъ отъ Арсенія такія рѣчи: «будто государыня наша не природная и не надлежало ей россійскаго престола принять»; говаривалъ Арсеній также, что цесаревичъ Павелъ Петровичъ боленъ золотухою, такъ что неизвѣстно, кто наслѣдуетъ послѣ него престолъ, а надлежало бы—отцу Ивана Антоновича, заключенному въ Холмогорахъ, и «прочимъ».

Въ слышаніи всего этого Лебедевъ сослался на караульныхъ солдатъ и на Алексѣевскаго; письмо, по которому молился архимандритъ съ монахами на «гонящихъ Церковь», онъ обѣщалъ представить; сообщилъ, кстати, и то, какъ Арсеній отказалъ монахамъ дать вина въ день рожденія импера-

---

[1]) Гос. Архивъ, дѣло А. Мацѣевича № 399 (разр. VI), 9 л.

трицы, «изъ пренебреженія его» къ ней, равно и о нежеланіи Антонія дѣлать поминовеніе царской фамиліи по новому реестру. Къ немалой досадѣ Лебедева, въ протоколъ записывали не то, что онъ хотѣлъ: ему надо было обвинить архимандрита; власти же интересовались знать, какъ себя ведетъ въ ссылкѣ Арсеній [1]). Чѣмъ болѣе личнаго раздраженія было у Лебедева противъ Антонія, тѣмъ хуже было для Арсенія.

«Монаха Арсенія, показывалъ онъ, и архимандритъ, и всѣ монахи почитаютъ за архіерея и принимаютъ отъ него благословеніе такъ, какъ отъ архіерея, и называютъ архіереемъ, коего архимандритъ Антоній и причащаетъ всегда у престола Божьяго не такъ, какъ простого монаха, а какъ священно-служителя» [2]). Въ показаніяхъ онъ старался не запутать въ дѣло іеромонаховъ Игнатія и Іосифа, однако же не скрылъ что всѣ іеромонахи у Арсенія брали благословеніе и ходили поздравлять его съ праздниками. При подписаніи допроса Лебедевъ прибавилъ: «а когда онъ 2 апрѣля размолвился съ монахомъ Арсеніемъ, то, стоя у окошка, говорилъ Алексѣевскому тихонько: вѣдь де ты, Алексѣевскій слыхалъ, что Арсеній не почитаетъ и называетъ государыню неприродною и онъ де, Лебедевъ, донесетъ, на что Алексѣевскій, пьяный, сказалъ, чтобы онъ молчалъ, здѣсь де тебя зажмутъ».

Въ городѣ же случился и архимандритъ Антоній съ іеромонахомъ Григоріемъ и Іосифомъ. Антонія въ тотъ же день, по указанію Лебедева, розыскали и подвергли въ губернской канцеляріи допросу. Онъ сначала отрицалъ рѣшительно все, что показалъ на него Лебедевъ,—что въ келью къ Арсенію онъ весь постъ ходилъ, а никакого письма отъ него не бралъ и на проскомидіи не читывалъ, вообще, церковнаго устава, по совѣту Арсенія, не пополнялъ, а бралъ отъ Арсенія поминальникъ архіереевъ и прочихъ чиновъ; разговоровъ отъ Арсенія ни объ императрицѣ, ни о наслѣдникѣ не слыхалъ. При подписаніи же допроснаго листа Антоній

---

[1]) «Р. Старина» 1885 г. XLV т., 316 стр. О Батоговѣ тамъ же, стр. 325.
[2]) Тамъ же, 317 стр.

прибавилъ, что, при извѣстіи о смерти Ивана Антоновича, Арсеній говорилъ такъ: «кровь де его, аки Авелева, вопіетъ до Бога и что онъ невинно пострадалъ» [1]).

На другой день, раннимъ утромъ, отправился въ Корельскій монастырь товарищъ губернатора Аничковъ и прокуроръ Нарышкинъ для слѣдственнаго дознанія по дѣлу Батогова.

Они нашли тамъ письмо, [2]) о которомъ доносилъ Лебедевъ, и, между прочимъ, два письма капитана Якова Римскаго-Корсакова къ Арсенію. Они возбудили сомнѣніе своимъ содержаніемъ и тоже были пріобщены къ числу вещественныхъ доказательствъ того, какимъ уваженіемъ пользовался въ монастырѣ и у посѣтителей Арсеній Мацѣевичъ. Взята также книга Іоанна Арндта, найденная въ кельѣ у Арсенія.

9 сентября власти вернулись обратно въ городъ, взявши съ собою самого монаха Арсенія, а также корельскихъ іеромонаховъ Григорія, Игнатія, Іосифа, игумена Геннадія и монастырскаго служителя Галактіона Сухорукова. Истребованы были и караульные солдаты съ самимъ прапорщикомъ Алексѣевскимъ и слѣдствіе началось.

Съ 8 по 11 сентября были приготовленія къ допросу. Алексѣевскій сначала не подтвердилъ доноса Лебедева [3]), «по простотѣ» [4]) своей, какъ говорили они въ послѣдствіи съ Антоніемъ, на самомъ же дѣлѣ, какъ онъ, такъ и архимандритъ сознавали, что незамысловатая жизнь у нихъ, въ глуши ничего такого, за что можно было бы обвинить по 1 или 2 пункту, не представляетъ. То, о чемъ доносилъ Лебедевъ, не имѣло преступнаго оттѣнка: о государынѣ естественно было говорить по поводу отобранія ею церковныхъ имѣній; о предполагаемомъ бракѣ государыни съ Орло-

---

[1]) Гос. Архивъ, «дѣло о разстригѣ Арсеніи» разр. VI, № 399, 20, 21, 10 листы.

[2]) *Снегиревъ* («Арсеній Мацѣевичъ», въ «Русск. Достопамят.» вып. IV, 1862 г. 28 стр.) ошибочно пишетъ, что у *Арсенія* нашли молитву «на гонящихъ Церкви».

[3]) Тамъ же 318 стр. и 327. Дѣло объ Арсеніи, Госуд. Арх. разр. VI, № 399, 22 л.

[4]) Дѣло объ Арсеніи въ Гос. Арх. разр. VI, № 399, 38 л.

вымъ говорили не одни они,—это было всероссійское «эхо,» о наслѣдникѣ престола и его болѣзни тоже всѣ знали и говорили. Но когда всѣ отрывочные корельскіе разговоры въ кельѣ у Арсенія сгруппированы были Лебедевымъ такъ, что выставляли архимандрита заговорщикомъ съ Арсеніемъ, тогда Антоній не могъ не отрицать взводимыхъ на него обвиненій.

Лебедевъ волновался, потому что и монахи, и солдаты на очныхъ ставкахъ уличали его во лжи. Оказалось несомнѣнно, что нѣкоторые монахи не видали письма на гонящихъ Церкви, солдаты рѣчей о государынѣ не слыхали. Антонія долго увѣщавали не скрывать того, что онъ знаетъ по доносу, и онъ, наконецъ, 11 сентября въ 6 часовъ вечера, подтвердилъ показанія Лебедева [1]) на Арсенія о рѣчахъ его объ императрицѣ, «что она не тверда въ законѣ нашемъ и не надлежало де ей россійскаго престола принимать и слѣдовало бы Ивану Антоновичу»,—о шлиссельбургскомъ узникѣ,—о бракѣ ея съ Орловымъ, равно и о болѣзни наслѣдника и о томъ, что Арсеній далъ ему молитву читать на проскомидіи. «Но того,—прибавилъ онъ,—чтобы престолъ слѣдовалъ Ивана Антоновича отцу [2]),—отъ Арсенія не слыхалъ», не думалъ и того, что подъ гонящими Церковь можно разумѣть императрицу.

Лебедевъ торжествовалъ: все это я слышалъ и утверждаю, говорилъ онъ [3]). Допрашивали и увѣщавали архимандрита два часа. Затѣмъ, въ 8 часовъ, стали допрашивать Арсенія.

Арсеній показалъ такъ. «Я говорилъ архимандриту, а можетъ быть кому и другому о бывшемъ императорѣ Петрѣ Ѳедоровичѣ: онъ, какъ передавалъ мнѣ покойный псковскій архіерей Симонъ, былъ «не твердъ въ законѣ». Что госуда-

---

[1]) Тамъ же, 326 стр. «Дѣло объ Арсеніи разстригѣ», «Гос. Арх.» разр. VI, № 399, 22, 34 л.

[2]) Допросъ относительно правъ отца Ивана Антоновича показываетъ, что подозрѣвали связи Арсенія съ Брауншвейгскою фамиліею въ Холмогорахъ, которые были близко отъ Архангельска (70 верстъ).

[3]) «Дѣло объ Арсеніи разстригѣ» въ Гос. Архивѣ, разр. VI, № 399, 34 л. Антоній впослѣдствіи отказался отъ своего показанія; онъ сказалъ, что Арсеній ему далъ не молитву, а служебникъ (тамъ же 42 л.)

рыня приходится въ шестомъ колѣнѣ родства Ивану Антоновичу по своему мужу,—это было говорено, были предположенія и о томъ, что синодъ разрѣшитъ бракъ государыни съ бывшимъ императоромъ» [1]). «О гонящихъ же Церковь, давъ онъ, Арсеній, ему, архимандриту, служебникъ кіевской, совѣтовалъ, чтобы молитвы читали, вынимая на проскомидіи часть, а какія Антоній выписалъ и читалъ, того онъ не знаетъ» [2]).

Солдаты всѣ показали, что не слыхали отъ Арсенія никакихъ словъ о государынѣ, такъ что Лебедевъ на очной ставкѣ съ ними принужденъ былъ показать такъ: онъ полагалъ, что «какъ они читаемыя имъ, Арсеніемъ, житія святыхъ отецъ слушали, то и думалъ, что они означенныя, говоренныя имъ, Арсеніемъ, слова слыхали» [3]). О самомъ Лебедевѣ караульные давали самый худой отзывъ. Поэтому, онъ еще болѣе волновался теперь, когда узналъ, что Арсеній не во всемъ сознался въ показанномъ на него: неоднократно напрашивался въ канцелярію и спѣшилъ высказать все, что зналъ и предполагалъ. Показанія его основывались на догадкахъ, такъ какъ и жилъ онъ у Арсенія всего только 7 мѣсяцевъ [4]). Но такъ какъ дѣло касалось самаго важнаго, второго пункта, то его выслушивали и все записывали.

Антоній тоже старался подробными показаніями пріобрѣсть расположеніе къ себѣ слѣдователей. Помимо рѣчей о государынѣ, онъ сообщалъ и разговоры свои съ Арсеніемъ въ казематѣ и о болѣзни цесаревича, и о «шлиссельбургской нелѣпѣ», а также о нежеланіи императрицы Елизаветы Петровны, чтобы ей наслѣдовалъ Петръ Ѳедоровичъ.

---

[1]) Показаніе Арсенія невольно заставляло сопоставлять его съ Хитрово. Заговоръ Хитрово въ 1763 г. въ томъ и состоялъ, что онъ съ сообщниками думалъ просить императрицу—не вступать въ бракъ съ Орловымъ, а выбрать себѣ мужемъ одного изъ принцевъ Брауншвейгскихъ (*В. А. Бильбасовъ*,—«Ист. Екатерины II», II т., 260 стр.).

[2]) «Русская Старина», 1885 г. XLVI, т., 327 стр., Гос. Арх., разр. VI, № 399, 47 л.

[3]) «Дѣло объ Арсеніи разстригѣ», Гос. арх. разр. VI, № 399, 19 л.

[4]) «Р. Старина» 1885 г. XLV т., 327 стр.

Самою главною уликою противъ Арсенія и Антонія власти считали 4 слѣдующія молитвы на проскомидіи.

1) О умиреніи Церквей во время гоненія, на проскомидіи.

«Господи, Іисусе Христе, Боже нашъ, страсть вольную, распятіе же, смерть и погребеніе плотію, Церкве ради святыя Твоея претерпѣвый и кровь Твою Божественную многимъ милованіемъ тоя ради изліявый, и невѣсту чисту сію Тебѣ обручивый: пріими нынѣ, молимъ Тя, жертву сію, о мирѣ и тишинѣ ея Тебѣ приносимую, и отъ всѣхъ бѣдъ, нуждъ и отступническихъ навожденій и обстояній и настоящихъ гоненій вскорѣ изми, и совершенно, яко милостивъ, умири».

2) Во время всякія нужды и злоключенія людей, на проскомидіи.

«Господи, Іисусе Христе, Боже нашъ, пріими жертву сію во оставленіе грѣховъ всѣхъ людей Твоихъ и милостивно отврати отъ насъ весь гнѣвъ Твой, праведно движимый на ны, и вскорѣ, яко благъ, изми насъ отъ всѣхъ озлобленій и бѣдъ, належащихъ намъ».

3) О искорененіи ересей и отступствъ, утишеніи же раздираній церковныхъ и обращеніи заблудшихъ отъ истины, на проскомидіи.

«Господи, Іисусе Христе, Боже нашъ, пріими жертву сію во оставленіе всѣхъ вѣрныхъ рабовъ Твоихъ и помяни святую Твою соборную Церковь и умири ю, юже снабдѣлъ еси честною Твоею кровію, раздиранія ея утиши, языческая же шатанія угаси, ереси и возстанія скоро разори и искорени силою святаго Твоего Духа».

4) О врагахъ, ненавидящихъ и обидящихъ насъ, на проскомидіи.

«Господи, Іисусе Христе, Боже нашъ, пріими отъ насъ, недостойныхъ рабовъ Твоихъ, жертву сію и, простивъ намъ вся согрѣшенія наша, помяни всѣхъ враговъ нашихъ, ненавидящихъ и обидящихъ насъ, и не воздаждь имъ по дѣломъ ихъ, но по велицѣй милости Твоей обрати ихъ невѣрныхъ

ко благовѣрію и благочестію, вѣрныхъ же во еже уклонитися отъ зла и сотворити благое, яко да ни единъ отъ нихъ погибнетъ насъ ради недостойныхъ. Насъ же и Церковь Твою святую всесильною Твоею крѣпостію отъ всякаго злаго обстоянія милостивно избави» [1]). Всѣ эти молитвы написаны четкимъ уставнымъ письмомъ. Такъ какъ на допросѣ Арсеній показалъ, что онъ не давалъ такой выписки архимандриту, то власти долго допытывались, откуда взялась она. Лебедевъ указалъ было на іеромонаха Григорія, какъ на переписчика, но показаніе его оказалось ложнымъ; спрашивали монастырскихъ служекъ и, наконецъ, добились своего: 16-лѣтній мальчикъ Галактіонъ Сухоруковъ показалъ на своего отца, Егора Сухорукова, монастырскаго служителя, что онъ писалъ все это. Ихъ обоихъ забрали.

Такъ какъ ни содержаніе молитвъ, читавшихся въ корельскомъ монастырѣ на проскомидіи, ни происхожденіе ихъ не бросало на Арсенія тѣни политическаго преступленія, то власти стали изслѣдовать другіе пункты обвиненій.

Когда Арсенія стали допрашивать,—отъ кого онъ узналъ о смерти Ивана Антоновича, то, по указанію его, къ допросу притянули протопопа Ѳедорова. Но протопопъ показалъ, что онъ ни въ какіе разговоры во время своихъ пріѣздовъ въ корельскій монастырь съ Арсеніемъ не вступалъ. То же самое утверждалъ онъ и на очной ставкѣ [2]), которую имъ сдѣлали, такъ что Арсеній принужденъ былъ сказать, что не упомнитъ онъ, отъ кого слышалъ разговоръ объ инструкціи императрицы Елизаветы Петровны относительно Ивана Антоновича,

Далѣе Арсеній показалъ, что о согласникахъ съ Мировичемъ онъ высказывалъ архимандриту только свое предположеніе, но того, что убійцъ Ивана Антоновича слѣдуетъ казнить, не говорилъ,—не говорилъ и словъ, что убитый—второй Авель и, будто, «кровь его, аки Авелева, вопіетъ до Бога».

Притянутые къ допросу стали припоминать и другія рѣчи, казавшіяся имъ важными и имѣющими политическій

[1]) Дѣло объ Арсеніи, Гос. Арх., разр. VI, дѣло № 399, 14—15 л.
[2]) Дѣло объ Арсеніи, въ Гос. Архивѣ, разрядъ VI, № 399, 50 л.

оттѣнокъ: путая имена и смѣшивая событія [1]), старались обиліемъ своихъ показаній расположить къ себѣ слѣдователей. Архимандритъ Антоній, разъ уже уличенный въ лживости показанія, старался загладить вину свою новымъ сообщеніемъ. Онъ показалъ, что Арсеній, читая ему, Алексѣевскому и Лебедеву житіе Кирилла новоезерскаго, указывалъ на пророчество преподобнаго Кирилла о двухъ юношахъ, которые будутъ царствовать въ Россіи. «Приходитъ то время, будто бы толковалъ тогда Арсеній, когда наступитъ благополучіе въ Россіи; турка русскіе выгонятъ, Грецію возьмутъ подъ свою власть, и будутъ царствовать два умиленныхъ юноши, одинъ цесаревичъ Павелъ Петровичъ, а другой братъ Ивана Антоновича». Изъ допросовъ оказалось, что о юношахъ, заточенныхъ въ Холмогорахъ, братьяхъ Ивана Антоновича доносились слухи и до Архангельска; о нихъ говорили и на холмогорскомъ рынкѣ, и школьники, и солдаты, и монахи [2]). Таинственная судьба таинственныхъ узниковъ умиляла всѣхъ. Лебедевъ, по своей привычкѣ, не дававшій себѣ отчета въ своихъ словахъ, называлъ ихъ «Петръ и Павелъ» [3]), подъ каковыми именами, по его словамъ, и Арсеній толковалъ ихъ судьбу Алексѣевскому [4]). Далѣе Антоній показывалъ на Арсенія [5]): «Арсеній бранитъ святѣйшій синодъ, говоря, что онъ неправильно его осудилъ».

— «Нѣтъ, святѣйшій синодъ я не бранивалъ, а говорилъ что я, будучи архіереемъ, писалъ въ синодъ такъ, какъ на страшный судъ мнѣ встать, и какъ синодъ писанное мною растолковалъ, за то будетъ со мною судиться на страшномъ судѣ», показывалъ Арсеній.

Не повинившись, такимъ образомъ, въ рѣчахъ государственной важности, Арсеній считалъ себя невиннымъ.

---

[1]) Лебедевъ называлъ цесаревича Павла Петровича братомъ Петра Антоновича Брауншвейгскаго. Алексѣевскій—осужденіе Геннадія, архимандрита угличскаго, приписывалъ новоспасскому архимандриту, члену св. синода, и т. п.

[2]) Тамъ же, 38 л.

[3]) Тамъ же, 38 л. Первый сынъ Анны Леопольдовны названъ Петромъ, родился въ 1745 году, второй Алексѣй—въ 1746 г. (*В. А. Бильбасовъ*,— «Исторія Екатерины II», I т., 194 стр.; «Вѣстн. Евр.» 1902 г.).

[4]) «Р. Старина» 1885 г., т. I, 331 стр.

[5]) Тамъ же, 332 стр.

Въ заключеніе показанія его принудили дать подписку, что онъ ничего не утаилъ и за утайку, въ которой изобличили бы его, подвергаетъ себя смертной казни. Что касается доноса на него, то онъ сдѣланъ монахами, по мнѣнію Арсенія, съ цѣлію «выжить его изъ монастыря, а имъ свободнѣе пить», такъ какъ «архимандритъ Антоній и вся братія Никольскаго корельскаго монастыря—пьяницы».

Глубоко сознавая свою невинность, Арсеній много думалъ о томъ, чтобы показанія его ни въ чемъ не возбуждали подозрѣній и были ясны. По поводу, напримѣръ, корельскихъ толковъ о родствѣ Ивана Антоновича съ Екатериной II и ихъ предполагаемомъ бракѣ, Арсеній сдѣлалъ оговорку въ томъ своемъ показаніи, что считаетъ онъ ихъ въ шестомъ колѣнѣ родства. Нынѣ Арсеній, обдумавши свои слова, заявилъ прежнее свое показаніе ошибочнымъ, потому что Екатерина II по супружеству съ императоромъ Петромъ Ѳедоровичемъ приходится въ шестомъ колѣнѣ матери Ивана Антоновича, а не самому Ивану Антоновичу [1]).

Лебедевъ старался, какъ можно больше оговорить архимандрита и спѣшилъ высказать все, что зналъ или предполагалъ; показывалъ не только тогда, когда его вызывали въ присутствіе властей, но часто и самъ напрашивался туда для того, чтобы что-нибудь сказать.

Алексѣевскаго удалось слѣдователямъ довести до сознанія, что онъ держалъ караулъ не по инструкціи. Его убѣдили, что только своею откровенностію онъ и можетъ заслужить помилованіе [2]). Благодаря тому, что его интересовало все, касавшееся столицы, разсказы о царскихъ поколѣніяхъ, сообщенія о цезаряхъ,—онъ запомнилъ много такого, что другіе забыли, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, многое исказилъ и перепуталъ въ памяти, какъ имена, такъ и подробности [3]) изъ разсказовъ Арсенія. Онъ передалъ, какъ могъ, рѣчи Арсенія о томъ, какъ въ другихъ странахъ берегутъ наслѣдниковъ престола, о незаконномъ вступленіи на

---

[1]) Дѣло в. кн. Петра Ѳедоровича.
[2]) «Р. Стар.» 1885 г. XLVI т., 337 стр.
[3]) Тамъ же, 336 и 334 стр.

престолъ Анны Іоанновны и Петра III, а также и о правахъ отца Іоанна Антоновича.

Арсеній «съ важнѣйшими показаніями» Алексѣевскаго опять не согласился. «Что въ Россіи не берегутъ наслѣдниковъ и что настоящее наслѣдство по кончинѣ Петра II кончилось, то я не говаривалъ, а сказалъ, что, по кончинѣ императора Петра II, души такой не было, что бы не плакалъ, и что мужескаго пола послѣ его (смерти) не осталось наслѣдника и онъ небреженіемъ князей Долгорукихъ скончался». О незаконности вступленія на престолъ по смерти императора Петра II рѣчей у него ни съ кѣмъ не было, говорили же, однако, о томъ, что прямой его наслѣдницей на престолъ была дочь Петра Великаго. Точно также никому не высказывалъ онъ своихъ предположеній о правахъ императора Петра III на престолъ. Толкованія и разсужденія объ опасномъ состояніи здоровья цесаревича были: въ этомъ Арсеній сознался и подтвердилъ, что наслѣдниками престола русскаго онъ считалъ не принца Антона Брауншвейгскаго, а дѣтей его: ихъ онъ почиталъ за царское колѣно [1]). Это свое мнѣніе онъ, быть можетъ, кому-нибудь и говаривалъ. Архимандриту же онъ, дѣйствительно, говорилъ: «его высочество боленъ и, сохрани Боже, если скончается, то не за кого больше приниматься, какъ Ивана Антоновича братьевъ, коихъ надо почитать за царское колѣно» [2]).

За то Арсеній согласился почти со всѣми [3]) показаніями Алексѣевскаго объ отношеніи къ его дѣлу членовъ святѣйшаго синода. Правда, онъ не говорилъ «о митрополитѣ Сѣченовѣ, что до тѣхъ поръ поживетъ, пока оберъ секретарь Остолоповъ живетъ», но объ Остолоповѣ высказывалъ, «что онъ въ силѣ у преосвященнаго Димитрія, такъ что безъ него у митрополита ничего не дѣлается, а Гавріилъ с.-петербургскій

---

[1]) Въ это самое время предположенія, кто будетъ наслѣдникомъ престола въ случаѣ смерти цесаревича, волновали всѣхъ при дворѣ и были такъ разнообразны, что обостряли взаимныя отношенія приближенныхъ Екатерины II—Панинныхъ и Орловыхъ. Было вслѣдствіи даже предположеніе (въ 1771 г.), въ случаѣ несчастной необходимости объявить наслѣдникомъ графа Бобринскаго (свидѣт. Голицина. «Р. Арх.» 1874 г. I т., 1328 стр.).

[2]) «Р. Стар.» 1885 г. XVLI т., 334 стр.

[3]) Тамъ же, стр. 334.

съ нимъ; Димитріемъ, въ согласіи, почему и дѣлать безъ него ничего не можетъ». Отказался онъ признаться и въ словахъ, что Церковь разграбили, сосуды отобрали, а также о новоспасскомъ архимандритѣ, о томъ, что нынѣшняя безурядица напоминаетъ Содомъ и Гоморру, что государыня не тверда въ законѣ и дворянство воспользовалось ея незнаніемъ русскихъ обычаевъ. Но сознался въ рѣчахъ своихъ, что при императорѣ Петрѣ I духовенству было лучше: хотя съ монастырей брали часть дохода, но деревень отъ монастырей не отнимали, а нынѣ «духовному чину лучше жить у турка, чѣмъ въ Россіи». Членовъ синода предателями онъ не называлъ, а говорилъ такъ: «если бы не были согласны новгородскій Димитрій и петербургскій Гавріилъ, то, конечно, деревень не отобрали бы».

Такимъ образомъ, слѣдователи незамѣтно переходили къ личному дѣлу Арсенія, за которое онъ пострадалъ,—къ дѣлу о церковныхъ имѣніяхъ. Корельскій архимандритъ съ его опущеніями и слабостями отошелъ на задній планъ. Слѣдователи не придавали показаніямъ, касавшимся отнятія церковныхъ имѣній, большого значенія и не предполагали, что дѣло о нихъ имѣетъ соприкосновеніе съ доносомъ. Имъ подозрительно было болѣе всего то, что Арсеній высказалъ недовольство, будто осужденъ государыней несправедливо, и допускалъ другимъ сравнивать себя съ Златоустомъ, пострадавшимъ отъ царицы. «За правильное доношеніе онъ сосланъ и будетъ судиться на страшномъ судѣ». Поэтому слѣдователи отмѣтили также и такое показаніе Алексѣевскаго на Арсенія: «показывалъ мнѣ Арсеній служебникъ кіевской печати и, указывая въ немъ на одну молитву, сообщалъ, вотъ-де, за эту молитву страждетъ бывшій въ Угличѣ архимандритъ и онъ де разстриженъ и сосланъ въ Соловецкій монастырь за то, что ту молитву онъ въ церкви въ служеніи читалъ». Арсеній на такое показаніе Алексѣевскаго отвѣтилъ, что рѣчи эти относятся къ митрополиту Сѣченову, что «вѣроятно... это Сѣченовъ Геннадія разстригъ по злобѣ, такъ какъ Геннадій былъ посвященъ и опредѣленъ» Арсеніемъ [1]).

[1]) Тамъ же, стр. 336.

Послѣ допросовъ свидѣтелей были приняты мѣры къ тому, чтобы выяснить разногласіе въ показаніяхъ. Арсенію дали очную ставку съ его обвинителями, и здѣсь онъ долженъ былъ измѣнить свои показанія [1]). Онъ сознался, что о бракѣ государыни съ Иваномъ Антоновичемъ говорилъ. «Слышавъ отъ Алексѣевскаго, что государыня высказала свое намѣреніе вступить въ супружество за Орлова, и что сенаторы просили, чтобы этого не было», онъ, Арсеній, высказалъ: «и такъ де лучше бы за него, Ивана Антоновича, ея величеству въ супружество идти, нежели за Орлова и синодъ бы дозволилъ».—Затѣмъ, вопреки своему прежнему показанію, сознался, что о Мировичѣ и убійцахъ Ивана Антоновича,—о томъ, что слѣдовало перваго пытать, а послѣднихъ казнить, имъ говаривано. Точно также и въ томъ, что «синодскихъ членовъ съ сердца бранивалъ равно и Димитрія Сѣченова называлъ супостатомъ, кабы пропалъ, то бъ и онъ былъ освобожденъ»,— признался. Не скрывалъ и рѣчей своихъ о томъ, что «князь Куракинъ, серебряные сосуды обобралъ да надавалъ оловянныхъ, такъ и самъ пропалъ, и что церкви за отобраніемъ деревень пустуютъ» [2]). При этомъ, у Арсенія съ Алексѣевскимъ возникъ на очной ставкѣ даже споръ: слова о сравненіи Арсенія съ Златоустомъ они упорно приписывали другъ другу. Вообще и теперь, по отзыву слѣдователей, Арсеній не во всемъ признался. Тогда Алексѣевскій надумалъ было подорвать довѣріе къ словамъ Арсенія новыми показаніями: «Арсеній говорилъ: не малехонько де синодъ и члены не смотрятъ; библія де напечатана неисправна и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ съ жидами согласна, а книжка исповѣдная съ кальвинами согласна». Но Арсеній, какъ будто, даже обрадовался, что Алексѣевскій припомнилъ это, и подтвердилъ его, прибавивъ: «въ чемъ съ жидами и кальвинами согласна, то и доказать» могу [3]).

Когда слѣдователи потребовали отъ архіерея архангело-

---

[1]) Тамъ же, стр. 337. Архивъ Гос., разрядъ VI, дѣло № 399, 73 и 62 стр.

[2]) Тамъ же, 42 л.

[3]) Тамъ же, 318 л.

городскаго его показанія по дѣлу Арсенія, то онъ заявилъ, что лично не могъ наблюдать за нимъ по своей болѣзни.

Прежде чѣмъ отослать слѣдственное дѣло въ С.-Петербургъ, въ Архангельскѣ составили изъ него докладъ, гдѣ указано соприкосновеніе къ дѣлу арестованныхъ лицъ и степень ихъ виновности. Слѣдователи нашли, что «монахъ Арсеній... съ допросовъ и очныхъ ставокъ, по уликѣ, въ нѣкоторыхъ говоренныхъ имъ противныхъ и важныхъ словъ признался, но въ самыхъ важнѣйшихъ учинилъ запирательство» [1]). Въ концѣ доклада они описываютъ свое усердіе открыть истину, «сколько ихъ силъ и разуму доставало» [2]).

Такое «усердіе» раздражало Арсенія. Сохранилось, хотя не документальное, но несомнѣнное извѣстіе, что его «тѣснилъ прокуроръ Василій Васильевичъ Нарышкинъ». При допросахъ въ раздраженіи «Арсеній, вмѣсто отвѣтовъ, давалъ Нарышкину нравоученіе, а, наконецъ, подарилъ мѣдный пятакъ, положа на столъ, за что крайне бѣсился Нарышкинъ. Но Арсеній сказалъ, что пятакъ ему пригодится, что и сбылось» [3]).

Въ докладѣ или «запискѣ» былъ экстрактъ изъ цѣлой кипы слѣдственныхъ документовъ—показаній, очныхъ ставокъ, справокъ, экстрактовъ, предназначенный для императрицы [4]). Тѣ показанія, которыя «порознь показали» свидѣтели [5]), сведены къ слѣдующимъ пунктамъ: 1) о

---

[1]) Проф. *И. А. Чистовичъ* утверждаетъ («День» 1862 г. 15, 5) неправильно, что Арсеній почти во всемъ признался.

[2]) Тамъ же, стр. 322.

[3]) Такъ писалъ о судѣ надъ Арсеніемъ директоръ американской компаніи, Михаилъ Матвѣевичъ Булгаковъ, къ ректору новгородской семинаріи въ 1814 году. Булдакову же разсказывалъ объ этомъ Озерецковскій, который тогда былъ у Нарышкина въ Архангельскѣ. Говорятъ, что «въ Нерчинскѣ Нарышкинъ, будучи заводскимъ начальникомъ, подпалъ слѣдствію и былъ пять лѣтъ подъ судомъ, и имѣніе его конфисковано за разграбленіе казенныхъ денегъ; потомъ пять лѣтъ—въ крѣпости, гдѣ и померъ, получая по 5 копѣекъ на день на содержаніе». Булгаковъ удостовѣрялъ, что «это де все подробно Озерецковскій знаетъ» («Зритель» 1862 г. № 23, 735 стр.).

[4]) Императрица, читая его, дѣлала на немъ собственноручныя помѣтки. («Чт.» 1862 г. III т., 166, 168 и 169 стр. и примѣч.).

[5]) Тамъ же, 165 стр. Въ «Краткомъ извѣстіи о жизни м. Арсенія» пункты обвиненія выставлены неправильно. Тамъ сказано, что на Арсенія до-

томъ, что государынѣ, по словамъ Арсенія, не надлежало россійскаго престола принимать и лучше бы ей за Ивана Антоновича вступить въ замужество; 2) о болѣзни наслѣдника престола; 3) о Мировичѣ и его сообщникахъ; 4) о правахъ братьевъ Ивана Антоновича на престолъ; 5) о неправильномъ наслѣдованіи престола Анною Іоанновною; 6) о братьяхъ Ивана Антоновича, какъ царскомъ колѣнѣ; 7) о скудости монастырской; 8) о правильности доношеній Арсенія въ синодъ, 9) о сравненіи себя съ Златоустомъ; 10) о неправильномъ осужденіи архимандрита Геннадія; 11) враждебный отзывъ о Сѣченовѣ и членахъ синода; 12) обвиненіе синода въ безпечности; 13) молитва о гонящихъ Церковь; 14) участь панихиднаго реестра въ монастырѣ.

Каждый пунктъ обвиненія, взятый порознь, не имѣлъ никакой преступной важности: о всемъ, что говорилось въ казематахъ корельскаго монастыря, «эхо» ходило вездѣ, но всѣ пункты, взятые вмѣстѣ, заставляли думать о цѣломъ заговорѣ въ стѣнахъ отдаленнаго монастыря.

Глава III.

Подозрѣніе Арсенія въ составленіи заговора.

Императрица, получивши изъ Архангельска дѣло объ Арсеніи, передала его генералъ-прокурору князю Вяземскому. Всѣ показанія надо было сопоставить съ прежнимъ дѣломъ Мацѣевича. Истребовали, поэтому, изъ синода копіи съ обоихъ доношеній его, а также съ указовъ на имя архангелогородскаго архіерея и корельскаго архимандрита. Объ архіереѣ пожелали узнать свѣдѣнія о поведеніи «и о сантиментахъ» его [1]). Послѣ осужденія митрополита Арсенія недовольство отнятіемъ деревень выражало не одно низшее духовенство, но и архіереи. Митрополитъ тобольскій, Павелъ Конюске-

несъ «офицеръ, бывшій у него на водкѣ», въ томъ, что Арсеній называлъ государемъ Ивана Антоновича, «ибо ему присягали», что Екатерину II называлъ правительницею за малолѣтствомъ своего сына, что она не любитъ ни Россіи, ни закона греческаго («Зритель» 1862 г. № 23, 734 стр.).

[1]) «Р. Старина» 1885 г. т. LXVI, стр. 612. Гос. Арх. VI, № 399, 77 и 100 л.

вичъ, послалъ въ синодъ въ 1767 г. сильный протестъ противъ дѣйствій правительства. Дѣло его еще продолжалось [1]); теперь же опять открылось, что у архангельскаго архіерея даже молились объ «обидящихъ Церковь». Поэтому для императрицы корельское дѣло показалось настолько важнымъ, что она вникала во всѣ подробности свидѣтельскихъ показаній и желала въ нихъ видѣть обвиненія на Арсенія вполнѣ вѣроятными. Она отнеслась къ дѣлу съ особенною озлобленною натяжкою. Она сразу рѣшила не оставлять Арсенія даже въ отдаленной русской мѣстности, а сослать его туда, гдѣ бы не было русскихъ традицій и не могло быть сочувствія къ нему [2]). По ея приказанію князь Вяземскій навелъ справки, «нѣтъ ли въ Выборгѣ, Нарвѣ или Ревели особаго въ крѣпости и ничѣмъ незанятаго, крѣпкаго, къ житію способнаго, каземата» [3]). Выборъ ея палъ на ревельскую крѣпость, гдѣ всегда оказывали по отношенію къ ней «великое усердіе».

Очевидно, въ Петербургѣ предположили цѣлый государственный заговоръ. Можетъ ли быть, чтобы Арсеній не имѣлъ опредѣленнаго плана дѣйствій, когда пропагандировалъ такъ смѣло свои мысли между духовными и военными лицами и имѣлъ между ними не только сочувствіе, но и успѣхъ? «Не возможно вѣрить, писалъ [4]) князь Вяземскій въ архангелогородскую канцелярію, чтобы Антоній и Алексѣевскій не доносили, якобы по простотѣ своей. Ослушаніе яснаго синодскаго указа отъ простоты почесться не можетъ!... Чему они изъ послабленія Арсенію быть надѣялись?» [5]). «Чему,

---

[1]) Въ 1768 году онъ осужденъ на лишеніе архіерейскаго сана, но императрица ограничилась увольненіемъ его на покой въ Кіевопечерскую лавру («Чт. въ Имп. Общ. Ист. и Др. Росс.» 1870 г., кн. 2, стр. 158—166; «Сб. Р. И. Общ.» X т., 275 стр.).

[2]) Такой пріемъ Екатерина практиковала и по отношенію къ другимъ арестантамъ; напр., она пишетъ Н. Панину о неизвѣстномъ колодникѣ: «мое мнѣніе есть, чтобъ... изъ рукъ не выпускать, дабы всегда въ охраненіи отъ зла остался; только постричь нынѣ и перемѣнить жилище въ не весьма близкой... монастырь» («Сборникъ», VII т., 364 стр.).

[3]) Гос. Арх., разр. VI № 399 л. 99. «Р. Стар.» 1885 г. XLVI т., 612 стр. Въ Ревелѣ императрица въ 1763 и 1764 гг. была сама и съ ужасомъ отзывалась о положеніи колодниковъ при Балтійскомъ портѣ. (*В. А. Бильбасовъ.* «Ист. Екатерины II», II т., 292 стр. «Сборникъ Р. И. О.», VII т., 362 стр.).

[4]) «Р. Старина» 1885 г. XLVI т., 612—615 стр.

[5]) Тамъ же, 614 стр.

наконецъ, и онъ, самъ Арсеній, отъ разглашеній о правахъ... брауншвейгскихъ принцевъ быть надѣялся?»

Самая близость Холмогоръ возбуждала подозрѣніе въ тотъ вѣкъ неожиданныхъ государственныхъ переворотовъ, когда, по отзыву иностранныхъ очевидцевъ ихъ, «при помощи нѣсколькихъ гренадеръ, нѣсколькихъ бочекъ вина и нѣсколькихъ мѣшковъ золота, въ Россіи можно (было) сдѣлать все что угодно».

Враги Арсенія были тѣмъ болѣе насторожѣ, что давно уже въ народѣ ходили слухи о немъ, какъ невинномъ страдальцѣ.

4 іюня 1763 года, чрезъ 2 мѣсяца по осужденіи его, безъ всякой причины неожиданно упала въ Москвѣ, церковь Трехъ Святителей, смежная съ Крестовой палатой, гдѣ было разстриженіе Арсенія. Въ народѣ такое крушеніе поставляли въ связь съ осужденіемъ ростовскаго митрополита [1]). Кромѣ смутныхъ, настойчивыхъ народныхъ слуховъ, появлялись ясныя доказательства, что и духовенство сочувствуетъ Арсенію и его протесту противъ отобранія государыней у духовенства деревень. Въ громкомъ дѣлѣ архимандрита Леонтовича, разбиравшемся вслѣдъ за разстриженіемъ Мацѣевича, нашлись эти доказательства. У Леонтовича оказалось доношеніе Мацѣевича синоду отъ 6 марта 1763 года. По дознанію оказалось, что ему передалъ доношеніе Арсенія перводіаконъ Мисаилъ, а послѣдній получилъ его отъ экономa Аѳанасія, Аѳанасій же взялъ его у вкладчицы и т. д. Угличскій архимандритъ Геннадій,—про котораго Арсеній говорилъ въ корельскомъ монастырѣ, что страждетъ онъ невинно,—прямо заявлялъ, что онъ и сочувствуетъ Арсенію, и продолжаетъ его дѣло. Сношенія ихъ чрезъ келейника въ Архангельскѣ, по соображеніямъ императрицы, были не безъ умысла. Какъ могъ Арсеній свѣдать не только о дѣлѣ Геннадія, но и заключить изъ дѣла, что Геннадія осудили «напрасно» [2])? И дѣло Арсенія и дѣло Геннадія, не только на

---

[1]) Протоколъ коллегіи экономіи № 94; *Снегиревъ*,—«Арсеній Мацѣевичъ», «Русскія достопамятности», вып. IV, 23.

[2]) «Русская Старина» 1885 г. XLV т., 612 стр. Архимандритъ Геннадій обвинялся въ нежеланіи читать въ своемъ угличскомъ монастырѣ

прокурорскій взглядъ, но и по мнѣнію императрицы имѣли подозрительную связь. «О семъ изслѣдовать, предписываетъ она, имѣлъ ли сношеніи съ Геннадіемъ о читаніи молитвы, и почему то знаетъ Арсеній, бывъ подъ крѣпкимъ карауломъ» [1]).

Допросы Арсенія показались не полными: Арсеній сознался, что подъ обидящими Церковь онъ разумѣлъ членовъ синода и дворянство, но «отъ кого же, почему и чѣмъ онъ почитаетъ Церковь обиженной?» Такъ какъ отвѣтъ на это долженъ быть опредѣленный, что обидящіе—это отнявшіе у Церкви ея имущественную собственность, то послѣдовательно указывалъ на власть, распорядившуюся взять деревни у духовенства. Слѣдовательно, и молитвы объ обидящихъ Церковь были противъ власти. Поэтому императрица приказала и «о семъ изслѣдовать, гдѣ, когда и кѣмъ» въ ростовской епархіи обобрали сосуды [2]).

Такимъ образомъ, всѣ сношенія корельскихъ обитателей съ Арсеніемъ получили преступно-политическій оттѣнокъ; въ сравненіи съ ними «рѣчи о бракѣ ея величества» казались и императрицѣ «не толикой важности» [3]).

Особенное вниманіе обратили въ Петербургѣ на письма капитана Римскаго-Корсакова. Они наводили на мысль, что у капитана съ Арсеніемъ было сближеніе и, вѣроятно, послѣдній говорилъ съ нимъ откровеннѣе, нежели съ другими. Корсакову не повѣрили, что онъ увѣрялъ въ этихъ письмахъ о своей почтительности къ Арсенію для одного «краснорѣчія». Его велѣно было взять подъ караулъ и накрѣпко допросить [4]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, велѣно еще допросить и Алексѣевскаго, «чему онъ и его солдаты изъ своего послабленія быть надѣялись». Показалось страннымъ, какъ узникъ свѣдалъ

молитвы за императорскую фамилію и въ слѣдующихъ рѣчахъ: «я это дѣло благопотребно дѣлаю, ревнуя Арсенію митрополиту, а я его ученикъ имѣюся: извольте доносить». «Сбор. Рус. Истор. Общества» VII т., 397—399).

[1]) «Чтенія» 1862 г. 3 кн., 169 стр.

[2]) Тамъ же, 168 стр.

[3]) Дѣло Арх. Мацѣевича,—«Чт. О. И. Др.» 1862 г. 174 стр.

[4]) «Р. Старина» 1885 г. XLV т., 613—614 стр.

отъ Быкова о предполагавшемся бракѣ императрицы съ Орловымъ, а въ особенности, почему Быковъ такъ поспѣшно и таинственно покончилъ съ собою [1]). Императрицу, очевидно, безпокоило сходство корельскихъ рѣчей въ кельѣ Арсенія съ бродившими вездѣ слухами объ Иванѣ Антоновичѣ. Извѣстно, что въ 1764 году были подметныя письма такого содержанія: «государыню Екатерину II надлежитъ выслать въ свою землю и на царскій престолъ утвердить непорочнаго царя и неповиннаго Іоанна Антоновича». При томъ же, и послѣ никогда не прекращались глухіе толки: «обидѣли-де Ивана Антоновича»[2]).—Невинными на взглядъ императрицы оказались только—Сухоруковъ, іеромонахъ Ѳеофанъ, протопопъ Ѳедоровъ и Батоговъ.

Приказывая восполнить допросъ, князь Вяземскій писалъ 8 октября 1767 года губернской канцеляріи секретно такъ: «Какъ по безпримѣрному ея императорскаго величества великодушію и милосердію, никакія истязанія быть не могутъ, то вамъ симъ рекомендую, чтобы по сему дѣлу отнюдь побоями никто изтязаемъ не былъ, а только... показать... словами строгость, сопряженную съ благоразуміемъ и вѣрностію къ ея императорскому величеству... и чрезъ тобъ... одно... подвигнуть (свидѣтелей) къ чистосердечному признанію, а не инаково» [3]). Разумѣется, князь выражалъ только желаніе императрицы; во-первыхъ для нея не желательны были пытки, такъ какъ она и всегда желала прослыть не только справедливой, но и великодушной; во-вторыхъ, пытки въ данномъ дѣлѣ послужили бы поводомъ къ новымъ слухамъ въ народѣ объ Арсеніи, какъ мученикѣ. Что не одно великодушіе побуждало императрицу Екатерину избѣгать истязаній, это видно изъ слѣдующихъ строкъ ея Наказа, которыя, быть можетъ, и вылились подъ давленіемъ необычайнаго дѣла объ Арсеніи Мацѣевичѣ: «надлежитъ весьма бояться, пишетъ она [4]), не наказывать... зараженныхъ порокомъ притворнаго нѣко-

---

[1]) Дѣло о разстригѣ Арсеніи, 66 листъ.
[2]) *В. А. Бильбасовъ*,—«Исторія Екатерины II», II т., 315, 328 и 174 стр.
[3]) Дѣло о разстригѣ Арсеніи, 104—105 л.
[4]) Наказъ импер. Екатерины II, гл. X, 214 прав.

его вдохновенія и ложной святости. Сіе преступленіе, основанное на гордости, изъ самой боли получитъ себѣ славу и пищу».

Такимъ образомъ, слѣдствіе обратилось въ личную борьбу самой императрицы съ Арсеніемъ и его идеями. Изъ собственноручныхъ помѣтокъ ея, сохранившихся въ «дѣлѣ о разстригѣ Арсеніи», видно, что она сама стала въ рядъ свидѣтелей противъ него. Такъ, противъ словъ, приписываемыхъ Лебедевымъ и Алексѣевскимъ Арсенію, будто «она не тверда въ законѣ нашемъ и не надлежало ей россійскаго престола принимать», добавила [1]) на поляхъ допроснаго листа: «сіи слова Арсеній говорилъ и въ 1762 г. (1763 г.) капитану Дурново, когда сей послѣдній пріѣзжалъ его брать въ синодъ, итакъ Алексѣевскій то не выдумалъ».

Глава IV.

Дополнительное слѣдствіе.

Къ 19 октября 1767 года предложеніе дополнительныхъ допросовъ и письмо князя Вяземскаго было въ Архангельскѣ получено. Слѣдствіе продолжалось еще 4 дня. «Всѣ на словахъ строгости», какъ пишетъ губернская канцелярія, «успѣха не имѣли» и словесныя «увѣщанія во изысканіи прямой истины не предуспѣли». Напротивъ, по сознанію прокурора Нарышкина, оказалось «великое разнорѣчіе» [2]). Строгость была, однако, «не на словахъ» однихъ. Манакова, когда онъ просилъ дать ему время на размышленіе, сковали, и оставили «безъ пищи и питія на размышленіе, дабы, пришедъ въ чувство, показалъ истину». У Батогова со страху отказались служить его больныя ноги, и его водили подъ руки [3]).

---

[1]) Изъ всего огромнаго дѣла, написаннаго при слѣдствіи по доносу Батогова въ Архангельскѣ рукою прокурора В. В. Нарышкина, были выбраны главные пункты обвиненій на Арсенія въ особую «записку о монахѣ Арсеніи и о прочихъ» (напечатана въ «Чтеніяхъ О. И. Др. Р.», 1862 г. 3 кн., 165—170 стр.). На этой запискѣ сохранились помѣтки и поправки императрицы, которыя показываютъ, какъ страшно она интересовалась обвинительными пунктами и старалась усилить ихъ значеніе (тамъ же, примѣчанія къ стр. 165, 166, 168, 169).

[2]) Р. Старина 1885 г. XLV т., 618 стр.

[3]) Дѣло объ Арсеніи, 18 л.

Вновь выставленные свидѣтели капитанъ Корсаковъ и Манаковъ уже были взяты подъ караулъ, наравнѣ съ корельскими монахами. Оба они оказались жизни не безукоризненной. Корсаковъ былъ пьяница, обвинялся въ буйствѣ, въ ложномъ оболганіи другихъ, игрѣ въ карты и небытіи на смотрахъ [1]). По справкамъ о Манаковѣ оказалось, что и присутственнымъ мѣстамъ нельзя вѣрить. Консисторія дала о немъ одобрительный отзывъ, какъ о честномъ и прилежномъ: ему былъ данъ даже аттестатъ. Губернская же канцелярія обвиняла его въ подлогѣ и взяткахъ. Въ 1762 и 1763 г.г. Манаковъ, по подкупу монастырской власти, за 30 рублей, 2 коровы и лошадь, уничтожилъ приходорасходныя книги корельскаго монастыря, сочинилъ новыя фальшивыя и скрѣпилъ ихъ своею подписью. Обязанныя давать отчетъ въ приходѣ и расходѣ денегъ въ коллегію экономіи, корельскія власти послали туда фальшивыя манаковскія книги и чрезъ такой подлогъ утаили болѣе 5.000 рублей [2]).

Въ показаніяхъ Арсенія ясность ихъ свидѣтельствовала объ ихъ правдивости.—О Геннадіи онъ узналъ отъ своего келейника Степана, который теперь уѣхалъ въ Малороссію [3]). Объ отобраніи княземъ Куракинымъ церковныхъ сосудовъ онъ слышалъ, еще будучи въ Ростовѣ, отъ пріѣзжавшихъ туда богомольцевъ, что будто президентъ коллегіи экономіи въ Петербургѣ взялъ у благовѣщенской церкви тѣ сосуды, которые подарила императрица Елизавета Петровна [4]). На вопросъ,—кого разумѣетъ Арсеній подъ обижающими церковь и почему считаетъ ее обиженною, Арсеній отвѣчалъ такъ. Обижающими Церковь разумѣетъ онъ предателей оной, Димитрія, митрополита новгородскаго, и Гавріила петербургскаго, потому что они согласниками стали на отнятіе отъ церквей деревень. Церковь обиженною онъ тѣмъ почитаетъ, что деревни обобрали отъ домовъ архіерейскихъ и отъ монастырей; «равномѣрно же, — показывалъ онъ, — разумѣю

---

[1]) Госуд. Архивъ, дѣло объ Арсеніи, разр. VI, № 399, 128—131 л.
[2]) Конецъ этой исторіи неизвѣстенъ, такъ какъ коллегія экономіи тогда еще не рѣшила самого дѣла. (Тамъ же, 132—133).
[3]) Тамъ же, 110 и 112 л.
[4]) Тамъ же, 72 л.

всѣхъ и свѣтскихъ чиновъ, которые о отнятіи деревень отъ церквей старались и въ коммиссіи объ оном присутствовали, обижающими Церковь». Арсеній прибавилъ, что даже и не знаетъ, кто изъ свѣтскихъ лицъ участвовалъ въ коммиссіи о духовныхъ имѣніяхъ [1]). Не смотря на то, что Арсенія старались, по предложенію князя Вяземскаго, «принудить» къ поясненію, почему онъ считаетъ Церковь обиженною, новаго отъ него ничего узнать не могли. Вмѣсто того, чтобы,«по предложенію» генералъ-прокурора спросить однихъ караульныхъ, «чему они отъ сношеній своихъ съ Арсеніемъ надѣялись», власти спросили объ этомъ у самого Арсенія. Арсеній не безъ удивленія отвѣчалъ, что онъ «ничему быть не надѣялся, а всѣ свои разглашенія чинилъ между разговорами, безъ всякаго умысла»; напримѣръ, когда услышалъ отъ Алексѣевскаго, что государыня намѣрена сочетаться бракомъ съ Орловымъ, то высказалъ тогда, «что лучше было бы за принца Ивана, потому что онъ—царскаго колѣна». Точно такъ же безъ умысла говорилъ и о правѣ наслѣдованія русскаго престола братьями Ивана: «они—царскаго колѣна» и въ случаѣ смерти цесаревича, по его убѣжденію, «не кому иному быть, какъ имъ».—О бытіи въ Россіи двумъ правителямъ онъ заключилъ изъ пророчества Кирилла новоезерскаго, «а оно, конечно, сбудется» [2]).

Когда привели на допросъ капитана Корсакова, то онъ былъ пьянъ и отвѣчать не могъ. Его допросили тогда, когда онъ протрезвился. Хитрый капитанъ [3]) счелъ за лучшее въ дѣлѣ Арсенія отзываться незнаніемъ. По его словамъ, «никакихъ разглашеній», когда заходилъ отъ архимандрита къ Арсенію, отъ послѣдняго онъ «не слыхалъ», или же «не помнитъ за пьянствомъ». Самъ онъ никакихъ непристойныхъ разглашеній ни Арсенію, ни другому кому не сообщалъ. На вопросъ,—«не дано ли тебѣ отъ Арсенія наставленій разглашать о ложной его святости и о другихъ

[1]) Тамъ же, 113 и 135 л.
[2]) Тамъ же, 136 л.
[3]) Корсаковъ, не смотря на молодость (27 л.), имѣлъ такую «малую амбицію», что «порочилъ офицерскій чинъ и достоинъ абшиту». Онъ часто заводилъ драку, по службѣ нерѣдко сказывался ложно больнымъ (справка о Корсаковѣ изъ военной коллегіи и др. Дѣло № 399, 128 л.).

«непристойныхъ и возмутительныхъ разсѣеваніяхъ»,—Корсаковъ отвѣчалъ тоже отрицательно. Свое знакомство съ Арсеніемъ онъ объяснилъ такъ: Антоній, будучи въ Архангельскѣ, сообщилъ мнѣ, «что Арсеній—ученый человѣкъ и великій мастеръ проповѣди сказывать; одинъ разъ звалъ (меня) къ празднику, но я не поѣхалъ, такъ какъ послѣ услышалъ отъ нихъ же, архимандрита и Алексѣевскаго, что Арсенія велѣно крѣпко держать подъ карауломъ» [1]).

— За какія же благодѣянія и почему называешь себя въ письмѣ къ Арсенію обязаннымъ имѣть почтеніе?—спросили капитана.

«За вѣжливость его и угощеніе, отвѣчалъ Корсаковъ, обязывался на письмѣ сохранять почтеніе всегда тоже безъ умыслу, для одного только краснорѣчія [2]), а какъ только услышалъ, что его крѣпко держатъ подъ карауломъ, то писать пересталъ».

Кромѣ Антонія, Корсаковъ бросилъ обвиненіе и на Алексѣевскаго, который, по его показанію, не только не препятствовалъ перепискѣ его съ Арсеніемъ, но и самъ помогалъ въ ней, передавая письма.

При подписаніи допроса, вѣроятно, не безъ принужденія, Корсаковъ объявилъ слышанныя имъ жалобы Арсенія, «что онъ за защищеніе его праведное Церкви страждетъ отъ него, Димитрія». Алексѣевскій, со своей стороны, на Корсакова донесъ, что онъ привозилъ Арсенію вина: Арсеній, будто бы, самъ ему говорилъ объ этомъ. Арсеній, однакоже сообщеніе Алексѣевскаго—не подтвердилъ: пріѣзжалъ отъ Корсакова человѣкъ и привезъ ему, Арсенію, лекарство въ горшкѣ для леченія ногъ. Самого посланнаго Арсеній не видѣлъ, но выслалъ ему, чрезъ одного караульнаго солдата денегъ за труды и, кажется, чрезъ Силу Ухова, который чаще, чѣмъ другіе, бывалъ у него. Уховъ, однако же, не подтвердилъ показанія Арсенія, и послѣдній сказалъ, что подробностей передачи не помнитъ [3]).

---

[1]) Тамъ же, 119 л.
[2]) Тамъ же, 115 л.
[3]) Тамъ же, 143 л.

Но Лебедевъ подтвердилъ, что лекарство было отъ Корсакова принесено въ глиняной банкѣ, и что о винѣ онъ ничего не знаетъ... Самъ же Корсаковъ упорно говорилъ, что, кромѣ вѣстового съ письмомъ, къ Арсенію, ничего не посылывалъ. Долго допрашивали всѣхъ солдатъ, подъ страхомъ смертной казни, о томъ, кто приносилъ Арсенію лекарство, но узнать ничего не могли.—О знакомствѣ своемъ съ королемъ польскимъ Корсаковъ могъ пояснить только то, что игралъ съ нимъ въ карты въ маскарадѣ [1]).

«Противъ показанія Корсакова архимандритъ Антоній былъ допрашиванъ (20 октября)» [2]). Онъ началъ виниться въ томъ, что держалъ Арсенія слабо и о его поступкахъ молчалъ не безкорыстно. «Послушенъ я былъ ему, говорилъ онъ, потому, что получалъ отъ него подарки вещами и деньгами, рубля по 2—3; даже льстился его увѣреніями, что будутъ два брата, братья принца Ивана, царствовать, что это будетъ вскорѣ, такъ какъ они уже юноши, возьмутъ они Константинополь, и Арсеній будетъ по прежнему архіереемъ, а деревни монастырямъ возвратятся. Оттого дѣлалъ послабленія Арсенію, разсчитывая, что Арсеній, когда будетъ архіереемъ, не оставитъ его».—Арсеній такія рѣчи «многократно говаривалъ только одинъ наединѣ и никто объ ономъ не слыхалъ».

Но Арсеній твердо стоялъ на своемъ прежнемъ показаніи и въ прельщеніи архимандрита не сознавался. «Дарилъ ему я вещи, какъ духовнику своему, а не для того, чтобы онъ послабленіе дѣлалъ» [3]). —О томъ же, что скоро надо ожидать воцаренія двухъ юношей, возвращенія ему архіерейства, а церквамъ—отнятыхъ деревень, рѣчей у нихъ, по показанію Арсенія, не было, а лишь высказывалось предположеніе, что, можетъ быть, пророчество Кирилла и сбудется; можетъ быть, юноши и есть братья принца Ивана. «А что Константинополь дѣйствительно возьмутъ, то утверждаю, потому что турки сами онаго надѣются, что онъ слышалъ отъ своего дѣда, поляка Василія, который въ 1712 году

[1]) Тамъ же, 118—120 л.
[2]) Тамъ же, 143—145 л.
[3]) «Рус. Старин.» 1885 г. XLV т., 624 стр. Дѣло объ Арсеніи 150 л.

умеръ. Онъ у турокъ въ полону былъ и отъ нихъ слыхалъ, что они считаютъ, (будто) за ними Константинополь будетъ 300 лѣтъ, кои годы, по ихъ счисленію, миновали» [1]).

Разъясненія такой разности въ показаніяхъ ожидали отъ очной ставки Антонія съ Арсеніемъ. Но, стоя другъ противъ друга, каждый изъ нихъ настаивалъ на вѣрности своего показанія. Только Антонію удалось склонить Арсенія къ сознанію, что тотъ далъ ему, кромѣ другихъ подарковъ, и ковчежецъ съ мощами, въ чемъ ранѣе не сознавался, а теперь отозвался запамятованіемъ.

Свѣривши, по силѣ возможности, показанія Арсенія съ словами Антонія, стали спрашивать Алексѣевскаго. Послѣдняго тоже принудили сознаться, что онъ дѣлалъ послабленія Арсенію изъ-за подарковъ [2]). Но при этомъ «никакихъ обнадеживаній онъ, Алексѣевскій, отъ Арсенія не слыхалъ, а только слышалъ отъ солдата Ухова, что онъ говаривалъ, какъ де Арсенія батюшку освободятъ, то онъ и меня возьметъ съ собой, что̀ слышали и другіе, а съ чего онъ говорилъ, того онъ не знаетъ», такъ что «ничему онъ быть не надѣялся», послабляя Арсенію. Очевидно Алексѣевскій и теперь вѣрилъ въ невинность Арсенія. За то онъ не преминулъ обвинить Антонія въ томъ, что тотъ получилъ отъ Арсенія два куска люстрину,—одинъ кусокъ для него самого, а другой—невѣдомо для кого. Вообще, онъ хотѣлъ возвести на архимандрита обвиненіе въ корыстолюбіи. Разсказывая на слѣдствіи, что о смерти Быкова узналъ отъ его жены, которая мимоходомъ на поклоненіе чудотворному образу Алексѣя, Божія человѣка, приходила въ корельскій монастырь и «принесши образъ..., просила архимандрита,.... чтобы онъ (по ея мужѣ) чинилъ поминовеніе. Антоній, взявъ образъ ея, отвѣчалъ, что оной въ церковь поставитъ, но поставилъ ли туда, добавилъ Алексѣевскій, неизвѣстно, а поминовенія не чинилъ». Антоній оправдывался такъ: изъ люстрину онъ сдѣлалъ одежду на престолъ, а не дѣлалъ по Быковѣ поминовенія потому, что тотъ былъ самоубійцею.

[1]) Дѣло объ Арсеніи, 151 л.
[2]) «Русск. Старин.» 1885 г. 626—627 стр.

У всѣхъ, вообще, свидѣтелей замѣтно стремленіе всѣми способами выгородить себя изъ дѣла. Выше всѣхъ стоялъ въ этомъ отношеніи самъ обвиняемый. Хотя и говорили, что онъ уличенъ былъ въ «вредныхъ разсѣваніяхъ» и запирательствахъ, но по строгому дознанію, они оказались говоренными безъ умысла. Связей у Арсенія дальше стѣнъ монастырскихъ не нашли.

Среди вымученныхъ показаній всѣхъ свидѣтелей отличается добровольною и трогательною искренностію послѣднее показаніе Арсенія Мацѣевича. Въ день окончанія слѣдствія Арсеній самъ просилъ присутствовавшихъ властей выслушать его показаніе и, записавши, представить государынѣ. «Прошу, говорилъ онъ имъ, чтобы государыня сотворила милость, соизволила бы подлинное мое доношеніе святѣйшему синоду, за которое осудили меня, сама прочитать: она увидитъ мою правоту». Арсеній выражалъ горячую надежду, что если бы она узнала его доводы противъ отобранія церковныхъ имѣній, то не только не осудила бы его, но самый вопросъ о имѣніяхъ рѣшила бы иначе, какъ это сдѣлала, по его письму, покойная государыня Елизавета Петровна. Если онъ теперь осужденъ, то думаетъ, по той единственной причинѣ, что представленія его доложены государынѣ экстрактомъ изъ синода, или на словахъ, а подлинныя доношенія не показаны ей. «Я и теперь утверждаю, что деревень отъ Церкви отбирать не надлежало» [1]).

---

[1]) Тамъ же, 628 стр. Основываясь, кажется, на такомъ необычайномъ проявленіи твердости у Арсенія,—въ 1830 году графъ Блудовъ такъ отзывался объ Арсеніи: «сей іерархъ нашей Церкви былъ одаренъ отъ природы умомъ пылкимъ и силою характера; съ набожностію, какъ кажется, искреннею соединялъ нѣкоторыя, по старинному выраженію, книжныя знанія, но былъ не чуждъ и предразсудковъ старины, особливо же своего званія, отъ того твердость его обращалась въ неблагоразумное упорство, а смѣлость благородная—въ неприличную и безполезную дерзость» («Записка гр. *Блудова* къ императору»,—Госуд. Архивъ, разр. VI, № 563).

Глава V.

Андрей Враль.

3 ноября 1767 года въ Петербургѣ уже получили дѣло Арсенія Мацѣевича.

Хотя ясно было теперь, что рѣчи Арсенія не шли дальше стѣнъ корельскаго монастыря, однако императрица въ сношеніяхъ его съ архангельскими и холмогорскими посѣтителями думала поймать нити несомнѣннаго заговора противъ нея.

Она поспѣшила составить въ этомъ смыслѣ указъ о винахъ Арсенія [1]). Основа указа написана ею самою. Составилъ его генералъ-прокуроръ, князь Вяземскій [2]), а потомъ ею сдѣланы еще прибавленія: умъ генералъ-прокурора былъ не достаточно гибокъ, чтобы выразить настроеніе императрицы, и потому она сама подбирала мотивы для осужденія Арсенія:

1) Оправданіе Арсенія, что онъ не говорилъ о правахъ Ивана Антоновича на престолъ, не признано уважительнымъ, не смотря на то, что ни доносчики, ни свидѣтели не доказали этого обвиненія. «Еще прошедшаго 1762 года (въ доношеніяхъ своихъ синоду) онъ оказалъ ея величеству крайнюю ненависть и злобу», говорилось въ указѣ, которая не миновалась, но «по заматерѣлому и старостію лѣтъ такожъ и ложною святостію укрѣпляемому суевѣрству и природной гордости» [3]), такія слова онъ, Арсеній, вѣроятно, говорилъ [4]). Въ запирательствѣ онъ былъ уличенъ, слѣдовательно, и то, въ чемъ не сознавался, произносилъ,

---

[1]) Гос. Арх., разр. VI. Дѣло о разстригѣ Арсеніи и о прочихъ № 399, стр. 174—188.

[2]) Князь Щербатовъ своимъ мѣткимъ и желчнымъ отзывомъ о кн. А. А. Вяземскомъ характеризуетъ и самую императрицу, не терпѣвшую возраженій. По словамъ Щербатова, кн. Вяземскій притворялся глупымъ, хвалилъ Екатерину Великую и чрезъ то властвовалъ надъ нею («Р. Старина» 1871 г., VII, 680 стр.

[3]) «Русская Старина», т. XLVI, 54—55 стр. Гос. Арх. VI, 399, 174 л.

[4]) Тѣмъ болѣе, говорилось въ указѣ, что и донесли не по злобѣ на Арсенія, а его подкупаемые разными подарками пріятели (Лебедевъ, Антоній, Алексѣевскій), а ея величество знаетъ, что и въ 1763 году онъ эти слова говорилъ. (Дѣло объ Арсеніи, 175 л.).

«тѣмъ болѣе, (приписала собственноручно императрица), что слѣдующіе за симъ пункты о наслѣдствѣ и толкованіи пророчества обличаютъ его, Арсенія, въ имѣніи подобныхъ мыслей» [1]). 2) Своими слухами о болѣзни наслѣдника, лжепророчествами о двухъ юношахъ, имѣющихъ царствовать, «старался поколебать должную вѣрность къ своей самодержицѣ». Слова Арсенія о болѣзни наслѣдника,—«котораго всѣ и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ видятъ въ здравіи,—не изъ другихъ побужденій сказаны, какъ по единой ненависти и адской злобѣ, заключающейся всегда въ его, Арсенія, злодѣйскомъ сердцѣ, каковыми разглашеніями старался возбудить въ суевѣрныхъ сердцахъ желаніе къ новому правленію и о ложной святости своей». 3) Обвинилъ покойную императрицу Елизавету, что, по ея инструкціи, убитъ принцъ Іоаннъ и, показавши протопопа Ѳедорова клеветникомъ, отъ своихъ таковыхъ словъ отказался. 4) Утверждалъ, что императрица Елизавета хотѣла возвести на престолъ Ивана Антоновича. 5) Старался возбудить въ народѣ негодованіе на правительство [2]) разсѣеваніемъ мыслей въ малосвѣдущемъ народѣ, почему не казнены офицеры за убійство принца; вмѣстѣ съ тѣмъ, порочилъ приговоръ Мировичу, подписанный «первыми четырьмя [3]) классами». 6) «Оный же Арсеній имѣя на сердцѣ собственное и ненасытное отъ монастырскихъ имѣній обогащеніе, а не терпя о томъ никакого благоучрежденія о взятіи оныхъ въ смотрѣніе коллегіей экономіей, разсѣевалъ, что якобы Церковь разграбили [4]), выговаривая, при томъ, что де и у турокъ духовному чину лучше, нежели въ Россіи, почитая то сдѣланное о церковныхъ имѣніяхъ полезное, какъ для Церкви, такъ и для

---

[1]) Поправка указа Екатериною II. («Чт.» 1862 г., III т., 171 стр.).

[2]) Императрица здѣсь приписала такія слова: изъ этого «явно открывается, сколь въ немъ далеко простирается врожденная злоба и кровожадіе, изъявляющія ложь и самое затѣйство его о себѣ показуемой святости и смиренія». («Чт.» 1862 г. III т., 177 стр.).

[3]) Императрица написала объ осужденіи Мировича «будто-бы» первыми *четырьмя* классами, тогда какъ въ указѣ о немъ говорится объ осужденіи *тремя* классами (П. С. З. 12228).

[4]) Государыня приписала: «и что Куракинъ обокралъ Церковь, перемѣняя золотые сосуды оловянными, но сіе по изслѣдованіи нашлось зло выдумленное ложь».

великаго числа (т. е., народа), учрежденіе грабленіемъ, при чемъ пастырей своихъ называлъ предателями, такожъ и что будетъ Содомъ и Гоморръ..., каковыя разсѣиванія открываютъ его злостное намѣреніе, чтобы внушить въ народѣ, якобы Церкви гоненіе происходитъ отъ верховной власти, и тѣмъ противъ оной поколебать во всеподданнической вѣрности и усердіи». Къ этимъ словамъ указа императрица приписала слѣдующее: «сіе доказывается тѣмъ, что по совѣты Арсеній осмѣлился въ Николаевской пустынѣ читать молитвы о гоненіи на Церквы для того (изъ-за того), что не монахи управляютъ деревнями монастырскими, но коллегія суммы отпускаетъ на ихъ обиходъ, смѣшивая онъ, Арсеній, такимъ образомъ, святая(ую) вѣра(у) съ монаху непристойною корыстью, совѣтовалъ изъ злобы читать молитвы о гоненіи Церкви» [1]). 7) «Равнялъ себя въ претерпѣніи Златоусту», стараясь возбудить ропотъ и неудовольствіе на правительство, въ коварныхъ затѣяхъ «не разбиралъ способовъ: ибо и лжи, и клеветы, и пророчествы, и молитвы, и слова Божіи онъ не усовѣстился употреблять всуе», приписывала Екатерина II. 8) [1]) Наконецъ, будучи лишенъ сана, сказывалъ публично проповѣди.

Приговоръ императрицы Екатерины II Арсенію былъ жестокъ.

Его велѣно разстричь въ губернской канцеляріи и, по лишеніи монашества, одѣть въ мужицкую одежду, затѣмъ, переименовавъ его Андреемъ Вралемъ, сослать на вѣчное и безъисходное содержаніе въ Ревель въ одинъ изъ самыхъ крѣпкихъ казематовъ подъ неусыпный караулъ; бумаги, чернилъ, береста ему не давать и «не допускать къ нему ни подъ какимъ видомъ не только для разговоровъ,—но

---

[1]) Екатерина II здѣсь писала завѣдомую даже для себя неправду: ей было извѣстно, что у Арсенія, котораго она обвиняла въ ненасытной алчности, имѣнья оказалось всего одинъ тюкъ, да денегъ 6 рублей 34 коп. («Р. Старина» 1885 г. XLVI т. 71 стр. Дѣло Госуд. арх. VI, 399, л. 179). Слова эти въ указъ внесены съ измѣненіемъ.

[2]) Итакъ, въ проектѣ указа восемь пунктовъ, тогда какъ въ указъ вошло только пять. Разница произошла отъ того, что въ 3-й пунктъ указа помѣстили предосудительные разговоры Арсенія объ имп. Елизаветѣ Петровнѣ, Петрѣ III, принцѣ Иванѣ, Мировичѣ и о двухъ юношахъ, т. е. 3, 4 и 5 пункты проекта.

ниже для посмотрѣнія—никого, и, однимъ словомъ, такъ его содержать, чтобы и караульные не только о состояніи его, но ниже и о семъ его гнусномъ имени не знали» [1]).—Коменданту крѣпости предписывалось содержать его неослабно и опредѣлять для караула изъ мѣстнаго гарнизона солдатъ иноземцевъ.

Прозвище «Враля» дано было Арсенію самою императрицею; въ проектѣ указа о винахъ его княземъ Вяземскимъ предположено было назвать Арсенія «Андрей Бродягинъ». Названіе «Враль» [2]) казалось императрицѣ предпочтительнѣе, такъ какъ вралю менѣе всего могли вѣрить. Впрочемъ, оба прозвища, какъ въ отдѣльности, такъ и во взаимномъ сопоставленіи даютъ довольно пищи для предположеній о настроенности обоихъ авторовъ противъ Арсенія.

Обвиненія въ указѣ объ Арсеніи никакъ не вытекали изъ слѣдственнаго дѣла, а тѣмъ болѣе несправедливъ былъ приговоръ ему. Екатерина осудила Арсенія, какъ своего личнаго врага, по тѣмъ же своимъ личнымъ убѣжденіямъ, въ силу которыхъ она и въ другихъ дѣлахъ, по выраженію пѣвца Фелицы, поступала «не по одной святой правдѣ» [3]).

Изъ Петербурга былъ отправленъ майоръ Тулзаковъ (Тоузаковъ) съ тремя солдатами и однимъ капраломъ въ Архангельскъ, чтобы, въ силу указа 20 декабря 1767 года, вывести оттуда Арсенія на мѣсто новой его ссылки, которое до времени хранили въ большомъ секретѣ, такъ что о немъ

---

[1]) Инструкція ревельскому оберъ-коменданту въ дѣлѣ Гос. Архива разр. VI, № 399, 324.

[2]) Проф. *Знаменскій* увѣряетъ, («Очерки XVIII в.»), что вралями императр. Екатерина II называла сектантовъ, масоновъ и, вообще, мистиковъ («Прав. Собесѣдникъ», 1875 г. I т., стр. 7).

[3]) Сочиненія *Державина* изд. 1871 г. VI т., 634 стр. *Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ*, называя имп. Екатерину II деликатною по отношенію ко всѣмъ подданнымъ, указываетъ на дѣло Арсенія Мацѣевича, какъ на единственное, гдѣ она дала волю своему гнѣву. «Въ дѣлѣ по тайной экспедиціи о послѣднемъ заточеніи извѣстнаго ростовскаго митрополита, Арсенія, въ 1767 и въ началѣ 1768 г. видно, до чего и великая Екатерина могла быть на гнѣвъ подвигнута. Сіе дѣло возникло за слова, тогда уже, какъ Арсеній нѣсколько лѣтъ находился въ ссылкѣ... лишенъ сана, за представленія противъ отбора монастырскихъ вотчинъ». («Чт.» 1860 г. II кн., 55—56 стр. примѣч.).

пока «и приставы не знали; а отъѣхавъ отъ мѣста размѣны, послѣдній изъ нихъ свѣдалъ, куда ѣдетъ [1])».

Когда Тулзаковъ 28 февраля предъявилъ свои полномочія архангельскимъ властямъ, то Арсенія на другой день снова ввели въ губернскую канцелярію. Тутъ присутствовали губернаторъ съ своимъ товарищемъ, прокуроръ и всѣ, бывшіе у слѣдственнаго дѣла. Съ Арсенія сняли одежды монашескаго сана [2]) и стали надѣвать самую простую одежду, купленную для этого случая на рынкѣ.

Императрица ожидала, при этомъ униженіи, отъ Арсенія «враннаго слова», но онъ во время своего разстриженія хранилъ глубокое молчаніе [3]). Ничего онъ не сказалъ, когда стали брить ему бороду и голову, но когда стали надѣвать мужицкій кафтанъ, оказавшійся и узкимъ, и короткимъ, отъ него услышали просьбу оставить ему прежній подрясникъ. Губернаторъ съ товарищемъ ничего не имѣли противъ его желанія, но прокуроръ Нарышкинъ настоялъ на точномъ исполненіи указа: «воля ваша, по указу надлежитъ исполнить», говорилъ онъ имъ [4]). Отправляя въ дальнюю дорогу, въ морозное время, на бывшаго митрополита надѣли поверхъ «мужичьяго платья» [5]) баранью шубу. Съ дозволенія генералъ-прокурора купили ему чулки теплые (двѣ пары) и шапку.

---

[1]) Въ инструкціи Тулзакову дѣйствительно не сказано о мѣстѣ ссылки Арсенія, ему велѣно принять колодника въ Архангельскѣ и, какъ безыменнаго, сдать въ Вологдѣ Нолькену.

[2]) «Чт.» 1865 г. III т., 179 стр. Проф. *Знаменскій*,—«Очерки XVIII в.» въ «Правосл. Собесѣдникѣ» 1875 г. I т., 245 стр. Въ «Спискѣ о м. Арсеніи съ найденнаго листа» Тулзаковъ названъ Тоузановъ.

[3]) Гос. арх., разрядъ VI, № 399, 198 и 204 л. Нарышкинъ доноситъ: «при томъ отъ него Арсенія (что нынѣ Андрей Враль) никакихъ словъ не было». «Р. Старина» 1885 г. XLVI т., 58 и 57 стр. Въ «Выпискѣ изъ послѣдовавшихъ въ нынѣшнемъ году новостей» сообщается, что «стоять онъ о себѣ не могъ, такъ поддерживанъ двумя подъ руки» («Чт.» 1862 г. 2-кн., 19 стр.).

[4]) Сохранилось слѣдующее извѣстіе народнаго происхожденія: велѣно было Арсенію «бороду и голову обрить и взять съ него подписку, чтобы ему называть себя Александромъ и велѣно отвезти его въ Камчедалы... Дивился (онъ), что и имя (у него) отнято; и сказалъ: всего мнѣ удивительнѣе, что я—Александръ, а не Андрей, быть такъ уже и прежнее природное мое имя отнято!» (Имп. Публ. Библ. Рукоп. Отд. Q, I, № 279; «Чт.» 1862 г. II кн., 19 стр.).

[5]) Тамъ же: Рапортъ Нарышкина кн. Вяземскому (Г. А. разр. VI, № 399, л. 204).

Инструкція Тулзакову, какъ вывести колодника изъ Архангельска, была такъ строга, что царственная женщина, такъ безпощадно преслѣдовавшая самое имя Мацѣевича и даже вещи его [1]), не могла не вникнуть въ положеніе разстриги. Она приписала на инструкціи: «платье, бѣлье и шубу велите ему дать [2]) и въ прочемъ велите съ нимъ обходиться безъ грубости». Безъ такого распоряженія власти, вѣроятно, побоялись бы исполнить долгъ человѣколюбія по отношенію къ осужденному, потому что знали настоящее настроеніе императрицы, и колодника берегли не отъ простуды въ жестокую декабрьскую стужу, а отъ взглядовъ любопытныхъ; инструкція опредѣленно гласила: «что станетъ колодникъ разглашать, то онаго отнюдь не слушать и ему ни въ чемъ не вѣрить, а стараться отъ того вранья его удерживать» [3]).

Быстро готовили все необходимое къ отъѣзду. Къ санямъ придѣлали кибитку, наглухо обитую рогожами. Все это оковали желѣзомъ для прочности въ неблизкую дорогу. Посадили туда Арсенія съ его караульными солдатами и безъ всякихъ [4]) почти остановокъ повезли на новое мѣсто ссылки изъ одной русской окраины въ другую, еще не обрусѣвшую, гдѣ колодникъ не могъ встрѣтить сочувствія своимъ рѣчамъ. Онъ оставилъ по себѣ только память среди жителей, да тѣсный казематъ, большую часть котораго занимала большая черная колода съ цѣпью, куда, какъ гла-

---

[1]) «Чт.» 1862 г. III кн., 177 стр. «Р. Стар.» 1885 г. XLVI т., 71 стр.

[2]) И князь Вяземскій, со своей стороны, предписывалъ губернской канцеляріи дать ему, разстригѣ, бѣлье, платье, такожъ и шубу и дорожныя, крытыя рогожей, сани». Не много времени спустя онъ же пишетъ: «при отправленіи показаннаго Враля, какъ въ предложеніи моемъ о шапкѣ и чулкахъ ничего не сказано, то прикажите купить теплые чулки, а хотя и двои, такожъ и шапку и овчинное одѣяло». (Дѣло объ Арсеніи, 197 л.; «Чтенія» 1862 г. III кн., 181 стр.). *И. Я. Морошкинъ* объ этомъ документѣ не упоминаетъ («Рус. Старин.» 1885 г. XLVI т.). На сохранившихся гравюрахъ, изображавшихъ Арсенія, шапка была въ формѣ треуха.

[3]) «Чт.» 1862 г. III кн., 181—185 стр.

[4]) Въ инструкціи Тулзакову предписано не останавливаться нигдѣ ни на одинъ день (тамъ же, 181 стр.). Въ статьѣ,—«Ссыльные архангельской губерніи» («Арханг. Губ. Вѣдомости» 1875 г. № 24—25) сообщается о слѣдующихъ закупкахъ для отправки Арсенія: шапка въ 60 копѣекъ, двои чулки теплые 48 копѣекъ, кафтанъ 2 рубля 50 копѣекъ, сани—1 рубль 20 коп., шуба баранья 2 рубля 45 копѣекъ, оглобли 2 копѣйки, 4 рогожи для обшивки саней 8 копѣекъ, веревокъ на 6 копѣекъ, двѣ пристяжки—24 коп., сдѣлано оковки на 80 коп.

ситъ мѣстное преданіе приковывали сначала бывшаго ростовскаго митрополита. На двухъ стѣнахъ каземата, нынѣ обращеннаго въ церковь, изображенъ самъ Мацѣевичъ въ архіерейскомъ облаченіи, а на другой стѣнѣ—его же портретъ въ простой мужицкой одеждѣ у узкаго рѣшетчатаго окна, на которомъ положенъ кляпъ.

Выѣхавши изъ Архангельска 28 декабря, Тулзаковъ «съ неизвѣстнымъ» колодникомъ на пятыя сутки былъ уже въ Вологдѣ. Онъ провезъ его только пустынное шестисотверстное пространство, а за тѣмъ въ Вологдѣ сдалъ, какъ безымяннаго колодника, капитану Нолькену подъ росписку; самъ же немедленно выѣхалъ со своею командою въ Москву, чтобы тамъ представить генералъ-прокурору отчетъ о выполненіи порученія и о томъ, что услышано имъ и командою отъ колодника [1]). Здѣсь имъ представлена расписка Нолькена такого содержанія: «1768 года января 1 дня, лейбъ-гвардіи семеновскаго полка капитанъ поручикъ Нолькенъ отъ сенатскихъ ротъ господина майора Тоузакова принялъ одного неизвѣстнаго колодника со всѣмъ, что при немъ есть»[2]).

Нолькену, какъ и Тулзакову, въ инструкціи было предписано, «что станетъ колодникъ разглашать, то онаго отнюдь не слушать и ему ни въ чемъ не вѣрить, а стараться, какъ можно, отъ того вранья его удерживать. Что же услышано вами, или командою вашею, будетъ, то оное содержать до кончины живота секретно, а по пріѣздѣ въ Москву, о томъ его враньѣ вы имѣете сообщить мнѣ» (т. е., генералъ прокурору), «онаго колодника везти вамъ съ поспѣшеніемъ, не останавливаясь ни на одинъ день нигдѣ» [3]).

Въ Вологдѣ Нолькенъ пробылъ часовъ 5 или 6, а затѣмъ на пяти почтовыхъ подводахъ повезъ колодника въ Ревель [4]). Ему предписано было ѣхать такою дорогою, чтобы миновать Петербургъ, не останавливаясь нигдѣ. Надо пола-

---

[1]) Инструкція Тулзакову «Чт.» 1862 г., 3 кн., 182 стр. Гос. арх. VI л. 182, Нолькену въ дѣлѣ Гос. арх. VI, 399, 190—191 и 239.

[2]) Гос. арх. разр. VI, 399, 206—207 л. рапортъ Тулзакову и расписка Нолькена.

[3]) «Чт.» 1862 г. III кн., 181—185 стр.

[4]) Императрица въ особой приписке приказала Нолькену платить за подводы вездѣ наличными деньгами. (Тамъ же 184 стр.).

гать, что все было исполнено въ точности: изъ Вологды до Ревеля (1400 верстъ) везли Арсенія еще съ большею скоростію, чѣмъ изъ Архангельска до Вологды (600 верстъ), такъ что 8 января онъ уже былъ доставленъ въ Ревель, и ревельскій оберъ-комендантъ отъ 8 же января уже рапортовалъ въ Петербургъ о принятіи «привезеннаго человѣка».

Глава VI.

Народная молва объ Арсеніи.

Какъ ни старалась императрица Екатерина II выяснить въ указѣ вины Арсенія противъ общественнаго спокойствія, какъ ни увѣряла, что всѣ рѣчи его проистекали изъ злобы, всегда ему, будто бы, присущей, и ненасытной корысти, однако, страдалецъ возбуждалъ въ народѣ одно только сочувствіе къ себѣ за свою непоколебимую стойкость. Не смотря на всѣ мѣры придать осужденію Арсенія видъ законности, молва народная о невинно осужденномъ митрополитѣ ростовскомъ ходила вездѣ: шла по пути его новой ссылки, перекинулась въ Сибирь, проникала въ самый дворецъ, долго безпокоила архангельскихъ властей, заставляла принимать мѣры къ ограниченію ея... Зная такую страшную извѣстность колодника, какъ невиннаго страдальца за правду, правительство старалось скрыть самый путь его слѣдованія въ Ревель.

Арсенія боялись и осужденнаго.

Сочувствіе народа къ Арсенію ясно показывало, что русскіе недовольны отнятіемъ у Церкви вѣковой ея собственности и что дѣйствія правительства въ этомъ отношеніи шли въ разрѣзъ съ народною настроенностію. Для человѣка русскаго не понятно было, почему церковныя имѣнія берутъ отъ Церкви, которая приняла ихъ съ отвѣтственностію чинить поминовеніе и «ставить кормы» бѣднымъ [1])? Онъ не-

---

[1]) Проф. *А. Павловъ*,—«Секуляризація ц. имѣній», Одесса 1871 г., 54 стр.

доумѣвалъ, какъ можно отдавать подъ казармы церковныя зданія [1]), столько вѣковъ служившія дѣлу благочестія?—

Съ точки зрѣнія философской—секуляризація церковныхъ имуществъ была тогда дѣломъ моднымъ, но какъ актъ управленія народомъ, склоннымъ къ обрядовому благочестію, она была несправедливостію [2]). Такая упорная настроенность тревожила императрицу и раздражала ее тѣмъ, что народъ не могъ понять ее.

Еще болѣе раздражало ее недовольство духовенства, не рѣдко выражавшееся въ нескрываемомъ сочувствіи дѣлу Арсенія Мацѣевича. Народные легендарные слухи о немъ явно поддерживались духовенствомъ. Наравнѣ со списками обоихъ доношеній его въ синодъ, распространялись въ народѣ особые листки о страданіяхъ его, невинности и вдохновенномъ прозрѣніи, писавшіеся, по всѣмъ признакамъ, въ монашескихъ кельяхъ.

Духовенство, послѣ торжественныхъ обѣщаній объ «удовлетвореніи» его, не могло быть довольно урѣзаннымъ штатнымъ содержаніемъ изъ его собственныхъ богатыхъ имѣній. Недовольство крѣпло и разросталось послѣ того, какъ всѣ имѣнія у него были взяты безповоротно въ казну; оно разсчитывало, по крайней мѣрѣ, на справедливое вознагражденіе за отнятыя имѣнія, но и вознагражденіе дано скудное.—Духовная коммиссія отпустила на всѣ монастыри

---

[1]) Екатерина II дала крутое приказаніе, вслѣдствіе недостатка помѣщенія для солдатъ, обратить излишнія монастырскія зданія подъ казармы безъ всякихъ излишнихъ переписокъ. (Дѣло дух. коммиссіи № 109 отъ 12 апр. 1765 г. 28 л.). Но это распоряженіе было, по неизвѣстной причинѣ, отмѣнено.—Народъ въ недовольствѣ своемъ несознательно шелъ на защиту 24 пр. IV вселенск. собора и 49 пр. VI вселенск. собора, которыя предписываютъ не допускать, чтобы монастырскія зданія обращались въ мірскія жилища.

[2]) Имп. Екатерина II не могла скрыть и отъ своихъ западныхъ сосѣдей, что секуляризація русскихъ церк. имѣній—одно изъ неудавшихся по своимъ предполагаемымъ послѣдствіямъ и самое непопулярное изъ ея предпріятій. Въ Европѣ знали, что ея рѣшеніе вопроса о церковныхъ имѣніяхъ составляетъ больное мѣсто русской императрицы, всегда старавшейся угодить народу. Во время войны со Швеціей король шведскій съ умысломъ спрашивалъ пастора съ Березовыхъ острововъ: «въ цѣлости ли сосудъ, въ 1777 году данный въ церковь королемъ?» Екатерина не безъ досады на это сообщеніе отвѣчала: «развѣ онъ думаетъ, что я сосуды изъ церквей отбираю?» («Зап. *Храповицкаго*», «Чтенія въ Общ. Ист. Др. Р.», 1862 г. III кн., 223 стр.).

197.680 руб. 10 коп.; между тѣмъ, какъ доходность только съ 14 монастырей, наиболѣе богатыхъ, покрывала съ излишкомъ такую сумму—даже и при рублевомъ окладѣ.—Архіерейскіе дома, лишенные своихъ вотчинъ, тоже считали себя обиженными [1]): въ Казани, Смоленскѣ, въ Тамбовѣ они получили штатное содержаніе такое, что оно было въ нѣсколько разъ менѣе противъ прежней ихъ вотчинной доходности.

Притомъ, въ отпускаемой имъ суммѣ требовалась самая мелочная отчетность въ коллегію экономіи, крайне раздражавшая бывшихъ собственниковъ [2]).

Бѣлое духовенство готово было выражать еще большее недовольство, такъ какъ у него все было взято, и содержаніе его предоставлено было усердію прихожанъ.

Между тѣмъ то же духовенство не могло не видѣть, что правительство, взявши деревни на дѣло народнаго образованія и общественной благотворительности, ничего не дѣлало ни для того, ни для другого. Школъ для народа не увеличивали, вопреки торжественнымъ обѣщаніямъ манифестовъ по поводу отобранія церковныхъ имѣній; инвалидные дома, дольгаузы и богадѣльни существовали только въ самыхъ большихъ городахъ, недоступныхъ для народнаго большинства на громадной русской территоріи, гдѣ ранѣе монастыри «пропитывали» въ голодные годы народныя массы и гдѣ каждая обитель, каждый архіерейскій домъ имѣлъ «своихъ нищихъ» [3]). Досада духовенства усиливалась по мѣрѣ того,

---

[1]) Таково мнѣніе автора «Очерковъ XVIII вѣка» («Православный Собесѣдникъ» 1875 г. I кн.). Другіе изслѣдователи документовъ по секуляризаціи ц. имѣній, напротивъ, считаютъ отобраніе деревень у духовныхъ очень выгоднымъ для послѣднихъ и удобнымъ, такъ какъ оно давало доходъ безъ труда по завѣдыванію вотчинами. Такое мнѣніе навѣяно петровскими и елизаветинскими указами, которые посягали на монастырскую земельную собственность, исходя изъ предположенія, никогда не раздѣляемаго самими собственниками, что забота о вотчинахъ затруднительна для монаховъ и несвойственна имъ (*А. А. Завьяловъ*,—«Вопросъ о ц. имѣніяхъ», Спб. 1900 г., 223 стр.).

[2]) Проф. *Знаменскій*,—«Очерки XVIII в.» («Православный Собесѣдникъ» 1875 г. I ч., 400 стр.).—Впослѣдствіи архіереи, напримѣръ, митрополитъ московскій Платонъ, безуспѣшно просили, чтобы ихъ освободили отъ отчетности, по крайней мѣрѣ, въ самыхъ мелкихъ суммахъ.

[3]) «Черты изъ патріаршаго и церковнаго быта», въ «Историч. Вѣстникѣ» 1885 г., октябрь, 115 стр.—Сохранились извѣстія, что мона-

какъ бывшіе церковные крестьяне облагались постепенно возраставшимъ окладомъ, который въ 1768 году возросъ до 2 рублей 70 копѣекъ, а съ 1783 г.—до 3 рублей съ души, между тѣмъ духовенство пользовалось только нѣкоторою долей доходности [1]). Деньги тратились не на одно содержаніе духовенства, церковныя постройки или на переѣзды архіереевъ при ихъ перемѣщеніи и проч., но на всякаго рода надобности, какъ-то: на постройку дворцовъ, академіи художествъ, на затѣйливыя иллюминаціи, на монументъ Петру I (на сенатской площади), а равно и на неотвязныя дачи графу Григорію Орлову, обѣднѣвшимъ какимъ-нибудь княжнамъ, придворнымъ карлицамъ, на поддержаніе придворнаго банкира-иностранца; сотни тысячъ шли, по требованію князя Потемкина, на военные расходы или отсылались въ адмиралтейскую коллегію.

Поэтому, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ духовенство оказывало даже сочувствіе волненіямъ крестьянъ и иногда дѣйствовало съ ними заодно [2]).

Сами крестьяне далеко не всюду желали освобожденія отъ натуральныхъ повинностей на монастыри, а только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ существовали несправедливости и злоупотребленія вотчиннымъ правомъ и, притомъ, только зажиточные предпочитали откупиться рублевымъ окладомъ [3]). Теперь

стыри питали еще и заключенныхъ въ тюрьмахъ; напримѣръ, въ Вологдѣ были въ тюрьмѣ въ 1694 г. «татаровя отъ утѣсненія и смраднаго духа больны, потому что въ той тюрьмѣ—одна изба». Въ 1627 г. въ такой тюрьмѣ было 195 человѣкъ. Изъ прилуцкаго монастыря имъ возили «по челобитной 11 хлѣбовъ, лагунъ квасу, извару капусты» («Вологодскія Епархіальныя Вѣдомости» 1864 г., 135 стр.,).

[1]) Проф. *П. В. Знаменскій*,—«Очерки XVIII в.» («Православный Собесѣдникъ» 1875 г. I ч., 399 стр.). Въ 1783 году оброкъ увеличили еще на 1 рубль, такъ что съ 910.866 бывшихъ церковныхъ крестьянъ сбиралось до 3.700.000 рублей въ годъ. Духовенству же удѣляли 403.396 руб. (*Забѣлинъ*,—«Матеріалы исторіи Москвы»,—въ «Историч. Вѣстникѣ» за 1885 г. X т., 115 стр.). Кто-то предлагалъ императрицѣ Екатеринѣ II увеличить съ экономическихъ крестьянъ окладъ до 6 рублей. (*В. И. Семевскій*,—«Крестьяне въ царств. имп. Екатерины II,» II т. Спб. 1901 г., 279 стр.).

[2]) «Волненія крѣпостныхъ при импер. Екатеринѣ II» («Р. Старина»,—1877 г. XVIII т., 223 стр.). Натуральныя повинности крестьянъ на церковныя учрежденія, по вычисленію *В. И. Семевскаго* («Крестьяне при Екатеринѣ II», II т., 209 стр.) можно оцѣнить въ одинъ рубль, тогда какъ въ коллегію экономіи съ нихъ взималось вдвое и даже втрое.

[3]) Тамъ же, 241, 249 стр.

подъ управленіемъ коллегіи экономіи они стали замѣтно бѣднѣть; появилось много нищихъ изъ экономическихъ крестьянъ. Императрица противъ этого зла не могла предпринять ничего другого, какъ распорядиться, чтобы такихъ нищихъ штрафовали, такъ какъ нищенство бывшихъ церковныхъ крестьянъ было для нея такимъ же укоромъ, какъ и протестъ Арсенія.

Отнятіемъ деревень отъ Церкви недовольны были даже и дворяне, такъ какъ видѣли упадокъ хозяйства въ бывшихъ церковныхъ вотчинахъ [1]).

Все это недовольство дополнялось слухами объ Арсеніи и о понесенныхъ имъ незаслуженныхъ страданіяхъ.

Можно предполагать, что народные листки, въ которыхъ говорилось о немъ, были того же содержанія, что и сохранившаяся «Выписка изъ послѣдовавшихъ въ нынѣшнемъ году случившихся новостей» [2]), или сказаніе «О преставленіи преосвященнаго Арсенія [3]). Здѣсь же сообщается такое извѣстіе о второмъ слѣдственномъ дѣлѣ Арсенія:

«Подали прошеніе три пьяницы... на архимандрита, что онъ содержитъ Арсенія монаха не по указу, да и онъ де Арсеній называлъ себя первымъ членомъ св. синода, а которое де якобы предвидѣлъ и сказывалъ, что къ нему извѣстіе есть о смерти Сѣченого Димитрія. Второе: читаетъ де поученіе съ нѣкоторыми толкованіями оскорбительными. Третіе: архимандритъ цѣлуетъ де у него руку. Четвертое: проповѣди въ его келліи списываютъ, а чернилъ и бумаги указомъ имѣть не велѣно. По которому прошенію присланъ указъ въ архангелогородскую губернскую канцелярію, къ губернатору съ

---

[1]) Князь Щербатовъ писалъ: «скорое желаніе отнять деревни у духовнаго чина сдѣлало, что, не взявъ обстоятельнаго извѣстія о нихъ, вдругъ все насовали, отчего великіе конскіе и скотскіе заводы разорились, яко архіерейскій въ Ростовѣ, которымъ многіе довольствовались и котораго, наконецъ, прекрасныя кобылы, запаршивленныя, не имѣя лѣтомъ ни корму (ибо луга всѣ стали отданы крестьянамъ), ни присмотру, осенью на живодерню изъ Бѣлогостицкаго монастыря продавались. Мельницы опустились, лѣса многіе истреблены, пруды спущены и рыба распродана. Земля не токмо вокругъ монастырей... осталась не запахана, но и почти во всѣхъ деревняхъ»... и т. д. («Чт.» 1859 г. III, 85 стр.).

[2]) «Чтенія въ И. Общ. Ист. Др. Росс.» 1862 г. 2 кн., смѣсь, 17 стр.

[3]) Импер. Публичн. Библіотека. Рукописный Отд. Q. I, № 279.

товарищи, чтобы его, взявъ, допросить. Которыми, по полученіи указа, былъ приведенъ и... допрашиванъ; стоять (же онъ о себѣ) не могъ, а поддерживанъ двумя подъ руки. А въ допросѣ показалъ оный Арсеній, дивясь тому лжесоставному доношенію, объявилъ: «я свидѣтелемъ Бога неложна на душу мою призываю, что я многократно от(ка)зывался самъ отъ ростовской митрополіи, и что хотя и заподлинно меня просили на мѣсто Сѣченаго, но я никогда, пока память во умѣ, душа въ тѣлѣ моемъ держится, не соглашусь,—а за чѣмъ,—то извѣстно ея величеству и самой, и довольно о томъ знаетъ св. синодъ. На второй: что читаю поученіи,—въ томъ [1]) я, по милости государской, монашества не лишенъ; а что монахъ, что дьячекъ церковный, ибо и дьячки по шестой пѣсни читаютъ же, такъ и я по шестой пѣсни читалъ; а что если я несогласно съ святымъ Писаніемъ и толкованіемъ святыхъ отецъ, такъ же и поученья мои сумнительны, въ томъ я не признаюсь. По третьему: что отецъ архимандритъ руку цѣлуетъ, то правда: однако и я, напротивъ того, у него цѣлую, хотя онъ или ласкается или отъ истиннаго сердца, но я ему также по любви братской цѣлую; но какъ видно и у мірянъ, взаимное дружество имѣющихъ, сей обрядъ есть, но въ вину имъ не ставится; и апостолъ насъ учитъ мирному согласію.

Оной допросъ былъ отосланъ.

А въ отвѣтъ служилъ еще указъ: доносителей наградить, а его, Арсенія, призвавъ, снять съ него клобукъ и ряску и подрясникъ, а надѣть на него крестьянской кафтанъ и шубу, бороду и голову обрить, и взять съ него подписку, чтобы ему называть себя Александромъ, и велѣно отвезти въ Камчедалы.—По которому указу вторично былъ въ губернскую приведенъ и, когда ему прочтено, тогда губернаторъ весьма сожалѣлъ и, не зная, что дѣлать, но прокуроръ настоялъ, что надлежитъ по указу исполнять; и такъ, подошедъ, приказалъ ножницы подать и малое число

[1]) Въ статьѣ «О преставленіи преосвященнаго Арсенія» съ этого слова пропускъ до словъ: «доносителей наградить». (И. Публ. Библ. Q. I. № 279). Но пропущенныя слова написаны ниже,—послѣ словъ: «и поданъ былъ крестьянскій кафтанъ». Текстъ исправнѣе въ «Чт.» 1862 г.

брады и власовъ устригъ; потомъ снята съ него ряска; просилъ, чтобы оставили на немъ, вмѣсто кафтана, подрясникъ, на которое его прошеніе губернаторъ съ товарищи были согласны, однако прокуроръ объявилъ: «воля ваша—по указу надлежитъ исполнить». И поданъ былъ кафтанъ крестьянскій и шуба весьма короткая, которой тогда изволилъ надѣть и былъ ему весьма узокъ и коротокъ, такимъ порядкомъ и шуба крестьянская весьма жъ узкая и короткая: и такъ одѣтъ былъ. Послѣднее дивился, что и имя у него отнято: «всего мнѣ удивительнѣе, что я Александръ, а не Андрей; быть такъ уже и прежнее природное мое имя отнято... И такъ посаженъ въ сани, закрытыя отовсюду и повезенъ съ великою борзостію».

Далѣе разсказывается, что дорогою онъ сдѣлался боленъ и, по усиленной его просьбѣ, сопровождавшій его офицеръ, позволилъ ему въ одной сельской церкви, стоявшей на пути, причаститься. Когда священникъ той церкви, въ присутствіи Арсенія, совершалъ литургію, то увидѣлъ, что Арсеній въ полномъ архіерейскомъ облаченіи въ царскихъ вратахъ молится. Упавши на колѣни предъ святителемъ, онъ самъ просилъ благословенія отъ него, но видѣніе тотчасъ кончилось, и Арсеній увѣрялъ, что все это священнику мечтается, и просилъ его исполнить свое дѣло.

При проѣздѣ чрезъ Ростовъ ночью, съ монастырской колокольни раздался звонъ. Офицеръ, встревоженный этимъ, вошелъ въ монастырь и требовалъ прекратить его. Оказалось, что звонить никто не приказывалъ; колокольня была заперта, да и о проѣздѣ Арсенія никто здѣсь не зналъ. Въ то же время, ночью, сторожа видѣли храмъ ярко освѣщеннымъ и Арсенія въ архіерейскомъ одѣяніи, осѣняющаго народъ.

Почти всѣ листочки объ Арсеніи говорятъ, что въ проѣздъ Арсенія изъ Архангельска было въ Москвѣ [1]) третье слѣдственное дѣло о немъ, котораго въ архивахъ нѣтъ, потому что оно, по мнѣнію Ив. Влад. Лопухина, тогда же

[1]) «Иванъ Владиміровичъ достовѣрно слышалъ (а документовъ при дѣлѣ не видѣлъ), что... проводя въ Ревель, (Арсенія) завозили и въ Москву». («Чт.» 1862 г. 2 кн., 12 стр.).

сожжено. Разсказываютъ, что Арсенія везли чрезъ Москву; здѣсь, будто бы, помѣстили Арсенія въ Преображенскомъ, при тайной канцеляріи. Въ Москвѣ была въ то время, проѣздомъ въ Казань, и императрица. Въ это время она, будто бы, пожелала видѣть его и, въ присутствіи самыхъ приближенныхъ къ себѣ лицъ, графа Панина и Орлова, видѣла его въ саду головинскаго дворца. Колодникъ съ остриженными коротко волосами, одѣтый въ тѣсный, узкій и короткій кафтанъ и треухъ, сидѣлъ на садовой лавкѣ, опустивши голову на грудь. Разсказываютъ далѣе, что при приближеніи императрицы имъ было произнесено нѣсколько словъ, отъ которыхъ она зажала уши и поспѣшила удалиться.

Въ третьемъ слѣдственномъ дѣлѣ, будто бы возникшемъ тогда, страшный начальникъ розыскныхъ дѣлъ, Степанъ Ивановичъ Шешковскій такъ записался, проводя безъ сна цѣлыя ночи и занимаясь громаднымъ спѣшнымъ, дѣломъ, что сталъ заговариваться: кончилось уже самое дѣло, а ему все хотѣлось говорить и писать «отъ разгоряченности воображенія», такъ что князь Вяземскій распорядился отворить ему кровь и приставить надежныхъ сенатскихъ курьеровъ, чтобы не давать ему ни пера, ни бумаги, ни слова съ нимъ не говорить, не выпускать его изъ горницы, пока не выспится и не опамятуется. Про этого Шешковскаго ходили впослѣдствіи слухи, что онъ постоянно раскаивался въ жестокости, какая имъ была примѣнена къ Арсенію при розыскѣ, и со всѣми хорошими знакомыми, ѣхавшими въ Ревель, посылалъ серебряные рубли на панихиду по Андреѣ [1]).

Были и такіе разсказы, сохранившіеся въ одной записи XVIII вѣка, что Арсеній скончался еще дорогою, не доѣхавши до мѣста новой отдаленной ссылки,—скончался въ какой-то церкви, находившейся на дорогѣ, и, при томъ, посреди царскихъ вратъ въ архіерейскомъ облаченіи. При немъ была найдена, будто бы, грамота, гдѣ преподавалось благословеніе всѣмъ православнымъ царямъ, архіереямъ, іереямъ и христіанамъ, а затѣмъ пророчески возглашалось:

---

[1]) «Зритель» 1862 г. 736—737 стр. «Чт.» II т., 13 и 14 стр.

«Россіе! Съ тобою гнѣвъ Божій не коснитъ и погибель не дремлетъ: вси бо святыя богоизбранныя мѣста, то реку, мощи святыхъ вами презрѣны, церковное имѣніе отъято и вкладчики благовѣрные и христолюбивые, не щадя отчизнъ своихъ, отдавъ все свое имѣніе недвижимое, посвятивъ Богу, Церкви святѣй, вопіютъ объ отомщеніи своемъ... О, тріипостасное Божество, влей въ нынѣшнее время въ сердца ихъ раскаяніе о посвященномъ Тебѣ и имени Твоему вложенное о возвращеніи ко храму святому Твоему и отврати праведный Свой гнѣвъ, яко благословенъ еси во вѣки вѣковъ, аминь» [1]).

Затѣмъ, въ народѣ, желали видѣть связь осужденія Арсенія съ судьбою тѣхъ лицъ, которыя были причастны въ нанесеніи обиды невинному старцу; несчастія Нарышкина, смерть митрополита Сѣченова, архіепископа Гедеона казалась возмездіемъ за несправедливое дѣло.

Упорные толки въ народѣ показывали, что Арсенія почитали святымъ и невиннымъ страдальцемъ [2]), а распространявшіеся листки о немъ, несомнѣнно, писанные духовными лицами, свидѣтельствовали, что духовенство не успокоено дѣйствіями «учрежденной коммиссіи». Очевидно, никто не вѣрилъ въ преступленіе Арсенія въ оскорбленіи ея величества, напротивъ всѣ считали его обиженнымъ за честное стояніе въ церковномъ дѣлѣ.

Когда не удалось убѣдить общественное мнѣніе въ преступности Арсенія и когда эта неудача бросала тѣнь на правительство, осудившее его, тогда надо было скрыть опаснаго колодника, чтобы народъ забылъ о его существованіи [3]). Позаботились скрыть даже его пожитки—ихъ повезли изъ Архангельска, вслѣдъ за отправленіемъ самого Арсенія, но не въ Ревель, а въ московскую коллегію экономіи. Это были остатки того небогатаго гардероба, который въ началѣ 1763 года, по разрѣшенію святѣйшаго синода, посланъ былъ

---

[1]) «О преставленіи преосв. Арсенія», 68—69 листъ; Проф. *Знаменскій*,—«Очерки XVIII в.» («Правосл. Собес.» 1875 г. I т., стр. 251).

[2]) «Краткое извѣстіе о жизни Арсенія» («Зритель» 1862 г. 737 стр.). «Списокъ съ найд. листа», («Чт.» 1862 г., 2 кн., 14 стр.).

[3]) Императрица и въ указахъ высказывала опасеніе, чтобы видѣвшіе Арсенія и слышавшіе его, будучи «напоены» ядомъ его разглашеній, не склонили другихъ на сторону Арсенія.

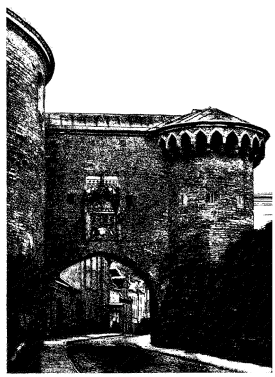
изъ Ростова къ Арсенію и состоялъ изъ ветхой одежды [1]). Все имѣніе ревнителя церковныхъ имѣній помѣщалось въ одномъ сундукѣ и тюкѣ и, при описи, послано было чрезъ одного офицера, пріѣхавшаго съ ефимочною казною изъ Архангельска въ Москву въ мартѣ 1768 года. Здѣсь, въ коллегіи экономіи, оно было продано «вмѣстѣ съ прочими монашескими имѣніями». Денегъ у Арсенія оказалось 6 рублей 84 копѣйки. Въ числѣ имущества оказалось шесть иконъ, два креста, панагія, нѣсколько частицъ св. мощей и бѣлый клобукъ, которые не могли поступить въ продажу и возбуждали недоумѣніе, какъ могли подобныя вещи оказаться у Арсенія въ ссылкѣ. Архангельскія власти, при отсылкѣ Арсеніева имущества въ коллегію экономіи, задержали ихъ у себя и спрашивали у генералъ-прокурора особаго разрѣшенія возникшихъ недоумѣній,—какъ поступить съ ними? Губернаторъ увѣрялъ, что если кто разъ видалъ эти вещи у Арсенія, тотъ сразу можетъ ихъ узнать. Поэтому, хотя, по приказанію изъ Петербурга, онъ и долженъ былъ отдать все это въ церковь, но исполнить въ виду такого осложненія не смѣлъ [2]).—Изъ Петербурга отвѣтили губернатору, чтобы образа, панагія, оправленная въ серебро, панагія серебряная, а также панагія малая съ мощами и частицы разныхъ мощей, найденныхъ у Арсенія,—были помѣщены куда-нибудь такъ, чтобы «объ оныхъ никто никакого свѣдѣнія не имѣлъ», и только «извѣстную панагію», подаренную Арсеніемъ архимандриту Антонію, велѣли выслать въ Петербургъ [3]). Она для чего-то была надобна Екатеринѣ II, какъ видно изъ ея разспросовъ Хитрово объ этой панагіи.

---

[1]) «Чт.» 1862 г. III т., 177 стр.; Секретное дѣло А. Мацѣевича, л. 339. Тогда въ 1763 г. у него оказалось: 1 мантія, 3 рясы, 1 фуфайка на холстѣ, шапка келейная ветхая, чулки и проч., изъ одежды почти все было на холстѣ, или ветхое. Изъ наиболѣе цѣнныхъ вещей были: трубка зрительная, трои очковъ, пряжка поясная желѣзная, чайникъ фарфоровый, 3 пары чашекъ, 12 тарелокъ, кружка глиняная, сахару, поднесеннаго купцами, 10 пудовъ, но денегъ нисколько не было.

[2]) Гос. Арх. разр. VI, № 399, л. 230. «Р. Стар.» 1885 г. II т., 71 стр.

[3]) Гос. Арх. разр. VI, № 399, л. 231, 234. «Р. Старина,» XLVI т., 57, 72—73 стр. Гос. Архивъ, разр. VI, № 399, 313 л.; отъ Арсенія досталось: 4 поношеныхъ рясы, 3 подрясника, мантія, фуфайка, 3 камилавки, клобукъ бѣлый, кушакъ, 5 четокъ, часы настольные, зеркало малое, труба зрительная, ножичекъ маленькій, 5 скатерокъ, 11 салфетокъ, 2 нагрудника, 2 занавѣски, 5 утиральниковъ, 6 колпаковъ, 7 п. чулокъ, перчатки, холста 4 арш. и пр.



Морскія ворота въ городѣ Ревелѣ.
Башня Гросштаннортъ.

Глава VII.

Арсеній въ Ревелѣ.

За мѣсяцъ еще до прибытія Арсенія въ Ревель, здѣсь приготовили въ башняхъ Ингерманландской и Гросштаннортъ, помѣщенія способныя къ житью человѣческому [1]). Оберъ-комендантъ выбралъ въ одной изъ башенъ казематъ, имѣющій 10 футовъ длины и 7 футовъ ширины, и принялъ сюда бывшаго ростовскаго митрополита уже не подъ именемъ Арсенія [2]), а какъ «нѣкотораго мужика Андрея Враля» [3]). 12 дней труднаго зимняго путешествія по неустроеннымъ дорогамъ, на протяженіи 2.000 верстъ, въ закрытыхъ саняхъ, убійственно подѣйствовали на старца: его внесли въ башню крѣпости совершенно больнымъ и заперли тамъ одного. Въ самый день пріѣзда въ Ревель, вечеромъ послѣ вечерней тапты, на болѣзненное состояніе колодника не обратили никакого вниманія, на другой день нашли его въ казематѣ совершенно ослабѣвшимъ и больнымъ. Оберъ-комендантъ Тизенгаузенъ пригласилъ лекаря, которому удалось поднять узника на ноги чрезъ два дня [4]).

Такъ какъ Арсеній посланъ былъ въ ревельскую крѣпость на вѣчное и безысходное житье [5]), то способъ содержанія его былъ точно опредѣленъ. Караульные должны быть безсмѣнными и, по возможности, незнающими русскаго языка.

---

[1]) «Чтенія» 1862 г. III т., 193 стр. Гос. Арх. разр. VI, № 399, 179, 322, 221 л., секретный указъ ревельскому коменданту.

[2]) «Р. Стар.» 1885 г. II кн., 60 стр., Гос. Арх. VI, 399, л. 337. «Большія Морскія Ворота съ двумя башнями по бокамъ, изъ которыхъ одна не велика и изящна, а другая, напротивъ очень толста и неуклюжа, почему и носитъ названіе «Толстая Маргарита»; въ ней помѣщается теперь казарма. («Путеводитель по Ревелю и его окрестностямъ» изд. 2, Ревель 1899 г.). Арсеній былъ заточенъ въ Малой башнѣ, называемой Гросштаннортъ. Помѣщенія въ ней круглыя, три узкія отверстія по направленію къ морю имѣютъ каждое по $1^1/_2$ вершка ширины и около 10 вышины; одно изъ нихъ почти все заложено кирпичемъ.

[3]) Инструкція оберъ-коменданту въ Ревелѣ («Чт.» 1862 г. 3 кн., 186 стр.).

[4]) Подписка лекаря въ дѣлѣ Гос. Арх., VI р., № 399, л. 326, 343. Фабіанъ фонъ-Тизенгаузенъ назначенъ оберъ-комендантомъ въ 1763 г. («Р. Арх.» 1863 г. 407 стр.).

[5]) Указъ и инструкція оберъ-коменданту («Чт.» 1862 г. III т., 186 стр.). Гос. Арх. разрядъ VI, № 399, 192—194, 323—325 л.

Инструкція обязывала ихъ никогда не разговаривать съ узникомъ, равно не допускать никого изъ постороннихъ посѣтителей для разговоровъ съ нимъ, а также письменныхъ сношеній, чтобы этотъ «великій лицемѣръ не привелъ и другихъ къ несчастію» чрезъ это. Если арестантъ станетъ разглашать что-либо о себѣ, то на такой случай караульнымъ запрещалось вѣрить, и предписывалось, въ случаѣ непослушанія арестанта, угрожать ему, что если онъ не замолчитъ, въ ротъ ему будетъ положенъ кляпъ, который для угрозы велѣно держать въ казематѣ. При такомъ положеніи Арсенію не отъ кого было узнать и того, гдѣ онъ находится. Впрочемъ, императрица болѣе всего и здѣсь боялась сношеній его съ духовенствомъ. Она сама, поэтому, приписываетъ въ инструкціи оберъ-коменданту: «попа при смертномъ часу до него допустить съ потребою, взявъ съ попа подписку подъ смертной казнью, что не скажетъ онъ о немъ никому». Наконецъ, велѣно обо всемъ, касавшемся колодника, доносить въ Петербургъ и отнюдь не отдавать его никому безъ личнаго предписанія самого генералъ-прокурора [1]).

Содержаніе Арсенію назначили теперь самое скудное. Сначала, по желанію императрицы, велѣли отпускать столько денегъ, чтобы рестантъ «былъ сытъ и одѣтъ», пищу ему готовить такую, какую самъ запроситъ, а для ночного времени покупать ему свѣчи. Спустя недѣлю, 15 января 1768 г., императрица предписываетъ оберъ-коменданту извѣстить ее, достаточно ли на содержаніе арестанта 10 копѣекъ [2]), «дабы я могла прибавить, пишетъ она, ибо мои намѣренія есть, чтобъ онъ нужду не терпѣлъ». Кромѣ того, въ томъ же письмѣ разрѣшалось

---

[1]) «Чт.» 1862 г. III т., 186—189 стр.; Гос. Арх. VI, № 399, л. 338—340. Инструкція Густелеву, 352—354 л.

[2]) Содержаніе въ 10 копѣекъ не такъ скудно, какъ можетъ показаться въ наше время. Въ то самое время были и такіе колодники, которые получали по 2 копѣйки: такая двухкопѣечная порція выдавалась тому несчастному іеромонаху Арсенію, котораго молва въ Сибири отожествила съ нашимъ Арсеніемъ, и могила котораго въ Верхнеудинскѣ считается за могилу митрополита Арсенія. (О дѣлѣ этого Арсенія, хранившемся въ иркут. канцеляріи, сообщаетъ *Діевъ* въ «Чт.» 1862 г. 2 кн., 6 стр.). Такая порція считалась достаточною, не смотря на ходатайство дух. консисторіи, прибавки ему не давали.

давать Арсенію книги. «Если же ему нужда будетъ въ бѣльѣ и одеждѣ, то удовольствуйте его безъ излишества, а въ болѣзняхъ его велите лечить и предпишите тѣмъ, кои около его, чтобы съ нимъ безъ грубости обходились» [1]). Оберъ-комендантъ отвѣчалъ, что нѣтъ нужды увеличивать сумму на содержаніе съ 10 копѣекъ на 15, какъ писала императрица, потому что арестантъ содержаніемъ доволенъ [2]), что у него есть шуба, кафтанъ новый, одѣяло теплое, и бѣлья довольное количество.

Арсенія совершенно изолировали отъ всякаго сообщенія съ посторонними людьми. Около него появлялись только солдаты, мало понимавшіе его и неустанно стороживше [3]). Скоро нашли, что трехъ солдатъ недостаточно для караула, и прибавили еще четвертаго. Солдаты носили Арсенію пищу, покупаемую офицерами по желанію и требованію его самого, и свѣчи; когда позволяли арестанту перемѣнять бѣлье, то на обязанности солдатъ лежало вымыть грязное тутъ же, въ коридорѣ [4]), который тянулся надъ крѣпостными воротами и соединялъ собою съ Гросштаппортомъ большую круглую башню, гдѣ помѣщались караульные солдаты. Одежда у Арсенія была, хотя и крестьянская—простая, но теплая и новая, взятая изъ Архангельска въ дорогу, а бѣлье, вмѣсто износившагося, шили на него уже въ слѣдующіе годы [5]).

Императрица не ошиблась въ разсчетѣ, когда помѣстила

---

[1]) «Чт.» 1862 г. III т., 193 стр. Г. Арх. VI разр. 399, 328 л.

[2]) Тамъ же, 194 стр. Рапортъ императрицѣ. Гос. Архивъ, разр. VI, № 399, 341 л.

[3]) Фамиліи солдатъ, стороживших Арсенія въ концѣ его жизни, были, однако, русскія: сержантъ Алексѣй Семеновъ, рядовые: Савелій Галкинъ, Константинъ Врешинъ, только одинъ какой-то Салтанъ Клеевъ былъ не русскій (тамъ же 336 л.).

[4]) «Русск. Старина» 1885 г. II кн., 74 и 60 стр. Гос. Архивъ, разрядъ VI, № 399, л. 356. Свѣчи покупались сальныя отъ $1^1/_2$ до 2 пудовъ въ годъ. 31 дек. 1768 г. записанъ на Арсенія странный расходъ: «куплена арестанту для куренія табаку трубка пенковая за 60 коп.». (Г. А., VI, № 399, 357 л.).

[5]) «Чт.» 1862 г. II т., 14; «Р. Старина» 1885 г. II т., 74 примѣч. «Декабря 31 дня 1768 г. (значитъ, чрезъ годъ по прибытіи Арсенія въ Ревель) куплено холста на бѣлье по $6^1/_2$ копѣекъ аршинъ», 1 мотокъ нитокъ (8 коп.), и 2 аршина тесемки на 2 копѣйки (Г. А., VI, № 399, 357 л.). Въ 1770 г. въ маѣ опять куплено: холста на бѣлье тонкаго и широкаго $28^1/_2$ арш. по 12 коп., поровнѣе и похуже 24 арш. по $5^1/_4$ коп., сшиты три рубашки и порты, 2 утиральника (тамъ же, 352 л.).

Арсенія въ Ревель. Содержали его здѣсь строго. Караульные не могли относиться къ нему съ сочувствіемъ, какъ въ корельскомъ монастырѣ. Изъ-за него они сами были на положеніи арестантовъ. Офицеры, приставленные къ нему, получили строгое приказаніе «ни къ кому съ поклонами въ домы отнюдь не ходить, кромѣ что съ репортомъ» (къ оберъ-коменданту). Капитану Бирюкову, которому ввѣренъ былъ колодникъ, вмѣнено въ обязанность, чтобы при казематѣ былъ всегда унтеръ-офицеръ. Прапорщикъ Густеловъ на этомъ посту уже на четвертый мысяцъ, по прибытіи Арсенія въ казематъ, получилъ выговоръ съ угрозами за то, что позволилъ себѣ и подчиненному своему унтеръ-офицеру отлучаться въ воскресные дни къ богослуженію, посѣщать знакомыхъ въ городѣ, съ которыми у него могли быть разговоры объ арестантѣ, а главное,—что во время своей болѣзни допустилъ къ себѣ въ казематъ войти женѣ своей съ дочерью [1]).—Да и обижены были караульные изъ-за Арсенія: когда привелось прибавить лишняго караульнаго, то, удерживая на содержаніе его съ нихъ по 1 копѣйкѣ въ мѣсяцъ [2]), выдавали имъ не по 5, какъ было ассигновано, а по 4 копѣйки жалованья.

Въ апрѣлѣ 1769 года оберъ-комендантъ, фонъ-Тизенгаузенъ, уѣзжая по повелѣнію государыни изъ Ревеля въ Петербургъ, ввѣрилъ арестанта плацъ-майору Гибнеру. Гибнеръ обязанъ былъ рапортовать ему въ Петербургъ о состояніи караула почтой еженедѣльно. Императрица и теперь не забывала Арсенія, а разспрашивала о немъ у фонъ-Тизенгаузена. Узнавъ отъ него, что колодникъ ведетъ себя тихо, она велѣла улучшить ему содержаніе: выдавать ему не по 10, а по 15 копѣекъ на день [3]). Вслѣдствіе личнаго предписанія самого князя Вяземскаго сумму эту скоро стали отпускать. Арсенію купили холста на бѣлье тонкаго и широкаго по 12 копѣекъ и поуже по $5^1/_2$ копѣекъ за аршинъ.

---

[1]) «Р. Старина» 1885 г. II кн., 75 стр., Гос. Арх. VI, № 399, л. 343, 355.
[2]) Тамъ же, 60 стр. Гос. Арх. VI, 399, л. 340.
[3]) «Р. Старина» 1885 г. II кн., стр. 79. Гос. Архивъ VI разрядъ, № 399, 267 л.

Съ 7 іюля 1769 года [1]), по смерти Тизенгаузена [2]), содержать Арсенія временно поручили Гибнеру и Бирюкову. Ранѣе офицеръ рапортовалъ ежедневно оберъ-коменданту о состояніи арестанта: оберъ-комендантъ же, въ свою очередь, ежемѣсячно доносилъ въ Петербургъ и всегда рапорты его содержали въ себѣ однообразное сообщеніе, что арестантъ ведетъ себя «тихо». Теперь о томъ же стали извѣщать въ Петербургъ уже Гибнеръ съ Бирюковымъ. Бирюковъ, на обязанности котораго лежало вести приходъ и расходъ суммъ на арестанта, въ это время (3 апрѣля 1770 года) испросилъ у князя Вяземскаго позволеніе требовать изъ ревельской губернской канцеляріи сумму, потребную на содержаніе арестанта одновременно на весь годъ [3]).

При назначеніи въ Ревель новаго оберъ-коменданта Бенкендорфа [4]) сказалось, какъ императрица Екатерина II зорко слѣдила за карауломъ бывшаго митрополита ростовскаго. Около 25 января 1771 года она пишетъ князю Вяземскому такъ: «какъ генералъ поручикъ фонъ-Бенкендорфъ нынѣ оберъ-комендантъ въ Ревели опредѣленъ, то не изволишь ли писать къ нему, чтобы онъ за Браліомъ имѣлъ смотрѣніе такое, какъ и Тизенгаузенъ имѣлъ, а то боюсь, чтобъ, не бывши ему порученъ, Враль не заводилъ въ междуцарствіи свои, какія ни на есть, штуки и чтобъ не стали слабѣя за симъ звѣрькомъ смотрѣть, а намъ оттого не выливались новыя хлопоты» [5]).—Бенкендорфъ по распоряженію князя принялъ опаснаго арестанта со «всѣми, касавшимися до него письменными дѣлами», 19 марта.

---

[1]) «Русская Старина» 1885 г. II т., 79 стр. Гос. Арх., 270 л.

[2]) Въ «Р. Архивѣ» (1863 г. 407 стр.) смерть Фабіана фонъ-Тизенгаузена почему-то отнесена къ 1764 года. Бирюковъ рапортуетъ кн. Вяземскому о смерти его 7 іюля 1769.

[3]) Въ счетѣ прихода и расхода на содержаніе въ ревельской крѣпости извѣстнаго арестанта, мая 1, принято изъ ревельской рентеріи на 1770 годъ годовая сумма 203 руб., вмѣсто прежней 184 р. («Р. Стар.» 1885 г. II кн., стр. 80); Гос. Арх., разрядъ VI, 281, 330, 348 л.

[4]) «Р. Старина» 1885 г. XLVI т., 81—82 стр.

[5]) Тамъ же, стр. 82; «Чт.» 1862 г. III т., 194 стр. Гос. Арх., разр. VI, № 399, 294, 333 л. *Морошкинъ* не сомнѣвается, что это то самое письмо, которое передается въ разсказѣ Лопухина другими словами, при чемъ слово «звѣрекъ» замѣнено словомъ «птичкою». («Чт.» 1862 г., III т., 194 стр.).

Въ продолжительное «междуцарствіе» въ ревельской крѣпости (отъ 7 іюля 1769 года по 19 марта 1771 года), когда содержаніемъ Арсенія завѣдывали русскіе офицеры, съ Арсеніемъ обращались «порядочно и безъ грубости»; тогда снабжали его достаточнымъ количествомъ пищи. Сохранилось извѣстіе [1]), что къ нему допускали русскихъ жителей изъ города, желавшихъ посѣтить узника; въ сопровожденіи стражи ему дозволяли даже ходить въ церковь и по городу. За это время, то есть во время завѣдыванія карауломъ Гибнера съ Бирюковымъ, а равно и новаго коменданта,—по 2 апрѣля 1771 года арестантъ велъ себя «тихо» [2]). Русскіе навѣщали его, какъ говоритъ Егорьевъ, но ихъ было тогда въ Ревелѣ очень мало и то—огородники, а купцовъ почти ни одного» [3]).

Однако говорятъ, что это было затишье предъ бурею. Въ то время, какъ въ Ревелѣ Арсеній переходилъ изъ вѣдѣнія офицеровъ въ завѣдываніе новаго оберъ-коменданта и безъ всякихъ протестовъ «тихо» подчинялся арестантскому режиму, въ Петербургѣ возгорѣлось новое секретное дѣло о немъ. Дѣло началось не позже 3 марта 1771 года, когда князь Вяземскій предписалъ Степану Ивановичу Шешковскому выдавать на содержаніе извѣстнаго арестанта деньги; вѣроятно, этотъ страшный начальникъ тайной канцеляріи Екатерининскихъ временъ принялъ въ свое вѣдѣніе и самого арестанта. Отъ Шешковскаго выдано было какому-то плацъ-майору Качалову изъ суммъ тайной экспедиціи три рубля, то есть, на двадцать дней [4]). На новое слѣдственное дѣло отпущена была громадная по тому времени сумма въ пятьсотъ рублей. Самое дѣло, тогда производившееся о Мацѣевичѣ, было сожжено. Директоръ американской компаніи, М. И. Булгаковъ, въ письмѣ къ ректору архангель-

---

[1]) Извѣстіе записано *Закревскимъ* («Чт.» 1862 г. II кн., 8—9 стр.).

[2]) Оберъ-комендантъ ежемѣсячно рапортуетъ кн. Вяземскому, что «извѣстный арестантъ ведетъ себя тихо». Гос. Архивъ, р. VI, № 399, листы 262—264, 268—269. Такіе же ежемѣсячные рапорты Гибнера съ Бирюковымъ. Тамъ же, листы 286—293; 272—281; 296—299; 303, 306—308 316, по февраль 1772 г.

[3]) Свидѣтельство *И. В. Лопухина*.

[4]) Госуд. Архивъ, разрядъ VI, № 399, 300 л. Деньги Качалову даны на содержаніе арестанта.

ской семинаріи въ 1814 году сообщалъ, что архангелогородскій прокуроръ Нарышкинъ всклепалъ что-то на старца и Арсеній былъ опять перевезенъ въ Сибирь или Динаминдъ [1]). Императрицѣ стало извѣстно, что Мацѣевичъ задумалъ какую-то «пакость» [2]). Причиною вновь вспыхнувшаго гнѣва Екатерины II, вѣроятно, были носившіеся тогда слухи «будто бы Арсеній искалъ случая на купеческомъ кораблѣ уйти въ Англію, что въ его положеніи было очень естественно» [3]). По догадкамъ другихъ, поводомъ къ слѣдствію о Мацѣевичѣ служили слухи о немъ, какъ о святомъ человѣкѣ [4]).

Лопухинъ, съ особенною любовью собиравшій впослѣдствіи свѣдѣнія объ Арсеніи, передаетъ разсказъ Дурново, что пять лѣтъ спустя послѣ перваго суда надъ митрополитомъ «императрица разспрашивала его, Дурново, не было ли при арестѣ Арсенія, какого-нибудь креста съ мощами и разспрашивала очень настойчиво» [5]). Весьма вѣроятно, что собраніе такихъ свѣдѣній было вызвано новымъ третьимъ слѣдственнымъ дѣломъ объ Арсеніи, оставшемся неизвѣстнымъ, потому что всѣ бумаги слѣдственныя были, будто бы, тогда же сожжены [6]). Императрицу безпокоила какая-то мысль,

---

[1]) «Чт.» 1862 г. III т., стр. 137, примѣч. Вѣроятно, въ этомъ сообщеніи выразился глухой отголосокъ о ссылкѣ А. Мацѣевича изъ Ревеля въ Динаминдъ, смѣшанный съ народнымъ убѣжденіемъ, что онъ сосланъ въ Сибирь. Прот. *Діевъ* пишетъ, что «по причинѣ умножившихся разныхъ толковъ въ народѣ, Мацѣевичъ, по распоряженію верховнаго правительства, вызванъ въ С.-Петербургъ» («Чт.» 1862 г. 2 кн., 5 стр.). *И. В. Лопухинъ* говоритъ, что объ Арсеніи было «много дѣлъ».

[2]) Таково было убѣжденіе Екатерины II, которое она высказала въ письмѣ («Р. Стар.» 1885 г. XLVI т., 83 стр.).

[3]) *И. В. Лопухинъ.*

[4]) Намеки на этотъ поводъ есть въ письмѣ Екатерины II, которая, по словамъ Ив. Вл. Лопухина, будто-бы, писала къ Кохіусу, гдѣ она увѣряла послѣдняго, что народъ привыкъ считать Арсенія святымъ, а онъ больше ничего, какъ «превеликій плутъ и лицемѣръ» («Чт.» 1862 г. XVLI т., 19 стр.), и вмѣстѣ съ тѣмъ велѣла крѣпче стеречь его.

[5]) «Зритель» 1862 г., № 23, 736 стр.; «Прав. Собес.» 1875, I т., 250 стр.

[6]) Зритель 1862 г. № 23, 736 стр. Проф. *П. Знаменскій* (Очерки XVIII в.,— въ Прав. Собесѣдникѣ 1875 г. I т., 250 стр.) относитъ третье слѣдствіе не къ 1771 г., а къ 1767 г., когда Арсенія везли мимо Москвы въ Ревель. Но въ Москвѣ произвести его съ такою продолжительностію, что оно утомляло бы слѣдователей, не было времени: Арсенія везли въ Ревель безъ всякихъ остановокъ и очень быстро (по 175 верстъ въ сутки). Такимъ образомъ, третье слѣдственное дѣло надо относить къ пребыванію Арсенія въ Ревелѣ. А что оно было, то «Ив. Владиміровичъ (Лопухинъ) достовѣрно знаетъ, сказывалъ ему то Чередининъ», служившій при тай-

если не подозрѣніе, что въ корельскій монастырь кто-то посылалъ Арсенію священныя реликвіи и, слѣдовательно, у него были сношенія съ духовенствомъ, или же сомнѣніе,— не производилъ ли на самомъ дѣлѣ Арсеній чудесъ, о которыхъ ходила тогда настойчивая молва, при посредствѣ мощей [1])?

До сего времени невольно бросалась въ глаза какая-то связь между неудовольствіемъ въ монастыряхъ и первымъ и вторымъ слѣдственнымъ дѣломъ Арсенія. 10 марта 1771 года появилось подметное письмо велико-устюжскаго купца Смолина, гдѣ говорилось сочувственно о дѣлѣ Арсенія Мацѣевича.

«Ты тѣмъ же послѣдовала дѣламъ (то есть дѣламъ императора Петра III), писалъ Смолинъ императрицѣ Екатеринѣ II, и его злыя начинанія привела въ окончаніе, святыхъ мѣстъ отняла вотчины и имѣнія или, лучше сказать, ограбила, и нынѣ отдаешь оныя графу Орлову и другимъ господамъ..., многіе небогатые монастыри привела въ опустошеніе.—Ты преосвященнаго архіерея Божьяго престола, митрополита ростовскаго, обличающаго тя по правдѣ, также сослала, лишивъ сана съ безчестіемъ въ ссылку. Былъ и достойный государь Іоаннъ Антоновичъ, но токмо ты его своими коварными и умышленными происками, Бога не боясь и людей не стыдясь, не ужаснулась словесъ Божіихъ, сказанныхъ къ Каину: «гласъ крове брата твоего вопіетъ ко Мнѣ отъ земли,» воздвигла руку на раба Господня и убила. Ежели ты не возвратишь монастырскія имѣнія на прежнихъ основаніяхъ и законахъ, не избѣгнешь рукъ озлобленныхъ тобою и раздраженныхъ. Знаю я, что не за свое дѣло принялся, чтобъ мнѣ тебе обличать: есть на то апостольскіе намѣстники и учители церковные, но токмо какъ скоро они тебѣ представятъ твои погрѣшности, тотъ же часъ своимъ милосердіемъ наградишь, лишивъ чи-

---

ной канцеляріи подъ покровительствомъ Шешковскаго («Зритель» 1862 г. № 23, 736 стр.). Одинъ сохранившійся отъ того времени документъ («Выписка изъ новостей»), относитъ слѣдствіе объ Арсеніи прямо къ 1771 г., хотя здѣсь оно отожествляется съ дѣломъ Батогова.

[1]) Такія мысли могли быть навѣяны у ней происшедшими чудесами при гробѣ Димитрія Ростовскаго, о которыхъ она сама и пишетъ.

новъ, и ссылаешь въ ссылку, какъ выше объявлено объ ростовскомъ митрополитѣ Арсеніи» [1]).

Иные говорятъ, что Арсеній находилъ и самъ возможность писать изъ-подъ строгаго караула обличительныя и угрожающія письма, тревожившія правительство. И это могло служить причиною новыхъ слѣдствій, которыхъ, говорятъ, было даже нѣсколько [2]).

Гнѣвъ императрицы на Арсенія росъ и разразился неукротимою местью: она уже не знала нынѣ жалости къ

---

[1]) Дѣло о политическомъ подметномъ письмѣ 1771 года въ «Памятникахъ Новой Русской Исторіи», 1874 г., томъ I, стр. 123—128. По произведенному слѣдствію, Смолина объявили сумасшедшимъ. Его освободили отъ наказанія и дозволили жить въ монастырѣ.

[2]) Изъ динаминдскихъ документовъ, по рѣшительному мнѣнію *Морошкина* («Р. Старина» XLVI т., 82 стр.), ясно видно, что весною 1771 года Арсенія изъ Ревеля привезли въ Динаминдъ и помѣстили въ нижнемъ погребѣ. Погребъ оказался настолько холоднымъ, что комендантъ крѣпости, полковникъ Вейтгантъ, обязанный хранить колодника во время слѣдствія, перевелъ его въ верхній, не столь холодный.—Въ Петербургѣ неохотно согласились на перемѣщеніе арестанта, и при томъ, настоятельно требовали, чтобы, съ наступленіемъ теплаго времени, его опять спустили въ нижній погребъ. Но гуманный Вейтгантъ, извѣщая 22 апрѣля кн. Вяземскаго, что въ Динаминдѣ наступаетъ теплая погода, просилъ позволенія оставить арестанта въ верхнемъ помѣщеніи, достаточно надежномъ и по укрѣпленіи «безъ сумлѣнія» удовлетворительномъ. Кн. Вяземскій не спѣшилъ отвѣчать. Только 30 іюля 1771 года Вейтгантъ получилъ отвѣтъ его: «государыня повелѣть соизволила содержаніе порученнаго вамъ въ той или другой казематѣ оставить на распорядокъ вашъ, но... чтобы арестантъ не могъ сдѣлать какой-либо пакости, остается на вашемъ отвѣтѣ».

Впрочемъ, при всемъ желаніи, присоединить динаминдское дѣлопроизводство Вейтганта къ дѣлу Арсенія, кажется, нельзя. 1) Морошкинъ говоритъ: «неправы историки, не признающіе подобнаго факта: они *проглядѣли* въ дѣлѣ эти документы, которые пришиты къ дѣлу верхними строками внизъ, какъ у насъ выражаются, «вверхъ ракомъ». Но, какъ оказывается, Морошкинъ самъ «проглядѣлъ» документы, изъ которыхъ несомнѣнно видно, что въ то время, какъ динаминдскій колодникъ пробылъ въ погребахъ, по крайней мѣрѣ, съ апрѣля по іюнь 1771 г.,—Арсеній жилъ по прежнему въ Ревелѣ; на него шли обычные расходы по 4 руб. 50 к. въ мѣсяцъ, на караульныхъ 9 руб.; о его пребываніи рапортовали изъ Ревеля и въ эти мѣсяцы, что тамъ онъ «ведетъ себя тихо», да и Бирюковъ «за неотлучное болѣе 4 лѣтъ исправленіе по тайной экспедиціи нужныхъ дѣлъ» заслужилъ награжденіе. (Государственный Архивъ, разр. VI, № 399, листы 262—316, а также 387, 343—349, листы). Довольно сопоставить листъ 304 дѣла, гдѣ Вейтгантъ говоритъ о динаминдскомъ арестантѣ (22 апрѣля 1771 г.), и 306 листъ, гдѣ Бенкендорфъ доноситъ о ревельскомъ заточникѣ, чтобы видѣть тутъ разныхъ лицъ. При томъ, динаминдскій колодникъ ни разу не названъ Вралемъ. Очевидно, листы динаминдскаго дѣла попали сюда случайно и приложены небрежно (вверхъ ракомъ).

нему. Ранѣе, ко времени прибытія Арсенія въ Ревель, казематъ для него за мѣсяцъ протапливался, чтобы онъ былъ сухъ и годенъ для человѣческаго житья, позаботились даже упаковать узкое казематное окно войлокомъ [1]); теперь никто уже объ этомъ не думалъ. Прежде ему позволяли, наравнѣ съ другими арестантами, участвовать въ крѣпостныхъ работахъ [2]), нынѣ заключеніе его въ тѣсномъ казематѣ стало совершенно безъисходнымъ. Императрица сама напоминала караульнымъ о томъ, чтобы они ни на минуту не оставляли арестанта безъ бдительнаго вниманія. Такъ, она собственноручно писала оберъ-коменданту: «у васъ въ крѣпкой клѣткѣ есть важная птичка, береги, чтобы не улетѣла. Надѣюсь, не подведешь себя подъ большой отвѣтъ... Народъ его очень почитаетъ изстари и привыкъ его считать святымъ, а онъ больше ничего, какъ превеликій плутъ и лицемѣръ» [3]). Такое безпокойство ея не будетъ удивительно, если вѣрно сообщеніе служившихъ тогда при тайной канцеляріи, что Арсеній и изъ-подъ строгаго заключенія находилъ способы писать угрожающія письма и обличительныя бумаги, «почему де его и переводили такимъ образомъ» [4]).

Все послѣдующее время своей жизни, по народнымъ слухамъ, записаннымъ митрополитомъ Евгеніемъ Болховитиновымъ, Арсеній провелъ въ одиночествѣ; «темница до самой его смерти уже не отворялась; было пресѣчено всякое сообщеніе съ посторонними, а, наконецъ, отказывали ему не

---

[1]) Государственный Архивъ, разрядъ VI, № 399, 357 л. Въ расходѣ на Арсенія здѣсь показаны купленными два войлока, для обиванія окошка, за 60 копѣекъ и 200 гвоздей мелкихъ за 14 копѣекъ.

[2]) Такъ сообщаетъ прот. *Дієвъ* («Чт.» 1862 г., 2 кн., 5 стр.).

[3]) *Ив. Вл. Лопухинъ* говоритъ, что такое письмо писано къ Кохіусу, но изъ хранящихся въ ревельскомъ городскомъ архивѣ писемъ главнокомандующихъ видно, что Бенкендорфъ былъ въ должности съ 1770 г. и по 1775 г., а письма Кохіуса начинаются съ 1786 г. и кончаются 1796 г. Поэтому, письмо, гдѣ говорится о важной птичкѣ, отожествляютъ съ вышеприведеннымъ письмомъ императрицы Екатерины II къ оберъ-коменданту Бенкендорфу, хотя такое отожествленіе не имѣетъ основаній. («Чтенія въ О. И. Д. Р.», 1862 г. III кн., 194 стр.).

[4]) Сообщеніе *Ив. Вл. Лопухина* («Чт.» 1862 г. III кн., 139 стр.), который самъ слышалъ это «отъ нѣкоторыхъ старыхъ служивыхъ при тайной».

только въ одеждѣ, но даже и въ пищѣ». Служившимъ въ тайной канцеляріи въ Москвѣ было извѣстно, что Арсеній «заложенъ былъ кирпичами, только оставалось окошечко, въ которое ему подавалась пища» [1]). «Сквозь разбитыя стекла своихъ двухъ оконъ и сквозь желѣзныя рѣшетки съ крикомъ умолялъ онъ проходившихъ не допустить его умереть отъ голода и холода».

Нѣмецкое населеніе не принимало никакого участія въ судьбѣ низложеннаго архіерея. Но православные снабдили его веревкою, къ которой привязывали корзину; «въ оную клали хлѣбъ, а по временамъ и платье, бѣлье, даже дрова и воду. По строгомъ осмотрѣ, могъ несчастный Арсеній поднимать къ себѣ это подаяніе, которое поддерживало его жизнь» [2]). Очевидно были почитатели узника участливо отзывавшіеся на безотрадное его положеніе.

Глава VIII.

Кончина Арсенія и память о немъ.

Утромъ 28 февраля 1772 года кончились страданія Арсенія. За два дня предъ своею кончиною онъ тяжко заболѣлъ и просилъ послать ему священника. По приказанію оберъ-коменданта Бенкендорфа, допустили къ нему вечеромъ того же дня, для напутствія, священника, взявши съ него подписку, «чтобы онъ по смерть свою ни подъ какимъ видомъ никому, что онъ къ тому арестанту былъ допущенъ, не ска-

---

[1]) Такъ сообщалъ въ 1852 г. *митроп. Евгенію* одинъ чиновникъ ревельской казенной палаты, по фамиліи Егорьевъ, который слышалъ это отъ своего отца («Замѣтка объ А. Мацѣевичѣ» *Закревскаго*,—въ «Чт. 1862 г. кн. II, 8—9 стр.). «Чт.» 1862 г. кн. III стр. 139. «Дѣло объ А. Мацѣевичѣ». Сами старые служивые разсказали такъ Ив. Вл. Лопухину, который и сообщаетъ это. Два, наиболѣе широкія, окна каземата и теперь остаются заложенными кирпичемъ: замазанные штукатуркой внутри каземата, они видны съ наружи.—Впрочемъ, мѣсто заключенія Арсенія Мацѣевича можетъ быть точно указано лишь тщательнымъ изслѣдованіемъ такого спеціалиста, который съумѣлъ бы ориентироваться среди разнорѣчивыхъ ревельскихъ преданій объ этомъ предметѣ.

[2]) *Н. Закревскій*, «Замѣтка объ А. Мацѣевичѣ» въ «Чт. И. Общ. Ист. и Др. Рос.» 1862 г. II кн., 9 стр. смѣсь.

зывалъ» [1]). Въ народѣ ходили разсказы о томъ, что священникъ, впущенный къ казематъ къ Арсенію, будто бы, тотчасъ выбѣжалъ оттуда обратно, такъ какъ увидѣлъ тамъ не колодника, а архіерея въ облаченіи. Когда офицеръ вновь ввелъ священника въ казематъ, онъ увидѣлъ Арсенія уже простымъ арестантомъ въ сермягѣ.

Въ самый день смерти Арсенія по пробитіи вечерней тапты его похоронили,—похоронили, какъ простого міянина [2]), при деревянной ревельской Николаевской церкви [3]) у праваго клироса въ придѣлѣ Успенія Божіей Матери, который находился въ связи съ главною церковію [4]). Все дѣлопроизводство объ умершемъ арестантѣ было препровождено оберъ-комендантомъ Бенкендорфомъ къ князю Вяземскому; приложены были инструкція, отобранная отъ караульныхъ, и счетъ Бирюкова о приходѣ и расходѣ денегъ на бывшаго арестанта. «Оставшаяся рухлядь» Арсенія, по приказанію князя Вяземскаго, была послѣ раздана нищимъ. Пять книгъ, находив-

---

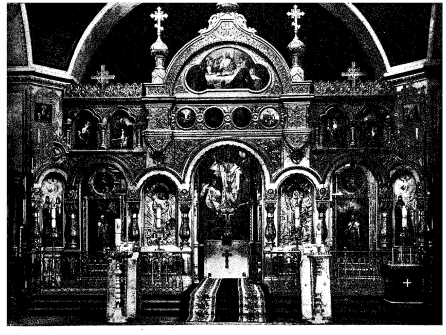
[1]) Дѣло объ Арсеніи,—Гос. Архивъ, разрядъ VI, № 339, 334 и 391 листы. Предъ самымъ напутствіемъ священникъ далъ такую подписку: «Обязуюся, что я о имени и состояніи его спрашивать не буду и никому объ немъ отнюдь объявлять не имѣю, не только въ разговорахъ, ниже догадами, или минами какими и совсѣмъ учинить себя объ немъ не знающимъ повиненъ до конца жизни моей, а только едино имѣю исправить, что по духовности потребно, какъ отъ команды мнѣ приказано» и т. п.

[2]) «О преставленіи преосв. Арсенія» (И. Публ. Библ. рукоп. отд., Q. I, №, 279). «Списокъ объ Арсеніи съ найд. нечаян. листа» («Чтенія» 1862 г. 2 кн., 14 стр.). Расходы по погребенію свидѣтельствуютъ о томъ же: «купленъ гробъ: дано 1 рубль 4 копѣйки, холста на саванъ на 50 копѣекъ, грамота и вѣнчикъ—6 копѣекъ (Государств. Архивъ, разрядъ VI, № 339, 317 л.;—«Р. Старина», 1885 г. XLVI т., 85 стр., примѣчаніе).

[3]) *Проф. Знаменскій*,—«Очерки XVIII в.» («Правосл. Собесѣдникъ», 1875 г. I т. 4,249 стр.).

[4]) При перестройкѣ церкви въ 1820 году «многія лица», будто-бы, видѣли гробъ Арсенія и съ надписью («Чтен.» 1862 г. 2 кн., 9 стр.).

Въ лѣтописи о церкви св. и чудотворца Николая въ Ревелѣ, писанной въ 1889 году священникомъ *М. Иконниковымъ*, говорится: «при самомъ храмѣ за все прошлое время мы знаемъ о единственномъ погребеніи (при церкви). Это исключеніе почему-то было допущено для извѣстнаго бывшаго архіепископа (?), лишеннаго священнаго сана, Арсенія Мацѣевича. Онъ былъ погребенъ близъ самой сѣверной стѣны стариннаго храма и впослѣдствіи, при расширеніи храма въ 1821 г., могила его вошла во внутрь храма и приходится теперь какъ разъ подъ амвономъ близъ царскихъ дверей главнаго алтаря. Простой ли это случай, или воля Провидѣнія такъ устроила дѣло, не беремся рѣшить. Въ одномъ очень потертомъ и облиняломъ документѣ, написанномъ рукою о. Недешева, мы читаемъ: «приходская въ Ревелѣ церковь съ 1763 году



Ревель. Иконостасъ въ Николаевской церкви

Могила Арсенія Мацѣевича, по указанію мѣстныхъ жителей, находится зайсь подъ солеей между царскими вратами и мѣстной иконой Спасителя.

шихся у него въ казематѣ: псалтирь слѣдованная большая, новый завѣтъ, молитвенникъ, требникъ малый и святцы московскіе [1]) отданы духовнику его «ревельскія Николаевскія церкви священнику Саввѣ Кондратьеву».—Со священника, исполнявшаго обрядъ погребенія, и отъ караульныхъ, при отобраніи инструкціи, взята была подписка, чтобы они «по конецъ своей жизни ни съ кѣмъ объ немъ разговоровъ не имѣли, но предали глубочайшему молчанію» [2]), даже о полученныхъ книгахъ, или, по терминологіи ихъ подписокъ «сдѣлали себя о немъ незнающими».

Казематъ опустѣлъ. Все вынесли изъ него; лишь осталась одна надпись на толстой сырой стѣнѣ, начертанная рукою Арсенія какимъ-то острымъ орудіемъ: «благо, яко смирилъ мя еси, Господи» [3]). Вотъ—все, что осталось отъ четырехлѣтняго его пребыванія здѣсь.

Но среди народа сохранилась глубокая и благоговѣйная память; она не только не погасаетъ, но упорно расходится въ даль пространства и времени, проникая въ самые скеп-

---

была одна Николаевская, въ которой, по увѣренію купца Андрея Мѣшкова, погребенъ преосвященный 16 апрѣля на мѣстѣ, на которомъ нынѣ находится амвонъ предъ храмовымъ алтаремъ во имя св. Николая». Въ ризницѣ на стѣнѣ имѣется портретъ, писанный тушью на бумагѣ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ храма находится башня городской стѣны, на которую указываютъ, что якобы въ этой башнѣ сидѣлъ несчастный узникъ. Но это не вѣрно. Вѣроятнѣе всего, что Мацѣевичъ заключенъ былъ въ башнѣ у Морскихъ Воротъ, гдѣ была печь и гдѣ ранѣе сидѣли русскіе купцы со своимъ священникомъ послѣ погрома Ганзейскаго двора въ Новгородѣ» (въ XV в.).

(О невыносимомъ положеніи русскихъ купцовъ въ этомъ казематѣ сохранилась челобитная, отпеч. въ «Русск. Ист. Библіотекѣ», Спб. 1874 г. XV т. № 40).

Въ Никольской церкви и теперь продолжаютъ поминовеніе о упокоеніи «бывшаго митрополита Арсенія, здѣ погребеннаго».

[1]) Госуд. Архивъ, разрядъ VI, № 339, 335 л.

[2]) Тамъ же, 334 и 336 л. «Р. Старина» 1885 г. 2 кн., 85 стр. «Православный Собесѣдникъ» 1875 г. I т., 249 стр.

[3]) Арсеній прибылъ въ Ревель 1768 г. 8 января и умеръ 1772 года 28 февраля. Надпись на стѣнѣ сдѣлана, повидимому, гвоздемъ и съ большимъ трудомъ, хотя архіеп. *Филаретъ* («Обзоръ дух. литературы» II т., 6 стр.) говоритъ, что написано было углемъ: «благо, яко смирилъ мя еси». Нѣкоторые читаютъ эту надпись: «благословенъ смиривый мя». Въ настоящее время ее никто изъ ревельцевъ не можетъ указать. Восемь лѣтъ тому назадъ любители древностей ее еще читали но не въ башнѣ Гросштаппортъ, а въ смежной «Dike Margarita», на разстояніи $1^1/_2$—2 аршинъ отъ пола, на камнѣ (а не на штукатуркѣ), около вбитаго въ стѣну желѣзнаго кольца. Теперь тамъ находятся мѣстныя казармы для солдатъ, и стѣны, какъ водится, замалеваны.

тическіе слои православнаго населенія. При жизни Арсенія, его такъ хорошо укрыли, что народъ не могъ выражать ему сочувствія; но что «всѣ его жалѣли», въ Петербургѣ знали объ этомъ давно изъ разныхъ доносовъ.—Сочувствіе къ Арсенію среди духовенства и народа выразилось всеобщимъ презрѣніемъ къ доносчикамъ на Арсенія. Іеродіаконъ Іоасафъ Лебедевъ, сосланный по дѣлу Арсенія въ Сійскій монастырь подъ строгое наблюденіе настоятеля, какъ «человѣкъ не весьма порядочнаго поведенія» былъ встрѣченъ монахами съ нескрываемою ненавистью. На него гнѣвалось и бѣлое духовенство, въ особенности же протопопъ Ѳедоровъ. Лебедевъ уже изъ Сійскаго монастыря доносилъ на Ѳедорова, что тотъ имѣлъ къ Арсенію великую склонность: «наѣзжая къ нему, привозилъ отъ своего архіерея деньги, яко бы въ милостыню, такожъ кушанье и напитки, за что получалъ отъ него себѣ подарки» [1]). Въ монастырѣ Лебедева всѣ притѣсняли, жестоко били, издѣвались надъ нимъ и укоряли: «не станешь ли ты-де надъ нами подыскиваться и ябедничать такъ, какъ въ Никольскомъ монастырѣ сдѣлалъ? Ты-де нынѣ, говорилъ ему сійскій архимандритъ, въ моихъ рукахъ; бойся меня; что хочу, то и сдѣлаю надъ тобою» —По этому поводу Лебедевъ писалъ три доноса, унизывая ихъ скандальными для монаховъ подробностями; жаловался, что его не только бьютъ, но и «сковываютъ въ желѣзы».—Однако, Лебедеву уже не имѣлъ охоты вѣрить и самъ князь Вяземскій. Онъ предложилъ его «какъ человѣка дерзкаго и безпокойнаго, чтобы не праздно шатался, лишивъ монашества, отдать въ солдаты въ Сибирь». Императрица утвердила мнѣніе князя. Но Лебедевъ, не дождавшись рѣшенія своей участи, скоропостижно умеръ отъ пьянства, въ декабрѣ 1768 года [2]).

Еще хуже жилось послѣ своего доноса монаху Батогову. По слѣдственному дознанію, онъ былъ признанъ въ дѣлѣ Арсенія Мацѣевича невиновнымъ и даже награжденъ, какъ и Лебе-

---

[1]) Госуд. Архивъ, разрядъ VI, дѣло А. Мацѣевича № 399, 245, 252 и 261 стр.

[2]) Власти Сійскаго монастыря скрыли истинную причину смерти его: объявлено было, что онъ, «лежа въ постели, помре».

девъ, «по неимуществу ихъ» обоихъ, за доносъ сотнею рублей. Его оставили по прежнему въ числѣ братства корельскаго монастыря. Батогова всѣ не взлюбили и не боялись выражать свое презрѣніе къ нему: били его немилосердно, били въ самомъ монастырѣ,—въ консисторіи, куда онъ являлся съ новыми доносами,—даже тѣ люди, которыхъ онъ оговаривалъ. Въ 1769 году онъ донесъ, что знаетъ секретъ по 1 и 2 пункту, но не откроетъ его ни въ консисторіи, ни въ губернской канцеляріи, «для того, что онъ—великой важности, а имѣетъ объявить въ святѣйшемъ синодѣ».—Между тѣмъ все дѣло оказалось въ мелочной кляузѣ на новаго игумена [1]) Германа, который худо читалъ во время богослуженія, а когда служилъ въ церкви пьянымъ, то выговаривалъ «не написанныя въ евангеліи и, къ тому, непристойныя рѣчи» съ постояннымъ повтореніемъ: «тово-што», затѣмъ,—садился въ облаченіи съ крестомъ въ рукахъ на амвонъ отдыхать и т. п. По второму же пункту, игуменъ обвинялся въ безчеловѣчныхъ побояхъ палкою по головѣ Батогова. Въ доносѣ сообщалось о неблагонадежности игумена. Въ 1768 году, то есть, вскорѣ по отъѣздѣ Арсенія въ Ревель, «игуменъ позвалъ Батогова, когда были у него и другіе, къ себѣ и, положивъ на столъ образъ соловецкихъ чудотворцевъ, предложилъ ему присягнуть, чтобы впредь ему, Батогову, доносовъ не дѣлать и смуты въ обители не чинить. На такое предложеніе Батоговъ, будто бы, объявилъ игумену, что измѣнникомъ присягѣ, данной государынѣ, онъ не будетъ и станетъ всегда доносить о томъ, что̀ увидитъ или услышитъ. Игуменъ назвалъ его «канальей» и велѣлъ подать по чаркѣ водки всѣмъ, кто тутъ былъ.—Вскорѣ пришло къ нимъ извѣстіе о смерти Лебедева; Германъ тогда при всѣхъ сказалъ: «отломайте и Батогову ребра, такъ скоріе уходится» [2]).

---

[1]) Антоній былъ послѣднимъ архимандритомъ въ корельскомъ монастырѣ. Послѣ него были игумены—(«Историко-Статистическое описаніе Ник. кор. монастыря», въ «Чтеніи Общ. И. Др. Р.», 1879 годъ I ч., 1—49 стр.).

[2]) Свѣдѣнія о Батоговѣ заимствуются изъ архива архангелогородской губернской канцеляріи «Дѣло Батогова» по 4 описи, № 3, генер. № 61292.

Богомольцы въ корельскомъ монастырѣ начали посѣщать самый казематъ [1]), гдѣ Арсеній перенесъ свою четырехлѣтнюю ссылку и откуда увезенъ въ «безызвѣстное заключеніе». Казематъ сталъ у народа мѣстомъ молитвы за того, кто за дѣло Церкви лишился сана, положенія и самого имени. Среди народа составилось убѣжденіе, что изъ Архангельска его везли въ отдаленную Сибирь, «въ Камчедалы». Всевозможнымъ толкамъ объ этомъ содѣйствовало самое стараніе правительства скрыть Арсенія отъ всѣхъ,—чтобы и сами конвойные не знали, куда они везутъ его.

Въ Сибири указываютъ и могилу Арсенія. Арсеній «яко бы увезенъ былъ въ Иркутскъ, былъ въ Вознесенскомъ монастырѣ, потомъ за Байкаломъ въ Троицкомъ,—послѣ въ нерчинскомъ, оттуда повезли его въ Россію. Говорили, что его возвращаютъ, но на дорогѣ, въ іюлѣ мѣсяцѣ, за 170 верстъ не доѣзжая до Верхнеудинска, у казака, провожавшаго его, онъ выпросился вымыться въ озерѣ и надѣлъ чистую рубашку, а старую бросилъ въ воду, помолился на колѣняхъ долго (что̀ казакъ видѣлъ и разсказывалъ о томъ), пришелъ къ телѣгѣ, подарилъ казаку молитвенникъ, надписанный его рукою, и рубль серебряный, сказавъ, что до Верхнеудинска ему не доѣхать, и просилъ поминать несчастнаго монаха Арсенія.—Я чувствую себя плохо, говорилъ онъ, скоро умру; похороните меня на томъ мѣстѣ, гдѣ остановятся кони.—И поѣхали-де, но на первую станцію привезли его уже испустившаго духъ и когда мертваго въ Верхнеудинскъ привезли, то поставили въ Преображенскую церковь и, какъ важнаго арестанта, безъ указа не смѣли хоронить, послали въ Иркутскъ къ архіерею и губернатору за 320 верстъ: и онъ (Арсеній) въ полѣ около 25 дней лежалъ въ жары и не повредился; и много чудесъ было: били въ набатъ ночью не одинъ разъ, и народъ сбѣгался, будто церковь горитъ, а иные звѣзду надъ церковію видѣли.

---

[1]) Преосвященный архангельскій, Наѳанаилъ, въ виду наплыва богомольцевъ въ казематъ, въ недавнее время обратилъ его въ тѣсную церковь. Его преемнику помѣщеніе показалось темнымъ при томъ узкомъ окнѣ, которымъ довольствовался Арсеній, и окно, по его приказанію, было расширено.

Тѣло его предали землѣ на общемъ кладбищѣ на горѣ у креста; и народъ съ благоговѣніемъ провожалъ, и родъ голбца каменнаго сдѣлалъ надъ нимъ купецъ серебряникъ, а нынѣ прекрасная часовня сооружена вдовой Шевелевой» [1]).

Такъ называемая «*могила Арсенія Мацѣевича*» находится на горѣ у Троицы въ Забайкальѣ, по тракту въ Нерчинскъ. Надъ нею ежегодно, 8 мая, совершаются церковная служба и панихиды, здѣсь «много всегда бываетъ народу» [2]) и мѣстнаго, и проѣзжающаго. Теперь могилу Арсенія украшаетъ пятиглавая, похожая на часовню, церковь, во имя святого Арсенія Великаго, построенная вдовой Шевелевой, Мужъ ея, купецъ Шевелевъ, за неосторожно сказанное слово, былъ арестованъ при императорѣ Павлѣ I и отправленъ въ Иркутскъ. Здѣсь, будучи въ тяжелой неизвѣстности о томъ, что его ожидаетъ, далъ обѣщаніе построить надъ «могилою Арсенія» часовню, если избавится отъ бѣды. Въ построенной имъ часовнѣ, надъ самою предполагаемою могилою страдальца, находится икона преподобнаго Арсенія Великаго, молящагося предъ распятіемъ, хорошаго письма, 32×27 сантиметровъ, написанная на жести масляными красками. На оборотной сторонѣ иконы значится: «на мѣстѣ семъ погребенъ въ 1771 году смиренный іеромонахъ Арсеній, бывшій митрополитъ ростовскій и ярославскій, и сего достоинства лишенъ»; сверху написано: «въ прикладъ

---

[1]) Такъ народные слухи объ Арсеніи записаны въ «Краткомъ извѣстіи объ Арсеніи» («Зритель» 1862 г. № 23, 736 стр.). Тамъ же находится и опроверженіе того, что Арсеній былъ въ Сибири. Въ статьѣ протоіер. *Сулоцкаго* «Мнимая могила А. Мацѣевича въ Верхнеудинскѣ» доказывается, что Арсеній сибирскій былъ гораздо (на 20—30 лѣтъ) моложе А. Мацѣевича. «Чтенія» 1864 г. IV кн., смѣсь, 11—16 стр. Однако, *Е. В. Путиловъ* сообщаетъ о сохранившихся у верхнеудинскаго причта свѣдѣніяхъ, что іеромонахъ Арсеній сосланъ былъ въ Сибирь въ 1763 году и прощенъ въ 1771 году, доживя до глубокой старости, † 74 лѣтъ («Могила іером. Арсенія», въ «Историч. Вѣстникѣ» за 1885 г. мартъ, 726 стр.).

[2]) *Е. В. Путиловъ*,—«Могила іеромонаха Арсенія въ Верхнеудинскѣ» («Историч. Вѣстникъ» 1885 г. мартъ, 726—727 стр.).

[3]) Протоіер. *Солоцкій*, сообщая объ этомъ, описываетъ «мнимую могилу Арсенія Мацѣевича въ Верхнеудинскѣ», со словъ купца Гнѣвашева, много разъ бывавшаго проѣздомъ у могилы. («Чтенія въ Общ. И. Др. Р.» 1864 г. кн. IV, смѣсь, 12 стр., примѣч. 2).

къ Троицкой церкви», а снизу: «преподобнаго Арсенія Великаго празднуемъ въ день 8 мая, писанъ 1815 года иждивеніемъ купца Логина Саватіева Орлова» [1]). Въ народѣ ходятъ слухи, что въ ночное время тамъ виднѣется звѣзда, что здѣсь надъ молящимся совершаются необыкновенныя явленія. И разсказамъ вѣрили. Съ могилы брали землю для того, чтобы напоить съ нея больныхъ дѣтей, ощипывали листья бузины, которую, будто бы, посадилъ еще Арсеній, и употребляли ихъ при леченіи,—въ особенности же отъ лихорадки [2]).

Вообще, сибирякамъ хотѣлось имѣть убѣжденіе, что прахъ Арсенія Мацѣевича находится у нихъ и что это вопросъ не праздный, но запутанный. Они дѣлали попытки собрать доказательства, что Арсеній не могъ умереть въ Ревелѣ, въ видѣ консисторскихъ документовъ, указовъ и циркуляровъ, и серьезно увѣряли, что «печатныя книги часто и даже чаще лгутъ, нежели смертные изустно» [3]).

Однако всѣ такія попытки сибиряковъ, независимо отъ безспорныхъ документовъ, составляющихъ «дѣло о разстригѣ Арсеніи» въ государственномъ архивѣ, уничтожаются письмомъ иркутскаго епископа Михаила къ издателю «Исторіи россійской іерархіи», епископу Амвросію, отъ 21 іюня 1816 года. Епископъ Михаилъ раздѣлялъ взглядъ Ив. Вл. Лопухина, что бывшій митрополитъ ростовскій Арсеній въ Сибири не былъ и что здѣсь подъ его именемъ прославляется другой Арсеній, который въ отличіе отъ Мацѣевича назывался своимъ именемъ, а не Андреемъ. Сибирскій Арсеній не былъ лишенъ священническаго сана, получалъ двухкопѣечную порцію, обвинялся за вымышленное показаніе на настоятеля нижегородскаго печерскаго Благовѣщенскаго монастыря, умеръ не въ 1772, а въ 1773 году; «наконецъ отставной губернскій секретарь въ иркутской духовной консисторіи, Иванъ Гавриловичъ Ленскій, старикъ 75 лѣт-

---

[1]) *Е. В. Путиловъ*,—«Еще къ вопросу о могилѣ іеромонаха Арсенія въ Верхнеудинскѣ» («Историч. Вѣстникъ», 1888 г., XXXV т., 735 стр.).

[2]) «Амуръ» 1862 г. № 24. «Замѣтка» *Б. Милютина* на статью *проф. Чистовича*.

[3]) «Чтенія Общ. И. Др. Р.», 1864 г. IV кн., 20 стр.

ній, который, будучи копіистомъ въ нерчинскомъ духовномъ правленіи до 1770 года, зналъ лично онаго іеромонаха Арсенія и имѣлъ съ нимъ частое обращеніе по той причинѣ, что онъ, Арсеній, обучалъ грамотѣ двухъ его, Ленскаго, сыновей, письменно удостовѣрилъ, что въ томъ іеромонахѣ не было примѣтно ничего, обнаруживающаго высокій санъ человѣка, ни осанки, ни особливой ученности, а всегда казался онъ самымъ простымъ и смиренномудрымъ старичкомъ, и, при томъ, говорилъ чистымъ русскимъ нарѣчіемъ, не употребляя ни одного слова малороссійскаго, что все не приличествуетъ бывшему митрополиту ростовскому» [1]).

Арсенія считаетъ своимъ вся Россія. Имя страдальца не могли ничѣмъ заглушить въ народѣ и послѣ того, какъ его великое, взятое на одного себя, дѣло защиты церковнаго достоянія не увѣнчалось успѣхомъ: оно повсюду вспоминается съ любовію и съ благоговѣйнымъ удивленіемъ. Никому не давали читать слѣдственнаго дѣла, скрываемаго въ секретнѣйшихъ архивахъ до 1827 года [2]), но вмѣсто пространныхъ описаній дѣла Арсеніева, въ народѣ любили увѣковѣчивать его памятниками. Встрѣчаются иногда изображенія Арсенія, стоящаго въ темницѣ и одѣтаго въ мужицкій армякъ, треухъ и валенки, у узкаго окна съ рѣшеткою, на которомъ лежитъ кляпъ. Тутъ же на стѣнѣ каземата обыкновенно изображенъ висящимъ его портретъ въ одеждѣ святителя.

Память объ Арсеніи была всегда свѣточемъ не для однихъ простыхъ людей, но, для просвѣщенныхъ. Извѣстный масонъ, Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ, въ своемъ имѣніи послѣ 1812 года устроилъ Арсенію своеобразный памятникъ. На высокомъ утесѣ, надъ озеромъ, было построено зданіе или «пустынька», въ которой все было обращено «въ памятникъ будто несчастіямъ нѣкотораго Андрея, знаменитаго

---

[1]) *Протоіер. М. Діевъ*,—«Арсеній Мацѣевичъ» («Чтенія въ Общ. Ист. Др. Р.» 1862 г., 2 кн., 4—5 стр.).

[2]) Оно найдено въ 1827 г. Муравьевымъ въ кабинетѣ императора Александра Павловича и передано имъ въ архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ (разр. VI, 1 л.).

твердостію духа и страданіемъ своимъ». Среди вишенъ и ракитъ стояла тамъ хижина той мѣры, какой былъ ревельскій казематъ Арсенія. Помимо другихъ символическихъ изображеній, внушавшихъ о святости страданій невинныхъ, на свободной стѣнѣ былъ изображенъ крестъ, увѣнчанный на концахъ архіерейскими митрами; въ углахъ креста виднѣлись изображенными оковы, надломленный посохъ, закрытая книга и трисвѣчникъ горящій. Вокругъ хижины— видъ опустѣлаго монастыря. Въ аллеѣ у хижины положенъ камень съ надписью: «священной памяти Арсенія страдальца, 1813 года 14 дня» (день осужденія Арсенія). Въ одной бесѣдкѣ у залива озера написано: «уголокъ этотъ воды можетъ горячему воображенію напоминать о томъ морскомъ заливѣ, на берегу коего въ заклепахъ мрачнаго затвора Арсеній страдалецъ провожалъ послѣдніе дни свои». Вся мѣстность была названа «А-ва (Арсеніева) Орлиная Пустынь». Крестьяне, глядя на пустыньку, невольно говорили: «здѣсь и нехотя Бога вспомнишь» [1]).

Но самымъ лучшимъ памятникомъ Арсенію Мацѣевичу будетъ простое изложеніе дѣла его. Оно само по себѣ придаетъ ему черты замѣчательнаго въ XVIII столѣтіи іерарха. Хотя бытовыя и литературныя особенности, а также условія среды и времени привили его характеру обычные недочеты вѣка, но они же придали и любопытную особенность его убѣжденіямъ въ правахъ Церкви и достоинствѣ представителя ея.

Изслѣдователи жизни замѣчательныхъ дѣятелей Россіи и историческихъ путей ея съ возрастающимъ вниманіемъ склоняются надъ дѣломъ Арсенія Мацѣевича, и только тотъ изъ нихъ согласится съ пристрастнымъ приговоромъ императрицы Екатерины II, кто знакомится съ нимъ лишь по бумагамъ, написаннымъ подъ диктовку его враговъ.

Несправедливо также оцѣнивать дѣятельность Арсенія по защитѣ церковныхъ вотчинъ, не отрѣшившись отъ воззрѣній нашего XX вѣка на вотчинное право и приписы-

---

[1]) «Орлиная пустынь»—въ «Другѣ Юношества» за 1814 г. мартъ,— описана самимъ *Ив. Вл. Лопухинымъ*.

вать ему темныя черты защитника крѣпостничества: этого не дѣлали даже враги Арсенія, тщательно искавшіе всевозможныхъ причинъ погубить его. Въ тотъ вѣкъ мысль о «правахъ человѣка» проникла къ намъ, какъ новость, но почти не прививалась къ сословнымъ отношеніямъ и не зрѣла. Напротивъ, при жизни Арсенія происходила усиленная борьба между сословіями за право,—кому владѣть деревнями [1]): дворяне просили у императрицы исключительности крѣпостного владѣнія для себя, другія сословія добивались закона покупать себѣ крестьянъ за свои заслуги по развитію торговли и промышленности. Сознаніе неизбѣжности и естественности крѣпостныхъ отношеній было тогда обще всѣмъ безъ исключенія, такъ что даже и сами крестьяне не мечтали о полной свободѣ, подобно тому, какъ и теперь не ищутъ личной земельной собственности, имѣя общинную. Значительная часть ихъ просила лишь объ измѣненіи произвольныхъ условій своей тяжелой зависимости. Поэтому, и духовенство, наравнѣ съ другими привилегированными сословіями, хлопотало о сохраненіи за собой «отчинъ и дѣдинъ» съ обычною платежною отвѣтственностію за нихъ предъ государствомъ; но когда другіе выпрашивали ихъ въ видѣ милостей и, при томъ, только для себя, ростовскій владыка защищалъ общее узаконенное матеріальное положеніе духовенства противъ новаго пришлаго направленія, которое перестало считать образованіе и благотворительность привилегіею Церкви и религіозной потребности. Тогда какъ іерархи только вздыхали при общей опасности, онъ одинъ принялъ энергичныя мѣры остановить направленный на ложный путь церковно-имущественный «вопросъ» со всѣми его наслоеніями внутренняго и внѣшняго происхожденія протестуя противъ непрошеннаго несправедливаго вторженія свѣтской власти во внутреннее управленіе однѣхъ церковныхъ вотчинъ, при такихъ же вопіющихъ недостаткахъ въ помѣщичьемъ и заводскомъ управленіи крестьянами.

Дѣло Арсенія отмѣчено удивительною для XVIII вѣка

---

[1]) *К. П. Побѣдоносцевъ*—«Утвержденіе крѣпостного права въ XVII столѣтіи» («Р. Бесѣда» 1859 г.)

широтою его взглядовъ и благородствомъ пріемовъ, которые вполнѣ освобождаютъ его отъ обвиненія въ фанатизмѣ. Онъ не ограничивался узкою сферою церковности, а ратовалъ за обязательное значеніе тѣхъ гражданскихъ законовъ, которые имѣли органическую связь съ церковною народною жизнію. Поэтому, посягатели на церковно-имущественное право, чувствуя въ протестѣ противъ ихъ проектовъ юридическую силу, пытались съ большою натяжкою обвинить самого защитника въ фанатизмѣ и тѣмъ затмить и его дѣло, и его имя. Имъ тѣмъ легче было это сдѣлать, что изъ среды всѣхъ іерарховъ Арсеній одинъ издалъ боевой кличъ. Члены святѣйшаго синода, испугавшись самой смѣлости заявить въ этомъ случаѣ духовное представительство «правительствующимъ» учрежденіямъ, не безъ насилія своей совѣсти показали видъ, что не раздѣляютъ взглядовъ ростовскаго митрополита, и предали его, какъ общественнаго врага, въ то самое время, когда онъ старался, напротивъ, не выдать ихъ, какъ своихъ единомышленниковъ: негодованіе его на нихъ излилось лишь въ ѣдкихъ укорахъ въ преступномъ непониманіи отвѣтственнаго ихъ положенія.

Рѣдкое сочетаніе ничѣмъ непобѣдимой непреклонности убѣжденій среди тяжелыхъ многолѣтнихъ страданій за нихъ и защита церковнаго богатства при личной нестяжательности—выдѣляютъ Арсенія Мацѣевича изъ всѣхъ современныхъ ему іерарховъ и равняетъ его съ беззавѣтными поборниками правды.

КОНЕЦЪ

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ПРИЛОЖЕНІЕ ПЕРВОЕ

къ страницѣ 125.

ПЕРВОЕ ДОНОШЕНІЕ

СВЯТѢЙШЕМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМУ СИНОДУ РОСТОВСКАГО МИТРОПОЛИТА АРСЕНІЯ.

Святѣйшему Правительствующему Синоду

отъ синодальнаго члена, преосвященнаго Арсенія, митрополита ростовскаго и ярославскаго

доношеніе.

По имянному Ея Императорскаго Величества, всемилостивѣйшему высочайшему, за подписаніемъ собственныя Ея Императорскаго Величества руки, августа 12 дня прошлаго 1762 года, указу, для благопристойнаго духовнаго чина содержанія, всѣ синодальныя, архіерейскихъ домовъ и монастырей, и бѣлаго священства движимыя и недвижимыя имѣніи, отданы имъ, (въ томъ числѣ и дому моему) во управленіе, съ таковымъ высочайшимъ Ея Императорскаго Величества повелѣніемъ: «Какъ до учрежденія опредѣленной коммисіи и положенія впредъ порядочнѣйшаго на крестьянъ оклада, такъ и на оный 762 годъ, собирать положенной рублевой окладъ, отдая, однако, и сіе на благоизобрѣтеніе архіереевъ и властей, чтобъ они собирали съ нихъ или по рублю съ души, или, по пристойности мѣстъ и надобностей, употребляли ихъ къ нужнымъ работамъ безъ отягощенія. Всѣ же тѣ при архіерейскихъ домахъ и монастыряхъ, какъ денежныя, такъ и хлѣбныя доходы, до настоящаго о тѣхъ учрежденія, употреблять, какъ архіереемъ, такъ и монастырямъ, на самыя нужныя расходы, по духовному регламенту, безъ излишества, тако жъ на содержаніе имѣющихся при монастыряхъ и впредъ присылаемыхъ инвалидовъ, и за тѣмъ остатки гдѣ будутъ хранить, имѣя на то приходные и расходныя шнуровыя книги, архіереи, ставропигіальныя лавры и монастыри отъ синода, а протчія монастыри отъ архіереевъ, изъ которыхъ можно бъ было Ея Императорскому

Величеству впредъ усмотрѣть прямыхъ старателей о пользѣ церкви и отечества, и пренебрегающихъ оную».

И въ силу онаго Ея Императорскаго Величества высочайшаго имяннаго указа, для записки бываемыхъ въ домѣ моемъ архіерейскомъ приходовъ и расходовъ, за шнуромъ и печатью книги отъ святѣйшаго синода къ моему смиренію, октября 9-го дня, того жъ 762 году, присланы при указѣ.

Которое одолженіе присланныхъ ко мнѣ книгъ кажется сану архіерейскому не безъ уничиженія, понеже въ той силѣ имѣются, яко архіереи о пользѣ церкви вси нестарателн, и въ подозрѣніи нестарательства и пренебреженія, что не по большей ли части изыщется на свѣтскихъ, нежели на духовныхъ, какъ то отъ созиданія Александроневскаго монастыря видѣть, которой не духовный, но свѣтскіи строятъ, и не на монастырскую, но на казну государеву, да и до сихъ поръ въ окончаніе привести не могутъ, да почти и не думаютъ, а истязанія имъ о томъ не видѣть: довольно убо кажется архіереемъ, яко у нихъ книги домашніи приходныи и расходныи, безъ которыхъ въ домахъ архіерейскихъ и монастыряхъ никогда же водится. Присланные же отъ святѣйшаго синода книги ко архіереомъ и монастырскимъ настоятелемъ, аки бы къ прикащикомъ тяжесть не токмо архіереомъ, начальнымъ пастыремъ, но и всему духовному чину несносная, и никогда же слыханная, еще же и съ словомъ Божіимъ и закономъ не очень сходная.

А о законѣ въ манифестѣ, состоявшемся 6 числа іюля мѣсяца, прошлаго 762 года, о всѣхъ обстоятельствахъ, при вошествіи Ея Императорскаго Величества на всероссійскій императорскій престолъ, произшедшихъ, Ея Величество точно благоволила всенародно объявить, что, де, «просить Бога не оставимъ денно и ночно, да поможетъ намъ поднять скипетръ въ соблюденіе нашего православнаго закона».

Въ духовномъ же регламентѣ изъ самаго начала тако жъ написано: «Управленія основаніе, то есть, законъ Божій, въ священномъ писаніи предложенный, тако жъ каноны или правила соборныи святыхъ отецъ, и уставы гражданскіе, слову Божію согласные». Слѣдовательно, и регламентъ, подчиняется въ своихъ опредѣленіяхъ слову Божію и закону, и надлежитъ его въ той силѣ принимать, поколику онъ согласенъ слову Божію и закону, понеже всегда тому болше надлежитъ внимать, что власть Божія глаголетъ и повелѣваетъ, царями обладающая, и всякому дыханію и души владычествующая, нежели власть человѣческая.

Справившися же съ церковію Божіею, которой мы—сыны и законъ ея содержимъ, то, какъ стала церковь наша отъ временъ апостольскихъ, всегда были имѣнія церковныя,

никому не подчиненныи, токмо единымъ апостоломъ, а послѣ апостоловъ архіереемъ, на единую волю и разсмотрѣніе архіереевъ оставлены, яко Богу данныи и освященныи, что довольно явствуетъ: ово отъ писаннаго въ дѣяніяхъ апостольскихъ, въ главѣ 4: «Елицы бо господіе селомъ или домовомъ бяху, продающе, приношаху цѣну продаемыхъ, и полагаху при ногахъ апостолъ»; ово отъ Павла апостола, въ 1 посланіи къ Коринѳянамъ, въ главѣ 9, глаголющаго: «Аще мы духовная сѣяхомъ вамъ, велико ли, аще мы ваша тѣлесная пожнемъ?» Которыи слова пространно приводя, книга «Камень Вѣры», въ части 2-й, во главѣ 9 во исправленіи на претыканіе 9-е и такожъ ветхозавѣтнымъ священникамъ и левитамъ доходы изчисляя, рѣчь свою противо противниковъ церкви нашей тако оканчиваетъ: «Зрите, противницы, доходы ветхозаконныхъ священниковъ, и нашихъ не осуждайте, имже никогда же сицевыи доходы бываютъ. И оніи убо служаще сѣни, доходъ истинный имѣяху, сіи же служаще истинѣ, доходъ имутъ сѣновныи». Вси же таковыи сѣновныхъ священниковъ доходы были свободны, и никому, токмо единымъ архіереемъ тогдашнимъ сѣновнымъ подчинены, какъ то видѣть отъ книгъ Левитскихъ въ главѣ 27, идѣже пишется: «Всяка десятина воловъ и овецъ, и всяко, еже аще пріидетъ въ число подъ жезлъ десятое, будетъ свято Господу». «Подъ жезлъ», сирѣчь, подъ власть архіерейскую: по инымъ бо переводамъ точно написано: «подъ жезлъ пастырскій, или архіерейскій». Правило апостольское 38-е гласитъ: «Да управляетъ епископъ властительски церковное имѣніе, и ничтоже отъ него сродникомъ своимъ да не дастъ, аще токмо не суть убози». Правило же 41-е повелѣваетъ епископомъ обладати церковнымъ имѣніемъ: «Аще бо честныя человѣческія души поручены суть имъ, кольми паче имѣніе поручити имъ подобаетъ, яко да они по своей власти все управляютъ, и убогимъ требованіе подаютъ рукама честныхъ пресвитеръ и діаконъ, со страхомъ Божіимъ и благоговѣніемъ. Подобаетъ же и тому самому, аще требуетъ, взимати себѣ на нужную потребу, еже хощетъ, и приходящую странную братію гостити и кормити, и ничтоже потребнаго не лишити ихъ». Ибо законъ Божій повелѣваетъ служащимъ олтареви отъ олтаря кормитися (5 Моис. 18; Кор. 142); понеже ни воинникъ не можетъ о своемъ имѣніи оружія нанести на противнаго, сирѣчь, не воюетъ своимъ имѣніемъ, но жалованье получаетъ. Седьмаго вселенскаго собора въ правилѣ 13: «Общія домы сотворше, епископію, или монастырь, аще не возвратятъ епископомъ и игуменомъ вещей, бывшихъ въ епископіи или въ монастырѣ, не твердо есть то, и священницы убо сущіи да извергутся, мірстіи же чело-

вѣцы и мнѵси да отлучатся».—Отъ сего является, яко не токмо епископы въ своихъ епархіяхъ, но и игумены въ своихъ монастыряхъ, властелины церковнаго имѣнія свободныи, токмо подъ властію архіерейскою состоящіи; и подъ отлученіемъ отъ церкви никто же долженъ имѣнія отъ нихъ отбирать и на свое употреблять, отобранное же непремѣнно долженъ возвратить.

А нынѣ не только возвращать не думаютъ, но и до послѣдняго взять, какъ уже было и сдѣлалося въ бывшее предъ симъ правленіе, изъ чего, по писанному въ манифестѣ Ея Величества, состоявшемся іюня 28-го дня, 1762 года, законъ нашъ православной греческой перво всего возчувствовалъ свое потрясеніе и истребленіе своихъ преданій церковныхъ, такъ что церковь наша греческая крайне уже подвержена оставалась послѣдней своей опасности перемѣною древняго въ Россіи православія и принятіемъ иновѣрнаго закона.

Со исторіями же церковными справившися, обрѣтаемъ перваго отъимателя церковныхъ имѣній царя Іуліана Отступника, о которомъ пишется апрѣля 9-го въ страданіи святаго мученика Евпсихіа, яко отъ всѣхъ церквей кесарійскихъ имѣнія отъятъ, а клириковъ въ воинскій чинъ написовати и въ полки нуждею вести повелѣлъ. Отъ исторіи же нашей россійской имѣемъ извѣстіе, яко наша Россія отъ самыхъ временъ святаго и равноапостольскаго великаго князя Владиміра, пріемши вѣру отъ грековъ благочестивую, не токмо во время царствованія благочестивыхъ и великихъ князей, но и во время татарскія державы, имѣла свободныи имѣнія церковныи въ первоначалной власти архіерейской содержащіеся, какъ-то видѣть въ словѣ отъ житія Алексія святого митрополита московскаго, въ прологу, февраля 12-го, написанномъ, въ которомъ свидѣтельствуется: яко, «отъ великаго князя Іоанна Алексій святый моленіемъ принужденъ, нимало стуживъ, иде въ орду, и многую тамо злостужность отъ безбожныхъ татаръ претерпѣлъ; обаче гнѣвъ царевъ укроти, и благополучно на престолъ свой возвратися, миръ земли Россійстѣй нося, къ сему даде ему царь ярлыкъ свой, рекше грамоту свободительную, яковыя и прежде сущымъ митрополитомъ, Михаилу второму, Іоанну, Петру и Ѳеогносту, прежніи ординстіи царіе даяху, и отъ всякихъ даней и поборовъ свободны творяще церкви и монастыри, и земли ихъ, и воды, и ограды, и вся движная и недвижная, даная церквемъ и монастыремъ, да свободно отъ всѣхъ плищей и попеченій клирицы и монаси живутъ и безмолвно и немятежно Бога молятъ».

Пишется же октября 29, въ житіи преподобнаго Аврамія, архимандрита, ростовскаго чудотворца, жившаго во время

св. великаго князя Владиміра, яко «созда церковь велію и украси ю всякимъ благолѣпіемъ. Возлюбивше же ростовстіи князи сего великаго преподобнаго Аврамія и братію его, и начаша имѣнія многа и села давати на устроеніе обители и на потребу братіи»; книгъ же имъ расходныхъ и приходныхъ не присылали и не давали. Въ житіи блаженнаго Петра Царевича, ростовскаго чудотворца, іюня 30-го, пишется: яко, «по довольныхъ днехъ епископъ Кириллъ отпущенъ бысть отъ царя татарскаго съ многими обдареньми, еще же и повелѣніе свое царь даде къ княземъ ростовскимъ и ярославскимъ, да царскіе оброки годовыя даютъ въ домъ Пречистыя Богоматере ростовскія епископіи». И все то дѣлалось тако жъ безъ истязанія отъ архіереевъ росходовъ и приходовъ.

Послѣ державы же татарскія, чрезъ все время благочестивыя державы Россійскія, даже до временъ Мусинъ-Пушкиновыхъ, всегда были имѣнія церковныи не отъемлемы, но употребляемы по воли настоятельской, а наипаче архіерейской, на домъ Божій, на содержаніе жертвы безкровныя, и на пропитаніе служителей, тако жъ нищихъ и сиротъ, и иныхъ приключающихся нужныхъ и необходимыхъ дому архіерейскому и монастырямъ случаевъ, которыхъ не возможно и узнать. Мусину же Пушкину когда блаженныя и вѣчно достойныя памяти Петръ Великій, по тогдашнему случаю военному съ шведомъ, приказалъ заопредѣлить вотчины монастырскіе и архіерейскіе, со удовольствіемъ, безобидно монастырямъ и архіереямъ, то оный Мусинъ-Пушкинъ по своей волѣ не токмо противу турка заопредѣлилъ, но еще и превосходняе: и турокъ бо олтарныхъ нашихъ денегъ не знаетъ и не касается; а Мусинъ-Пушкинъ и сущія наши олтарные архіерейскіи денги отобралъ, сирѣчь, вѣнечные и данные церковные, едино какъ-то сіе оставилъ, ежели кто что дастъ на поминовеніе и литоргію архіерею, чего въ епархіяхъ рѣдко случается, а по большей части и не бываетъ. Болше же доходу архіерею не заопредѣлилъ въ домѣ нашемъ ростовскомъ, токмо сто рублевъ изъ заопредѣленныхъ на весь домъ двухъ тысячь четырнадцати рублевъ, а за тѣмъ обложено и платится отъ единаго дому архіерейскаго съ экономическими въ государственную казну до семи тысячъ рублевъ повсягодно. И таково Мусинъ-Пушкиново заопредѣленіе стало быть съ превосходствомъ не токмо противъ турка, но и противо нечестивыхъ царей римскихъ идолослужителныхъ, въ которыхъ времена, по писанному въ минеи-четьи августа 31-го, Кипріанъ святый, епископъ карѳагенскій, страдалъ и приведенъ на мѣсто посѣченія, повелѣ домашнимъ своимъ, да спекулаторови дадутъ

двадесять и пять златниць, творя и при смерти благодѣяніе. Ежели же бы тогда Мусинъ-Пушкиново заопредѣленіе было, то бы таковаго благодѣянія отнюдь не счого дѣлать. Еще же и по приличеству сана архіерейскаго во удовольствіи не изъ чего себя содержать, что и стыдно не токмо иностраннымъ, но и своимъ изъявлять.

По тому же наипаче архіерейству нашему горе, яко не токмо иностранныи, но и свои мнятъ быти домъ архіерейскій, какъ бы домъ царскій, сирѣчь, во удовольствіи надлежащемъ, какъ то издревле бывало, а у насъ ничого! То толко на дѣлѣ, что книга «Камень Вѣры» пишетъ: «Служащіи, рече, сѣни, сирѣчь, архіереи и священницы ветхозаконные доходы истинныи имѣяху, нашіи же новозавѣтныи, служаще истинѣ, доходъ имутъ сѣновный». Аще же и надлежитъ Мусинъ-Пушкиново заопредѣленіе поганскій обычай превосходящее нарещи, однако церковь и мы, бѣдныи архіереи, за нужду необходимую терпѣть какъ нибудь уже было пріобыкли, понеже что-нибудь намъ оставлено на содержаніе дому Божія, архіерейства и служенія Божественнаго, о томъ не истязывано давать отвѣты, куды оное дѣвается, какъ и турокъ не истязываетъ, гарячъ надлежащій взявши; еще же опредѣлено было и на починку домовъ архіерейскихъ и монастырей, когда востребуется, давать; а нынѣ, когда и о томъ, что дано на содержаніе, стало быть истязаніе, дѣломъ производимое, то уже архіерейство бѣдное съ кѣмъ стало верстаться? Узникъ и послѣдній богадѣленный лучшій и щастливѣйшій, понеже, что кто ему дастъ, свободенъ въ томъ имѣется. Горе убо намъ, бѣднымъ архіереемъ, яко не отъ погань, но отъ своихъ, мнящихся быти овецъ правовѣрныхъ, толикое мучительство претерпѣваемъ, отъ тѣхъ, которымъ надлежитъ вѣровати, яко мы, аще и недостойные, аще и узники, на мѣстѣ, однако, обрѣтается къ нимъ же слово Христово Евангельское: «Елика аще свяжете на земли, будутъ связана на небеси; и елика аще разрѣшите на земли, будутъ разрѣшена на небесѣхъ». И паки: «Слушаяй васъ, мене слушаетъ, и отметаяйся васъ, мене отметается». И яко же Апостолъ гласитъ: «Тако насъ да нещуетъ человѣкъ, яко слугъ Христовыхъ и строителей таинъ Божіихъ», сирѣчь вощещіемъ Христовымъ сдѣланныхъ. И паки: «Повинуйтеся, рече, наставникомъ вашимъ и покаряйтеся, тіи бо бдятъ о душахъ вашихъ, яко слово воздати хотяще; да съ радостію сіе творятъ, а не воздыхающе, нѣсть бо полезно вамъ сіе». А какъ же не воздыхати и при самой безкровной жертвѣ отъ такого ига мучительскаго, паче турковъ лютѣйшаго, которое иго, Бога не бояся, и человѣкъ не срамляяся, Ея Величеству представивши и на насъ возложивши! Съ чого еще

таковое одолженіе на насъ возлагать, дабы мы, архіереи, всякіи науки содержали и снабдѣвали, сирѣчь, философскіи, богословскіи, математическіе и астрономскіи? а намъ, по слову Божію, тое одолженіе, что и апостоламъ отъ Христа преданное, сирѣчь: «Шедше, научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, учаще ихъ блюсти вся, елика заповѣдахъ вамъ». Тако жъ по глаголу апостольскому, «и Той далъ есть, овы убо апостолы, овы же пророки, овы же благовѣстники, овы же пастыри и учители, къ совершенію святыхъ въ дѣло служенія, въ созданіе тѣла Христова»; которое едино дѣло немалаго иждивенія и содержанія требуетъ. Едино бо, на примѣръ, служеніе простаго священника, кольми паче архіерея, сколько требуетъ, дабы порядочно было производимо, всякъ благочестивый можетъ узнать и разумѣть. На апостольскіи показанныи слова смотря въ толкованіи на слово Григорія Богослова о нищелюбіи, на стихъ 39, въ сборнику пишется: «Конечнѣе, рече, самаго себе Христосъ вдаде за избавленіе, да имать міръ животъ духовный и истинный»; и къ симъ же даде, по Божественнаго Павла гласу, апостолы и евангелисты, пастыри и учители, на совершеніе и исцѣленіе наше и Духа Св. раздѣленіе, а самое таинство нашего спасенія, еже есть Божественное тѣло его и кровь, и крещеніе. Таковое убо одолженіе, воплощеніемъ Христовымъ сдѣланное, какъ апостолы, такъ и послѣ апостоловъ архіереи, аще и въ гоненіяхъ, всегда исполняли. А чтобы академіи заводили, того нигдѣ не обрѣтаемъ; аще бы и сіе не было противно, то чѣмъ? И какимъ иждивеніемъ заводить, когда послѣднее пропитаніе и содержаніе отъ архіереевъ и отъ монастырей отъемлется? Да и приходскіи священники по большой части въ крайней бѣдности обрѣтаются, податми государевыми не менше мужиковъ обложенныи, дѣлая землю къ своему пропитанію: ежели будетъ богословъ, или астрономъ, то больше ничого не получитъ.

Нужны суть воистину и школы и академіи, но надлежащимъ порядкомъ, какъ издревле бывало въ Греціи, а теперь на Западѣ, сирѣчь, по мѣстамъ знатнымъ, въ царствующихъ градѣхъ, на коштѣ государственномъ, въ какихъ академіяхъ и св. Василій Великій, Григорій Богословъ, Іоаннъ Златоустъ учился; знаемъ бо вси, яко ученіе свѣтъ есть, а неученіе тьма; однако и свѣтъ, отъ начала созданія сѣмо и овамо шатающся, восхотѣлъ Господь Богъ, да будетъ порядочно, сирѣчь, безъ такого шатанія, и въ солнцѣ единомъ, а не во многихъ; подобнѣ и академіямъ богословскимъ и философскимъ и прочихъ наукъ не надлежитъ быть по грязямъ и болотамъ, но по знатнымъ городамъ царствующимъ,

какъ то и духовный регламентъ, ежели его внятно, въ тонкость прочесть, повелѣваетъ академіи и семинаріи быть при синодѣ, на государственномъ коштѣ, и тамо учившихся присылать къ архіереямъ, дабы ихъ производити на власти духовныя, до какихъ они будутъ способны. А когда же не будетъ властительскихъ мѣстъ праздныхъ, то куда ихъ дѣвать, того не показано. А при архіереяхъ быть школамъ нужнымъ для священническихъ дѣтей, къ произведенію въ священство, дабы могли исправно читать и разумѣть, что читаютъ. И таковыя школы при архіереяхъ не иные нужные, токмо Русскія, понеже въ церквахъ у насъ не по латыни, ниже другими иностранными языками читается, и поется, и служба Божія совершается, но по Русски, которыи школы аще и съ крайнею скудостію, однако у насъ не оставляются, и приходящіи во священство довольно обучаются и отвѣдываются въ чтеніи, и дабы силу знали чтенія и званія своего, вмѣсто книжицы, въ духовномъ регламентѣ показанной, которая не бывала и быть не нужна, толкуется имъ книжица «Православнаго вѣры исповѣданія», отъ святѣйшихъ патріарховъ апробованная, и иностраннымъ извѣстная, у нихъ на ихъ языкѣ печатающаяся, въ которой, книжицѣ, три богословскія добродѣтели, вѣра, надежда, любовь изъясняются, и въ ней о Бозѣ, о воплощеніи Христовѣ, о тайнахъ церковныхъ, о грѣхахъ, и о добродѣтелѣхъ, и о заповѣдѣхъ Божіихъ довольное есть ученіе, не токмо священнику, но и всякому христіянину нужное и къ страху Божію приводящее. Начало же премудрости страхъ Господень; безъ страха же Господня всяка мудрость суета и прибавленіе болѣзни, по реченію Экклесіаста, суету описующаго и въ гл. 1-й глаголющаго: «Во множествѣ мудрости множество разума, и приложивый разумъ, приложитъ болѣзнь». Слѣдовательно, показанная книжица къ уразумѣнію священникамъ далече нужнѣйша, нежели философія и другія академическія науки, а наипаче по деревнямъ, идѣже непремѣнно на хлѣбъ работать надлежитъ, а не работая, безъ пропитанія быть.

Ко умноженію же слова Божія проповѣдниковъ, надлежитъ въ основаніе положити слова Христовы Евангельскіи: «Жатва убо многа, дѣлателей же мало: молитеся убо господину жатвы, да изведетъ дѣлателей на жатву свою». Не надлежитъ тако жъ оставляти и словесъ Іакова апостола: «Не мнози учители бывайте, братія моя, вѣдяще, яко большее осужденіе пріимемъ», сирѣчь: аще не будемъ участія имѣти со онымъ: «Блаженъ, иже сотворитъ и научитъ, сей великій наречется въ Царствіи Небеснѣмъ». Еще же видимъ отъ древнихъ временъ, яко учити и проповѣдывати слово Божіе, есть особенное дарованіе Божіе, кому дается. Аще бо и

много учительныхъ архіереевъ было послѣ апостоловъ, чрезъ всѣ вѣки вселенскихъ соборовъ, однако Златоустовъ не много обрѣтаемъ. Тако жъ, по писанному октября 8 въ житіи преподобныя Пелагіи: Егда святѣйшій патріархъ Антіохійскій созва къ себѣ отъ окрестныхъ градовъ 8 епископовъ, то между ими единъ токмо Нонъ обрѣтеся, отъ него же учительное слово слышати вси восхотѣша. Свидѣтельствуетъ Никифоръ Каллистъ, церковный достовѣрный лѣтописатель, въ книгѣ 12, въ главѣ 34, яко въ Александріи, по причинѣ, отъ Арія взятой, иже бысть пресвитеръ и проповѣдникъ, кромѣ архіереевъ, никому не велѣно поученія наизусть проповѣдывать. Подобная и у насъ не была ли причина, когда архимандритъ Владиміръ Каллиграфъ перекрестъ, еще тогда учитель и проповѣдникъ въ церкви Владимірскія Богородицы въ Москвѣ, говорилъ на поученіи плевелы, не токмо лютерскіе и калвинскіи, но и жидовскіи, о чемъ и представлено было святѣйшему синоду. Слѣдовательно, ежели бы имѣли (сохрани Богъ!) таковыи проповѣдники умножатся, то лучше быть церкви нашей кромѣ такихъ проповѣдей и хранить древнее свое обыкновеніе, сирѣчь, къ созиданію правовѣрія и страха Божія, читать слова и поученія готовыи, отъ различныхъ книгъ св. отецъ, на нашемъ языкѣ имѣющіися и печати преданныя; только бы такихъ книгъ умножить, и прилѣжаніе имѣть, дабы въ церквахъ было чтеніе и славословіе Божіе благочинно и нелѣностно, и при церквахъ бы кабаки не были, и въ церковь бы ходили, какъ на молитву, такъ и на слушаніе слова Божія, а церковь бы не дѣлали вертепомъ разбойниковъ. Да смотрятъ же тако жъ, коимъ надлежитъ образомъ и попеченіе да имѣютъ, дабы церкви не умалялися, но умножалися, яко же Златоустъ Святый въ нравоученіи 18 на Дѣянія Апостольскіе поучаетъ, между прочимъ глаголя: «И торжища убо и бани творятъ мнози, церквей же ни: и вся паче, нежели сіе. Тѣмъ же и молю и прошу, и благодати истязую, паче же и законъ полагаю, да никто же явится, пусто церкве село имѣя. Аще что имаши на нищихъ иждити, тамо иждиви: лучше есть тамо, нежели здѣ; напитай учителя, напитай діакона, и священническій чинъ. Помысли, яко даже до пришествія Христова ты мзду имѣти будеши, поставивый жертвенникъ Божій. Рцы убо ми: аще бы тебѣ царь повелѣлъ создати домъ, да тамо обитаетъ, не бы ли вся сотворилъ еси? нынѣ же Царствіе есть Христово церкви созиданіе. Да не убо на иждивеніе взираеши, но плодъ помышляй». До здѣ Златоустъ. У насъ же нынѣшняго вѣка таковый плодъ почти и въ думку не приходитъ, егда многіи изволяютъ лучше кормить собакъ, нежели священниковъ, церковниковъ и монаховъ; и егда

усмотрують, дабы за церквами, и монастырями, и домами архіерейскими имѣнія лишняго отнюдь не было, а подъ видомъ излишества, и послѣднее отъемлютъ и подъ свою область привлекаютъ, и церкви и монастыри многіе пусты обрѣтаются, оставшіе же въ крайней бѣдности, однако еще не свободны отъ зависти; и ежели созиданіе церквей и монастырей и домовъ архіерейскихъ, по вѣрѣ во Христа, признавать дѣло, Христу Богу угодное и благочестіе первѣйшее, то разореніе ихъ, имѣнія отъятіе, чого будетъ достойное? Ананія и Сапфира, по разумѣнію Златоустаго Святаго, свое обѣщавшіи дати церкви, а послѣ часть утаивши, что заслужили, всѣмъ извѣстно. Кольми же паче тое отнимати отъ церкви, что другіе дали по вѣрѣ и доброхотству своему ко Христу. Аще же будто бы и не отымать, но штаты дѣлать, будто бы излишество отсѣцая, то и въ томъ не иной образецъ, токмо, якоже пишется во Евангеліи о Іудѣ Симоновѣ Искаріотскомъ, иже, егда хотяше Христа предати, видѣ по теплотѣ вѣры и любви отъ жены многоцѣннымъ мvромъ Христа помазуема, глагола: «Чесо ради мvро сіе не продано бысть на трехъ стѣхъ пѣнязь и дано нищимъ?» Какова же тому штатнику похвала, тамъ же во Евангеліи можетъ всякъ знать и читать; како бо можно штатъ дѣлать, и излишество каково усматрувать, въ томъ пунктѣ прошенія молитвы Господни: «Да святится имя Твое!» Понеже, яко же оная жена съ тѣмъ намѣреніемъ многоцѣннымъ мvромъ Христа помазывала, доброхотствуя ко Христу, дабы имя Его святилося: тако церкви Божіи и монастыри и домы архіерейскіе не со инымъ намѣреніемъ отъ боголюбцевъ и благочестивыхъ монарховъ созданы и воздвижены, токмо дабы въ нихъ всегдашнее было славословіе Божіе, воплощеніемъ Христовымъ сдѣланное, и прославлялось бы и святилося имя Божіе пресвятое, противо прежнихъ кумирницъ бѣсовскихъ, бѣсовское имя прославляющихъ, Божіяго же имени и славы Его пресвятыя ненавидящихъ, въ которомъ заблужденіи и донынѣ въ нашемъ государствѣ многіе народы пребывающе, ко идоломъ своимъ бѣсовскимъ тожъ по своему суевѣрію доброхотствуютъ, и насколько могутъ, толико ихъ обогащаютъ привѣсами и деньгами всякими, еще же и звѣрми тамошними сибирскими, куницами, соболями, лисицами и прочими, а штаты ко умноженію и обогащенію ихъ не дѣлаютъ. Нашему же правовѣрному народу, чрезъ Христа и церковь Его пресвятую, отъ таковыхъ заблужденій свободившемуся, каково будетъ сходство и приличество церквамъ Христовымъ, и благолѣпіе церквей и монастырей, ихъ же дѣло едино, яко же рѣчеся, да святится въ нихъ имя Христово, имя Бога въ Троицѣ Единого, купно со ангелами да прославляется, бѣ-

совская же прелесть да истребляется, дѣлать штатъ, и усматривать тамо излишества, а излишество на свою пользу употреблять? Слѣдовательно, какова-то будетъ наша молитва предъ Богомъ: «Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ, да святится имя Твое!» И каковы-то мы будемъ жители, дабы имя Божіе святилось въ насъ и въ государствѣ нашемъ, когда не отъ насъ, но отъ другихъ данное на посвященіе и прославленіе имени Божія, будемъ штатовать, яко излишнее? У пророка Аггея, въ гл. 1, за опустѣніе храма ветхозаконнаго и за нерачені̀е о созиданіи его, превеликими казньми Господь Богъ претитъ, глаголя: «Зане храмъ мой есть пустъ, вы же течете кійждо въ домъ свой; сего ради удержится небо отъ росы и земля оскудитъ изношенія своя, и наведу мечь на землю, и на горы, и на пшеницу, и на вино, и на елей, и на вся, елика износитъ земля, и на человѣки, и на скоты, и на вся труды рукъ ихъ». Аще же за опустѣніе ветхозавѣтнаго храма Господня таковая отъ Бога гроза, то чего надѣяться у насъ за опустѣніе не меньшее, какъ во время Батыя, многихъ новозавѣтныхъ храмовъ Божіихъ, монастырей и мѣстъ святыхъ, чудесами и чудотворцами отъ Бога прославленныхъ? Приходитъ же, какъ видѣть, уже и до того, что вси въ конецъ монастыри и домы архіерейскіе опустѣютъ, когда уже не токмо настоятели, но и сами архіереи, не яко пастыри, но яко плѣнники, и пуще плѣнниковъ, имѣются, понеже отъ нихъ до послѣдняго куса требуютъ отвѣта, а власти ихъ апостольской и дѣлъ, душевному спасенію нужныхъ, силу въ себѣ воплощенія Христова имущихъ, и въ полушку не ставятъ? На что, имѣя разсмотрѣніе, благочестивый царь Василій греческій, возлюбленнаго сына своего, царя Льва, увѣщавая, глаголетъ: «Почти убо церковь, да почтенъ будеши отъ нея, и священниковъ стыдися, яко отцевъ духовныхъ и ходатаевъ намъ къ Богу: честь бо священническая на Бога восходитъ. Яко же бо тебе ради твоя слуги почитати праведно, тако и ради Бога іереи Его почитати праведно, и якова еже на нихъ честь, на Бога преходитъ, тако и еже на нихъ безчестіе множае паче Бога прогнѣваетъ». А у насъ сходное ли, хотя мало, съ таковымъ увѣщаніемъ на священство разсмотрѣніе, когда и сами архіереи въ подозрѣніи остаются, и вѣры, и чести, и совѣсти не имущіи быти вмѣняются? Первѣйше же сіи, которые будутъ надъ архіереями смотрѣть, опредѣленый, а съ тѣхъ иной обрящется, что насилу и въ Бога вѣруетъ, ко исповѣди же и причастію Святыхъ Таинъ насилу въ годъ, и то не всегда и не по доброхотству, но больше по указамъ, приготуется; а архіерей, всегда Престолу Божію предстоя, и молитвы о себѣ и о людскихъ невѣжествіяхъ принося, всѣхъ есть хуже;

или и ничтоже! Но надлежитъ здѣсь внимать Писанію Божію, глаголющему: «Аще свѣтъ тьма, то тьма колми. Аще соль обуяетъ, то чимъ осолится?»

Напослѣдокъ надлежитъ въ разсужденіе принять, что Бароній написалъ, описуя годъ 845 послѣ Рождества Христова, егда въ Греціи царствоваше благочестивая царица Ѳеодора. «По семъ, рече, зломъ времени, во Франціи, сирѣчь, послѣ разоренія Франціи отъ Дановъ, собрашася епископи на соборъ Мелдійскій, вопрошающе между собою прилѣжно, и хотяще увѣдати, кіими грѣхами Господь Богъ прогнѣвася, яко сице Францію, а наипаче Парижскую страну, наказа? И обрѣтоша сей первый грѣхъ, яко Господіе имѣнія церковная хищаху, и слугамъ своимъ раздаваху тая. И глаголаху епископи: «Егда Пипинъ и Каролъ Великій, сынъ его, нынѣшнихъ господъ начальницы, церквы и доходы ихъ отъ усердія ко Господу Богу и слугамъ Его защищаху, имѣяху силу на непріятелей и великую славу во всемъ мірѣ получаху. Егда же сребролюбіемъ своимъ на вещи Божія устремишася, Господь Богъ разоряетъ государства ихъ. Неслыханная вещь (глаголетъ), и мерзка, и печальна, и во всемъ христіанствѣ необычна, яко людіе мірстіи между духовными, и мнихами, и сидятъ левитами и аки аввы правятъ ихъ и судятъ и повелѣваютъ имъ, и безъ епископскаго вѣдѣнія чины церковные раздаютъ имъ. Сіе же горшее епископи на сіе, аки псы нѣмые не лающе, смотрятъ. Да не будетъ сіе, церковною и королевскою властію возбраняемъ», то оніи отцы въ Мелдѣ на соборѣ глаголютъ, и прилагаютъ увѣщаніе къ королямъ своимъ и государемъ, просяще, дабы благочестивыхъ предковъ своихъ, и милость, юже отъ Бога имѣяху, помнили, а домы Божіи и церковная имѣнія защищали, и слугамъ своимъ похищати не попущати. Помнили бы и сіе, еже бѣ во Египтѣ во время Іосифа, яко въ великомъ гладѣ, священническая имѣнія и земли свободу имѣяху, и продавати я, аще и у погань, не лѣть бѣ. У насъ же, хотя и хранится сіе, дабы не продавать земель и имѣнія церковнаго, однако жь даромъ бы совсѣмъ отобрали, иные же помѣщики и теперь отъ церквей земли отбираютъ, и управы на нихъ не изыскать; къ тому же по всѣмъ обстоятельствамъ клонятъ, дабы тожъ монастырскимъ и архіерейскимъ землямъ сдѣлать. А о архіереяхъ и монастыряхъ, ежели не законъ нашъ, то хотя закону нашего блаженныя и вѣчнодостойныя памяти монарха Петра Великаго указы надлежитъ въ разсужденіе принять, которые имянно гласятъ, дабы въ монастыряхъ усматривать нужду исправленіе божественнаго священнослуженія, сирѣчь, безкровная жертва дабы не остановилася, для которой и монастырь устроенъ, ово отъ бого-

любцевъ, ово отъ монарховъ, примѣромъ Александроневскаго монастыря, и по той нуждѣ постригать желающихъ монашества вдовыхъ поповъ, и діаконовъ и отставныхъ солдатъ; а теперь таковыхъ желателей насилу изыскать, а послѣ негдѣ будетъ и взять. Еще же и другая причина въ другомъ указѣ изображена, дабы монашество не переводилось, понеже безъ монашества не откуду быть архіереемъ, а безъ архіереевъ каково наше благочестіе, и какова наша церковь, да и христіанство, всякому вѣрующему внятно и чувствительно. Сохрани Богъ такого случая, дабы нашему государству быть безъ архіереовъ; то уже не иначе что воспослѣдуетъ, токмо отъ древней нашей апостольской церкви отступство: понеже возъимѣется нужда быть прежде поповщинѣ, а послѣ безпоповщинѣ. И тако нашему государству преходить будетъ не токмо со всѣми академіями, но и съ чинами, или на раскольническое, или лютеранское, или калвинское, или на атейское государство, и въ таковомъ, сохрани Богъ, случаѣ познается, какъ то истинствуетъ слово апостольское: «Прелагаему священству, по нуждѣ и закону премѣненіе бываетъ». О снабдѣніи же инвалидовъ надобно бы, кажется, по самой истинѣ и правосудію, не токмо на насъ духовныхъ, но и на свѣтскихъ одолженіе налагать: понеже оные инвалиды за общество служили, а не за одни монастыри. А то инвалидовъ толикое уже число безъ всякаго разсмотрѣнія въ монастыри поприсылали, да еще на монашескія порціи, что уже монахомъ и монастырямъ нечѣмъ содержаться. Взявши бо въ примѣръ единъ начальнѣйшій монастырь въ ростовской епархіи, Спасо-ярославской, за которымъ исчисляется крестьянъ до 14,000 душъ, а въ экономическую канцелярію платилось понынѣ слишкомъ по 3000 р., на содержаніе же монаховъ и монастыря оставлено только 900 р.; а на тѣхъ, имѣющихся въ томъ монастырѣ инвалидовъ (которыхъ на лицо штабовъ и оберъ-офицеровъ и рядовыхъ 71 человѣкъ), въ жалованье происходитъ денегъ съ 783 до 786 р., хлѣба 245 четвертей; между таковыми же инвалидами больше обрѣтается таковыхъ, которымъ бы, по присяжной должности, надлежало еще службу продолжать, а иныхъ къ дѣламъ опредѣлять, къ которымъ многіе отыщутся рады быть опредѣлены, и просилися, да не получили. По таковымъ убо всѣмъ обстоятельствамъ надлежитъ удивляться, какъ то еще монастыри не всѣ до сихъ поръ пусты обрѣтаются. Ежели бы ихъ верстать во учрежденіи, то надлежитъ, во первыхъ, знать, яко монашество есть добровольное, а непринужденія: иной по своей волѣ избираетъ себѣ монашество, жесточайшаго ради житія, въ пустынныхъ монастыряхъ, отъ міра совсѣмъ удаленныхъ и скуд-

ныхъ, а иной избираетъ жити и монашествовати въ монастыряхъ знатнѣйшихъ и удовольнѣйшихъ, и по силѣ своей, какъ можетъ, такъ подвизается и Богу работаетъ. Къ сему же, яко же церковь торжествующая на небеси имѣетъ свои чиноположенія, на примѣръ, ангеловъ, архангеловъ, и обители святыхъ мнози, разнствующи во славѣ небесной; «звѣзда бо отъ звѣзды разнствуетъ во славѣ»: тако и церковь воюющая на земли, а наипаче монастыри, иные быти имѣются архимандріи, иные игуменства, а иные строительства; что ежели все верстать подъ видомъ, дабы было къ лучшему, то будетъ къ лучшему и крайнему разоренію, какъ бы верстать и переводить всѣ города и села на ровныя мѣста, или тако жъ и чины гражданскіе, воеводства, губерніи и прочее.

Сія вся писать и отъ слова Божія и закона предлагать, не иная мене наипаче причина привела, токмо ревность по Возѣ и законѣ Божіемъ, Ея Императорскаго Величества, нашей нынѣшней Благочестивѣйшей Всемилостивѣйшей Государыни, довольно въ манифестахъ и указахъ Ея Монаршихъ изображенная. Аще же возымѣется въ чемъ быти моей погрѣшности, прошу о прощеніи и навсегда пребываю

Святѣйшаго Правительствующаго Синода послушникъ, смиренный Арсеній, митрополитъ Ростовскій и Ярославскій.

Марта 6-го дня,
1763-го году.

Своеручно.

ПРИЛОЖЕНІЕ ВТОРОЕ

къ страницѣ 131.

ВТОРОЕ ДОНОШЕНІЕ

СВЯТѢЙШЕМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМУ СИНОДУ РОСТОВСКАГО МИТРОПОЛИТА АРСЕНІЯ.

Святѣйшему Правительствующему Синоду

отъ синодальнаго члена, преосвященнаго Арсенія, митрополита ростовскаго и ярославскаго

доношеніе.

По полученныхъ мною, при указѣ Ея Императорскаго Величества, изъ святѣйшаго правительствующаго сунода присланныхъ къ моему смиренію, для достодолжнаго вѣдома и надлежащаго исполненія, печатныхъ инструкціевъ и приложенныхъ при нихъ формъ, каковымъ образомъ отправленнымъ изъ коммисіи оберъ-офицерамъ домамъ архіерейскимъ и монастырямъ повелѣнныя описи сочинить опредѣлено, усмотрилъ я, между протчаго, въ тѣхъ формахъ, что тѣмъ офицерамъ, обще съ монастырскими настоятелями, надлежитъ въ монастыряхъ и пустыняхъ описывать церкви святыя, и сколько въ нихъ престоловъ; а въ другомъ указѣ полученномъ мною жъ изъ святѣйшаго правительствующаго синода, между протчаго жъ, написано во 2 пунктѣ: «Понеже, де, къ сочиненію всѣмъ монастырямъ штатовъ потребно коммисіи знать о имѣющихся въ означенныхъ монастыряхъ ризницахъ и церковной утвари, дабы, по усмотрѣнію въ томъ каковаго гдѣ недостатка, надлежащее къ снабдѣнію распоряженіе учинить было можно. Того ради означеннымъ же оберъ-офицерамъ изо всѣхъ вышеупомянутыхъ монастырей, за руками настоятельскими, означеннымъ ризничнымъ вещамъ и протчей церковной утвари описей; гдѣ же таковыхъ описей нѣтъ, (или и есть, да съ наличностью оныхъ вещей

въ чемъ несходны), то оныя описи самимъ настоятелямъ, а въ небытность ихъ, кому тѣ монастыри въ правленіе поручены, при тѣхъ же оберъ-офицерахъ описать.

И тако по сему слѣдуетъ непремѣнно показаннымъ офицерамъ въ алтарь входить и иногда священныхъ сосудовъ касаться, чего нашъ законъ православной, издревле, выключивши царскихъ персонъ, правилами и узаконеніями церковными запрещаетъ, что и во извѣстіи учительномъ, при служебникахъ печатуемомъ, изображается: «чести ради, рече Божественныхъ Таинъ, никто же отъ несвященныхъ во святый олтарь да входитъ, жены же никогда, пономари, часто исповѣдающіися и Божественнымъ Тайнамъ причащающіяся трезвенно же и благочестно въ добродѣтелѣхъ пребывающіи».

Сіи пономари должны суть просфоры, вино, воду, фиміамъ и огнь во олтарь внести, свѣщи же вжигати и угашати, кадильницу же и теплоту пріуготовляти и іерею подавати, олтарь весь чинно и часто умести, и очищати сице землю отъ всякихъ уметій, якоже и стѣны и верхъ кровный отъ праха и паучины.

Престолъ же и жертвенникъ іерею точію и дьякону или іподьякону, очищати и истирати, во еже николиже обрѣстися на нихъ праху, или уметію коему, да не коснется со грѣхомъ священныхъ несвященная рука.

Въ подкрѣпленіе же таковаго церковнаго узаконенія имѣется быти явственно стихъ великаго канона Андрееваго въ 7-й пѣсни: «Кивотъ яко ношашеся на колесницѣ, Занъ егда, превращшуся тельцу, точію коснуся, Божіимъ искусися гнѣвомъ: но того дерзновенія убѣжавши, душе, почитай Божественная честнѣ».

Въ книгахъ вторыхъ Царствъ въ главѣ 6, Занъ оный нарицается Оза, который, по признанію толкователей, не будучи священникомъ, но левитомъ, дерзнулъ, аще и въ случаѣ, коснутися кивота Божія, того ради пораженъ былъ и казненъ отъ Бога тамъ же смертію. Понеже явствуетъ отъ другихъ мѣстъ писанія, яко не левиты, но священники кивотъ Божій носили и ему прикасалися. Аще же въ ветхомъ завѣтѣ крѣпкое было наблюдательство Божественные вещи почитати, то колми паче сіе надлежитъ исполняти въ новомъ завѣтѣ, почитая Божественная честно, а наипаче олтарь Божественный, и наблюдая, да не касается несвященная рука вещей, Богу освященныхъ, а наипаче дискосовъ, потировъ и прочіихъ подобныхъ: о царѣ бо Львѣ Четвертомъ, сынѣ Копронимовомъ, пишется въ церковныхъ исторіяхъ, яко любяше драгія камени, и дерзнулъ взяти изъ церкви святыя Софіи съ каменми, зѣло драгіи, вѣнецъ, Господу Богу от-

данный, въ немъ же бяху драгоцѣнный камени карбункулы, которыми онъ уязвися. Егда же оный вѣнецъ на главу свою возложи, абіе на челѣ его карбункулы прозябоша, си есть, вреды неисцѣлимыя, иже ему окаянную смерть принесоша.

Аще же за вѣнецъ, Богу освященный, толикая казнь Божія, то чого надѣяться отъ Бога за сосуды, Богу освященныи и храненію и совершенію Тайнъ Святыхъ употребляемыи, а не почитаемыи и за простую вещь вмѣняемыи.

Каковаго же почитанія надѣяться, егда пріидутъ таковы и Божественныи вещи во область таковыхъ людей, о которыхъ издревле въ Притчахъ Соломоновыхъ, въ главѣ 4, свидѣтельствуется: «На немъ же аще мѣстѣ воя соберутъ, не иди тамо, уклонися же отъ нихъ, и измѣни, не уснутъ бо, аще зла не сотворятъ: отнимется сонъ отъ нихъ и не спятъ, тіи бо питаются пищею нечестія, виномъ же законопреступнымъ упиваются».

Отъ таковыхъ свойствъ, како древнихъ воиновъ, такъ и нынѣшнихъ, а наипаче нашихъ, нельзя выключать; аще же и не о всѣхъ таковая свойства признавать, однако надлежитъ засвидѣтельствовать, что много званныхъ, а мало избранныхъ, абы только имъ власть, то готовы и Спаса и Богородицу ободрать, како то видѣть самымъ дѣломъ отъ бывой коллегіи экономіи, во время генерала Волкова, которая изначала моея бытности въ Ростовѣ, опредѣлила было офицеровъ въ Спасо-ярославскій монастырь переписывати евангелія, кресты и протчія въ ризницѣ утвари; и на то уже и указъ дала было монастырскимъ властямъ, просителямъ денегъ, на починку монастыря; которому дѣлу я тогда оспорилъ, и такъ оно отмѣнилось. А послѣ, по особенному разсмотрѣнію и на церковь призрѣнію, отъ блаженныя памяти, благочестивѣйшія самодержавнѣйшія великія государыни императрицы, Елисаветы Петровны, оная коллегія совсѣмъ упразднилася, и, яко экономическая канцелярія, синоду подчинена.

Надѣяться же, что и нынѣ благополучно царствующая, благочестивѣйшая императрица наша, государыня всемилостивѣйшая, не оставитъ церкви, ежели ея величеству обстоятелно о церкви Божіей, по нынѣшнемъ ея озлобленіи, изволите ваше святѣйшество предложить, а наипаче, что еще церковь и отъ прешедшаго, недавно бывшаго удара и раззоренія не отдохнула и въ чувство не пришла, и ниже мало исправилась, а тутъ опять на нее извѣты и нападенія, и таковыи подлоги, дабы ей со временемъ въ конецъ истребиться; понеже теперь, на примѣръ, когда нашлются, по силѣ инструкціи, офицеры, то какъ въ прошломъ году безъ яроваго хлѣба и съ малымъ числомъ сѣна остались, такъ и теперь будетъ съ тѣмъ же, или противу того съ превосход-

ствомъ, оставаться. Офицеры бо присланныи будутъ не малыи вкладчики, аще по силѣ, аще и въ противность инструкціи поступая. Крестьяна же, совершенно еще въ послушаніе монастырямъ и архіереямъ не пришедшіи, отъ оныхъ офицеровъ, по силѣ инструкціи, вопросы, по мужичьему своему уму, въ разсужденіе взявши, къ хлѣбной и къ какой другой работѣ будутъ огурны и непослушны. Впредь же, ежели паче чаянія утвердится оброкъ на крестьянъ, чтобъ имъ ничего не работать, но деньги давать, то они хотя и примутъ изначала сіе за благо, потому что придутъ имъ не токмо поля, но и лѣса и луга, въ руки ихъ, однако послѣ, опустошивши лѣса, не будутъ въ состояніи и не похотятъ, хотя душу изъ нихъ озми, оброковъ платить: и такъ домы архіерейскіе и монастыри, не токмо безъ дровъ, но и безъ хлѣба и безъ денегъ, и безъ водовоза, послѣдняго работника, останутся. Аще же бы и таковаго случая не послѣдовало, то у насъ не Англія, едиными деньгами жить и пробиваться, а наипаче монастырямъ и домамъ архіерейскимъ, на которыхъ работать мужику сходнѣе и способнѣе, нежели деньги давать, которыми аще бы онъ и изобиловалъ, то лучше ему умирать, нежели съ ними разставаться, и когда надлежащіи деньги отдастъ, то на едину нужду домашнюю и работу послѣднюю. Воспослѣдуетъ домамъ архіерейскимъ и монастырямъ деньги сорить какъ полову, того жъ мужика, крестьянина своего, прося и моля, дабы принялъ, какія хочетъ, деньги, а не отрицалъ бы послужить дому архіерейскому, или монастырю, а онъ на то нижѣ будетъ смотрить, и за малое дѣло будетъ вдвое и втрое денегъ требовать, усматруя и промышляя, дабы тыи жъ деньги, которыи отъ нихъ взяты, паки къ нимъ съ превосходствомъ возвратилися. Что же касается до нуждъ церковныхъ, на примѣръ, до починки домовъ и монастырей и храмовъ Божіихъ, тако жъ и нуждамъ священнослуженія, и Жертвы Безкровныя, о томъ нечего и воспоминать: не съ чего бо будетъ хотя самому архіерею, и не одному на крылосѣ пѣвчему содержать, а о ризницѣ, и о благолѣпіяхъ и о утваряхъ, церкви къ служенію нужныхъ, нечего и говорить, и такое за малое время можетъ благочестіе все у насъ перевестися, и слѣда ему не остаться, развѣ только въ памяти многихъ будетъ и въ сожалѣніи, яко въ толь древнемъ и благочестивомъ государствѣ, на весь свѣтъ славномъ и знатномъ, вдругъ не отъ татаръ, и ниже отъ иностранныхъ непріятелей, но отъ своихъ домашнихъ, благочестивыми и сынами церкве нарицающихся, церковь и благочестіе истребилося.

Сожалѣніе же о томъ всякому благочестія ревнителю воспослѣдуетъ плачемъ Іереміинымъ таковымъ со усугуб-

леніемъ производимое: «Исходища водная изліетъ око мое о сокрушеніи дщере людей моихъ. Како потемнѣ злато, измѣнися сребро доброе, разсыпашася камыцы святыни въ началѣ всѣхъ изходовъ!»

Чего не даждь Богъ намъ видѣть и дождаться! Предосторожность же надлежитъ имѣть и Бога молить, въ которыхъ молитвахъ и я послѣднѣйшій одолжаяся, навсегда пребываю.

На подлинномъ подписано:

Святѣйшаго Правительствующаго Синода послушникъ, смиренный Арсеній, митрополитъ Ростовскій и Ярославскій, своеручно.

Марта 15 дня,
1763 году.

ПРИЛОЖЕНІЕ ТРЕТЬЕ

къ страницѣ 153.

ВЫСОЧАЙШІЙ ВЫГОВОРЪ ЧЛЕНУ СВ. СИНОДА, АРХІЕПИСКОПУ КРУТИЦКОМУ, АМВРОСІЮ ЗЕРТИСЪ-КАМЕНСКОМУ [1]).

Преосвященный Амвросій Крутицкій!

Противу надежды и чаянія нашего Мы получили обстоятельный экстрактъ отъ коллегіи экономіи всей происходящей перепискѣ между еѣ и конторою синодскою такого содержанія, которое насъ подвигло, по ревности нашей къ дѣламъ благоугоднымъ, дать особливый указъ помянутой конторѣ. Мы оставивъ васъ, яко одного изъ первенствующихъ въ той конторѣ, уповали въ васъ имѣть строгаго исполнителя всѣхъ тѣхъ дѣлъ, о которыхъ по инструкціи нашей съ ревностію трудится теперь коллегія экономіи: но вмѣсто того усматриваемъ, что контора устремилася въ переписки и препятствія неожидаемыя, будто бы съ намѣреніемъ, дабы всѣ дѣла о духовныхъ имѣніяхъ пошли не по волѣ и желанію нашему. Вы самъ пастырь духовный и потому имѣете духовное просвѣщеніе въ вѣрѣ нашей православной паче прочихъ. Знаете сами по слову Божію и то, что оная не одними устами исповѣдуется, но истинными, благими дѣлами за непорочную пріемлется. Видите напослѣдокъ также и то, что наше матернее попеченіе о расширеніи церкви нашей святой въ славу имени Божія мы предпріемлемъ, то какими больше дѣлами можемъ мы прославить Бога, какъ благопѣпіемъ церковнымъ, добрымъ попеченіемъ народа и призрѣніемъ больныхъ и нищихъ? А сіе наше учрежденіе, да не похвалимся предъ Богомъ, все склоняется къ тремъ симъ главнѣйшимъ пунктамъ, въ которыхъ васъ, яко учителей духовныхъ, содѣйствовать намъ и слово евангельское и долгъ подданническій одолжаетъ: данною инструкціею, коммисіи

[1]) Государственный Архивъ, разрядъ XVIII, № 197 («изъ бумагъ Григ. Теплова»).

экономіи мы довольно изъяснили, что упущенія прежняго чрезъ сорокалѣтнее время по регламенту духовному мы уже не взыскиваемъ, но по крайней мѣрѣ внушили мы оной коммисіи, чтобъ настоящій нашъ трудъ не былъ тщетенъ, когда мы, ревнуя по Бозѣ, не ставимъ себѣ ни въ какую тягость всего не утомленно достигать краткимъ и рѣшительнымъ путемъ. Какое же наше будетъ удовольствіе, когда мы видимъ, что контора синодская, вмѣсто содѣйствія нашимъ яснымъ и довольнымъ истолковательнымъ учрежденіямъ, все оное предпріемлетъ приводить въ темноту и замѣшательство и невидимой ли намъ опытъ даетъ она, что и прежнія въ Бозѣ почивающихъ предковъ нашихъ таковыя же учрежденія не въ ихъ распорядкѣ недостатокъ свой по сіе время имѣли, но разновымышленными препятствіями отъ самихъ духовныхъ правительствъ остановлялись. Еже ли бы наше намѣреніе было излишними церковными доходами воспользоваться на другія свѣтскія дѣла, то и въ такомъ случаѣ мы бы одни за то Богу—предъ судомъ Его небеснымъ отвѣтъ дали, такъ какъ уже Его же святою силою никакому человѣческому суду мы не подвластны; но вы сами понимаете, что наша мысль не иная, какъ все только духовное имѣніе въ лучшій привести распорядокъ и на тѣ же богоугодныя дѣла распредѣлить, то не вящшей ли мы помощи отъ васъ самихъ духовныхъ надѣяться должны? Мы вѣдаемъ, однакожъ, ваше къ намъ усердіе и вѣрность и потому не вамъ сіе наше нарѣканіе на едину вашу персону пишемъ; но на поминаніе вамъ одному, яко изъ первенствующихъ теперь дѣлаемъ, и потому уповаемъ, что вы, храня сіе наше увѣщаніе для себя самихъ, дадите образъ и другимъ сочленамъ собственнымъ вашимъ примѣромъ согласоваться со всѣмъ волѣ нашей и поступать такъ въ синодской конторѣ, чтобы оная была безотвѣтна предъ Богомъ и предъ нашимъ судомъ, который мы по власти его на земли имѣемъ.

Екатерина.

Августа 9 дня 1763 года
въ С.-Петербургѣ.

УКАЗАТЕЛЬ

собственныхъ именъ и учрежденій къ книгѣ „Арсеній Мацѣевичъ".

А.

Агриппа, 36.
Адамъ Зерникавъ, авторъ трактата о исхожд. Св. Духа, 36.
Адріанъ, архимандритъ, 137.
Андроникова монастырь, 101.
Александръ I Павловичъ, 261.
Алексѣй, митрополитъ Московскій, 149.
Алексѣй Михаиловичъ, царь, 166.
Алексѣевскій прапорщикъ: 184, 186, 187, 188, 190—192, 194, 199, 201—203, 208, 211, 212, 215, 219, 221, 222, 224, 226.
Алексѣевъ, протоіерей, 1.
Александроневская лавра 97, 99, 119, 155, 158, 159, 160, 168, 176.
Алляцій, писатель,—36.
Амвросій Зертисъ-Каменскій, архіепископъ Крутицкій, 46, 78, 79, 80, 91, 98, 103, 122, 123, 137, 140, 141, 147, 151, 153, 155, 163.
Амвросій (Юшкевичъ), архіепископъ, 5, 7, 8, 13, 15, 24, 25.
Андрей Смиделимъ, писатель, 38.
Англія, 133, 248.
Аничковъ, губернаторъ, 203.
Анна Леопольдовна, правительница, 7, 208.
Анна Іоанновна, императрица, 6, 33, 45, 117, 132, 210, 214.
Антоній, архимандритъ, 184, 186, 189, 197, 200, 203, 204, 205, 206, 208, 209, 215, 222, 223, 224, 226, 257.
Антоній Стаховскій, митрополитъ, 8.
Ануфрій, 30.
Аѳеа, писатель, 39.
Арндтъ Іоганнъ, писатель 36, 194, 203.
Арсеній, іеромонахъ, 244.
Архангельскій А. С., писатель, 51, 52, 62, 63, 150, 184, 186, 188, 193, 195, 204, 208, 213, 214, 216, 219, 221, 229, 230, 231, 232, 239, 241, 245.
Аѳанасій Высоцкій, 51.
Аѳанасій, экономъ, 216.

Б.

Байкалъ, 258.
Балтійскій портъ 215.
Бароній, писатель, 36, 194.
Барсовъ Н. И., профессоръ, 2, 18, 23, 46, 49, 108, 122, 129.
Барсовъ Т. В., профессоръ 5, 70, 72, 74, 82, 84, 95.
Батоговъ, монахъ, 199, 200, 202, 203, 218, 219, 250, 256, 257.
Беллярминъ, писатель, 36.
Бенкендорфъ, оберъ-комендантъ, 247, 251, 252, 254.
Бестужевъ-Рюминъ, графъ, 81, 94, 95, 96, 97, 109, 120, 128, 129, 136, 138, 139, 142, 143 и 144.
Березовы Острова, 234.
Бильбасовъ В. А., писатель, 9, 82, 120, 124, 125, 129, 132, 136, 170, 174, 175, 177, 188, 189, 190, 205, 218.
Бирюковъ, капитанъ, 246, 247, 248, 251, 254.
Биронъ, герцогъ, 15, 23, 118.
Благовидовъ, профессоръ, 70, 113, 114,
Благовѣщенское село, 55.
Блудовъ, графъ, 225.
Борисоглѣбскій монастырь, 101.
Борыкинъ, 159.

Бѣлогостицкій монастырь, 237.
Бранницій, графъ, 193.
Брауншвейгская фамилія, 184, 204, 205, 208 и 219.
Брянчаниновъ, 159.
Бретель, посолъ, 94.
Брешинъ, солдатъ, 245.
Бродягинъ, предположенная фамилія Арсенія Мацѣевича, 229
Булгаковъ, купецъ, 213, 248.
Булычевъ, приказный, 101.
Бунинъ, 159.
Быковъ, мастеровой, 188, 218, 224.

В.

Ванозій Смиделимъ, писатель 36.
Василій Великій, святитель, 171.
Василій полякъ, 2, 223.
Василій, ярославскій князь, 32.
Вассіанъ Патрикѣевъ, 52.
Варлаамъ Вонатовичъ, митрополитъ, 3.
Варшава, 86.
Веніаминъ, архіепископъ, 92, 122, 137.
Верхнеудинскъ, городъ, 8, 244, 256, 259.
Вейтгантъ, комендантъ, 251.
Венеція, 175.
Владиміръ Волынскій, 3.
Владиміръ Каллиграфъ, архимандритъ 42.
Владиміръ святой, 53, 126.
Военная коллегія, 99, 221.
Вознесенскій дѣвичій монастырь, 101.
Вознесенскій монастырь въ Сибири, 258.
Возницынъ, дворянинъ, 6, 45.
Волковъ, генералъ, 68.
Волковъ, 119.
Волковъ, секретарь, 127, 134, 135, 142, 144.
Волчковъ Петръ, раскольникъ, 25, 29, 30, 31.
Вологда, 160, 166, 232, 233.
Волоколамскій монастырь, 79.
Вольтеръ, 152, 155.
Воронцовъ, графъ, 117, 136.
Воронцова Елиз. Ром., 117.
Волынскій Артемій Петровичъ, 118.
Воскресенскій монастырь, 99, 123.
«Вралъ» 135, 136, 226, 228, 229, 230, 231, 247, 251.
Выборгъ, городъ, 215, 248, 256.
Вяземскій, князь, 178, 180, 214, 215, 218, 221, 226, 229, 230, 231, 240, 246, 247.

Г.

Гавріилъ, архіепископъ, 112, 117, 120, 122, 141, 155, 164, 185, 187, 210, 211, 220, 241.
Гавріилъ, ризничій, 147.
Гавріилъ, архимандритъ, 48.
Гагаринъ, князь, 117, 118, 164, 169.
Галкинъ, солдатъ, 245.
Ганзейскій Дворъ, 255.
Гедеонъ, епископъ, 92, 122, 140, 147, 241.
Гезель, архитекторъ, 109.
Геннадій, игуменъ, 203.
Геннадій, архимандритъ, 47, 181, 182, 195, 198, 200, 208, 211, 214, 216, 217, 220.
Георгій Дашковъ, митрополитъ, 73, 124.
Германъ, игуменъ, 257.
Германъ Купцевичъ, архіепископъ, 5.
Гибнеръ, офицеръ, 246, 247, 248.
Глѣбовъ, прокуроръ, 84, 115, 135, 136.
Гнѣвашевъ, купецъ, 259.
Голубинскій, Е. Е. 52, 53, 55, 105, 124.
Горицкій, управляющій, 61, 71.
Горчаковъ, профессоръ, 54, 55, 56, 65, 66, 69, 70, 105, 124, 165, 175, 235.
Горяиновъ, секретарь, 30.
Греція, 178, 181, 208.
Григорій, іеромонахъ, 202, 203.
Гросштаппортъ, 242, 245, 255.
Гурьевъ, преступникъ, 140.

Д.

Давыдова пустынь, 101.
Дамаскинъ, епископъ, 46, 107, 108, 123, 140, 143, 148, 149.
Даниловъ, московскій монастырь, 101.
Даниловъ, Никитскій монастырь, 79.
Дашковъ, Георгій, митрополитъ, 73, 124.
Демьяны, село, 57.
Державинъ, поэтъ, 229.
Димитрій, Ростовскій, святитель, 46, 47, 48, 78, 81, 107, 109, 110, 123, 124, 147, 154, 178, 179.
Димитрій Сѣченовъ, митрополитъ, 92, 100, 112, 113, 114, 115, 117, 119, 120, 122, 123, 141, 154, 155, 156, 164,

180, 181, 185, 187, 193, 195, 210, 211, 212, 214, 220, 222, 237, 238, 241.
Динаминдъ, крѣпость, 251.
Діевъ, протоіерей, 5, 21, 107, 147, 244, 261.
Dike Margarita—башня, 255.
Добрынинъ, писатель, 80, 118.
Долгорукіе, князья, 191, 210.
Донской монастырь, 102.
Дунаанъ, царь, 39.
Дубянскій, протоіерей, 47, 128, 129, 136, 137, 142, 144.
Дурново, 133, 134, 135, 140, 144, 219, 249.

Е.

Евгеній Болховитиновъ, митрополитъ, 252, 253.
Егорьевъ, чиновникъ, 249.
Елагинъ, приближенный, Екатерины II, 115.
Елецъ, городъ, 160.
Елизавета Петровна, императрица, 9, 11, 33, 47, 65, 73, 77, 78, 81, 82, 83, 84, 92, 107, 118, 124, 136, 152, 186, 189, 205, 207, 220, 225, 227, 228.
Екатерина II, императрица, 89, 91, 102, 110, 114, 115, 118, 119, 120, 121, 122, 124, 136, 137, 145, 150, 152, 154, 161, 170, 172, 174, 175, 187, 188, 190, 209, 218, 228, 229, 234, 236, 242, 247, 248, 250, 261, 262.

Ж.

Жуковъ, протоколистъ, 128, 129, 134, 135, 142, 144.

З.

Заблудово, мѣстечко, 193.
Завьяловъ, А. А. 69, 80, 90, 168, 235.
Закревскій, писатель, 248.
Зиновьевъ, совѣтникъ, 159.
Златоустъ, святитель, 40, 194, 195, 211, 212, 214, 228.
Знаменскій, профессоръ, 2, 105, 115, 134, 136, 229, 230, 235, 236, 241, 249, 254.

И.

Ивановъ, дакей, 101.
Иванъ Антоновичъ, императоръ, 8, 23, 91, 188, 189, 203, 204, 207, 208, 209, 210, 212, 214, 218, 221, 223, 226, 227, 228, 250.
Иванъ III, великій князь, 53.
Игнатій, архидіаконъ, 43, 128, 144.
Игнатій, игуменъ, 199, 202, 203.
Иконниковъ, профессоръ, 14, 16, 80, 95, 114.
Иконниковъ М, свящ., 254.
Иларіонъ, казначей, 181.
Иліодоръ, полководецъ, 124.
Иннокентій, епископъ, 119.
Ингерманландская башня, 243.
Иркутскій монастырь, 180.
Иркутскъ, 258.

І.

Іезуиты, 177, 193.
Іеронимъ, іеромонахъ, 135.
Іеронимъ, преподобный, 39.
Іоанникій, епископъ, 151.
Іоаннъ Фунгеръ, писатель, 39.
Іоасафъ Лебедевъ (см. Лебедевъ).
Іоасафъ, раскольникъ, 4.
Іосифъ Вингамъ, писатель, 35.
Іосифъ Волоцкій, преп., 53, 55, 63.
Іосифъ, іеромонахъ, 190, 202, 253.
Іуліанъ Отступникъ, 71,72, IV.

К.

Казань, 160, 235, 240.
Каллиграфъ, архимандритъ, 42—46.
Каспаръ, писатель, 36, 39.
Кардовскій, архидіаконъ, 143, 144.
Качаловъ, майоръ, 248.
Кедринъ, историкъ, 36.
Кипріанъ, священномученикъ, 35.
Кипріанъ, митрополитъ, 51.
Киренская изба, 180.
Кириллъ Новоезерскій, преподобный, 191, 192, 203.
Клуверій, писатель, 36.
Ключевскій, профессоръ, 53, 54, 97.
Кобеко, профессоръ, 119.
Козловскій, князь, 49, 114, 118, 164.
Козловъ, генералъ, 157.
Конєъ, путешественникъ, 170.
Коллегія экономіи, 72, 132, 159, 160, 161, 162, 173, 176, 186, 196, 227, 235.
Коммиссія о духовныхъ имѣніяхъ, 97—133, 142, 156—159, 161—169, 172, 176, 177, 179, 234.
Константинополь, 192, 223, 224.

Корбуха, мѣстечко, 167.
Корельскій монастырь 148, 183 и т. д.
Крыловъ, стрянчій, 192.
Корсаковъ-Римскій, 193, 194, 220—223.
Кохіусъ, оберъ-комендантъ, 252.
Костомаровъ, историкъ, 55, 64, 108, 114, 143, 188, 190.
Крестовая палата, 146, 216.
Куракинъ, князь, 117, 159, 212, 220, 227.

Л.

Лебедевъ, іеродіаконъ, 134, 183, 190, 193, 196, 205, 208, 219, 226, 256.
Левъ IV, царь, 36.
Ленскій, секретарь, 260.
Леонтовичъ, архимандритъ, 114, 216.
Лисицынъ, солдатъ, 72.
Логиновъ, сибирскій обыватель, 111.
Лопухинъ, филантропъ, 136, 150, 221, 229, 239, 247, 248, 249, 252, 253, 261, 262.
Лука, іеросхимонахъ, 88, 128.
Львовъ, оберъ-прокуроръ, 88.

М.

Мавринъ, офицеръ, 150, 151.
Мазепа, гетманъ, 105.
Максимъ Грекъ, 53.
Малороссія, 220.
Манаковъ, чиновникъ, 186, 187, 219, 220.
Мамоновъ, вицепрезидентъ коллегіи экономіи, 159.
Маркъ Гробокопатель, преподобный 27.
Мареа Посадница, 184.
Мелиссино, оберъ-прокуроръ, 181.
Миллеръ, авторъ зап. объ Академіи Наукъ, 7.
Милютинъ, писатель, 51, 56, 63, 67, 154, 166, 260.
Мировичъ, офицеръ, 188, 189, 207, 212, 214, 227, 228.
Мисаилъ, архимандритъ, 146.
Мисаилъ, перводіаконъ, 216.
Михайловъ Осипъ, капитанъ, 99.
Михаилъ, епископъ, 260.
Михаилъ Степановъ, священникъ 10.
Моисей, пророкъ, 124.
Морошкинъ, писатель, 183, 185, 188, 200, 247.
Морскія Ворота, башня, 243, 255.
Москва, 101, 108, 117, 130, 133, 135, 136, 138, 140, 143, 146, 147, 149, 150, 160, 166, 190.
Московскій Златоустовъ монастырь, 216, 227, 232, 239, 240, 253.
Мошенскій монастырь, 4.
Мстиславскій, писатель, 1.
Муравьевъ, 261.
Муравьевъ, лейтенантъ, 5.
Мусинъ Пушкинъ, графъ, 69, 126.

Н.

Наказъ Екатерины II, 165, 218.
Нарва, городъ, 215.
Наркисъ, архимандритъ, 100.
Нарышкинъ, прокуроръ, 203, 213, 219, 230, 248.
Наталья Григорьевна Бѣлосельская, княжна 47.
Наѳанаилъ, епископъ, 258.
Незеленовъ, писатель, 170.
Николаевская церковь въ Ревелѣ, 254, 255.
Николоцаревскій монастырь 101.
Никольское село 57, 58, 60.
Никонъ патріархъ, 2, 64.
Нилъ Сорскій, преподобный, 51, 52.
Новгородъ, 53, 179.
Новгородъ-Сѣверскій монастырь, 77.
Новодѣвичій, монастырь, 101.
Новый Іерусалимъ, 133.
Нолькенъ, офицеръ, 232.

О.

Обрѣзковъ, помѣщикъ, 64, 65.
Озерецковскій, писецъ, 213.
Олсуфьевъ, приближенный Екатерины II, 109, 110, 137.
Орлиная пустынь, 262.
Орловъ Гр. Гр., графъ, 20, 136, 188, 212, 221, 236, 240.
Орловъ, сибирскій обыватель О. 260.
Осипъ Михайловъ, см. Михайловъ.
Остерманъ, графъ, 12.
Остолоповъ, секретарь, 114, 140, 144, 146, 185, 210.
Отрочь монастырь, 101.

П.

Павелъ Конюскевичъ, митрополитъ, 114, 214.
Павелъ Петровичъ, цесаревичъ, 38, 40, 119, 190, 191, 198, 201, 208.
Павловъ, профессоръ, 51, 53, 54, 55. 62, 63, 105, 175, 233.

Павловъ, офицеръ, 5.
Паисій Ростиславовъ, игуменъ, 52.
Палладій, епископъ, 92.
Панинъ Н. И., графъ, 95, 154, 215, 240.
Парижъ, 117.
Пафнутьевъ монастырь, 101, 163.
Пахомій пекарскій, писатель, 31. архимандритъ, 157.
Петербургъ, 98, 108. 111, 139, 151, 160, 161, 185, 189, 198, 213, 215, 217, 220, 227, 229, 233, 242, 244, 246, 249.
Петръ I, императоръ, 9, 11, 19, 34, 35, 67, 69, 70, 76, 78, 92, 105. 111, 124, 126, 127, 139, 160, 165, 166, 171, 175, 186, 211, 235.
Петръ II, 70, 74, 191, 210.
Петръ III, 83, 86, 87, 89, 90, 91, 113, 117, 119, 125, 183, 189, 191, 204, 205, 209, 210, 228, 250.
Пертомская пустынь, 197.
Песочино, село, 57.
Печерскій нижегородскій монастырь, 260.
Пименъ, епископъ, 9.
Пискаревъ, издатель актовъ, 160.
Платоновъ, архіепископъ, 11, 47.
Платонъ митрополитъ, 154, 235.
Побѣдоносцевъ К. П., Оберъ-Прокуроръ Св. Синода, 263.
Подшиваловъ, челобитчикъ, 100, 101.
Покровскій монастырь въ Угличѣ, 181.
Полетика, переводчикъ, 154.
Польша, 1, 193.
Помпаль, 171.
Порѣчье, село, 55.
Потемкинъ, приближенный Екатерины II, 96, 236.
Преображенская церковь, 258.
Преображенское село, 240.
Протасьевъ, воевода, 109.
Пруссія, 85.
Пустозерскій острогъ, 5.
Путиловъ, писатель, 259, 260.
Пчелинъ, повытчикъ, 29, 32.

Р.

Разумовскій А., графъ, 136, 166.
Разумовскій Кир., графъ, 155.
Ратчевъ, офицеръ, 163.
Ревель, 215, 228, 233, 239, 240, 241, 243, 245, 246, 247, 249, 251, 252.
Родышевскій Маркеллъ, 12.
Рождественскій С. В., профессоръ 52, 56
Ростиславовъ, 53, 56, 63.
Ропша, мыза, 91.
Россія, 126, 160, 161, 191, 216, 221, 227, 258.
Ростовская епархія, 43, 49. 50, 60.
Ростовъ, 41, 47, 49, 76, 91, 103, 104, 106, 107, 108, 121, 122, 130, 133, 136, 138, 140, 143, 147, 154, 163, 164, 178, 220, 237, 242.

С.

Савва Кондратьевъ, священникъ, 255.
Савинъ монастырь, 99.
Салтанъ Клеевъ, солдатъ, 245.
Салтыковъ, фельдмаршалъ, 162.
Семевскій В. И., писатель, 69, 160, 165, 166, 236.
Сенатъ, 176, 195, 220.
Сильвестръ, епископъ, 48, 111, 112, 120, 121, 134, 142, 146.
Симоновъ монастырь, 135.
Симонъ, епископъ, 86, 204.
Синодъ, 42—49, 67, 76, 77, 78, 82, 83, 84, 99 и мн. др.
Сійскій монастырь, 256.
Слуцкъ, городъ, 6, 45.
Смоленскъ, 235.
Смолинъ, купецъ, 250, 251.
Снегиревъ, писатель, 20, 147, 150, 167, 203, 216.
Согило, село, 21.
Ставотино, село 57.
Стефанъ, епископъ, 13.
Стефанъ Яворскій, митрополитъ, 1, 3, 33, 34, 35.
Стефанъ Савитскій, діаконъ, 7.
Стефанъ, келейникъ, 220.
Стресонъ, писатель, 36.
Сулоцкій протоіерей, писатель 11, 147, 259.
Сухоруковъ Галактіонъ, пономарь, 197, 203, 207, 218.
Сухоруковъ Егоръ, служитель, 207.

Т.

Тамбовъ, 235.
Тепловъ, приближенный имп. Екатерины II, 112, 117, 118, 119, 120, 121, 155, 164, 165, 169, 171, 177, 181, XIX.
Терпигоревъ, помѣщикъ, 65, 71, 106, 141.
Тизенгаузенъ, оберъ-комендантъ, 243, 247.
Тимоѳей Максимовичъ, архимандритъ, 8.

Тимоѳей, митрополитъ, 85, 104, 123, 140, 141, 147, 149.
Титовъ, издатель, 8, 20, 147.
Тобольскъ, городъ,, 8, 9, 10, 11, 12 13.
Тихонъ, епископъ воронежскій, 146.
Толстая Маргарита, башня, 243.
Толстой М., графъ, 2.
Торжокъ, 179.
Трехъ Святителей, церковь, 216.
Третьяковскій, поэтъ, 118.
Трифонъ, игуменъ, 5.
Троицкая Сергіева Лавра, 101, 166, 167.
Троицкій монастырь, 258.
Тростовъ, офицеръ, 143.
Трубецкой, князь, 85.
Тулзаковъ или Тоузаковъ, офицеръ, 229, 230, 231, 232.

У.

Угличъ, 211.
Устюгъ Великій, 3, 250.
Уховъ Сила, караульный, 192, 222, 224.

Ф.

Филаретъ, архіепископъ, 112, 255.
Филонъ, древній писатель, 35.
Флавіанъ Антіохійскій, 81.
Фляцій, писатель, 36.
Фридрихъ II, король, 171.
Фунгеръ писатель, 36, 39.

Х.

Хитрово, преступникъ, 188, 205, 242.
Хлоповъ, помѣщикъ, 98.
Холмогоры, 189, 190, 208, 216.
Храповицкій, авторъ «записокъ», 234.
Хрущевъ, преступникъ, 140.

Ч.

Черединъ, служитель, 249.
Черниговъ, городъ, 2.
Черкасовъ, солдатъ, 199.
Чернышевъ, Захаръ, 177.
Чистовичъ, профессоръ, 2, 8, 12, 13, 15, 25, 36, 37, 213, 260.
Чудовъ монастырь, 101.

Ш.

Шаденъ или Шадѣевъ, майоръ, 109, 110, 111.
Шаховской, князь, 95, 160.
Швеція, 234.
Шевелевъ, купецъ, 259.
Шестаково, село, 31.
Шереметевъ, графъ, 166.
Шешковскій, начальникъ тайной, Канцеляріи, 136, 240, 249, 250.
Шлякеръ, мастеръ, 49, 107.
Шлоссеръ, историкъ, 171.
Штаты духовенству, 103.
Шуазель, министръ, 171.
Шуваловъ, графъ, 31, 48, 81.

Щ.

Щербатовъ, авторъ записокъ, 95, 121, 170, 226.

Э.

Элчаниновъ, прожектеръ, 162.

Я.

Яковлевскій монастырь, 47, 61, 111.
Ярославскій Спасскій монастырь, 43, 152.
Ярославцевъ, 93, 95, 104, 107, 108, 109, 140, 159.
Ярославль, 17, 20, 23, 41, 44, 124, 160, 164, 186.

Ѳ.

Ѳедоровъ, протопопъ, 185, 188, 207, 218, 227, 256.
Ѳедька, конюхъ, 59, 60.
Ѳелица, ода, 229.
Ѳеодосій Яновскій, 34, 155.
Ѳеофанъ, іеромонахъ, 218.
Ѳеофанъ, Прокоповичъ, 36, 53, 119, 155.
Ѳеофилактъ Лопатинскій, 25.
Ѳеофилактъ, архимандритъ, 178—180.
Ѳерапонтовъ монастырь, 145.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ I.

Духовенство временъ императрицы Елизаветы Петровны.

		Стр.
Глава I.	Происхожденіе и быстрое возвышеніе по службѣ Арсенія Мацѣевича	1— 7
„ II.	Митрополитъ Арсеній въ Тобольскѣ	7—16
„ III.	Митрополитъ Арсеній въ Ростовѣ	16—24
„ IV.	Борьба митрополита Арсенія съ раскольниками	25—32
„ V.	Полемика съ лютеранами	33—40
„ VI.	Основаніе ярославской семинаріи	41—46
„ VII.	Открытіе мощей св. Димитрія Ростовскаго	46—49
„ VIII.	Церковныя вотчины	49—62
„ IX.	Защита церковныхъ вотчинъ	62—70
„ X.	Борьба съ коллегіею экономіи	71—82
„ XI.	Императоръ Петръ III	83—88

ЧАСТЬ II.

Церковныя имѣнія при императрицы Екатеринѣ II и секуляризація ихъ.

		Стр.
Глава I.	Совѣтники императрицы Екатерины II	89—97
„ II.	Духовная коммиссія и крестьяне	97—103
„ III.	Недѣля православія 1763 г. въ Ростовѣ	103—111
„ IV.	Составъ духовной коммиссіи	111—121
„ V.	Доношеніе митрополита Арсенія синоду	121—129
„ VI.	Арестъ митрополита Арсенія	129—139
„ VII.	Судъ надъ митрополитомъ Арсеніемъ въ синодѣ	140—156
„ VIII.	Дѣятельность духовной коммиссіи	156—169
„ IX.	Секуляризація церковныхъ имѣній	170—182

ЧАСТЬ III.

Дѣло о разстригѣ Арсеніи.

Стр.

Глава I. Арсеній въ ссылкѣ . . . . . 183—199
„ II. Второе слѣдственное дѣло объ Арсеніи Мацѣевичѣ . . 199—214
„ III. Подозрѣніе Арсенія въ составленіи заговора . . . . . 214—219
„ IV. Дополнительное слѣдствіе . . . . . 214—225
„ V. Андрей Враль . . . . . 226—233
„ VI. Народная молва объ Арсеніи . . . . . 233—242
„ VII. Арсеній въ Ревелѣ . . . . . 242—253
„ VIII. Кончина Арсенія и память о немъ . . . . . 253—264

Прибавленія:

I. Первое доношеніе Арсенія синоду . . . . . I—XIV
II. Второе доношеніе его . . . . . XV—XIX
III. Высочайшій выговоръ архіепископу Амвросію Зертисъ-Каменскому XX—XXI
Указатель XXIII